

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Валерий ХАЙРЮЗОВ
Путь в космос 23
- Иван ТЕРТЫЧНЫЙ
Зелёный свет. Рассказы 88
- о. Алексей (ЛИСНЯК)
Церковное солнце.
Рассказы 104
- Виктор ЛИХОНОСОВ
Не даёт покоя история 112

Поэзия

- о. Андрей (ЛОГВИНОВ)
С пасхальной свежестью земли .. 18
- Анатолий ШТЫРОВ
"Кому я душу исповедую..."
С комментариями
Ст. Куняева 70
- Виктор БРОНШТЕЙН
Не слышно русского народа 98
- Мурман ДЖГУБУРИЯ
Родные люди 109
- Сергей ДОНБАЙ
Стихи варвара 142

Очерк и публицистика

- Солтан ДЗАРАСОВ
"Грюндерство"
на пошехонской почве.
Беседу записал В. БАДОВ 157
- Александр БОЙКО
Все болезни от докторов? 170
- Станислав КУНЯЕВ
Воздух Эльбы 184
- Валентин НИКИТИН
Куль и культура в деле сохранения
межнационального согласия 189
- Георгий ПОЛЯЧЕНКО
"Не навреди" 197

Память

- Сергей КУНЯЕВ
"Ты, жгучий отпрыск
Аввакума..." 145

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Свет разума

Архимандрит Тихон (ШЕВКУНОВ)
“Вы даже не представляете,
что такое — монастырь!” 3
Митрополит НИКОДИМ
Жребий Божий 202

Критика

Юрий КЛЮЧНИКОВ
Метеор, взлетевший в небо 214
Михаил ЛОБАНОВ
Оплот русского сопротивления .. 225

Патристика

Юрий ПАВЛОВ
“Несостоявшаяся революция” или
несостоявшееся открытие 233
Станислав ХАТУНЦЕВ
Хроника приближения
к Мальстриму 241

Полемика

Станислав КУНЯЕВ
“За базар отвечать надо...” 244
Обращение представителей
русской общественности 288

Венок Тукаю

Габдулла ТУКАЙ
Думай о народном благе 252
Мадина МАЛИКОВА
Когда луна на ущербе.
Рассказ 257
Поэтическая мозаика 262
Мухаммет МАГДЕЕВ
“Путник! Возвести
нашим гражданам в Спарте...” .. 267
Поэтическая мозаика 272
Туфан МИННУЛЛИН
Проклятый. Рассказ 276
Ренат ХАРИС
О поэтическом мире Тукая 281
Рафаэль МУСТАФИН
Встреча с поэтом 286

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Ю. Г. Бобкова, Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректор: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 01.04.11. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 23,8. Заказ № 1565. Тираж 11000 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru

E-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

АРХИМАНДРИТ ТИХОН (ШЕВКУНОВ)

**“ВЫ ДАЖЕ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ,
ЧТО ТАКОЕ — МОНАСТЫРЬ!”**

АРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ

Архимандрит Серафим перед Успенским храмом, Псково-Печерский монастырь. 1970-е годы.

Отец Серафим был для меня самым загадочным человеком в Псково-Печерском монастыре. Происходил он из остзейских баронов. В тридцатые годы он пришел в монастырь на послушание к старцу Симеону.

Отец Серафим мало общался с людьми. Жил он в пещере, приспособленной под келью, очень сырой и темной. На службе стоял весь углубленный в молитву, низко склонив голову, изредка, по-особому легко и благоговейно, совершая крестное знамение. И по монастырю отец Серафим проходил всегда такой же сосредоточенный. Нам, послушникам, преступлением казалось даже отвлечь его. Правда, иногда он сам коротко обращался к нам. Например, возвращаясь в келью с литургии, всегда давал просфору дежурному на монастырской площади. Или как-то один послушник – Саша Швецов – подумывал о том, чтобы оставить монастырь. Отец Серафим неожиданно подошел к нему и, топнув ногой, строго прикрикнул: “Нет тебе дороги из монастыря!”.

Архимандрит Тихон (Георгий Алексеевич ШЕВКУНОВ) родился в 1958 году. Окончил сценарный факультет Всесоюзного института кинематографии. Вскоре после окончания института, в 1984 году, стал послушником Псково-Печерского монастыря. В 1991 году пострижен в монашество. С 1994 года наместник Сретенского монастыря. Ответственный секретарь Патриаршего совета по культуре. Автор получивших широкую известность фильмов “Гибель империи. Византийский урок” и “Псково-Печерский монастырь”.

Сам он, прожив здесь безвыходно 60 лет, говорил: “Я даже помыслом не выходил из обители”. В 1945 году его, правда, как немца выводили на расстрел наши солдаты, но потом передумали и не расстреляли.

Вообще, несмотря на свою замкнутость и суровость, он был необычайно добрым, любящим человеком. И его в монастыре все бесконечно почитали и любили. Хотя и относились со страхом, точнее с трепетом, как к человеку, живущему на земле с Богом, как к живому святому.

Помню свое наблюдение тех лет. Я некоторое время был иподьяконом у отца Наместника архимандрита Гавриила и заметил, что, когда отец Серафим входил в алтарь, наместник поспешно поднимался навстречу ему со своего игуменского места и приветствовал с особым почтением. Больше он так не относился ни к кому.

Зимой и летом, ровно в четыре часа утра, отец Серафим выходил из своей пещерной кельи и коротко осматривал монастырь – все ли в порядке? Только после этого он возвращался в келью и растапливал печь, которую из-за пещерной сырости приходилось топить почти круглый год. Думаю, отец Серафим ощущал себя особым хранителем монастыря, а может, это и вправду было ему поручено. Во всяком случае, голос этого немецкого барона, великого монаха-аскета, прозорливого подвижника, был всегда определяющим в самых сложных решениях, которые приходилось принимать братии монастыря.

Отец Серафим редко произносил какие-то особые поучения. В прихожей его суровой пещерной кельи висели листы с высказываниями из творений святителя Тихона Задонского, и тот, кто приходил к нему, часто довольствовался этими цитатами или советом отца Серафима: “Побольше читайте святителя Тихона”.

Все годы жизни в монастыре отец Серафим во всем довольствовался самым малым. Не только в еде, во сне, в общении с людьми, но и даже, казалось бы, в совсем обычных вещах. Например, в бане он никогда не мылся под душем, ему всегда хватало лишь двух шаек воды. Когда послушники спросили у него, почему он не использует душ, ведь в нем воды сколько угодно, он буркнул, что под душем мыться – все равно что шоколад есть.

Как-то, году в 83-м, мне довелось побывать в Дивеево. А тогда это было не так просто, как сейчас: поблизости находился закрытый военный город. Старые дивеевские монахини подарили мне частицу камня, на котором молился преподобный Серафим Саровский. Вернувшись в Печоры, я решил подойти к отцу Серафиму и подарить ему эту святыню, связанную с его духовным покровителем. Отец Серафим, получив этот неожиданный подарок, сначала долго стоял молча, а потом спросил:

– Что я могу за это для вас сделать?

Я даже немного опешил.

– Да ничего... – но потом выпалил самое сокровенное: – Помолитесь, чтобы я стал монахом!

Помню, как внимательно посмотрел на меня отец Серафим.

– Для этого нужно главное, – сказал он негромко, – ваше собственное произволение!

О произволении к монашеству он еще раз говорил мне через много лет, совсем при других обстоятельствах. Я тогда был уже в Москве на послушании у владыки Питирима. А отец Серафим доживал последний год своей земной жизни. Он уже, кажется, почти не вставал. Приехав в монастырь, я зашел повидать старца в его пещерную келью. И вдруг он сам завел разговор о монастыре, о нынешнем положении монашества. Это было очень необычно для него и тем более драгоценно. Из этого разговора я запомнил несколько главных мыслей.

Во-первых, отец Серафим говорил о монастыре с огромной, невыразимой любовью, как о величайшем сокровище:

– Вы даже не представляете, что такое – монастырь! Это... жемчужина, это удивительная драгоценность в нашем мире! Только потом вы это оцените и поймете.

Затем он сказал о главной проблеме сегодняшнего монашества:

– Беда нынешних монастырей в том, что люди приходят сюда со слабым произволением.

Только теперь я все больше понимаю, насколько глубоко было это замечание отца Серафима. Жертвенного самоотречения и решимости на монашес-

кий подвиг в нас все меньше. Об этом, наблюдая за молодыми насельниками обители, и болело сердце у отца Серафима.

И наконец он сказал очень важную для меня вещь:

– Время больших монастырей прошло. Теперь будут приносить плод небольшие обители, где игумен в состоянии заботиться о духовной жизни каждого монаха. Запомните это. Если будете наместником – не берите много братии.

Таков был наш последний разговор в 1989 году. Я тогда был простым послушником, даже не монахом.

Прозорливость отца Серафима не вызывала у меня и моих монастырских друзей никаких сомнений. Сам отец Серафим очень спокойно и даже несколько скептически относился к разговорам о чудесах и прозорливости. Как-то он сказал:

– Вот все говорят, что отец Симеон был чудотворец, прозорливый. А я, сколько с ним жил рядом, – ничего не замечал. Просто хороший монах.

Но я не раз на своей судьбе испытал силу дарований отца Серафима.

Как-то летом 1986 года я проходил мимо кельи старца и увидел, что он собирается сменить лампу в фонаре на своем крыльце. Я принес табурет и помог ему. Отец Серафим поблагодарил меня и сказал:

– Одного послушника архиерей забрал в Москву на послушание. Думали, что ненадолго, а он там и остался!

– Ну и что? – спросил я.

– Ну и все! – сказал отец Серафим. Развернулся и ушел в свою келью.

В недоумении и я пошел своей дорогой. Какого послушника? Какой архиерей?..

Через три дня меня вызвал наместник архимандрит Гавриил. Он сказал, что ему сегодня позвонил из столицы архиепископ Волоколамский Питирим, Председатель Издательского отдела Московского Патриархата. Владыка Питирим узнал, что в Печорском монастыре есть послушник с высшим кинематографическим образованием, и обратился с просьбой к отцу Наместнику прислать его в Москву: срочно нужны были специалисты, чтобы готовить телевизионную и кинопрограмму к 1000-летию Крещения Руси, празднование намечалось через два года. Послушником, о котором шла речь, был я. Кажется это был самый страшный день в моей жизни. Я умолял отца Гавриила не отправлять меня в Москву, но он уже принял решение:

– Я из-за тебя с Питиримом ссориться не буду! – отрезал он в ответ на все мои мольбы.

Лишь позже я узнал, что возвращение в Москву было еще и давней просьбой моей матушки, которая надеялась отговорить меня от монашества, а отец Гавриил очень жалел ее и ждал повода отправить меня к безутешной родительнице. А жесткие формулировки были в его обычном стиле.

Конечно же, я сразу вспомнил свой последний разговор с отцом Серафимом о послушнике, об архиерее, о Москве и бросился к нему в келью.

– Воля Божия! Не горюйте. Все к лучшему, вы сами это увидите и поймете, – ласково сказал мне старец.

Как же, особенно первое время, было тяжело снова жить в Москве. И тяжело именно потому, что, просыпаясь ночью, я понимал, что поразительный, несравнимый ни с чем мир монастыря – с отцами Серафимами, Иоаннами, Нафанаилами, Мелхиседеками, Александроми – далеко, за сотни километров, а я здесь, в этой Москве, где ничего подобного нет!

ВРЕДНЫЙ ОТЕЦ НАФАНАИЛ

Если бы в то время кто-то предложил назвать самого вредного человека в Печорах, то, без сомнений, услышал бы в ответ только одно имя – казначей Псково-Печерского монастыря архимандрит отец Нафанаил. Причем в этом выборе были бы единодушны священники и послушники, монахи и миряне, коммунисты из печорского управления КГБ и местные диссиденты. Дело в том, что отец Нафанаил был не просто вредный. Он был очень вредный.

К тому времени, когда я узнал его, он представлял собой худенького, с острым пронзительным взглядом преклонных лет старца. Одет он был и зи-

мой и летом в старую застиранную рясу с рваным подолом. За плечами обычно носил холщовый мешок, а в нем могло быть что угодно — и сухари, поже-ртвованные какой-то бабкой, и миллион рублей. И то и другое в глазах отца казначея являло собой чрезвычайную ценность, поскольку было послано в обитель Господом Богом. Все это достояние отец Нафанаил перетаскивал и перепрятывал по своим многочисленным потаенным кельям и складам.

Финансы монастыря были полностью в ведении и управлении отца Нафанаила. А тратить было на что: каждый день в обители садились за стол до 400 паломников и 100 монахов. Надо было обеспечивать бесконечные монастырские ремонты, новые стройки, да еще ежедневные житейские потребности братии, да помощь бедным, да прием гостей, да подарки чиновникам... Да и многое что еще. Как отец Нафанаил один справлялся со всеми этими финансовыми проблемами, неведомо было никому. Впрочем, на его плечах лежало и все монастырское делопроизводство. А еще — составление устава для ежедневных длинных монастырских богослужений, обязанности монастырского секретаря, ответы на письма людей, обращавшихся в монастырь по самым разным вопросам, и, наконец, он делил с отцом Наместником труды по весьма, как правило, неприятному общению с официальными советскими органами. Все эти обязанности, от одного перечисления которых всякому нормального человеку должно было быть плохо, отец Нафанаил исполнял с таким вдохновением и скрупулезностью, что мы иногда сомневались, осталось ли в нем что-то еще, кроме церковного бюрократа.

Ко всему прочему на отце казначее лежала обязанность надзора за нами — послушниками. И можно не сомневаться, что исполнял он это дело со свойственной ему дотошностью: подглядывал, высматривал, подслушивал — как бы мы чего не сотворили против уставов или во вред монастырю. Хотя, честно признаться, присматривать за послушниками действительно было надо: приходили мы из мира в обитель изрядными разгильдяями.

Была у него еще одна фантастическая особенность: он всегда появлялся именно в тот момент, когда его меньше всего ждали. Скажем, увильнет монастырская молодежь от послушания и расположится где-нибудь на гульбище древних стен отдохнуть, поболтать, погреться на солнышке. Как вдруг словно из-под земли появляется отец Нафанаил. И, тряся бородой, начнет своим трескучим, особенно невыносимым в такие минуты голосом выговаривать, да так, что послушники готовы сквозь землю провалиться, только чтобы закончилось это истязание.

В своем усердии отец Нафанаил в буквальном смысле не ел и не спал. Он был не просто аскетом: никто, например, никогда не видел, чтобы он пил чай, а только простую воду. Да и за обедом съедал еле-еле пятую часть из того, что подавалось. Каждый вечер он непременно приходил на ужин в братскую трапезную, но лишь с той целью, чтобы, сидя перед пустой тарелкой, придирчиво наблюдать за порядком.

При этом энергия его была изумительна. Мы не знали, когда он спит. Даже ночью в окнах его кельи через ставни пробивался свет. Старые монахи говорили, что в своей келье он либо молится, либо пересчитывает горы рублей и трешек, собранных за день. Все это несметное богатство ему еще надо было аккуратно перевязать в пачки, а мелочь разложить по мешочкам. Когда он заканчивал с этим, то начинал писать руководство и пояснения к завтрашней службе: никто, как отец Нафанаил, не разбирался во всех особенностях и хитросплетениях монастырского уставного богослужения.

Но даже если ночью свет в его келье и выключался, все отлично знали, что это вовсе не означает, будто мы хотя бы на время можем считать себя свободными от его надзора. Нет, ночь напролет в любое мгновение отец Нафанаил мог появиться то там, то здесь, проверяя, не ходит ли кто по монастырю, что было настрого запрещено.

Помню, как-то зимней ночью мы, просидев допоздна в гостях у кого-то из братии на дне Ангела, пробирались к своим кельям. И вдруг в пяти шагах от нас из темноты выросла фигура отца Нафанаила. Мы замерли от ужаса. Но через несколько мгновений с удивлением поняли, что на этот раз казначей нас не видит. И вел он себя как-то странно. Еле волочил ноги и даже пошатывался, сгорбившись под своим мешком. Потом мы увидели, как он перелез через низкий штaketник палисадника и вдруг улегся в снег прямо на клумбу.

“Умер!” – пронеслось у нас в головах.

Мы выждали немного и, затаив дыхание, осторожно приблизились к нему. Отец Нафанаил лежал на снегу и спал. Просто спал. Так ровно дышал и даже посапывал. Под головой у него был мешок, который он обнимал обеими руками.

Мы решили ни за что не уходить, пока не увидим, что будет дальше, и, спрятавшись от света фонаря в тени водосвятной часовни, стали ждать. Через час мы, вконец заочневшие, увидели, как отец Нафанаил внезапно бодро поднялся с клумбы, стряхнул запорошивший его снежок и, перекинув мешок за спину, как ни в чем ни бывало направился своей дорогой.

Тогда мы совершенно ничего не поняли. И лишь потом давно знавшие казначей монахи объяснили, что отец Нафанаил просто очень устал и захотел удобно поспать. Удобно в том смысле, что лежа. Поскольку в своей келье он спал только сидя. А чтобы не нежиться в кровати, предпочел поспать в снегу.

Впрочем, все, что касалось образа жизни печорского казначея в его келье, было лишь нашими догадками. Вредный отец Нафанаил никого в свой сокровенный внутренний мир не допускал. Да что там говорить – он никого не пускал даже в свою келью! Включая всесильного отца Наместника. Хотя это и казалось совершенно невозможным, чтобы наместник отец Гавриил куда-то в своем монастыре не мог войти. Тем более что келья казначея находилась не где-нибудь, а на первом этаже в доме, где жил наместник, прямо под его покоем. Конечно, мириться с таким положением вещей для хозяина монастыря было невозможно. И вот однажды отец Наместник после какого-то праздничного обеда, будучи в чудесном расположении духа, объявил отцу Нафанаилу, что не откладывая идет к нему в гости попить чайку.

Несколько человек из братии, находившиеся рядом в тот момент, сразу поняли, что сейчас произойдет нечто потрясающее ум, душу и всякое человеческое воображение. Упустить возможность увидеть такое событие было бы непростительно. Так что благодаря свидетелям сохранилось описание этой истории.

Отец Наместник торжественно и неумолимо двигался по монастырскому двору к келье отца Нафанаила. А казначей семенил за его спиной и с великим воплем убеждал отца Наместника отказаться от своей затеи. Он его умолял заняться чем-нибудь душеспасительным, полезным, а не праздными прогулками по ветхим, совершенно никому не интересным комнатушкам. Он красочно описывал, какой у него в келье беспорядок, что он не прибирал в ней двадцать шесть лет, что в келье невыносимо затхлый воздух... Наконец, в полном отчаянии, отец Нафанаил перешел почти к угрозам, громко размышляя вслух, что ни в коем случае нельзя подвергать драгоценную жизнь отца Наместника опасности, которая может его подстергать среди завалов казначейского жилища.

– Ну, хватит, отец казначей! – уже с раздражением оборвал его в конце концов наместник, стоя перед дверью кельи. – Открывайте и показывайте, что у вас там!

Было видно, что, несмотря на сердитый тон, отца Наместника разбирает настоящее любопытство.

Осознав наконец, что теперь никуда не деться, отец Нафанаил как-то вдруг даже повеселел и, молодцевато отрапортовав положенное монаху “Благословите, отец Наместник!”, прогремел ключами и отверз перед начальством заветную дверь, которая четыре десятилетия до этого момента приоткрывалась лишь ровно на столько, чтобы пропустить худенького отца Нафанаила...

За широко распахнутой дверью зияла полнейшая, непроглядная тьма: окна в таинственной келье днем и ночью были закрыты ставнями. Сам отец Нафанаил первым прошмыгнул в этот черный мрак. И тут же исчез, как провалился. Во всяком случае, из кельи не доносилось ни звука.

Отец Наместник вслед за ним осторожно вступил за порог двери и, неуверенно крикнув, пробасил:

– Что ж у вас тут так темно? Электричество-то есть? Где выключатель?

– Справа от вас, отец Наместник! – услужливо продребезжал из неприглядной тьмы голос казначея. – Только ручку протяните!

В следующее мгновение раздался душераздирающий вопль отца Наместника, и какая-то неведомая сила вынесла его из тьмы казначейской кельи в монастырский коридор. Вслед за ним на свет стремительно вынырнул отец

Нафанаил. В долю секунды он запер за собой дверь на три оборота и бросился к ошеломленному наместнику. Охая и ахая, казначей принялся сдвигать пылинки и оправлять рясу на отце Наместнике, вздохнув причитая:

– Вот незадача, Господи помилуй! Этот выключатель... к нему приспособиться надо. Сломался еще в шестьдесят четвертом, на Покров Божией Матери, аккурат в день, когда Хрущева снимали. Знак! Утром отвалился выключатель – вечером Никиту сняли! С тех пор я этот выключатель назад не возвращаю. И ни-ни, никаких электриков – сам все наладил: два проводка из стены торчат: соединишь – горит свет, разъединишь – гаснет. Но приспособиться, конечно, надо, это правда! Но не все сразу, не все сразу!.. Так что, отец Наместник, милости просим, сейчас я дверку снова отворю, и грядем с миром! Теперь-то вы знаете, как моим выключателем пользоваться. А там еще, ох, много интересного!

Но наместника к концу этой юродивой речи и след простыл.

При всем при том отец Нафанаил был действительно образцом послушания, писал длиннющие оды в честь отца Наместника, в честь Псково-Печерского монастыря, а также сочинял нравоучительные стихотворные проповеди в пять листов.

* * *

Вредность отца Нафанаила простиралась и на могучее Советское государство, особенно когда оно слишком бесцеремонно вмешивалось в монастырскую жизнь. Говорят, что именно отец Нафанаил дал особо тонкий совет великому печорскому наместнику архимандриту Алипию, когда даже тот был в некотором затруднении от напора и грубости властей.

Произошло это в конце шестидесятых годов. Как известно, в те годы все граждане Советского Союза должны были принимать участие в выборах. В монастырь ящик для голосования приносили в трапезную, где после обеда братия под надзором наместника, недовольно ворча, отдавали кесарю кесарево.

Но вот как-то первый секретарь Псковского обкома КПСС узнал, что для каких-то там невежественных монахов попущена нелепая льгота: они голосуют за нерушимый блок коммунистов и беспартийных в своем отжившем исторический век монастыре, а не на избирательном участке. Первый секретарь возмущился духом и устроил своим подчиненным беспощадный разгон за попустительство нетрудовому элементу. И немедленно распорядился, чтобы отныне и до века чернецы приходили на выборы в Верховный Совет СССР как все советские люди – на избирательные участки по месту жительства!

Вот тогда-то, как говорят, отец Нафанаил и пошептал наместнику отцу Алипию на ухо тот самый до чрезвычайности тонкий совет.

В день выборов (а это было в воскресенье) после праздничной монастырской литургии из ворот обители вышел торжественный крестный ход.

Выстроившись по двое, длинной чередой, под дружное пение тропарей монахи шествовали через весь город на избирательный участок. Над их головами реяли тяжелые хоругви, впереди по обычаю неслись кресты и древние иконы. Но это было еще не все. Как и положено перед всяким важным делом, в зале выборов духовенство начало совершать молебен. До смерти перепуганные чиновники пытались протестовать, но отец Алипий строго оборвал их, указав, чтобы не мешали гражданам исполнять конституционный долг так, как это у них положено. Проголосовав, братия тем же чинным крестным ходом вернулись в святую обитель.

Нет нужды объяснять, что к следующим выборам избирательная урна с раннего утра дожидалась монахов снова в монастырской трапезной.

И в то же время строго приглядывавший за нами отец Нафанаил всегда пресекал гласные проявления оппозиционности по отношению к государству и тем более попытки диссидентства. Поначалу это казалось нам чуть ли не возмутительным. Мы думали, что казначей просто лебезит перед властями. Но потом мы постепенно узнавали, что отец Нафанаил не раз и не два сталкивался с засланными в монастырь провокаторами или переодетыми оперативниками. Но даже вполне понимая, что перед ним искренние люди, отец Нафанаил все же всякий раз обрывал столь любимое нами вольномыслие. И не только потому, что оберегал монастырь. А скорее потому, что берег нас

самих от нашего же неразумия, фанаберии и молодой горячности, замешенной на самой простой гордыне. Он не дорого ценил слова, даже самые героические, и знал о советской власти и обо всем, что творилось в стране, не так, как мы — большей частью понаслышке да по книгам. И еще потому отец Нафанаил имел трезвое и очень личное отношение к советской власти, что его отец, священник Николай Поспелов, был расстрелян за веру в тридцать седьмом году. Пройдя солдатом через всю войну, отец Нафанаил стал послушником Великого наместника архимандрита Алипия и духовным сыном святого печорского старца и чудотворца иеросхимонаха Симеона. И оба они, увидев в нем человека кристальной честности и необычайно живого ума, сделали его в тяжелейшие годы хрущевских гонений на Церковь казначеем и секретарем монастыря и поверили ему самые сокровенные монастырские тайны.

И еще к вопросу о советской власти. Как-то летней ночью я нес послушание дежурного на площади перед Успенским храмом. Звезды слабо мерцали на северном небе. Тишина и покой. Трижды гулко пробили часы на башне... И вдруг я почувствовал, что за спиной у меня кто-то появился. Я испуганно обернулся. Это был отец Нафанаил. Он стоял рядом и смотрел в звездное небо. Потом задумчиво спросил:

— Георгий, что ты думаешь о главном принципе коммунизма?

Псково-Печерский монастырь. Успенская площадь. 1983 год. Три часа ночи. Звезды...

Не ожидая от меня ответа, отец Нафанаил так же в задумчивости продолжал:

— Главный принцип коммунизма — “от каждого по способностям, каждому по потребностям”. Но ведь “способности”, “потребности” — это ведь, конечно, какая-то комиссия будет определять? А какая комиссия?.. Скорее всего — “тройка”! Вот вызовут меня и скажут: “Ну, Нафанаил, какие у тебя способности? Кубометров двадцать леса в день напилить сможешь! А какие потребности? Бобовая похлебка!.. Вот он и весь главный принцип...”

Хотя отец Нафанаил всегда тщательно подчеркивал, что он не кто иной, как педантичный администратор и сухой службист, даже мы, послушники, через какое-то время стали догадываться, что свои духовные дарования он просто тщательно скрывает, как это, впрочем, делали все настоящие монахи в обители. Отец казначей не был официальным монастырским духовником. На исповедь к нему ходили из города лишь несколько печорских старожилов, да еще кто-то приезжал к нему из далеких мест. Остальных он как духовник не принимал, ссылаясь на свою неспособность к этому занятию.

Но однажды он на мгновение приоткрыл сокровенную часть своей души. Хотя тут же опять спрятался за привычной строгостью и сварливостью. Я как-то провинился на послушании. Кажется, исполнил порученное мне дело очень небрежно. За это сам отец Наместник поставил меня три дня убирать снег со всей Успенской площади. Я тогда порядком разобиделся, да еще снег все шел и шел, так что к третьему дню я не просто устал, а еле ноги волочил. Мне было так жалко себя, я так надулся на весь мир, что даже всерьез начал вынашивать план мести. Но какая месть послушника наместнику? Масштабы совершенно несопоставимые. И все же, из последних сил работая лопатой, я взлеял в сердце следующую картину. Когда наместник будет проходить мимо меня на обед в братскую трапезную, то наверняка язвительно поинтересуется: “Ну, как живешь, Георгий?” И тут я отвечу — весело и беззаботно, как будто и не было этих трех каторжных дней: “Лучше всех, отец Наместник! Вашими святыми молитвами!” И тогда он поймет, что меня так просто не сломить!

Картина этой ужасной мести так согрела мое сердце, что даже среди непрекращающегося снегопада я почувствовал себя значительно веселее. Когда рядом проходил отец Нафанаил, я даже разулыбался ему, подходя под благословение. В ответ он тоже очень приветливо осклабился и осенил меня крестным знаменем. Я склонился поцеловать его руку и вдруг услышал над собой скрипучий голос:

— Так значит: “Лучше всех, отец Наместник! Вашими святыми молитвами!”?

Я так и замер, согнувшись, как от радикулита. Когда же наконец решился поднять глаза на старца, то он смотрел на меня с нескрываемым ехидством. Но, заметив мой ужас, он уже с настоящей добротой проговорил:

— Смотри, Георгий, дерзость еще никого до добра не доводила!

И, перекинув свой мешок с миллионом, а может, с сухарями, заскрипел по морозному снегу к братскому корпусу. А я остался стоять разинув рот,

и только смотрел, как оторванная подметка на башмаке казначея болтается при каждом шаге.

Ну, настоящий Плюшкин! Только святой.

Как сказал один почтенный питерский протоиерей: “Один год Псково-Печерского монастыря – это все равно что пятьдесят лет духовной академии”. Другое дело, как мы эти уроки усвоили... Но это уже другой и, признаться, весьма горький вопрос.

Кстати, Плюшкиным отец Нафанаил был самым нешуточным. Кроме того, что он трясся над каждой монастырской копейкой, он исступленно кидался выключать все праздно горящие электрические лампочки, экономил воду, газ и вообще все, что можно было сберечь и поприжать.

И еще он строго бдел над вековыми устоями монастыря и древними иноческими уставами. К примеру, он терпеть не мог, когда кто-то из братии уезжал в отпуск. Хотя лечебный отпуск полагался для тех, кому это было необходимо, отец Нафанаил все равно совершенно не принимал и не выносил этого. Сам он в отпуск, разумеется, никогда не ходил за все свои пятьдесят пять лет пребывания в обители. Наместник архимандрит Гавриил тоже никогда отпуском не пользовался и косо смотрел на тех, кто приходил к нему с просьбами об отъезде.

Как-то, помню, наместник все же благословил поехать в летний отпуск одного иеромонаха. Благословить-то он его благословил, но деньги на дорогу велел получить у казначея.

Я тогда дежурил на Успенской площади и был свидетелем этой сцены. Началось с того, что иеромонах, собравшийся в отпуск, долго и впустую стучался в дверь кельи отца Нафанаила. Казначей, сразу поняв, о чем пойдет речь, затаился и не открывал. Тогда батюшка решил брать отца казначея измором. Он присел на скамью поодаль и стал ждать. Часа через четыре отец Нафанаил, опасливо озираясь, вышел на площадь, и тут его настиг отпускник с письменным благословением наместника выдать деньги на дорогу.

Увидев бумагу, отец Нафанаил замер, совершенно убитый, а потом с воплем повалился на землю и, задрав к небу руки и ноги (при этом из-под подрясника обнажились драные башмаки и синие выцветшие кальсоны), закричал во весь голос:

– Караул! Помогите! Грабят!!! Деньги им давай! В отпуск хотят! Устали от монастыря! От Матери Божией устали! Грабят! Караул! Помогите!!!

Бедный батюшка даже присел от ужаса. Изумленные иностранные туристы на площади стояли, открыв рты. Схватившись за голову, иеромонах опрометью бросился в свою келью. А наместник, стоя на балконе настоятельского дома, страшно довольный, взирал на всю эту картину.

Увидев, что опасность миновала, отец Нафанаил совершенно спокойно поднялся, отряхнулся от пыли и отправился по своим делам.

Особую радость нам доставляло, когда мы получали послушание помогать отцу Нафанаилу в проведении экскурсий по монастырю. Как правило, ему поручалось водить каких-то особо важных персон. В наши послушнические обязанности входило лишь открывать и закрывать за посетителями тяжелые церковные двери. Остальное время мы внимали отцу Нафанаилу. А послушать было что. Отец Нафанаил был продолжателем традиций своего учителя – Великого наместника архимандрита Алипия, который отстаивал монастырь и веру в Бога в самое тяжелое время хрущевских гонений. И алипиевский дар мудрого, а порой и беспощадного слова перешел по наследству к отцу Нафанаилу.

В те атеистические годы советские работники, приезжавшие в монастырь, ожидали увидеть кого угодно: мракобесов, хитрецов-хапуг, темных недочеловеков, но только не тех, кого они встречали на самом деле – своеобразно, но очень интересно образованных умниц, необычайно смелых и внутренне свободных людей, знающих что-то такое, о чем гости даже не догадывались. Уже через несколько минут экскурсантам становилось ясно, что таких людей они не встречали за всю свою жизнь.

Как-то, а это было в 1986 году, псковское партийное начальство привезло в монастырь высокого чиновника из Министерства путей сообщения. Он оказался на удивление спокойным и порядочным человеком: не задавал идиотских вопросов, скажем, о том, в каком корпусе живут жены монахов, не интересовался, почему Гагарин в космос летал, а Бога не видел. Но в конце кон-

цов после двухчасового общения с отцом Нафанаилом чиновник, пораженный своим новым собеседником, все же выдал:

— Слушайте, я просто потрясен общением с вами! Такого интересного и необычного человека я не встречал за всю свою жизнь! Но позвольте, как вы с вашим умом можете верить в... Ну, вы сами понимаете, во что! Ведь наука раскрывает человечеству все новые и новые горизонты. И Бога там нет! Он, простите, просто не нужен. Вот в нынешнем году к Земле из глубин Вселенной приближается комета Галлея. И ученые, представьте, точно высчитали весь ее маршрут! И скорость! И траекторию! И для этого, простите, никакой идеи Бога не нужно!

— Комета, говорите? Галлея?.. — затряс бородой отец Нафанаил. — Значит, если с кометой все подсчитали, то и Господь Бог не нужен? Н-да, понятно!.. А вот представьте — если меня поставить на холме у железной дороги и дать бумагу и карандаш. Ведь я через неделю точно смогу сказать вам, когда и в какую сторону будут ходить поезда. Но это ведь не значит, что нет кондукторов, диспетчеров, машинистов?.. Министров путей сообщения? Ведь не значит? Начальство — оно везде нужно!

Но не все подобные беседы заканчивались мирно. Однажды в монастырь прибыла экскурсия, состав которой нам назвали шепотом: дети членов ЦК. Не знаю, так ли это было, но молодые люди оказались весьма невоспитанными. Такая золотая московская молодежь середины восьмидесятых годов, которую я очень хорошо знал. Молодые люди то и дело прыскали от хохота, показывали пальцами на монахов и задавали те самые идиотские вопросы. Но делать было нечего, и отец Нафанаил повел их по монастырю.

Экскурсия началась с пещер, в самом начале которых есть крохотная келья с одним маленьким окошком. В этой келье в начале XIX века подвизался затворник иеросхимонах Лазарь. Здесь же он и похоронен. Над могильной плитой висят его тяжелый железный крест и вериги.

— Вот в этой келье, не выходя двадцать пять лет, подвизался иеросхимонах Лазарь, — начал свою экскурсию отец Нафанаил. — Я сейчас расскажу вам об этом удивительном подвижнике.

— А куда же этот ваш Лазарь здесь в туалет ходил? — громко поинтересовался один из юных экскурсантов.

Его спутники просто покатались от хохота.

Отец Нафанаил терпеливо дождался, когда они успокоятся, и невозмутимо произнес:

— Куда в туалет ходил? Хорошо, я вам сейчас покажу!

Он вывел несколько озадаченных экскурсантов из пещер и повел их через весь монастырь к скрытому от посторонних глаз хозяйственному двору. Здесь, на отшибе, ютился старый нужной чуланчик. Выстроив экскурсантов перед этим заведением полукругом, как делают это обычно перед важным экспонатом, отец Нафанаил торжественно указал на него рукой и произнес:

— Вот сюда иеросхимонах Лазарь ходил в туалет! А теперь стойте и смотрите!

И, развернувшись спиной к изумленным молодым людям, он оставил их одних.

Когда те пришли в себя, старший группы разыскал наместника и выразил свое негодование всем случившимся. На что отец Наместник ответил:

— Архимандрит Нафанаил доложил мне, чем вы интересовались. Именно это он вам и показал. Ничем больше помочь не можем!

Надо учитывать, что на дворе стоял 1984 год. А тогда все было не так просто. Могли случиться и серьезные неприятности. Но наместники Псково-Печерского монастыря традиционно были сильными людьми.

* * *

Умирал вредный отец Нафанаил необычайно тихо и смиренно. Когда врачи предложили поставить ему сердечный электростимулятор, он умолил отца Наместника этого не делать:

— Отцы, представьте, — говорил он, — душа хочет отойти к Богу, а какая-то маленькая электрическая штучка насильно запикивает ее обратно в тело! Дайте душе моей отойти в свой час!

Я имел счастье навестить отца Нафанаила незадолго до кончины и был поражен его бесконечной добротой и любовью. Вместо того чтобы беречь последние оставшиеся для жизни силы, этот невероятно бережливый во всем другом церковный скряга отдавал всего себя человеку, которого лишь на несколько минут посылал к нему Господь Бог. Как, впрочем, делал он это всю свою жизнь. Только когда-то мы этого не понимали.

О ТОМ, КАК МЫ УХОДИЛИ В МОНАСТЫРЬ

Вообще-то в монастырь мы, в начале восьмидесятых годов, в конце концов не уходили, а сбегали. Думаю, что нас считали немножко сумасшедшими. А иногда и не немножко. За нами приезжали несчастные родители, неутешные невесты, разгневанные профессора институтов, в которых мы учились. За одним монахом, а он сбежал, уже выйдя на пенсию и вырастив до совершеннолетия последнего из своих детей, приезжали сыновья и дочери, и орали на весь монастырь, что сейчас же увезут папочку домой. Мы его прятали за огромными корзинами в старом каретном сарае. Дети уверяли, что их отец, заслуженный шахтер, выжил из ума. А он просто тридцать лет день и ночь мечтал, когда сможет начать подвизаться в монастыре. Мы его прекрасно понимали. Мы и сами убежали из ставшего для нас бессмысленным мира, искать вдруг открывшегося нам Бога, почти так же, как раньше мальчишки убежали юнгами на корабли и устремлялись в далекое плавание. Но зов Бога был несравненно сильнее. Преодолеть его не было никаких сил, или, точнее, мы безошибочно чувствовали, что если не откликнемся на этот зов, не оставим всего и не пойдем за Ним, то безвозвратно потеряем себя. И даже если получим весь остальной мир со всеми его радостями и успехами, он нам будет не нужен и не мил.

Нам всем было страшно жаль в первую очередь своих растерянных перед нашей твердостью, ничего не понимающих родителей, потом конечно, и друзей и подруг, и наших любимых институтских профессоров, которые, не пожалев времени и сил, приезжали в Печоры спасать нас. Мы жизнь готовы были бы за них отдать. Но не монастырь.

Для наших близких все это казалось дико и совершенно необъяснимо. Помню, я уже несколько месяцев жил в монастыре, когда к нам приехал Саша Швецов. Было воскресенье – единственный свободный день на неделе. После чудесной воскресной службы и монастырского обеда мы, молодые послушники, лежали, блаженно растянувшись на кроватях в нашей большой и солнечной послушнической келии. Вдруг дверь широко отворилась, и на пороге появился высокий парень, наш ровесник, лет двадцати двух, в фирменных, как тогда называли, джинсах и в дорожной куртке.

– А вообще мне здесь нравится! Я здесь, пожалуй, останусь! – заявил он нам, даже не поздоровавшись.

“Вот поставят тебя завтра на коровник, или канализацию выгрести, тогда посмотрим, останешься ты или нет?” – позевывая, подумал я. Наверное, примерно то же пришло в голову и всем, кто вместе со мной разглядывал эту столичную штучку, залетевшую в древний монастырь.

Саша оказался сыном крупного торгпредского работника, жил с родителями в Пекине и в Нью-Йорке и только недавно вернулся в Россию учиться в институте. О Боге он узнал для себя с полгода назад немного, но – самое главное. И, видно, по-настоящему узнал, потому что с того времени стал мучиться от полной бессмысленности всего вокруг и неприкаянности, пока не набрел на монастырь. Сразу оценив, что нашел как раз то, что искал, он даже не стал сообщать о своем новом месте обитания родителям. Когда мы упрекнули Александра в жестокости, он сказал, что родители все равно точно не поймут его, а батя по-всякому скоро его отыщет. Так и получилось. Сашин папа приехал в Печоры на черной “Волге” и устроил показательный скандал с милицией, КГБ, с привлечением школьных друзей и институтских подруг – со всеми привычными для нас инструментами по вызволению из монастыря. Продолжалось это все довольно долго, пока папа с ужасом не убедился, что все напрасно, и Сашка не уйдет никуда. Казначей, отец Нафанаил, пытаясь хоть как-то утешить московского гостя, ласково сказал ему: “Ну вот, отдадите

своего сыночка в жертву Богу. Будет он печерским иеромонахом, еще будете им гордиться...”

Я помню, какой дикий вопль огласил тогда весь монастырь:

– Никогда!!!

Это орал Сашкин папа. Он просто еще не знал, что отец Нафанаил был прозорливым, а то бы так не нервничал. Сашка действительно сейчас иеромонах и единственный из всех нас, бывших тогда, в день его первого приезда в Печору, в солнечной послушнической келии, кто остался служить в Псково-Печерском монастыре. А Сашин папа, Александр Михайлович, через десять лет стал работать со мной в Москве в Донском монастыре, а потом и в Сретенском, заведующим книжным складом. На этой церковной должности он и отошел ко Господу, став самым искренним молитвенником и искателем Бога.

БОГОСЛОВЫ

Как-то к отцу Иоанну (Крестьянкину) подошел молодой человек, выпускник духовной академии, и, представляясь, между прочим заявил: “Я – богослов”.

Отец Иоанн очень удивился и спросил:

– Как – четвертый?

– Что – “четвертый”? – не понял академист.

Отец Иоанн охотно пояснил:

– Мы в церкви знаем трех богословов: первый – святой Иоанн Богослов, апостол и любимый ученик Спасителя. Второй – Григорий Богослов. И третий – Симеон Новый Богослов. Только им святая церковь за всю свою двухтысячелетнюю историю решила усвоить имя “Богословов”. А вы, значит, четвертый?

Но все же, кому и как Господь посылает духовную мудрость? На самом деле для того, чтобы быть богословом, совершенно не обязательно носить рясу и заканчивать духовные академии. “Дух дышит где хочет!” – пораженно восклицает апостол Павел.

Однажды мы с хором нашего Сретенского монастыря были на Дальнем Востоке на военной базе стратегической дальней авиации. После службы и концерта хора офицеры пригласили нас на ужин. Эта православная служба была первой за многие годы в далеком военном городке. Понятно, что здешние люди смотрели на нас с интересом, как на что-то совсем диковинное. Перед трапезой мы, как обычно для христиан, прочли молитву “Отче наш”. С нами молился и крестился всеми уважаемый генерал. Часа через два, ближе к концу застолья, офицеры обратились к нему:

– Товарищ генерал, вот мы видели, что вы крестились. Мы вас уважаем. Но не понимаем. Наверное, вы о многом передумали, о чем мы еще не думали. Скажите, за те годы, которые вы прожили, как вы поняли, что самое главное в жизни, в чем ее смысл?

Понятно, что такие вопросы задаются только после того, как люди хорошо, по-русски, посидели за гостеприимным столом и прониклись доверием и доброжелательностью.

И генерал, настоящий армейский генерал, немного подумал и сказал:

– Главное в жизни – содержать сердце чистым перед Богом!

Я был потрясен! По глубине и богословский точности такое мог сказать только настоящий незаурядный богослов – богослов-мыслитель и богослов-практик. Но, думаю, армейский генерал об этом не догадывался.

Вообще нашего брата священника, бывает, многому могут научить, а то и пристыдить далекие, казалось бы, от богословских наук люди.

Во время переговоров о воссоединении с Русской Зарубежной Церковью архиепископ Германский Марк признался мне, что некоторый случай, происшедший с ним в России, заставил его поверить, что духовные изменения, происшедшие в нашей стране, это не пропаганда, а реальность.

Как-то один священник вез его в своем автомобиле по Подмоскovie. Владыка Марк – немец, и для него было очень непривычно, что при наличии на трассе знаков, ограничивающих скорость до девяноста километров, их машина неслась со скоростью сто сорок. Владыка долго терпел, но наконец деликатно высказал свое недоумение. Но священник лишь усмехнулся на наивное простодушие иностранца и заверил, что все в полном порядке.

– А если остановит полиция? – удивился владыка.
– С полицией тоже все в порядке! – уверенно ответил пораженному гостью священник.

И действительно, через какое-то время их остановил сотрудник ГАИ. Опустив стекло, священник добродушно поприветствовал молодого милиционера:

– Добрый день, начальник! Прости, торопимся.

Но милиционер никак не отреагировал на это приветствие:

– Ваши документы! – холодно потребовал он.

– Да ладно, брось, начальник! – заволновался батюшка. – Ты что, не видишь... Ну, в общем, торопимся мы!

– Ваши документы! – строго повторил милиционер.

Священнику было и обидно и стыдно перед гостем, но ничего не оставалось делать – он протянул милиционеру права и техпаспорт, но при этом не удержался и едко добавил:

– Ладно, бери! Ваше дело – наказывать, это наше дело – миловать!

На что милиционер, окинув его холодным взглядом, сдержанно проговорил:

– Ну, во-первых, наказываем не мы, а закон. А милуете не вы, а Господь Бог!

И вот тогда-то, как говорил владыка Марк, он понял, что если милиционеры на российских дорогах теперь мыслят подобными категориями, то в этой непостижимой умом стране всё снова изменилось. Но, по-видимому, на сей раз в лучшую сторону.

ПРО АНГЕЛА ХРАНИТЕЛЯ

Ангелы Хранители не только внушают нам благие помыслы к вечному спасению, они действительно охраняют нас в житейских обстоятельствах. Слово “Хранитель” – совсем не аллегория, это драгоценный опыт многих поколений христиан. Недаром, например, в молитвах о путешествующих Церковь призывает нас просить у Господа особого попечения о нас Ангела Хранителя. Да и правда, где, как не в путешествиях, исполненных порой непредвиденными опасностями, нам необходимо особое попечение Божие.

Лет, наверное, тринадцать назад мы с нашим прихожанином Николаем Сергеевичем Леоновым, профессором-историком, генерал-лейтенантом разведки, который много лет участвовал в телевизионной передаче “Русский дом”, были в Псково-Печерском монастыре. Там Николай Сергеевич впервые познакомился с отцом Иоанном (Крестьянкиным), который произвел на него не просто огромное впечатление, но, как сам Николай Сергеевич рассказывал, своими молитвами очень ему помог.

Николай Сергеевич в те годы только входил в жизнь Церкви, и поэтому у него было много вопросов, в том числе он просил меня объяснить учение Церкви об ангельском мире, об Ангелах Хранителях. Я очень старался, но чувствовал, что, несмотря на всю деликатность Николая Сергеевича, он был разочарован моими неумелыми объяснениями. Как мне было ни досадно, но оставалось только положиться на помощь Божию.

В Москву из Псково-Печерского монастыря мы выехали ранним летним утром, напутствованные отцом Иоанном. Дорога предстояла длинная, и перед отъездом я попросил механиков из монастырского гаража осмотреть машину и долить масло в мотор.

Мы быстро мчались по пустой дороге. Сидя за рулем, я не отрываясь, слушал рассказ Николая Сергеевича об одной из его дальних командировок. Об этой истории Николай Сергеевич давно мне обещал поведать. Я в жизни не встречал более интересного рассказчика, чем Николай Сергеевич. Его всегда слушаешь, затаив дыхание. Так было и на этот раз.

Но вдруг я неожиданно поймал себя на странной мысли, что вот сейчас, сию минуту, с нами происходит что-то особенное. Машина шла обычным ходом. Ничего – ни приборы, ни ровное движение автомобиля, ни запах – не говорило о тревоге. Но, тем не менее, мне становилось все более и более не по себе. “Николая Сергеевич, кажется, что-то происходит с машиной”, – сказал я, решившись перебить своего спутника. Николай Сергеевич – очень

опытный водитель с многолетним стажем. Внимательно оценив обстановку, он успокоил меня, заверив, что все в порядке. Но от этого моя необъяснимая тревога ничуть не прошла, а с каждой минутой все больше усиливалась. “Наверное, нам надо остановиться”, — наконец сказал я. Николай Сергеевич снова внимательно посмотрел на приборы, потом через ветровое стекло на капот автомобиля. Прислушался к движению машины и, удивленно взглянув на меня, снова повторил, что, с его точки зрения, у нас все в полном порядке. Но когда я и в третий раз, совершенно ничего не понимая от смятения, стал повторять, что нам необходимо остановиться, Николай Сергеевич согласился.

Как только мы затормозили, из-под капота машина клубами повалил черный дым.

Мы выскочили на дорогу. Я открыл капот, и из мотора вырвалось масляное пламя. Николая Сергеевич выхватил с заднего сидения свой пиджак и забил им огонь. Когда дым развеялся, и мы смогли разобраться в чем дело, выяснилось, что механики в монастыре, после того как залили масло в мотор, забыли закрыть крышку. Она так и лежала рядом с аккумулятором. Из открытого отверстия двигателя масло всю дорогу лилось на раскаленный мотор, но из-за большой скорости дым и запах проносились под колесами машины, и мы в закрытой кабине ничего не чувствовали. Еще километр-два пути — и все могло бы закончиться трагически.

Когда, немного приведя машину в порядок, мы медленно возвращались обратно в монастырь, я спросил Николая Сергеевича, нужно ли ему что-нибудь дополнять по поводу Ангелов Хранителей и их участия в нашей судьбе? Николай Сергеевич ответил, что на сегодня вполне достаточно, и этот догматический вопрос им вполне усвоен.

ОТЕЦ АВВАКУМ И ПСКОВСКИЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

Как-то летом один из древних пещерских стариков, сторож монах Аввакум, заявил в трапезной после вечерних молитв, что больше не будет пускать в монастырь неправославных. Хватит! Ходят по обители то размалеванные дамочки-туристки под ручку с мужиками-безбожниками, от которых за версту разит табачищем, то коммунисты с баптистами, то новоявленные экуменисты, то мусульмане в обнимку с нехристями-жидами. Надо этому класть конец!

Братия не придавала стариковскому ворчанию значения, но кто-то все же спросил:

— А как же ты отличишь, православный идет человек или нет?

Аввакум крепко задумался. Но ненадолго.

— А вот кто прочтет “Символ веры”, того я и пущу! А нет — гуляй за воротами, нечего тебе и делать в монастыре!

Все посмеялись над его словами да и забыли. Но на следующее утро, когда монахи расходились после службы по послушаниям, они с удивлением заметили, что в монастыре непривычно безлюдно. Бродят и крестятся на храмы благочестивые паломники, знакомые бабки подходят под благословение, странники со своими узелками отдыхают после литургии, юродивый бегает вокруг колодца. А вот обычные докучливые толпы туристов куда-то исчезли. Просто Святая Русь! Видно, правда, отец Аввакум чудит, исполняет свое слово.

Так оно и происходило. С раннего утра, заступив на дежурства у Святых Ворот, отец Аввакум у каждого входящего требовал прочесть Никео-Цареградский Символ веры, составленный отцами двух первых Вселенских соборов в IV веке. Расчет был гениально прост: каждый воцерковленный православный уж точно знает этот текст наизусть.

С полшестого до десяти часов утра ни у одного из пришедших в монастырь с Символом веры проблем не было. А вот после десяти из Пскова подъехал первый туристический автобус. Само собой, никто из советских туристов экзамен у Аввакума выдержать не смог. Все только ругались да угрожали, стоя перед закрытыми наглухо воротами. Но для старого солдата отца Аввакума, закончившего войну с полной грудью боевых орденов и медалей, эти угрозы были просто смешны. Потом подъехал еще автобус. Потом подошли и интуристы... Короче, к полудню у ворот обители собралась огромная разгоряченная толпа. Ее-то и увидел из окна своей черной “Волги” приехавший

в монастырь на обед к отцу Наместнику главный псковский надзиратель над всей церковной жизнью – уполномоченный по делам религий по Псковской области Николай Александрович Юдин.

В монастыре фамилию уполномоченного все подчеркнуто произносили как “Иудин”. И не потому, что этот уполномоченный был хуже других. Просто любой надзиратель за церковной жизнью сам по себе был символом внешнего порабощения церкви. Справедливости ради надо сказать, что Николай Александрович был довольно добродушный человек, много лет проработавший в органах, но не ожесточившийся от избытка власти. Но все же он был самым полноправным хозяином и решителем судеб всех проходящих по его ведомству священнослужителей. Любого священника он мог по своему усмотрению лишить так называемой “регистрации”, и тогда священник уже не имел права служить в храме. И это лишь самое малое. Неприязнь уполномоченного совершенно спокойно могла кончиться для батюшки набором всех тех неприятностей, которые имел возможность обеспечить этот кадровый сотрудник КГБ тому, кого он посчитал бы опасным для советского строя. Поэтому все настоятели, не говоря уже о простых батюшках, являлись в кабинет уполномоченного по первому вызову.

Все, кроме наместника архимандрита Гавриила. Он был единственным, к кому, если надо было решить какое-то дело, Юдин приезжал сам. Почему так происходило? Думаю, потому что наместник смог себя так поставить. И еще потому, что отец Гавриил был сильный и независимый наместник. И очень жесткий: если уж чего-то решал, то добивался.

Правда, некоторые ядовито предполагали, что уполномоченный Юдин ездит в монастырь “на ковер” потому, что у наместника чин выше. Но это были просто злые языки. Хотя, понятно, что в те времена наместники и настоятели не могли не иметь взаимоотношений с представителями государственной власти. Но об этом позже.

Увидев вопиющий беспорядок в своем “хозяйстве”, Николай Александрович Юдин, конечно же, сразу вышел из машины. Быстро во всем разобравшись, он решительно пробрался сквозь толпу к воротам и грозно забарабанил кулаком по старинным, окованным железом дубовым доскам.

– Кто там?! Ну-ка, открывай сейчас же!

– Читай Символ веры! – торжественно и грозно раздался из-за ворот глас монаха Аввакума.

– Что?! – не поверил своим ушам уполномоченный. – Какой еще “Символ веры”? Открывай, тебе говорят!

– Читай Символ веры! – все так же непреклонно донеслось с той стороны.

У Николая Александровича от возмущения даже перехватило дыхание:

– Да ты кто такой?! Ты что себе позволяешь? Я – уполномоченный!

Я – Юдин! Открывай сейчас же, или пожалеешь!!!

– Читай Символ веры!

Этот возвышенный диалог продолжался минут десять.

Наконец, взянув на часы, уполномоченный сдался:

– Открой, прошу тебя! Я уже на целых четверть часа к вашему наместнику опоздал. Представляешь, как он меня сейчас встретит?!

За воротами повисла пауза. Видно, отец Аввакум живо представил себе, что ждет этого несчастного.

– Да, тебе непоздоровится... – с пониманием вздохнул он. Но тут же негибаемо повторил: – Читай Символ веры!

– Да не знаю я этот ваш “Символ веры”! – взмолился уполномоченный. – Хоть что это такое?

Отец Аввакум снова крепко задумался и наконец принял решение.

– Ну, ладно, так и быть!.. Повторяй за мной!

И из-за ворот донеслись древние величественные слова Никео-Цареградского Символа веры.

– Верую! – возгласил Аввакум.

– Верую... – затравленно озираясь на туристов, выдал из себя уполномоченный.

– Во Единого Бога Отца!.. – торжественно продолжил Аввакум.

– Во Единого Бога Отца... – обреченно повторил Юдин.

– Вседержителя!

– Вседержителя... .

- Творца Небу и Земли!
- Творца... Небу и Земли...

После того как уполномоченный Совета по делам религий по Псковской области всенародно засвидетельствовал последний догмат, заключенный в великой молитве: “Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь”, ворота приоткрылись и пропустили чиновника в монастырский двор.

Буквально испепелив взглядом своего инквизитора и выругавшись сквозь зубы, уполномоченный бросился к настоятельскому корпусу, где его в весьма раздраженном духе поджидал отец Наместник.

– Что ж это вы, Николай Александрович, опаздывать решили? Я уж полчаса как вас поджидаю! – недовольно встретил он гостя.

– Да что обо мне?! – кинулся в атаку уполномоченный. – Это у вас тут невеста что творится! Поставили какого-то психически больного на ворота. Никого не пускает – требует от всех читать какой-то Символ веры! Там на площади автобусы, туристы! Иностранцы!!! Представляете, какой скандал сейчас начнется?

Тут уж и наместник заволновался. Он немедленно послал отца эконома разобрататься и навести порядок, а Аввакума сейчас же привести в наместничий кабинет на расправу.

Когда Аввакум вошел в обеденную залу, уполномоченный усилиями отца Наместника, а также с помощью обильных яств и французского коньяка был несколько успокоен.

Увидев сторожа, отец Наместник гневно привстал в креслах.

– Ты что там устроил?! Без благословения, самочинно порядки свои в монастыре наводишь?!

А вот самочиние – это был действительно грех для монаха. Отец Наместник здесь был совершенно прав. И Аввакум мгновенно этот свой грех осознал. Он решительно шагнул к столу и бросился отцу Гавриилу в ноги.

– Виноват! Прости, отец Наместник!

– Убирайся вон, самочинник! – загремел над ним наместник и даже отпихнул Аввакума сапогом.

Уполномоченный мстительно торжествовал. Когда он уехал, наместник снова вызвал к себе Аввакума. Тот, лишь войдя, сразу повалился в ноги.

Но отец Наместник вызвал его совсем не для выговоров:

– Ладно, молодец! На вот, бери! – добродушно проговорил отец Гавриил и сунул Аввакуму бутылку “Наполеона”.

В тот вечер Аввакум и еще несколько старых монахов-солдат с удовольствием попробовали, что такое знаменитый наместнический коньяк.

о. АНДРЕЙ (ЛОГВИНОВ)

С ПАСХАЛЬНОЙ СВЕЖЕСТЬЮ ЗЕМЛИ

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

Я люблю не понарошку —
Тут уж мне не прекословь, —
Разверну души гармошку:
Покажись, моя любовь!

Я пройду, как по деревне,
По галактике кругом.
К белой церкви, как к царевне,
Сердце выскочит бегом.

Не страшит меня огласка —
На виду любовь моя:
У меня зазноба — Пасха
Нес- кон- ча- е- ма- я!

ЛОГВИНОВ Андрей Николаевич (о. Андрей) родился в 1951 году в Новосибирской области. Окончил истфак Новосибирского пединститута. Учителем в школах Новосибирской области, был директором сельской школы. С 1983 года, после переезда в Вятку, работал церковным чтецом, псаломщиком. Окончил Московскую духовную семинарию. С 1991 года живёт в Костроме, где служит протоиереем в храме Св. праведного Иоанна Кронштадтского. Автор десяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий: им. Н. Заболоцкого, "Имперская культура" и др.

По сиреновой вселенной,
Развернув души меха,
Я пройду, неся нетленный
Свет библейского стиха.

ГОСПОДЬ НЕ ОСТАВИТ

Себе самому в назиданье
Скорей, чем излюбленный стих,
Твержу, как пароль, заклинанье:
Господь не оставит Своих!

В житейском глухом бездорожье,
Где голос отчаянья лих,
Вся суть, чтоб мы сделались — Божьи.
А Он — не оставит Своих.

Не выдаст, не кинет, не бросит.
И, может быть, даже потом,
Как блудного сына, не спросит,
Но вытянет — Сына Крестом.

Стать ближе к Нему и полезней..
Но даже несильных таких
В невзгоде, в беде и в болезни —
Господь не оставит Своих.

И сердце, как чётки, листает,
Где голос надежды затих:
Господь — Он Своих не оставит,
Господь не оставит — Своих!

ПРОРОК

Поэт неизбежно — пророк,
коль живы пророки доньше.
Но горек пророка пирог
и строки не слаще полыни.

Душа его высшим живёт,
где черплет и смыслы, и сроки.
Но плоть от пророка — народ,
что укоренился в пороке...

Для многих он кажется глуп,
раз речи темны и не гладки.
Но он и не мнит, что он пуп.
Он — след от Божественной пятки.

Он — ямка всего лишь в песке,
чей край осыпается вскоре.
Он видит в смертельной тоске
грядущее горе, как море.

И тем, кто в нём зрит благодать
и жаждет узнать о грядущем,
он вместо ответа — рыдать
берётся всё чаще и пуще...

* * *

Построить легче дом,
чем выстроить себя.
Там — силой и трудом,
тут — плача и скорбя.

Дом нынче не вопрос —
хватило бы рублей.
А тут — не хватит слёз,
не хватит жизни всей...

* * *

Как отрадно в церкви снова
зимним синим днём
жизнь примерить — как обнову
с молодым огнём!

За окошком снег клоками.
Грудкой снегиря,
нет, — из печки угольками —
в уголку заря.

Солнце в зиму неторопко.
Оглядело мир —
и сошло знакомой тропкой
в золотой потир.

Причащались прихожане
солнцем Рождества.
Золотые в зимней рани
звали жить слова.

ТОГДА

Тогда в Москве сады цвели...
Невестилось Замоскворечье
с пасхальной свежестью земли
и ласковостью русской речи.
Лужайкой цельною трава
вползала на московский дворик.
Имел несметные права
на каждую соринку дворник.
И от Спасителя Христа
и до Великого Ивана
небес победных высота
крепилась звоном неустанно.
Тогда везде цвели сады.
Был шаг истории неспешен.
Ещё никто не ждал беды
Средь вишен белых и скворешен...

СИРЕНЬ

День у меня набекрень.
Словно во сне роковом
в платье промокнушем сирень
машет в окне рукавом.

В белые ночи уйдёт —
буду опять в дураках!..
Радуясь, как идиот,
платье ношу на руках.

Тучи твердят про мигрень.
Жду — как весну и княжну:
пусть с соловьями сирень
сердце подержит в плену!

Ей прежде всяких невест
клясться на верность готов,
ибо готова на крест,
вся целиком из крестов.

Ночь у неё набекрень:
словно в навязчивом сне
виолончелью сирень
не исчезает во мне.

* * *

Березняка на холме
белоногая конница
с шумом промчится —
зелёный развеется дым..
Белую звонницу
мучит в июне бессонница,
Белая звонница
свечкой стоит Всем Святым.

Маковка лета
цветением ластится к Троице,
день — хоть в корзинах
излишки его выноси.
Время плодов Божьей милостью
тоже устроится,
если укроется в Троице
сердце Руси.

ПИСЬМА

Измучен за последние недели,
я провалился в долгожданный сон.
Я спал уже, а письма все летели
на мой, хранящий тайну, телефон.

За тыщу вёрст, усталости не зная,
хотя самой досталось на веку,
молилась обо мне душа родная
и присылала за строкой строку.

На отогретой нежностью постели —
такие строчки не купить рублём! —
я спал давно... а письма все летели,
как чайки за уплывшим кораблём.

* * *

Отпусти меня, родина древняя,
пуповиной своей не держи.
Как сходящая в землю деревня,
я стою у последней межи.

Отпусти меня, даль неоглядная,
ты, поляна, ты, клик журавлей.
Для небес непростительно жадно я
жил одною Россией моей.

Отпусти меня, душенька рóдная:
я — судьбы недостроенный сруб,
потому и живу непригодно я —
ни для глаз, ни для рук, ни для губ.

Отпусти... но заботы, как клавиши,
начинают все громче звучать.
И тяну я опять “отпускаеши”,
и — опять не дают отпускать.

Автору и задушевному другу редакции “Нашего современника” о. Андрею Логвинову исполняется 60 лет. Среди многих священников, пишущих стихи — кто более, кто менее талантливо, о. Андрей отличается тем, что ему, на мой взгляд, удалось перенести в поэзию особенности речи русского батюшки: взволнованность, патетику — и одновременно простоту, непоказное смирение вкупе с радостным осознанием силы, которую даёт своим причастникам Православие. Художественный мир, созданный о. Андреем, — это продолжение пространства храма, а в его поэтическом слове слышны отголоски церковной службы.

С удовольствием поздравляю нашего дорогого батюшку-поэта с юбилеем! Доброго здоровья, вдохновенного пастырского служения и новых стихов, отец Андрей!

Александр Казинцев

50 лет назад в апреле 1961 года свершилось величайшее событие в истории всего человечества. Можно сказать, цивилизация планеты Земля достигла своего наивысшего пика — был открыт путь в космос. Юрий Алексеевич Гагарин — советский военный лётчик, коммунист, молодой человек в возрасте 27 лет на космическом корабле “Восток” конструкции Сергея Павловича Королёва, стартовав с космодрома Байконур, вышел на околоземную орбиту и, облетев Землю, благополучно приземлился на территории СССР в районе Саратова. Наша страна может по праву гордиться, что именно её гражданин стал первым человеком в космосе, русский народ может гордиться тем, что именно русский человек проложил дорогу во Вселенную, а та историческая общность людей, которую принято называть советскими людьми, стала той жизненной средой, что воспитала такого человека. И это не случайно. Писатель Валерий Николаевич Хайрюзов, сам бывший лётчик, попытался по-новому взглянуть на события полувековой давности, вновь открыть перед читателем тот путь в космос, что прошли советские люди легендарной эпохи.

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ

ПУТЬ В КОСМОС

Многим дерзкие замыслы не удалось воплотить в жизнь из-за слишком робкого их исполнения.

Воверанг Люк де Капье

Я хорошо помню тот апрельский день 1961 года. Был он обычным, сереньким, когда, устав от долгой зимы, все живое радуется солнцу, ещё нетвердому теплу, прохладной сырости и вообще всему, что приносит с собой весна. Возле иркутских заборов с северной стороны ещё лежал снег, по канавам вдоль дорог бежали ручьи, разбрызгивая лужи, куда-то по своим надобностям неслись машины. Когда из-за облаков на какое-то время выползло солнце, становилось тепло, и этому теплу радо было всё: дома, огороды, деревья, воробьи, люди, спешащие на работу и с работы. После уроков мы собрались на футбольном поле, которое размещалось меж двумя железнодорожными ветками, и начали делиться на команды. Но тут с каким-то новым, сияющим лицом, прибежал мой одноклассник Витька Смирнов и срывающимся голосом объявил: по радио только что передали, наш лётчик Юрий Гагарин облетел на ракете Землю.

Новость была неожиданной, необычной, но мы в неё сразу же поверили. Все шло к тому, последние запуски тяжёлых спутников говорили о том, что полета человека в космос осталось немного времени. Но чтоб вот так сразу! Какой после этого футбол! Вмиг тусклый весенний день для нас стал светлым и праздничным. Ур-ра! Наш летчик на ракете облетел Землю! Что есть силы

я запустил ногой в небо футбольный мяч, а он, через несколько секунд, не желая превращаться в искусственный спутник, упруго шлёпнулся на землю и, подпрыгивая, утих в пожухлой прошлогодней траве. Но моя душа, взлетев за мячом в необъятную синь весеннего неба, не хотела возвращаться обратно. Мы помчались в школу. А там уже творилось невообразимое: все бегали с какими-то сумасшедшими, счастливыми лицами. Позже наш физрук Николай Павлович скажет, что такие же счастливые лица и всеобщее радостное возбуждение были у людей, когда они узнали о капитуляции фашистской Германии. После окончания войны прошло всего каких-то шестнадцать лет!

Осознать это было сразу невозможно.

Директор хотел собрать всех, кто был в школе, на торжественную линейку, но из этой затеи ничего не вышло, все толпились около школьного радио. Оно многозначительно замолкало, потом передавали марши, затем раздавался бой курантов и звучал торжественный голос Левитана:

“12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник “Восток” с человеком на борту. Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника “Восток” является гражданин Союза Советских Социалистических Республик лётчик майор Гагарин Юрий Алексеевич”.

Радио замолкало, а потом вновь и вновь Левитан сообщал биографию героя, высоту и продолжительность полёта, вес космического корабля “Восток”, поступающие отклики на это событие. А они поступали практически со всего мира.

Мы узнали, что майор Юрий Алексеевич Гагарин – уроженец смоленской земли, лётчик-истребитель, отец двоих детей. Он закончил Люберецкое ремесленное училище, затем Саратовский индустриальный техникум. Научился летать в Саратовском аэроклубе, затем закончил Чкаловское высшее авиационное училище, служил в Заполярье, где летал на МИГах. Эти новости быстро разлетелись не только по нашему поселку, городу, но и по всему миру: советский человек, а не американец, как предполагали на Западе, первым побывал в космосе! У нас был день, а в Америке – ночь. Позже учитель истории Анна Константиновна расскажет нам на уроке, что в 3 часа ночи главного советника Президента США разбудил телефонный звонок – журналист жаждал получить комментарии о новом, таком болезненном для престижа Соединённых Штатов достижении русских. Советник в негодовании, что его разбудили, спросонья ответил: “Если ты хочешь что-нибудь услышать от нас, придурок, то ответ будет такой: все ещё спят”. Он очень пожалеет об этих словах уже утром. Заголовки всех газет гласили: “Пока Соединённые Штаты спали, русские покорили орбиту Земли”.

Прибежал домой и как-то по-новому оглядел свой дом, с низким, нависшим потолком, тесной кухней, в этот день показавшейся мне светлой, высокой и просторной. Уже через два месяца я заканчивал школу, и впереди была другая, как мне тогда казалось, взрослая жизнь. И в ней теперь был Юрий Гагарин. Я был не одинок, для многих Гагарин стал близким человеком. Американские космонавты скажут, что Юрий Гагарин позвал их в космос. А кто может посчитать, скольких ребят он позвал в небо в нашей стране?

12 апреля 1961 года весь мир искренне праздновал победу Советского Союза. На улицах Европы, Азии, Африки собирались стихийные митинги, люди танцевали, пели. Буквально на следующий день на митингах – удивительная оперативность доморощенных модельеров – появились белоснежные и оранжевые самодельные скафандры, в которых расхаживали молодые люди. И лишь в США праздником не пахло.

“Через телескоп “холодной войны” советское достижение может рассматриваться только как победа для коммунизма и поражение для свободного мира во главе с США”, – мрачно писал журнал “Time”.

“Данное поражение Америки в освоении космоса должно быть последним!” – так не победу человеческого разума, а поражение Америки зафиксировал телевизионный канал NBC.

Америка не сомневалась в том, что за удачей русских, сумевших запустить первыми искусственный спутник Земли 4 октября 1957 года, последуют победы в космосе американцев. США пошли на форсирование программы полёта первого человека. Американская пресса подробно представляла кандидатов на этот полет: “Среди них – первый человек, который преодолет зем-

ное притяжение!”. День “М” (так окрестили дату этого предполагаемого исторического события) был назначен на 28 апреля 1961 года. И лишь журнал “Life” 3 марта опубликовал осторожное предположение, что русские могут обогнать американцев и первыми запустить в космос человека. В нем же был дан прозорливый прогноз того, что люди полетят на Луну в начале 1970-х годов, а русские к 1980-м создадут гигантскую орбитальную станцию. Но подобных прогнозов никто всерьёз не воспринимал... Американский сенатор Генри Джонсон назвал те дни “неделей позора и опасности”. А другой сенатор, Линдон Джонсон, будущий Президент США, описал день запуска первого спутника в космос в своих воспоминаниях так: “Теперь вдруг небо выглядело почти чужим. Я также помню глубокий шок от осознания того, что другая нация смогла достичь технологического превосходства над великой нашей страной”. С отцом немецкой и американской космонавтики Вернером фон Брауном после получения известия о запуске советского спутника случился настоящий припадок. Учёный находился в тот момент в баре и, несмотря на многолюдье, закричал: “Я так и знал... Надо что-то делать!” Присутствовавший при этом военный руководитель программы спутников генерал Джон Медарис позже писал: “Мы все чувствовали себя футболистами, вымаливающими позволение уйти со скамейки запасных”.

Джон Ярдли, начальник отдела полётов в Национальном управлении США по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA), вспоминал: “Юрий Гагарин меня очень сильно раздражал”. Но эта новость о полете совсем не удивила начальника оперативной группы NASA Гилруфа: “Мы знали, что СССР занимается такими же разработками, как и мы, но наша разведка не имела сведений об их успехах”. В какой же степени полёт Гагарина отразил общий уровень развития СССР в науке и технологии? – Уолтер Липпман, известный журналист, писал в одной из статей: “Тот факт, что СССР обогнал нас, нельзя объяснить случайным изобретением. В СССР должно быть большое количество учёных, инженеров и рабочих, а также высокоразвитая промышленность, хорошо управляемая и обильно финансируемая”.

В Белом доме о полёте Гагарина узнали сразу же. Руководителям NASA и космонавтам сообщили об этом событии в 4 часа утра (по вашингтонскому времени). Для Алана Шепарда, которого готовили как первого американского космонавта, эта новость стала крупным потрясением.

Шепард включил радио. Взволнованные голоса рассказывали о космическом корабле “Восток” и Юрии Гагарине. Алан позвонил другим членам команды готовящегося к полёту космического корабля “Меркурий”. Они уже слышали новость и были очень расстроены. Победа в космосе досталась русским, и это стало неопровержимым фактом.

Руководители NASA собрали всех космонавтов до восхода солнца: “Нам необходимо заявление для прессы”. Космонавты разрешили включить в заявление то, что они расстроены, и настаивали, чтобы в заявлении было поздравление СССР с его необыкновенным технологическим подвигом. Джон Гленн решил помочь журналистам, сказав, что надо быть прямыми и правдивыми. “Они обогнали нас, вот и всё, – сказал он прессе. – Не надо обманывать себя. Но сейчас началась эра космоса, и работы хватит всем”.

Для президента США Джона Кеннеди это было неприятно вдвойне. За одну неделю две неприятные новости: фиаско американских наёмников при высадке на Кубу и грандиозный успех русских в космосе. Такое нелегко было пережить... На пресс-конференции Кеннеди сказал, что США не будут соревноваться с достижениями СССР, но найдут другие сферы, где американцы будут первыми и принесут больше пользы человечеству. Однако несколько месяцев тому назад он обещал своим избирателям совсем другое: по всем направлениям повышать международный авторитет страны. Во время предвыборной президентской кампании 1960 года предметом спора кандидатов в президенты стал разрыв между США и СССР в области ракетостроения и освоения космоса. Кеннеди заявил, что Америка должна занять свое главенствующее место в космосе, так как “космос – это наша новая граница”.

Но поддержки от главного научного советника Джерома Уиснера он не получил. Узнав о полёте Гагарина и о непревзойдённой мощи ракетопосылителей СССР, многие в Вашингтоне предлагали отменить программу и не отправлять человека в космос: зачем тратить время, усилия и деньги, чтобы стать вторыми? Уиснер хотел “распотрошить” всю космическую программу страны, пере-

строить NASA и считал, что необходимо заниматься авиацией и уступить космос СССР. Он настаивал, чтоб Кеннеди подписал документы о завершении программы “Меркурий”, мотивируя тем, что если программа окажется неудачной и погибнут люди, то вся вина падёт на президента.

Кеннеди отказался подписывать этот документ. Он вызвал к себе вице-президента Линдона Джонсона и назначил его председателем Национального космического комитета. Затем вызвал Джеймса Вебба, известного юриста из Северной Каролины, знакомого со многими ключевыми фигурами в промышленности и правительстве, и сразу же приступил к делу: “Джим, я хочу, чтобы ты управлял NASA”.

До этого Кеннеди первоочередной своей задачей считал свержение Фиделя Кастро. Гагарин изменил его планы. Через два дня после полёта советского космонавта Кеннеди собрал в своём офисе Джонсона, Вебба и Уиснера и поставил перед ними задачу: догнать и перегнать СССР в области космических разработок. Это были важные шаги для космической программы.

Пока за океаном нервничали политики и генералы, майор Гагарин спал на берегу Волги после самого долгого дня в своей жизни. В то время как многие люди на Земле ещё не скоро смогли заснуть, понимая, что стали свидетелями события исторического масштаба. Невозможное стало возможным. А в России, которая ещё совсем недавно лежала в руинах после страшной войны, все: политики, учёные, инженеры, крестьяне, рабочие, студенты — понимали, что стали совсем другими: увереннее, сильнее и вновь, как во время войны, единым, способным на новые свершения народом.

Конечно, ни сам Гагарин, ни его близкие ещё не подозревали, что после этого полета вокруг земного шара его жизнь перестанет ему принадлежать. Буквально каждая минута его жизни — от рождения и до самой смерти — станет частью легенды о советском человеке, который первым полетел в космос. При том, что сам себя он великим не чувствовал и за те судьбоносные полтора часа самыми волнующими для него оказались не подготовка и запуск космического корабля, а минуты, связанные со спуском с орбиты. Но всё произошло штатно, и вот он уже в вертолёте, который везёт его на ближайший аэродром, затем уже на самолёте его перевезут в Куйбышев и спрячут от любопытствующих людей на обкомовской даче. Усталый и счастливый, он ещё до конца не осознавал, что произошло, какая буря восторга охватила весь мир после сообщений о первом космическом полёте гражданина СССР.

Так совсем ещё недавно обычный летчик истребительного авиационного полка в одночасье оказался самым знаменитым человеком в мире.

“Уже в первые часы после приземления он сразу почувствовал перемену в своем положении, — вспоминает Ярослав Голованов. — С одной стороны, он сам интересовал всех несравненно больше, чем день назад, что очень его забавляло: неужто за 108 минут он мог так измениться?!”

С другой стороны, Гагарин ощущал большую несвободу. Он очутился в положении малого ребёнка, за которого решают все: когда ему вставать и когда ложиться, во что одеваться, что есть, когда гулять. Его самостоятельность не распространялась дальше выбора, что взять с тарелки: огурец или помидор. Теперь в самолёте, развесив на плечиках новенький китель и шинель с ослепительными майорскими погонами, он зубрил рапорт, который должен отдать Хрущёву, спустившись с трапа лайнера. Подумать только: Хрущёв будет встречать его на аэродроме!”

Юрий Алексеевич Гагарин спускается с трапа самолёта и по ковровой дорожке под стрекот камер и вспышки фотоаппаратов идёт к встречающим. И тысячи людей видят, что у него на ботинке развязался шнурок! И все начали переживать, как бы он на глазах всего мира не споткнулся, не упал. Но всё обошлось, и вот он, совсем недавно ещё скромный гжатский паренёк, уже стоит рядом с руководителем государства Никитой Сергеевичем Хрущёвым на трибуне Мавзолея. Внизу колыхалась Красная площадь, заполненная ликующим народом.

Своим рождением старинный русский городок Гжатск обязан Петру I. Что-бы столичный Санкт-Петербург был сыт да обут, Пётр I повелел: “... по рекам: по Гжати... да по Вазузе... сделать судовой ход, чтобы могли суда с пенькой и хлебом и с иными товарами ходить... да на тех реках в пристойных местах сделать амбары”. Само название Гжати, а позже Гжатска, явилось от Аржати —

так звали в местных деревеньках эту речку, как и иные, с ржавым железистым оттенком воды речушки – Аржава, Ржавец, Ржать... Историки решили считать датой основания города время обнаружения указа Петра I об открытии Гжатской пристани – 11 ноября 1719 года. Чтобы обеспечить Санкт-Петербург продовольствием, строительными материалами, начали искать водные пути, по которым можно было бы снабжать столицу всем необходимым. Сплав с Гжатской пристани осуществлялся на плоскодонных судах – барках. Барка имела 36 метров длины, 8 метров ширины. Поднимала барка 8 тысяч пудов груза. Трюм был двойной. В Петербург везли пеньку, рожь, ячмень, овёс, сало, говяжьи кожи и многое, многое другое. В Петербурге барки разбирались на дрова или на строительные материалы. Сплав осуществлялся только один раз в год по половодью, поскольку река Гжать и в то время была мелкой. Из Петербурга купцы везли назад шёлк, чай, сахар да прочего “столишного товару навалом”. Оттого и на знаменитой Казанской ярмарке в Гжатске можно было повстречать покупателей не только из Москвы, но из городов и подале.

9 марта 1934 года в Гжатске Смоленской области простая русская женщина родила мальчика, которому вскоре предстоит стать самым известным человеком на Земле. До войны Гагарины жили в селе Клушине. Соседи, близкие Гагариных вспоминают, что Юрина мама, Анна Тимофеевна, в самое голодное время сохраняла доброту и не только своих детей – старшего, Валентина, Зою, Юру и младшего, Борю, но и тех, кто бывал в доме, старалась обласкать. Никто от Гагариных не уходил голодным.

В самом начале войны Юра поступил в первый класс, но проучился недолго – началась оккупация. Алексей Иванович болел тифом, и семья не успела эвакуироваться. Гагариным пришлось жить в землянке, спешно отрытой на огороде. Немцы начали угонять людей на каторгу в Германию. Среди них были старший брат Юрия Валентин и сестра Зоя. Но Валентин сбежал по дороге, ушёл на фронт и отважно воевал танкистом до конца войны. Удалось вернуться и Зое. Семьдесят пять гжатчан, отказавшихся ехать в Германию, фашисты расстреляли. В конце Смоленской улицы фашисты соорудили лагерь для военнопленных. Люди в нём умирали сотнями от холода, голода и ран. Немецкому командованию совершенно очевидно было значение Гжатска как отличного плацдарма. Подступы к городу заминировали, опутали проволочными заграждениями. Гжатск напоминал больше не провинциальный городок, а оцетинившуюся крепость. Но в городе действовал комсомольско-молодежный диверсионный отряд “Победа”. Командиром его был Кирилл Новиков, комиссаром – Азар Дроздов. Летели под откос эшелоны, горели склады, исчезали немецкие офицеры. После войны в честь бойцов отряда в городском парке воздвигнут памятник и посажена аллея. В три часа ночи шестого марта 1943 года советские войска ворвались в Гжатск. Пехота поднималась в атаку под шквальным огнём врага. Кровью платили за каждый освобождённый дом, за каждую улицу. К половине десятого утра город был освобождён. Пятнадцать гжатчан удостоены звания Героя Советского Союза.

На всю жизнь Юра запомнил, как немец Альберт, новый хозяин их дома, повесил на суку яблони брата Бориску. Мать бросилась снимать сына, а Альберт начал стрелять из автомата перед её ногами. И когда мать бросилась под пули, Альберт рассмеялся и позволил снять Бориску. Мальчика едва-едва отходили.

После войны на вечере, посвященном Международному женскому дню, Юра читал отрывок из “Молодой гвардии”. А потом, когда его спросили, почему он выбрал именно этот отрывок, сказал:

– Фадеев как будто в нашем селе бывал. Когда я читал, то видел перед глазами свою маму. И фашиста Альберта.

После войны Гагарины переехали в город. Жили трудно, бедно, но дружно. Алексей Иванович детей особо не баловал, но любил и помогал, чем мог. В 1945 году при Гжатском педучилище было сформировано два третьих класса. Именно в начальных классах завязывается дружба, которую несут всю жизнь.

“После 4-го класса нас перевели в Гжатскую среднюю школу, – вспоминает друг детства Юры Гагарина Лев Толкалин. – Мы сидели за одной партой, занимались фотографией, радио, в авиационном кружке, играли на трубах в пионерском духовом оркестре. А наше первое знакомство с Гагариным состо-

ялось на школьном дворе — играли класс на класс в футбол. Юра был капитаном команды класса “Б” и, конечно же, выделялся среди своих одноклассников. Кроме лапты и футбола, мы с ним любили технику и постоянно торчали на городской электростанции.

Однажды на перемене наш приятель Славка Нижник похвастался перед девчонками, что уже не раз был в Москве, видел и метро, и троллейбус, и зоопарк.

— Сколько стоит билет до Москвы? — спросил Гагарин.

— А я почём знаю, — ответил Славка. — Я на крыше езжу. Поехали, сам увидишь!

День ушёл на изготовление из стальных трубок поддельных ключей, чтобы открыть ими двери в тамбур вагона. Родителям Славка с Юркой сказали, что идут ко мне делать гербарий для школы, что у меня и заночуют. А я наврал своим, что пойду с ночёвкой к Гагариным. Я у них нередко ночевал.

В субботу мы сбежали с последнего урока на вокзал. Подошёл поезд. Мы подбежали к нему с другой стороны, где двери не открывались, и быстро открыли их самодельными ключами. Так же пробрались в туалет и притихли. Поезд тронулся.

Вскоре дверцу начали дергать, и мы решили выбираться и лезть на крышу вагона. Билеты тогда стоили дорого, на крышах ездили и простые бедняки, и мешочники, и блатные. Вагоны тянул паровоз, на крыше торчали вентиляционные трубы, за которые можно было держаться.

За час до Москвы на крыше появились двое парней. Увидев их, Славка спрятал в носок свои деньги. Юрка сначала их не заметил, но, когда парни подошли к нам, ответил им очень резко. Один из них тут же достал из кармана финку. А у Гагарина в руках вдруг появился здоровенный кухонный нож. Парням, видно, лень было связываться, денег они уже достаточно набрали. Они ушли. А я удивился: — Откуда у тебя такой тесак? — Да мать дала нам ветки и листья резать, — ответил Юрка. — Сказала, хорошо наточи. Я и наточил. Мы же “гербарий делаем” для школы. . .”.

Уже по одному этому эпизоду можно понять, что Гагарин был мальчишкой рискованным и в любой момент готов был постоять не только за себя, но и за сидевших рядом друзей. На такое мог отважиться не каждый. Можно представить, что бы произошло, завяжись на крыше вагона драка.

“В городе возле храма до сих пор есть мост через реку Гжать, — вспоминает Толкалин. — Сейчас он бетонный, а после войны на месте взорванного стального спешно построили хлипкий деревянный. Летом под мостом из воды торчал искореженный металл, речка сильно мелела. Но ребята все равно там купались. Особо смелым удавалось даже прыгать с нижних строений моста. Безрассудно смелым считался прыжок с боковой, пешеходной его части. Прыгали оттуда только два взрослых парня, которые во время войны были в партизанском отряде.

Как-то в мае мы с Юркой и другими мальчишками встретили на мосту шайку известного в городе хулигана и заводилы Хромого. Он стал задирать Юрку — знал, что он у нас считался главным: “Спорим на бутылку, что я прыгну с моста!” Юрка спорить не хотел. Но Хромой не отставал. И в конце концов Гагарин согласился. Мы пытались его отговорить, но он только отмахнулся от нас. Надо было рассчитать прыжок так, чтобы перелететь через балку, торчащую из воды, и попасть на глубокое место. Хромой шлёпнулся в воду плашмя, животом, вынырнул с жутким воем. Кое-как его друзья вынесли на берег. А Юрка угодил в то же место, что и Хромой, но вошёл в воду удачно. Потом Хромой и меня заставил прыгать. Но я поднялся только на самый первый ряд стропил, повис на руках и упал в воду. “На черта тебе было прыгать?” — спросил у Юрки наш друг Женья Васильев. “Да уже не прыгать было нельзя! Что обо мне подумали бы?..” Трусом он никогда не был”.

В Гжатской школе, где учился Юрий Гагарин, преподавательница русского языка и литературы Ольга Степановна Раевская ставила в школьном театре спектакли по Гайдари, Пушкину. Юра играл главные роли: Тимура и Балду.

Учитель физики Лев Михайлович Беспалов занял особое место в жизни Гагарина. Демобилизовавшись из армии, он ходил в военном кителе, и ребятам это страшно нравилось. Было ему лет тридцать. Лицо было доброе, но чуть сдвинутые брови делали его строгим.

В школе он вместе с Зинаидой Александровной Комаровой организовал авиационно-технический кружок, в который записались почти все мальчишки. Вскоре ребята сделали летающую модель самолёта, где-то достали бензиновый моторчик и отправились на пустырь запускать свой “самолёт”. Разговор о том, как эта модель полетела к солнцу, было не на один вечер!

Позже почти все учителя, кто знал Гагарина, отмечали, что Юра слишком боек, за словом в карман не лезет. “Язык мой – враг мой”, – гласит народная мудрость. Ну кто из нас в детские годы не испытал это на себе?

“И однажды со своим языком Юрка влип по-настоящему, – вспоминает Толкалин. – Юркин отец, Алексей Иванович, нередко брал лошадь у конюха, чтобы вспахать большой огород. За ней обычно посылали Юрку. Он любил лошадей, умел ездить верхом. Как-то он взял меня с собой. Возвращались на телеге. Вдруг видим, навстречу идёт наш учитель физики – высокий, красивый Лев Михайлович. А с ним – учительница Олимпиада Петровна, маленькая, стройная. Мы примолкли, а они прошли мимо – будто бы нас и не заметили. И вдруг Гагарин поднялся во весь рост и заорал: “Лев Михайлович, как Олимпиада Петровна? А?!” Тактичный Лев Михайлович даже не оглянулся, а я свалился на дно телеги. Потом на школьной перемене Лев Михайлович подозревал Гагарина. Мы думали, что он здорово его отчитает. Но он просто сказал: “Ну, что скажешь, Гагарин?” И замолчал. Молчал и Юра. Когда Гагарин остался с глазу на глаз с Беспаловым, то он думал, что за такую выходку ему несдобровать. Молчание Беспалова было для него сущим наказанием. Уж лучше бы отругал. Для Гагарина тот случай стал уроком снисхождения и человеческой мудрости. “Лев Михайлович – мужик что надо”, – объявил нам потом Юрка”.

“В школе по подсказке Льва Михайловича как-то прочёл Юра книгу о жизни Циолковского, – вспоминает мать Юрия, Анна Тимофеевна. – Любовь к этому человеку, восхищение его одержимостью, страстностью, бескорыстным служением идее космических полётов пронёс Юра через всю жизнь. Однажды пришли они с Бориской в дом, я глянула – ахнула: лица у них чёрные от копоти, а у Бориса и брови опалены. Я всё поняла: самострелом баловались. В тот послевоенный год ребячьи карманы так и распирало от гильз, осколков снарядов, неразорвавшихся патронов. Сколько уж раз, извлекая это опасное “богатство” из сыновних карманов, страшила их, предупреждала беречься. Боялась я этих игр: случались трагические истории, от взрывов дети гибли, оставались калеками, слепыми. Хотела наказать сыновей так, чтобы на всю жизнь запомнили, но тут поглядела в Юрино лицо, вижу: сам все осознал. Только одно и сказала:

– Понял, что брат чуть глаз не лишился? Нельзя так! Или у меня и без ваших игр горя мало?

Бывало, что убегут на рыбалку – нет их и нету. Забеспокоюсь я: мало ли что приключилось, мальчишки ведь шустрые! Однажды так долго не возвращались, что пошла искать. Все берега Гжати исходила, до собора добежала. Нету! Домой совсем по темноте пришла, а они дома. Сидят за столом такие чинные, такие притихшие, что я сразу поняла: чего-то натворили.

Юра сразу же ко мне.

– Мама! Борискины ботинки пропали. Только он не виноват. Мы все бега облазили. Украли их.

У меня ноги подкосились. В послевоенное нелегкое время это была большая потеря. Ботинки только-только по ордеру купили. Как же, думаю, он в школу пойдёт? Мне ребятюк жалко, и как положение поправить – не знаю. Юра нашёлся:

– Мы уж придумали. На носки галоши Зоины наденем – хорошо будет. – И эдак тихонечко да ласково: – Ты, мам, носки потолще свяжешь?

Ругать уж настроения не было. Видно же: ребята сами мучаются и переживают”.

Однажды в школе незадолго до окончания урока вошёл в учительскую пожилой человек. Был он явно чем-то рассержен, в руках держал какие-то покореженные деревянные детали.

– Это что же такое происходит? – сердито сказал он. – Здесь школа или опасная зона? Иду мимо – и вдруг из углового окна прямо на голову вот это падает.

Взяла заведующая школой “это” и пошла в класс. Ребята поднялись и застали.

– Чей это планер?

Минуту висела в классе напряженная тишина, а потом выступил вперед Юра Гагарин.

– Хорошо, Юра, что сознался, – строго сказала заведующая, – но завтра приходи с мамой.

– Я и сам всё понял, – сказал Юра. – Только маму не надо вызывать.

“Память человеческая сохраняет главное: Юра был шаловливым, но честным, открытым, добрым, – вспоминала заведующая. – Вот однажды на отрядном сборе пели песню “Три танкиста”. Я чувствую – вот-вот расплачусь: сын у меня танкистом был, погиб он. Ребята знали о моём горе, как-то я с ними поделилась. Когда запели про экипаж машины боевой, я своего вспомнила, а чтобы слёз ребята не видели, ушла. Стою в коридоре у окна, слышу: дверь скрипнула – несколько ребят подошли ко мне. Юра остановился рядом. Вижу – утешить хочет, а слов нет. Вот так мы постояли-постояли... Успокоилась я, вернулись мы на сбор”.

В начале 1960-х годов молодые ребята, кому предстояло выбрать собственный путь в жизни, очень хотели походить на Юру Гагарина. Каждый видел в нём свою мечту, свой идеал. Все интересовались любой информацией о жизни этого русского парня из Смоленской области. И, примеряя на себя его биографию, находили много схожего. Ничего особенного в его жизни не было – таких в стране были миллионы. И этим он был понятен и притягателен. Такой мог сидеть рядом за партой, играть в баскетбольной команде, стоять за станком, сидеть в кабине самолёта. К тому же его открытость, доброжелательность, готовность прийти на помощь не могли не нравиться. Если вспомнить фильмы, которые выходили в пятидесятые годы, то герои Леонида Харитонов, Леонида Быкова, Николая Рыбникова, Юрия Белова, Георгия Юматова, Василия Ланового, Василия Шукшина будто предвосхищали появление Гагарина. Как правило, это были бесхитростные, надёжные, добрые, умевшие вовремя подставить плечо парни, которые пришли на экраны из деревень и рабочих посёлков.

Сразу же после полёта зарубежные журналисты выдвинули предположение, что Юрий Гагарин является потомком князей Гагариных, а родоначальником этого древнего рода был Иван Всеволодович, младший сын великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо.

Когда об этом сообщили Юрию, он засмеялся и посоветовал тем, кто написал об этом, поехать в Гжатск и расспросить его родителей, тогда они точно узнают, какого он рода-племени. Своим происхождением Юрий Алексеевич гордился и не скрывал, что его предки были из простых крестьян, тех, кого по праву называют солью земли. Его становление как гражданина и человека происходило у всех на виду. И это обстоятельство делало его в глазах миллионов людей “своим в доску” парнем.

Мать Гагарина, Анна Тимофеевна, в девичестве Матвеева, родилась в крестьянской семье в деревне Шахматово, что находилась неподалеку от Петербурга. Потом семья перебралась в тогдашнюю столицу Российской империи и поселилась на Богомолковской улице, а её отец устроился работать на Путиловскую верфь, в паровозомеханическую мастерскую. Там же она получила начальное образование. В гжатском музее Юрия Гагарина есть свидетельство об успешном окончании четырёх начальных классов, выданное Анне Матвеевой в Петербурге 13 июня 1916 года Комиссией Императорского русского технического общества.

Отец Гагарина, Алексей Иванович Гагарин, был сыном смоленского крестьянина-бедняка и окончил всего два класса церковноприходской школы. В округе его знали как мастера на все руки. И было в кого. В роду Гагариных было немало мастеров, которые могли и дом срубить, и рамы связать, да так, что топор играл в руках.

И первые строки своей биографии Юрий Гагарин посвятил не столько отцу, сколько его делу, мастерству. “До сих пор помню желтоватую пену стружек, как бы обмывающих его крупные рабочие руки, и по запахам могу различить породы дерева – сладковатого клена, горьковатого дуба, вяжущий привкус сосны, из которых отец мастерил полезные людям вещи. Одним словом, к дереву я отношусь с таким же уважением, как и к металлу”. Именно отец с матерью привили Юрию любовь к труду, бережливость, заботу о млад-

ших. В школе Юрий учился хорошо, с охотой, учителя выделяли его живой, цепкий ум, хорошую память и почти все – обостренное чувство справедливости. Анна Тимофеевна вспоминала с улыбкой, как однажды оставила Юру одного дома и попросила, чтобы он присмотрел за поросятами. Вернулась и видит: одни поросята у кормушки, а другие заперты в клетке.

– Я не пускаю тех, которые очень жадные, – объяснил он. – Они слабеньких отгоняют, а сами всё съесть норовят. Накормлю их в последнюю очередь.

В жизни часто можно наблюдать, когда справедливость рассматривают как улицу с односторонним движением: со мной пусть поступают по справедливости, а я – как мне удобно. У Гагарина чувство справедливости по отношению к другим стояло на первом месте. Так было заведено в семье, так в то время старалось жить большинство народа. В этом смысле Юрий был намного благороднее иных “потомков” князей и дворян, которых ныне развелось, хоть пруд пруди.

Когда Анну Тимофеевну Гагарину приглашали выступить перед школьниками, она вспоминала свою молодость и те незабываемые годы, когда они, собираясь в праздничные колонны, пели песню Лебедева-Кумача:

*Идем, идем, веселые подруги!
Страна, как мать, зовёт и любит нас...*

В тот год, когда родился Юрий, вся страна, все люди следили за новостями, которые приходили с Ледовитого океана, где экспедиция под руководством Отто Юльевича Шмидта в 1933 году на не приспособленном для плавания во льдах пароходе “Челюскин” вышла из Ленинграда, пытаясь за одну навигацию пройти Северным морским путем. Им это почти удалось, но 13 февраля 1934 года в Чукотском море пароход затонул, на льдине оказались 104 человека, из них десять женщин и двое детей. Но благодаря героизму лётчиков, семеро из которых стали первыми Героями Советского Союза: Водопьянов, Слепнев, Каманин, Молоков, Доронин, Ляпидевский, Леваневский, – трагедию превратили в триумф. Случилось так, что подготовкой космонавтов руководил один из той плеяды первых Героев Советского Союза, Николай Петрович Каманин.

Вспоминая предвоенное время, Анна Тимофеевна говорила, что многие мечтающие о небе ребята наизусть знали стихи о Михаиле Водопьянове, который первым из советских лётчиков произвёл посадку на льдину, находящуюся на Северном полюсе:

*Я хочу, как Водопьянов, быть страны своей пилотом.
Чтоб лететь среди туманов, управляя самолётом.*

“Даёшь Магнитку!”, “Даёшь Днепрогэс!”, “Даёшь Кузбасс!” – звучало тогда по всей стране. Лётчики, инженеры, учёные, каждый по-своему пытались внести свою лепту в дело прославления страны.

Это было время ватных телогреек и вельветок, солдатских гимнастёрок и кирзовых сапог, коротких стрижек, беретов и красных платков. Это было суровое, жестокое, но одновременно и героическое время. В те времена люди умели и любили собираться вместе, а телевизор и прочие полезные на первый взгляд вещи ещё не развели всех по отдельным квартирам. Люди ходили в кино, как на праздник, а потом долго, с подробностями пересказывали увиденное.

В те годы новости на село обычно приносило радио. Репродукторы были похожи на больше картонные тарелки, их устанавливали на сельских клубах, а потом они появились и в домах. Работали они круглосуточно, из них узнавали о победах нашего народа на трудовом фронте, о героических свершениях Алексея Стаханова, Паши Ангелиной, Марии Демченко, четверки папанинцев, о героическом перелёте через Северный полюс экипажей Валерия Чкалова и Михаила Громова, смелых лётчиц Валентины Гризодубовой, Полины Осипенко, Марины Расковой.

Для всей страны эти имена становились родными и близкими.

Почти каждый мальчишка, да что там мальчишка, и многие девчонки мечтали подняться в небо. По всей стране звучали призывы: “Комсомолец, на самолёт!” И в авиацию шли тысячи и тысячи самых преданных небу и своей мечте молодых людей, которых, без всякого преувеличения, можно было назвать цветом народа.

Когда настал черёд Юры Гагарина идти в школу, война пришла на нашу землю и затронула всех. Лихое время научило его сверстников многому, но главным стало то, что они научились выживать вместе со всеми, брать на себя, на свои плечи заботы не только о родных, но и о живущих рядом людях.

Подготовленные в довоенных кружках Осоавиахима вчерашние подростки составили костяк Военно-воздушных сил Красной армии, и вскоре им предстояло сразиться в воздушных боях с лучшими асами Геринга. Героями Советского Союза стали тысячи лётчиков, а Иван Кожедуб и Александр Покрышкин – символами отечественной авиации.

Конечно же, как и всем послевоенным мальчишкам, Юрию Гагарину хотелось стать лётчиком. А для этого нужно было совсем немного. Главное, чтобы было здоровье, среднее образование, желание летать и любить однажды выбранную профессию.

Сегодня, взвешивая и оценивая, чего в то время было больше и чего тогда не доставало, можно сказать: не хватало многого, но было главное: уверенность в завтрашнем дне.

В феврале 1957 года, в преддверии Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, который летом должен был пройти в Москве, вышло постановление Совета Министров о цветном телевидении. Постепенно и у нас в магазинах стали появляться в продаже телевизоры, и в нашу жизнь, в наши квартиры пришёл голубой “ящик”. Журналисты тут же назвали его окном в мир, но мир этот был ограничен, как вещали западные станции, рамками “железного занавеса”. И это было оправданно. Тогда телеканалы, а их было всего два, не преподносили с экранов пьянства и эротики как “достижение свободного общества”. После пережитой войны и тех испытаний, которые выпали на долю нашего народа, всё воспринималось без оков: подлость воспринималась как подлость, трусость – трусостью, добро – добром.

Почти одновременно с цветным телевидением в пятидесятые годы в журналах, на страницах газет начала появляться военная проза: Юрия Бондарева, Василя Быкова, Константина Воробьёва, Евгения Носова, Владимира Карпова. И всё, что там мы находили, казалось простым и понятным: вот враг, а вот они, вчерашние мальчишки, став лейтенантами, учат сами и учат побеждать нас. Но то, что стало понятно лейтенантам, хотелось примерить и найти в себе. А вот этого не получалось, в общем-то книги не инструкции, а жизнь не подчиняется некой химической формуле с уже известным результатом в конце.

Так же, как и все, Юрий читал книги, занимался спортом, учил уроки, мастерил модели, бегал в ближайший кинотеатр.

В 1957 году на экраны вышел фильм режиссера Михаила Калатозова по сценарию Виктора Розова “Летят журавли”, который на международном Каннском кинофестивале получил “Золотую пальмовую ветвь”. Летом того же, 1957 года в Москве прошёл фестиваль молодёжи и студентов, и это тоже стало огромным прорывом в сознании людей, уже Запад пожаловал в нашу столицу и увидел, что и у нас есть чему поучиться, а песня “Подмосковные вечера” стала мировым хитом. Затем последовал запуск искусственного спутника. Всё это складывалось в одну духоподъемную линию, которая тогда шла по нарастающей. Юрий Гагарин и его друзья, будь то в техникуме или в лётном училище, те победы воспринимали как свои собственные.

1 сентября 1947 года Юра Гагарин пошёл в пятый класс средней школы и стал пионером. И вскоре был избран председателем совета пионерского отряда класса. В то время все его мысли были вокруг Гжатска, его уличных и школьных друзей. В школе одним из любимых предметов Гагарина была физика, может быть, оттого, что преподаватель её Лев Михайлович Беспалов во время войны служил в авиационных частях, и это поднимало его в глазах ребят на недосягаемую высоту.

В это время шла война в Корее, и Беспалов говорил учащимся, что вместе с корейской армией на дальневосточных рубежах сражаются китайские добровольцы. Ещё были близки впечатления от только что закончившейся Великой Отечественной войны, и ребята всё ещё находили за селом неразорвавшиеся мины и снаряды. Собрав их в кучу, они бросали эти опасные игрушки в костер и, разбегаясь, прятались по кустам. Снаряды и патроны разрывались, и Юра Гагарин, возбужденно переговариваясь с друзьями, шёл смотреть, что осталось от костра.

Многие родители и не догадывались, чем занимаются их дети. А они выковыривали порох из патронов, поджигали его, наслаждаясь тошнотворным запахом серы. А когда находили гранаты, то бросали их в реку, глушили рыбу, чтобы потом собрать её, плывущую по течению, и сварить уху или поджарить на костре. Некоторые парни пытались мастерить ракеты, заполняя обрезки металлических труб всё тем же порохом. Чаще всего эти самодельные ракеты взрывались не взлетев. Бывало, что двор Гагариных, вернее, подсобка, где хранились плотницкие инструменты отца, Алексея Ивановича Гагарина, превращалась в мастерскую по изготовлению из обрезков досок сабель, пистолетов и автоматов. Лучше всего получалось у Юры Гагарина, это и понятно, как-никак, отец плотник. Именно здесь, на зависть всем друзьям, он смастерил деревянную модель самолёта Миг-15, ещё не зная, что впоследствии ему придётся летать на этих истребителях.

Начавшаяся война в Корее часто упоминалась в разговорах взрослых. “Ушёл в сторону моря”, – так писали газеты об американских самолётах, которые нарушали наше воздушное пространство, а иногда, как это было под Владивостоком, даже бомбили аэродром на Сухой речке. Кое-кто из знающих намекал, что наши лётчики участвуют в воздушных боях, прикрывая от американских самолетов территорию Китая и Северной Кореи.

Так в городских дворах и на сельских улицах подрастало и проходило практику поколение мальчишек, многие из которых стали инженерами, конструкторами, лётчиками, шоферами, токарями. Но находились и такие, которым хотелось жить легко и просто, брать то, что лежит плохо. Происходил естественный отбор, но, следует отметить, не стихийно, а направленно государство старалось направить неуёмную ребячью энергию в контролируемое русло. Для миллионов мальчишек и девчонок открывались профессионально-технические училища, строились новые школы и институты. Государство брало на себя расходы, давало место в общежитии, выделяло форменную одежду, выплачивало стипендию. И всё это возвращалось сторицей.

В ту пору после семилетки образование было платным, но уже с середины пятидесятых годов все расходы государство взяло на себя. Иди, учись, все двери тебе открыты.

Все, кто помнил Юрия Гагарина, отмечали его целеустремленность. Особенно ярко это проявилось, когда он поступал в Люберецкое ремесленное училище.

В начале пятидесятых годов даже в “ремеслуху” попасть было непросто, для этого надо было иметь семилетнее образование. А у Юрия было всего шесть классов. А еще нужно было пройти обязательный конкурс. Юра понимал, что родители не смогут дать ему высшее образование. Он решил вначале приобрести рабочую специальность, чтобы уже самому помогать родителям. Поступить в училище ему помогла двоюродная сестра Тоня. Приехав с Юрой в училище, она зашла прямо к заведующему и показала табель успеваемости брата. Там были почти одни пятерки. После этого она выскочила к Юрию в коридор и коротко спросила:

– Можешь сдавать сейчас? Готовиться некогда.

И Юрий сдал экзамены без подготовки. Сегодня скажи кому, что в ремесленные училища существовал конкурс, нужно было сдавать экзамены, не поверят. А тогда это были престижные профессионально-технические училища. В основном они наполнялись ребятами из деревень, их привлекали новая форма, которую выдавали в училище, бесплатное питание, общежитие и гарантия того, что, закончив обучение, ты не останешься на улице.

25 августа 1949 года Гагарин был зачислен в Люберецкое ремесленное училище. Спустя много лет в училище припоминали: “Вакансия оставалась единственной – в литейную группу, где дым, пыль, огонь, тяжести... По силам ли такое мальчишке? Но он не только согласился, а настаивал, и мы его приняли”. Действительно, Юра поступил в группу, в которую не все-то охотно шли. И здесь он проявил характер и настойчивость. В сентябре Гагарин поступает в 7-й класс вечерней школы рабочей молодежи, который заканчивает с отличием, а в декабре того же года был принят в комсомол. Судьба не раз испытывала его, заставляла обязательно преодолевать препятствия. Судите сами: мечтал о Москве – очутился в Люберцах, хотел учиться на токаря или слесаря – зачислили в группу литейщиков.

Однажды москвич из группы токарей, рыжий парень, питавший к Юре симпатию, подвёл его к своему станку, быстро и толково объяснил, что такое передняя бабка, каретка, суппорт, резцедержатель, показал включение и даже разрешил попробовать поработать. Юрий нажал на чёрную кнопку, станок вздрогнул, патрон завертелся, и Юра, забыв про всё на свете, подвел к болванке резец. От металла тут же взвилась тонкая синевато-серебряная, как дождь на новогодней елке, стружка. Еще нажатие на штурвальчик – и новый фейерверк стали.

– Красота! – протянул Гагарин, неохотно отходя от станка.

Паренёк выдвинул из шкафа ящик и достал какие-то инструменты, похожие то ли на гаечные, то ли на разводные ключи.

– Это штангенциркули, – проговорил парень, не без гордости передвигаемая хомутик линейки. – Один с точностью измерения десятая миллиметра, другой – пять сотых. Приходи еще, будем учиться растачивать втулки.

В литейный цех Юрий вернулся расстроенный, с тоской посмотрел на свои инструменты – трамбовки, напоминающие мастерки каменщиков и печников, счищальки – плоские деревянные скребки, щетки для очистки. Ему захотелось стать токарем, – там красивая работа. Но опытные литейщики объяснили ему, что профессия литейщика – одна из самых уважаемых в России.

Надо научиться преодолевать в себе слабость, и тогда не будет тебе в жизни никакой преграды. И Гагарин, спрятав свою слабость, учился преодолевать самого себя, те трудности, которые встречались на его пути...

В 1949 году часть своей первой зарплаты, триста рублей, Юрий решил отправить родителям, хотелось показать: он не нахлебник, а полноценный помощник в семье. Вся его последующая после полёта жизнь была подтверждением сказанному. Он почти никогда никому не отказывал в помощи и принимал самое деятельное участие в судьбе не только близких, но и зачастую не знакомых ему людей. А таких на его пути после его полёта оказались тысячи. Просьба, доброе слово Гагарина открывали все двери. Зная доброту и отзывчивость Юрия, многие пользовались этим.

Как и все мальчишки того времени, Юра активно занимался спортом. Имеются спортивные грамоты за победы на спартакиадах ремесленного училища. Юра пробежал стометровку с результатом 12,8 секунды, а в эстафете ещё быстрее – за 12,4 секунды. Рядом с ним всегда были его неразлучные друзья – Тимофей Чугунов и Александр Петушков.

В 1951 году, окончив семилетку и училище, друзья получили направление в Саратовский индустриальный техникум по той же специальности – литейщика-формовщика. Они оказались в числе 35 студентов, принятых на учёбу в техникум. Большинство сокурсников были старше Гагарина; учиться пришли даже бывшие фронтовики-орденоносцы. Трое друзей, прозванных “неразлучными москвичами”, оказались среди лучших студентов. Они много занимались математикой и мечтали приобрести логарифмическую линейку, стоившую довольно дорого.

Впервые в жизни у Гагарина появилось немного свободного времени. Саратов – красивый волжский город с богатыми культурными традициями, и Юрий ходил на спектакли оперного и драматических театров, любил смотреть кино и очень много читал. Больше всего ему нравился роман Льва Толстого “Война и мир”, но, кроме этого, он зачитывался также книгами Жюль Верна и Герберта Уэллса, рассказами Конан Дойла.

Летом 1952 года его направили воспитателем в пионерский лагерь, где он впервые попробовал себя в роли педагога. Его работа была оценена очень высоко, и на следующее лето Юрий Гагарин решением комсомольского бюро был назначен инструктором физкультуры в один из крупнейших в области пионерских лагерей. Сначала его активная деятельность многим детям и воспитателям не понравилась. Не все торопились выходить на зарядку, но очень быстро Юра заставил всех выбегать по свистку. Стал проводить соревнования с соседями.

В Саратовском техникуме его избирают председателем физико-технического кружка. В 1952 году его избирают секретарём комсомольского бюро техникума, и здесь же был назначен секретарем спортивного общества “Трудовые резервы”. Биография, которую мы заполняем, когда поступаем в институт или оформляемся на работу, по своей форме предполагает указать те события в жизни человека, которые, по его мнению, являются в прожитой жизни

основными: где и когда родился, кто были его родители, где учился, что закончил, чем награждён. И совсем редко в ней указывают черты характера, наклонности, что любил, был ли активен или отлынивал от выполнения общественных обязанностей. В биографии Гагарина бросается в глаза, что Юрий всегда был на виду: комсоргом, капитаном футбольной команды, членом комсомольского бюро техникума. Не думаю, что он сам, как порою говорят, лез в начальство. В силу своей природы, живого характера он не молчал там, где обсуждалась жизнь класса, школы, училища. И его живой ум отмечали сразу же и, как это водилось во все времена, выбирали своим лидером.

В феврале Юрий со своими однокашниками едет на стажировку в Москву, на завод имени Войкова, а потом в Ленинград, на завод “Вулкан”. В Ленинграде Гагарин с интересом знакомился с городом, где прошли школьные годы его матери.

После возвращения в Саратов у него появляется новое увлечение – авиация. Саратовский друг по учёбе в техникуме Виктор Порохня вспоминает, что вначале у них была мысль поступить в Краснокутское лётное училище ГВФ. Но туда брали только при наличии десятилетки или законченного техникумовского образования. Кто знает, может, стал бы Гагарин классным гражданским лётчиком, но судьба, как в свое время Королёва, готовила его для другого...

26 октября 1954 года он вместе со своими друзьями поступил в Саратовский аэроклуб. Курсантов разбили по группам. Гагарина зачислили в отряд Анатолия Васильевича Великанова.

Когда я узнал, что Гагарин был зачислен в шестую лётную группу, мне припомнилась наша, тоже шестая лётная группа в Бугурусланском лётном училище. И командиром у нас был лётчик, понюхавший пороха в небе Великой Отечественной войны, – Андрей Владимирович Быценко. Командиром же у Гагарина стал Герой Советского Союза Сергей Иванович Сафронов, однофамилец прославленного лётчика-истребителя в Заполярье Бориса Сафронова. Лётчиком-инструктором у Гагарина стал Дмитрий Павлович Мартьянов. А начальником Саратовского аэроклуба был Герой Советского Союза Григорий Кириллович Денисенко. Уже одно наличие таких прославленных асов говорило о том, что Гагарин попал не в простой аэроклуб. Здесь, в Саратове, умели привить курсантам настоящую любовь к небу. Каждому человеку выпадает в жизни шанс, надо только верно им распорядиться. Но для этого надо разглядеть его и приложить немалые усилия, чтобы реализовать, не упустить этот шанс. Своим шансом Гагарин воспользовался сполна.

Поступить в аэроклуб и получить таких наставников – это был даже не шанс, а подарок судьбы. А уж если они похвалили, то, значит, ты на самом деле чего-то стоишь. И, конечно же, особняком в биографии летчика стоит тот день, когда он увидел землю с высоты птичьего полета. Таким днём для Гагарина стал первый парашютный прыжок с самолета По-2. Случилось это 18 мая 1955 года.

Ночь накануне прыжков прошла для Гагарина спокойно. Еще бы, утром ехать на аэродром, где первый раз в жизни тебя поднимут в воздух, чтобы сделать обязательный парашютный прыжок. Да не один. Курсант должен уметь управлять парашютом и, в случае опасности, покидать самолет. Многие летчики не любили доверять, как они говорили, свою жизнь тряпке. Но это была отличная возможность проверить себя: сможешь ли ты преодолеть в себе чувство страха и перешагнуть черту, которая отделяет тебя от всех остальных, предпочитающих передвигаться по земле на своих двоих. Когда рассвело, Юрий привычно вместе со всеми умылся, почистил зубы и прислушался к себе. Всё, как и прежде, пульс в норме, сердце – его не слышно, значит, всё в порядке. Они собрались на аэродроме вместе с девушками, тоже аэроклубовками, подшучивали друг над другом. Как и все, Юрий делал вид, что прыжок с парашютом для него – дело простое, не страшнее, чем прыгнуть с крыши дома или с крыши идущего поезда. Но, как только стали надевать парашюты, руки разоблачили сами себя – никак у него не ладилось с ляжками и карабинами. Несколько раз Юрий надевал его раньше, тренируясь, залезал в подвесную систему, всё вроде знакомо; сзади – большой ранец с основным парашютом, спереди – ранец поменьше, с запасным. Наконец всё надето, закреплено, проверено. Теперь самое трудное – ожидание. Первый прыжок – это первый шаг в неизведанное.

“У меня аж дух захватило! – вспоминал Гагарин о своём первом парашютном прыжке. – Как-никак это был мой первый полёт, который надо было за-

кончить прыжком с парашютом. Я уже не помню, как мы взлетели, как По-2 очутился на заданной высоте. Только вижу, инструктор показывает рукой: вылезай, мол, на крыло. Ну, выбрался я кое-как из кабины, встал на плоскость и крепко уцепился обеими руками за бортик кабины. А на землю и взглянуть страшно: она где-то внизу, далеко-далеко... Жутковато...

— Не дрейфь, Юрий, девчонки снизу смотрят! — крикнул инструктор. — Готов?

— Готов! — отвечаю.

— Ну, пошёл!

Оттолкнулся я от шершавого борта самолета, как учили, и ринулся вниз, словно в пропасть. Дёрнул за кольцо. А парашют не открывается. Хочу крикнуть и не могу: воздух дыхание забивает. И рука тут невольно тянулась к кольцу запасного парашюта. Где же оно? Где? И вдруг сильный рывок. И тишина. Я плавно раскачиваюсь в небе под белым куполом основного парашюта, открылся, конечно, вовремя — это я уже слишком рано стал думать о запасном”.

Юрий скользил по упругому воздуху, глядя на ровную, точно выглаженную утюгом землю. Она казалась такой близкой, что хотелось потрогать — ногой. Слева была Волга, — он не знал, что через каких-то пять лет они вместе с другими космонавтами пробудут здесь, на саратовской земле, не один день. Почти ежедневно их будут поднимать в небо маленькие Ан-2, и опытные наставники-инструктора будут отрабатывать технику приземления на парашюте. Возвращение с орбиты предполагало на заключительном этапе парашютное приземление.

А сейчас, после первого покидания самолета, когда над ним, упруго натянув стропы, стоял купол парашюта, ему хотелось беспричинно кричать, петь и смеяться.

— Ну что, тверда земля? — спросили его после приземления.

— Да что вы! Ударила неожиданно, но терпимо.

— Хорошо, что не было ветра, — улыбнулись бывалые. — А то потащило бы по полю.

— Я бы погасил, — заулыбался в ответ Гагарин. — Подтянул бы на себя нижние стропы.

— Правильно, — похвалил его подошедший Мартьянов.

После прыжков надо бежать сломя голову в техникум, уже начались экзамены, а Дмитрий Павлович Мартьянов, конечно, об этом не знает. Спрашивает, приглядевшись к ученику:

— Хочешь полетать?

— Конечно, хочу!

Гагарин вскочил, вытянулся в струнку перед командиром. На что же такое похожа эта птица, поблескивающая дюралем и плексигласом кабины? Ах да, на ту, что встречал на клушинской луговине! Но у той машины были острый нос и пулемёты. Учебный “Як” — с виду вполне доступная машина. Лётное поле покрыто короткой зеленой травой. Оно довольно ровное и расположено на горе. С одной стороны его ограничивают лесопосадки, другим концом оно упирается в овраг. За ним церковь, на ней колокольня и крест. Но с лётного поля виден только крест. И вот на Гагарина надели парашют. Юрий забрался в кабину, пристегнулся. Вырулили на старт. Всё делает инструктор Мартьянов. Юрий смотрит по сторонам и за приборами. Короткий разбег — и вот они в воздухе. Земля замедляет бег, выравнивается и вдруг неожиданно ползёт куда-то в сторону. Пытаюсь сохранить вертикальное положение, Гагарин инстинктивно отклонился в сторону и упёрся головой в фонарь. Но через мгновение понял, что делать этого не следует. Через несколько минут набрав высоту, Мартьянов сделал переворот, на выходе крутанул бочку, затем боевым ушел вверх, перевернул самолёт. И вот они несутся вертикально вниз. Земля на глазах растягивается, как резиновая. А под ним, точно из огромной, во весь земной шар камеры, казалось, выпускают воздух, который куда-то за хвост отбрасывает винт. Ощущение приятное и неприятное одновременно. Что запомнилось ему ещё? Наверное, когда инструктор после горки перевёл самолет в отвесное пикирование. Они летели вниз, как с огромной качели, и вновь зелень полей надвигалась с невероятной скоростью, Юрию казалось, до земли осталась самая малость, еще миг, и они уткнутся, вмажутся в нее, как со всего маху разлетается брошенное в стену яйцо. На всю жизнь он запомнил это одновременное ощущение ужаса и восторга. С огромной скоро-

стью он летел к земле лицом, не было привычного горизонта, чуть внизу приборная доска, стекло фонаря, а за ним расплзающаяся во весь видимый мир земля. И казалось, что от неё не уйти, не отвернуть. Но вот какая-то нечеловеческая сила начала вдавливать его в сиденье. Невозможно поднять руку. Нос самолета уходит от земли, пересекает линию горизонта, не останавливаясь, задирается еще дальше вверх, Гагарин начинает цепляться за привязные ремни. И вдруг небо опрокидывается за голову, и самолет вновь несется к земле. Ему вновь кажется, что до неё подать рукой и самолёту может не хватить высоты, но вот впереди откуда-то сверху выплывает линия горизонта, и Юрий догадывается, что они выполнили знаменитую петлю Нестерова. Нет, Гагарин не сидел в кабине мешком, он ловил любую подробность, смотрел, как ведёт себя самолёт в том или ином режиме, укладывая свои собственные ощущения в отдельный уголок, он знал: всё это, уже уложенное в определенном порядке, пригодится ему в последующих полётах. Конечно же, он и не предполагал, что инструктор продемонстрирует ему в первом же ознакомительном полете все фигуры высшего пилотажа, покажет не только себя, но и возможности крылатой машины...

После приземления к самолету подбежали друзья.

— Ну что, похвастался завтраком? — участливо, но с ехидцей спросили они.

— Всё нормально, — ответил Гагарин.

В последовавших после этого полётах Юрий уже научился по шуму кабина воздуха определять скорость и плотность, когда самолёт, уходя в петлю, задирает свой нос в зенит, он по слабине привязных ремней ощущал, что земное тяготение гораздо сильнее надрывного стрекота мотора, воздух на крыльях слабел, его недавняя упругость и плотность, сравнимая с упругостью жидкой резины, пропадала, парашют под ягодицами уже не казался налитым свинцом, а свободно висел где-то между небом и подвешенным на ремнях телом. Но уже через секунду-другую, миновав верхнюю точку, самолёт вновь набирал скорость, и винт уже не царапал слабенький, разжиженный воздух, а врезался в него, как штопор в огромную прозрачную пробку, показывая, что и у него есть плотность и немалая сила. Вот так на практике он реально постигал законы аэродинамики и физики. И восхищался человеческим умом, который приспособил эти законы для своей пользы, изобрел чудесную воздушную машину, в которую неожиданно попал и он, вчерашний деревенский паренёк.

Лётчики любят подначки, проверяя зелёных юнцов на сообразительность. Однажды во время предполётной подготовки инструктор пригласил Гагарина к доске и, попросив написать аэродинамическую формулу прямолинейного горизонтального полета, неожиданно спросил:

— Вот вы, товарищ курсант, утверждаете, что во время установившегося горизонтального полета сила тяги уравновешена лобовым сопротивлением. Тогда объясните: почему самолёт не останавливается, а продолжает движение?

— Самолёт продолжает движение за счет инерции, — подумав немного, ответил Гагарин.

— Молодо, но не зелено, — похвалил его инструктор. И, помолчав, добавил: — Иногда даже опытные лётчики не в силах правильно ответить на этот, казалось бы, простой вопрос.

В свободное время курсанты аэроклуба, поглядывая свысока на девчонки, пели шутилку курсантскую на мотив очень популярной в те годы песни “За два сольдо, за два гроша”:

*...Эта песня о курсантах, о пилотах,
Эта песня о безграмотных полётах,
Эту песню, сочинённую на старте,
Я для вас, друзья курсанты, пропою.
Самолёты все раздеты и разуты,
На линейку их прикатим за минуту,
А потом зарядим наши парашюты
И в столовую бежим, как на пожар...*

Вот через такие самодельные, воспевающие полёты песни, через авиационные байки, общение с бывальыми лётчиками курсанты аэроклуба приобщались к лётному братству, где единственной любовью и мерилом всему бы-

ло небо. Но его еще предстояло покорить. И здесь Юрия поджидала первая неприятность, связанная с его лётным обучением. Здесь, как и после первой в жизни школьной линейки, все начинают одинаково: первые уроки, первые оценки. Но у одних пятерки, а у других тройки и даже колы. С теорией у Гагарина было всё в порядке, одни пятёрки. Но когда дело дошло до полётов, то начались неприятности. Главными для курсанта перед выпуском в самостоятельный полёт были построение прямоугольного маршрута и заход на посадку, определение высоты выравнивания и плавное касание земли при посадке. В первых же полётах Юрий не сумел зафиксировать в своей памяти необходимую высоту выравнивания и начинал движение ручкой управления намного раньше, чем надо. Происходили высокое выравнивание и, как следствие, грубая посадка. Попытки исправить ошибку и подвести самолёт поближе к земле прерывались инструктором, он, иной раз применяя нецензурную лексику, вырывал машину у самой земли, самолёт взмывал, бывало, что при этом колеса задевали землю и получался классический “козёл”. И это продолжалось из полёта в полёт. Инструктор даже подумывал об отчислении Юрия из аэроклуба. Чего возиться с неумехой, понапрасну жечь бензин, когда вон, только свистни, как на место Гагарина прибегут сотни других. Юрий чувствовал, что его лётной карьере грозит серьёзная опасность, но поменять что-то самому было уже почти поздно. Он сидел на старте, смотрел, как друзья взлетают, строят “коробочку”, выполняют четвёртый, последний разворот и садятся у посадочного “Т”. Всё у них получалось ладно, они вылезали из кабины со счастливыми, радостными лицами. “Что же я делаю не так? – думал он. – Почему у них получается, а у меня одни ошибки?” На уме у Гагарина почему-то вертелась шуточная авиационная песенка про неудачные курсантские полёты. Ему казалось, что эту песню сочинили про него:

*Даю я газ решительно,
Земля летит стремительно,
Контрольный мне доверили полёт.
Машина успокоена,
“Коробочка” построена,
Утюжу я воздушный океан.
Но вот беда случилась —
“Коробочка” скривилась,
И вышел из коробки чемодан...*

Но Юрию повезло, инструктор не стал торопиться с отчислением, а сам Юрий сумел настроиться и проанализировать свои ошибки. Через несколько дней начальник лётной части Константин Филимонович Пучик, слетав с Гагариным, пошёл к Великанову и уговорил слетать с Юрием, чтобы тот убедился: годен парень к полётам.

Понимая, что другого шанса уже не будет, Гагарин сумел на этот раз собраться и слетал с Великановым безукоризненно.

— Вы что же, Гагарин, притворялись никак? – спросил его уже на земле Анатолий Васильевич. — Значит, когда в кабине начальство, поэтому и не ошиблись ни разу? Так не пойдёт. Летайте без нас, командиров.

Мартьянов не сел, как обычно, в “шестёрку желтую”, а, оставаясь, сказал: — Полетишь один.

“Я вырулил на линию старта, дал газ, поднял хвост машины, и она плавно оторвалась от земли, — вспоминал о том полёте Юрий. — Меня охватило трудно передаваемое чувство небывалого восторга. Лечу! Лечу сам! Только авиаторам понятны переживания, связанные с ощущениями первого самостоятельного полёта... Сделал круг над аэродромом, рассчитал посадку и приземлил самолёт возле посадочного знака. Сел точно. Настроение бодрое. Вся душа поёт.

— Молодец, — сказал инструктор, — поздравляю!

Мы шли по аэродрому, а в ушах продолжала звенеть музыка полёта. А на следующий день товарищи говорят:

— Знаешь, о тебе написали в газете...

Юрий недоверчиво глянул на товарища. Ну что такого он сделал, чтобы о нём писала газета? Но тот тут же развернул местную газету “Заря молодёжи” и громко прочитал:

“5 часов утра. Мы на аэродроме саратовского аэроклуба... Начинается подготовка к полётам. В этот день программа разнообразна. Одни будут отрабаты- вать полёт, другие – посадку, третьи пойдут в зону, где им предстоит выполнять различные фигуры пилотажа.

Сегодня учащийся индустриального техникума комсомолец Юрий Гагарин совершает свой первый самостоятельный полёт. Юноша волнуется. Но движения его чётки и уверенны. Перед полётом он тщательно осматривает кабину, проверяет приборы и только после этого выводит свой Як-18 на линию исполнительного старта. Гагарин поднимает правую руку, спрашивает разрешения на взлёт.

– Взлёт разрешаю, – передает по радио руководитель полётов К. Ф. Пучик. В воздух одна за другой взмывают машины...”

Через несколько дней Юрию удалось достать этот номер газеты и послать родителям в Гжатск. Мать в ответ написала: “Мы гордимся тобою, сынок... Но смотри, не зазнавайся...”.

А он и не зазнавался. И отныне его мысли были подчинены одному – летать.

В июне 1955 года Юрий защитил диплом и сдал экзамены в техникуме с оценкой “отлично”, получив квалификацию механика литейного производства, мастера производственного обучения. А уже 24 сентября выполнил зачетный полет в аэроклубе после окончания лётной программы. Саратов дал ему всё, что он хотел взять. Теперь ему предстояло брать другие высоты. 25 октября он приехал в Оренбург (Чкалов) и был принят в 1-е Чкаловское военное авиационное училище имени Клим Ворошилова (ЧВАУЛ) и стал курсантом. 8 января 1956 года Юрий принял воинскую присягу. Вскоре нескольких курсантов отчислили со второго курса по состоянию здоровья, и Гагарина, уже имеющего лётную практику, перевели в группу с двухгодичным сроком обучения. И вскоре его назначают помощником командира взвода.

Требовательность Гагарина к товарищам в январе 1957 года привела к конфликту. Трое однокурсников устроили ему “тёмную”, так что Юрию Алексеевичу пришлось целый месяц провести в больнице, а на злоумышленников завели уголовное дело. Не раз приходилось слышать, как многие парни, да что там парни, зрелые мужи с гордостью рассказывают о своих похождениях, самоволках, выпивках в кустах и своих мнимых победах над “слабым полом”. Гагарин не был ханжой, служакой, выскочкой, он понимал, что требования устава, поддержание дисциплины есть необходимое требование для молодых людей, надевших военную форму, чтобы молодые ребята понимали: их собрали не в вольчую стаю, а для обучения любимому делу, где высшей целью будет готовность Родину защищать.

В 1956 году начались учебные полёты. Они проводились на усовершенствованном Як-18.

В училище, помимо обучения лётному делу, большое внимание уделялось физической подготовке. Гагарин, как всегда, был в числе лучших: на соревнованиях между эскадрильями он завоевал первые места по гимнастике, баскетболу, волейболу и в беге на сто метров.

В ту пору в Советском Союзе существовала одна из лучших в мире систем отбора и подготовки авиационных кадров. Более трёх тысяч лётчиков ежегодно пополняли авиационные полки, эскадрильи и отряды гражданской авиации. Она включала в себя специализированные лётные школы, аэроклубы, лётные училища. Конкурс в лётные училища был огромен, бывало до двадцати человек на одно место. И это среди тех, кто прошёл медицинскую комиссию и был признан годным к лётному обучению. Для тех, кто попадал в избранные, небо становилось точкой отсчёта уже новой, полной особого смысла жизни. Каждый лётчик мечтал освоить новую, более современную авиационную технику и подняться на собственную орбиту.

Почувствовав, что курсант готов к самостоятельному полёту, инструктор доложил командиру эскадрильи. Тот дал добро на полёт. Сообщив Гагарину, что тот допущен к выполнению самостоятельного полёта, инструктор завязал ремни в задней кабине и хлопнул курсанта по плечу, мол, давай, не подведи меня. Пока Юрий рулил на исполнительный старт, друзья по лётной группе в квадрате разложили пачки сигарет с позывными Гагарина. Прикурив, смотрели, как он производит взлёт, как строит “коробочку”, как заходит на посадку, выравнивает и сажает истребитель. После заруливания они побежали встре-

чать его. Но первым, как это и положено, к самолёту подошел инструктор. Он пожал Юрию руку, следом то же самое сделали друзья-однокашники. Свершилось! С этой минуты, этого дня он — лётчик! С первого самостоятельного полета начинали все, от Чкалова до Покрышкина. Теперь пришёл его черед. По давней лётной традиции Гагарин с пачкой “Казбека” пошёл к машине руководителя полётов, где собралось начальство, начал угощать инструктора, командира эскадрильи, руководителя полётов.

*На старте задымились вылетные,
Все стихло в ожидании команд, —
Еще одну затяжку, и на вылет,
Так пожелай мне счастья, лейтенант!*

Когда подойдёт отпуск, Гагарин приедет в Гжатск, пройдёт в форме по родной улице, по которой он когда-то бегал босиком, гонял мяч, ездил на велосипеде, ходил в школу. С каждым, кто ему встретится по дороге, он поздоровается за ручку. Особая честь старикам. Те будут подниматься с лавок, отдавая честь лётчику. Не забудет он и родной школы, при первой возможности, начистив сапоги и пришив свежий подворотничок, Юрий пойдёт туда, чтобы встретиться и поговорить с учителями. . .

6 ноября 1957 года он окончил по первому разряду Чкаловское военное лётное училище с квалификацией “пилот-техник”, и ему было присвоено воинское звание лейтенанта Советской армии. Как это водится, событие это было обставлено со всеми принятыми почестями, наставлениями инструкторов, речами отцов-командиров и в заключение обмыванием лейтенантских звездочек в столовой училища.

А в это время южнее Саратова, на полигоне Капустин Яр уходили в небо ракеты. Юрий ещё не знал, что в проектах уже есть чертёж корабля, на котором он облетит земной шар.

Ещё курсантом в январе 1956 года Юра познакомился со своей будущей женой, Валентиной Горячевой. Кстати, поначалу он ей совсем не понравился. Маленький, стриженный наголо. Ну, в общем, не красавец! Но было в нём что-то такое, что Валентину потянуло к этому весёлому, с ясными глазами пареньку.

Вот как вспоминает жена Гагарина Валентина знакомство с будущим своим мужем: “Я хорошо помню тот вечер в авиационном училище, кружащиеся в танце пары, музыку и вдруг появившуюся группу курсантов-первогодков, стриженных, суетливых, возбужденных своим первым выходом “в свет” после карантина.

Я его увидела, когда он пригласил меня танцевать. Вёл легко, уверенно и сыпал бесконечными вопросами: “Как вас зовут? Откуда вы? Учитесь или работаете? Часто ли бываете на вечерах в училище? Нравится ли это танго? . . .” Потом был другой танец, третий. . . В десять часов музыка смолкла. Он проводил меня до выхода и, словно мы уже обо всём договорились, сказал:

— Итак, до следующего воскресенья.

Я промолчала. Уже дома подумала: “А почему я должна встречаться с этим лысым? И вообще, почему он держится так уверенно? Знакомы мы всего один день. . .”

В следующее воскресенье мы пошли в кино. Не помню, какой фильм мы смотрели, но в отношении к нему наши взгляды разошлись. Сначала спорили, доказывали друг другу свою точку зрения, но потом разговор стал совсем скучным. Долго шли молча. Около нашего дома он так же, как и в тот, первый вечер, сказал:

— Итак, до следующего воскресенья. Пойдём. . . — Вот тут он замолчал и посмотрел на меня. Посмотрел и добавил: — Пойдём в гости.

— Это к кому же, — удивилась я, — к нам, что ли?

— К вам.

Сказал он это просто, непринужденно, словно я сама пригласила его, словно мы давным-давно знаем друг друга. Позднее, когда я лучше узнала Юру, мне стало ясно, что это одно из самых примечательных свойств его характера. Юра легко и свободно сходил с людьми, быстро осваивался в любой обстановке, и, какое бы общество ни собиралось, он сразу же становился в нём своим, чувствовал себя, как рыба в воде.

В ту пору нам было по двадцать. Далеко идущих планов мы не строили, чувства свои скрывали, немного стеснялись друг друга. Сказать, что я любила его сразу, значит, сказать неправду. Внешне он не выделялся среди других. Напротив, ребята-старшекурсники выглядели более степенно, причёски их делали более привлекательными, девчонкам они нравились больше. Ну а мой кавалер? Мой “лысый”? Не сразу я поняла, что этот человек если уж станет другом, то станет на всю жизнь. Но когда поняла...

Много было у нас встреч, много разговоров по душам, долго мы приглядывались друг к другу, прежде чем приняли решение связать навсегда свои жизни и судьбы”.

В Оренбурге у Гагарина был один непростой момент, когда он мог поставить крест на своей лётной карьере. Как-то Юрий узнал, что срок учёбы в училище продлевают на один год, и тогда он решил бросить училище и поехать в Томск работать на заводе. Тем более друзья по Саратовскому техникуму писали, что в этом сибирском городе требуются литейщики. Сомнения Гагарина были вполне оправданны, в то время ему уже было двадцать три года, сколько же ещё можно учиться и сидеть на шее государства? Мне кажется, здесь Гагарин вступал в противоречие с самим собой, природная деревенская закваска подсказывала: надо отдавать то, что в тебя вкладывали, помогать родителям. А тут всё стол да парта. Не знал он, что ему придётся учиться всю свою короткую жизнь. Но именно она, Валя, настояла, чтобы он продолжил учёбу.

Сразу же после окончания училища они с Валею сыграли свадьбу: одну в Оренбурге, у Горячевых, другую в Гжатске, куда они приехали во время Юриного отпуска.

В декабре 1957 года Юрий Гагарин вместе с другом по лётному училищу Юрой Дергуновым прибыл в 769-й истребительно-авиационный полк 122-й истребительно-авиационной дивизии Краснознаменного Северного флота. Часть была расквартирована в поселке Лаостари-Новое Мурманской области. Вскоре к нему приехала и Валя.

Уже в марте 1958 года после необходимой наземной подготовки и сдачи зачетов Юрий приступил к полётам на самолётах УТИ-Миг-15 и Миг-15-бис.

6 апреля 1958 года Гагарин выполнил первый самостоятельный полёт в Заполярье, а 7 июля 1959 года получил квалификацию “Военный лётчик 3-го класса”.

Поднимаясь в небо Заполярья, Гагарин еще раз убедился, что карты не врут. Узенькие ниточки рек, маленькие, похожие на наросты поселки, тёмная шерсть тундры, которая упиралась в белую скатерть снегов, а дальше к северу тёмный скалистый берег, колотый мрамор льдов и металлическое литьё безбрежного Ледовитого океана. И небо здесь было совершенно иным, чем в Саратове или Оренбурге. То, что полёты в Заполярье требуют особой подготовки и внимания, он понял во время первых же своих самостоятельных вылетов. В один из дней, когда Гагарин отрабатывал задание в “зоне”, непогода за считанные минуты закрыла аэродром. Топливо было на исходе, уйти на запасной уже не было возможности. Но Юрий вышел на привод, построил “коробочку” и посадил свою машину на полосу в условиях ограниченной видимости. Такие полёты дают летчику многое, главное – уверенность в своих силах. Бывает, что лётчик совершит десятки полётов при видимости миллион на миллион. И будет считать себя асом. Но это до первой проверки по-настоящему сложной погодой.

Сразу же после запуска первого искусственного спутника Президент Соединенных Штатов Америки Эйзенхауэр не посчитал зазорным послать своих специалистов изучать систему образования и подготовки кадров в Советском Союзе, а президент Кеннеди – перенять государственную систему патриотического воспитания молодежи. Соревнование двух систем шло на всех уровнях. Во всём мире следили за поистине космическими прыжками в высоту американского прыгуна Джона Томаса, основным соперником которого был наш спортсмен Валерий Брумель. С восхищением воспринимались победы нашего штангиста Юрия Власова над американским тяжелоатлетом Паулем Андерсенном, огорчались поражением советских хоккеистов на Олимпиаде в Скво-Вэлли в финальном матче с американцами, прониклись уважением к американским морякам, которые в Тихом океане нашли и спасли четверых наших солдат: Зиганшина, Поплавского, Крючкова, Федотова.

После запуска в СССР третьей космической ракеты, которая обогнула Луну, сфотографировала её невидимую с Земли часть и передала фотографии на Землю, Гагарин, услышав эту новость по радио, подал рапорт по команде с просьбой зачислить его в группу кандидатов в космонавты. Подобные рапорта в те дни писали многие: лётчики, моряки, парашютисты, спортсмены... Но только после принятия решения на Политбюро о начале подготовки пилотируемого полёта с космонавтом на борту начался отбор кандидатов в космонавты. Было предложение набирать их среди лётчиков-испытателей, но у Сергея Павловича Королёва на этот счёт было свое мнение. И приоритет был отдан лётчикам-истребителям. Главными критериями отбора были возраст – не старше тридцати, рост, вес и отличное здоровье. Но это должна была определить специальная медицинская комиссия.

Вскоре подавшего рапорт Гагарина вызвали в Москву. Произошло это в начале 1960 года. Первым на медицинскую комиссию приехал Павел Попович, он со своей природенной обстоятельностью всё разузнал и уже на правах старожила встречал и объяснял вновь прибывшим, куда идти и к кому обращаться. Прибывших на медицинскую комиссию и собеседование лётчиков разместили в приспособленном для этого двухэтажном здании напротив метро “Динамо”. На первом этаже находились административные помещения, а на втором были комнаты для лётного состава. Там же была оборудована столовая.

Как вспоминает сам Гагарин, комиссия оказалась придирчивой. Всё было совсем не так, как при ежегодных лётных медицинских осмотрах. К ним авиаторы привыкли и ничего страшного в них не видели. А тут, начиная с первого же специалиста, а им оказался врач-окулист, они понял, насколько всё серьёзно. Глаза проверяли особенно тщательно. Нужно было иметь “единицу” по зрению, то есть свободно и уверенно прочитывать всю таблицу букв и знаков от начала и до конца, от крупных до самых мелких. Врачи искали скрытое косоглазие, проверяли ночное зрение, тщательно исследовали глазное дно. Пришлось не один, как обычно, а семь раз являться к окулисту, и всякий раз всё начиналось сызнова: опять таблицы букв и знаков, проверка цветоощущения; “взгляните правым глазом”, “взгляните левым”, “посмотрите туда”, “посмотрите сюда”... Словом, доктор работал по формуле: “Семь раз отмерь – один раз отрежь”.

Проводилась проверка способности работать в усложненных условиях. Предлагалось производить арифметические действия с цифрами, которые вначале нужно было найти в специальной таблице. При этом учитывались и скорость работы, и правильность ответа. На первый взгляд, решение задачи было простым. Но неожиданно включался репродуктор, из которого монотонный голос начинал подсказывать решение. Однако вместо помощи голос сильно мешал сосредоточиться. Внимание начинало рассеиваться, и требовалось заставить себя продолжать работу, не обращая внимания на “услужливого друга”. Было трудно. Впрочем, это были только цветочки – ягодки были впереди.

Врачей было много, и каждый оказался строг, как прокурор. Кандидатов в космонавты приехало во много раз больше, чем требовалось, и врачи перестраховывались. Браковали терапевты и невропатологи, хирурги и ларингологи. Находились и такие, которые в силу своих пристрастий и представлений о том, каким должен быть кандидат в космонавты, выискивали то, чего не было на самом деле. Попавшие к ним молодые лётчики были не более чем предметом, который покорно терпел всё и так же покорно и тихо уезжал в свою часть.

Я вспоминаю, как в лётном училище в первые дни после поступления, когда мы ещё только привыкали к новому распорядку, нас пугали отчислением все, кому было не лень. Даже парикмахер Сережа, которому бы в пору стричь овец, сметая с наших голов волосы, куражась, грозил нам: “Будешь крутить башкой, отчислю!”

Врачи обмеряли кандидатов в космонавты, крутили на специальных приборах, проверяя вестибулярный аппарат... Главным предметом исследований были сердца. Сложная аппаратура находила всё, даже самые минимальные изъяны в здоровье.

Руководил комиссией опытный авиационный врач Евгений Алексеевич Карпов – человек большой эрудиции и знаний. Отсев был большой. Из десяти-

ти человек оставляли одного. Но и он не был уверен, что его не спишет следующая комиссия. Приговоры обжалованию не подлежали – лётчики уезжали в свои части с тяжёлым сердцем. Многим из них уже на месте по результатам “космической” медицинской проверки было предложено списаться на землю. Шло сокращение армии, и лётчиков не жалели. Собираясь в столицу, несостоявшиеся кандидаты мечтали о полётах на новой технике, а в итоге получали психологическую травму. Загнанная вглубь, она давала о себе знать каждый раз, когда радио сообщало об успешном запуске в космос очередного корабля.

После обследования Гагарин вернулся в полк, и потянулись дни ожидания. Как и прежде, он уходил на аэродром, летал над сушей и морем, нёс дежурства по полку, в свободное время ходил на лыжах, оставив дочку Леночку на попечение соседей, вместе с Валею на “норвегах” пробегал несколько кругов на гарнизонном катке, по-прежнему редактировал “Боевой листок”, читал трагедии Шекспира и рассказы Чехова.

И когда казалось, что уже не осталось никаких надежд, пришла бумага: его снова вызывали на комиссию. Всё повторилось сначала. Но требовательность врачей возросла вдвое. Все анализы оказались хорошими, ничего в его организме не изменилось. Евгений Алексеевич Карпов был доволен.

– Стратосфера для вас – не предел, – обнадежил он.

Это были самые приятные слова, слышанные когда-либо Гагариным.

При отборе в отряд космонавтов интересовались биографией, семьёй, товарищами, общественной деятельностью. Оценивали не только здоровье, но и культурные и социальные интересы, эмоциональную стабильность. Это было своеобразное состязание кандидатов в космонавты с врачами, с учёными, которым достался такой богатый материал для проб и экспериментов. Да и самим лётчикам было интересно узнать свои возможности, свой предел в этих испытаниях. Шли они на это дело осознанно, понимая, что и самим врачам многое неизвестно, но перед ними была поставлена сверхзадача, которой ещё никто не решал. Случались и неприятности, зачастую приходилось сталкиваться с непредвиденными обстоятельствами. В этой непростой ситуации каждый вёл себя по-разному, одни углублялись в себя, настраиваясь на очередное испытание, другие, наоборот, старались поделиться своими ощущениями, помочь своим советом тем, кто шёл к доктору или иному специалисту для проверки.

Таким центром, вокруг которого вращалась короткая госпитальная жизнь, стал Юрий Гагарин. Казалось, для него всё было легко, препятствия, кабинеты со специалистами он преодолевал с ходу и с неизменной улыбкой, вроде всю жизнь он только тем и занимался, что проходил медкомиссии. Уже тогда многие кандидаты в отряд космонавтов отмечали его дружелюбие, умение вовремя откликнуться, прийти на помощь, развеселить шуткой.

Затем отобранную группу принял главнокомандующий Военно-воздушными силами Константин Андреевич Вершинин. На встрече среди других заслуженных генералов был Герой Советского Союза Николай Петрович Каманин. Вершинин произвёл на кандидатов в космонавты очень хорошее впечатление. Умный, тактичный, он относился к лётчикам, как к своим сыновьям. Вершинин интересовался прохождением службы, семейными делами, расспрашивал о жёнах и детях...

Просматривая газеты, Гагарин следил, что пишут в них о запусках космических кораблей не только в Советском Союзе, но и в Соединённых Штатах. Зарубежная печать уже давно писала об удачных и неудачных запусках американских спутников Земли и космических ракет. В журнале “Лайф” Юрий разглядывал фотографии обезьяны, которая запускалась с мыса Канаверал на ракете в космос и благополучно вернулась обратно. Хотя информация оттуда поступала скупо, американские телеграфные агентства сообщали о том, что уже отобраны семеро кандидатов для полёта в космос в узкой, колоколообразной капсуле, размещённой в носовой части ракеты “Редстоун”. Ракета должна была подняться на высоту 115 миль. Весь полет рассчитывался на четверть часа.

Вскоре директор проекта “Меркурий” сообщил: из семи американских астронавтов отобраны трое – Джон Хершел Гленн, 39 лет, подполковник морской пехоты, уроженец города Нью-Конкорд в штате Огайо; Вирджил Айвен Гриссом – 34-летний капитан военно-воздушных сил, родившийся в городе Митчелл, штат Индиана, и Алан Бартлет Шепард, 37 лет, капитан 3-го ранга, уроженец города Ист-Дерри, штат Нью-Гэмпшир. Все трое, как сообщало

агентство “Юнайтед пресс интернейшнл”, были отобраны на основании “многих медицинских и технических данных”. Эти кандидаты на полёт являлись кадровыми военными, работавшими в авиации в области научных исследований. Они проходили специальное обучение уже в течение двадцати двух месяцев. Гленн и Гриссом служили в авиации во время Второй мировой войны, а затем воевали в Корее; Шепард проходил службу на эсминце в Тихом океане. Американская печать опубликовала их портреты и биографии, сообщила о том, что любимое времяпрепровождение Гленна – катание на лодке, Гриссом увлекается рыболовством, а Шепард, как и Гагарин, любит катание на беговых коньках и на водных лыжах. Кандидаты в космонавты тут же отметили, что американские астронавты гораздо старше наших кандидатов.

Не осталась не замеченной Гагариным заметка в газете, где сообщалось, что французский исследователь Жак Пиккар на сконструированном им батискафе опустился на глубину 11 километров. Таким образом, известная Гагарину ещё со школьной скамьи самая глубоководная Марианская впадина была покорена человеком. На очереди был космос...

Кандидаты в космонавты уже преодолели немало препятствий. Первым был медицинский отбор, медики признали их годными для летного обучения. Потом был отбор естественный, проверка на техничность. Здесь их уже не то что проверили, а “отцедили” из тысячи самых пригодных. Но главное было впереди. В отряд были зачислены двенадцать человек. Но отбор кандидатов продолжался. В итоге их оказалось двадцать счастливых: Иван Аникеев, Павел Беляев, Валентин Бондаренко, Валерий Быковский, Валентин Варламов, Борис Волынов, Юрий Гагарин, Виктор Горбатко, Дмитрий Заикин, Анатолий Карташов, Владимир Комаров, Алексей Леонов, Григорий Нелюбов, Андриан Николаев, Павел Попович, Марс Рафиков, Герман Титов, Валентин Филатьев, Евгений Хрунов, Георгий Шонин. Один человек из трёх тысяч претендентов! Но эта двадцатка всё равно останется в памяти всех, кто слетал в космос и кто по каким-то причинам не смог этого сделать. Из первого отряда в космос слетали двенадцать человек.

Все, отобранные в первый состав, были лётчиками-истребителями: девять из ВВС, шесть из ПВО, пять из морской авиации. 10 января 1963 года отряд пополнился еще пятнадцатью кандидатами. Практическая работа по организации Центра подготовки космонавтов, их подбор, обучение легли на плечи советского лётчика, одного из первых Героев Советского Союза – генерал-полковника авиации Н. П. Каманина, ближайшим и активным его помощником стали Герой Советского Союза, генерал-майор авиации Л. И. Горегляд, а также специалист в области штурманской подготовки полковник В. А. Аристов. Первым же руководителем Центра подготовки космонавтов был полковник Е. А. Карпов – видный специалист в области авиационной медицины.

Начались занятия. Они проходили в совершенно иной обстановке, чем в техникуме, в училище или в полку.

А пока что Гагарин жалел, что время, которое им было отпущено для подготовки, летело, как сумасшедшее. Преподаватели и специалисты, которые занимались с кандидатами в космонавты, сами ещё толком не знали, что может потребоваться их подопечным к предстоящим полётам. Прежде всего кандидатов в космонавты познакомили с тем, что ожидает человека, отправляющегося в космос. Военный врач, крупнейший специалист авиационной медицины, обстоятельно рассказал о факторах, с которыми встречается живой организм при полётах в космическое пространство. Он разделил их на три класса. К первому он относил факторы, зависящие от физического состояния самого космического пространства: низкое барометрическое давление – фактически глубокий вакуум; иной, чем на земле, газовый состав среды; резкое колебание температур; различные виды ионизирующей радиации; метеоритную опасность. Во второй класс факторов было зачислено всё, зависящее от ракетного полёта: шум, вибрации, сильные перегрузки, невесомость. И, наконец, к третьему классу факторов были отнесены искусственная атмосфера в космическом корабле, ограниченные размеры кабины, сужение двигательной активности человека, находящегося в этой кабине, его эмоциональное напряжение, нагрузки на нервы и психику и, наконец, неудобства, связанные с пребыванием в специальной одежде.

Всё это было ново, интересно, и слушали его, затаив дыхание, не пропуская ни одного слова.

На занятиях по аэродинамике и физике профессор, не мудрствуя лукаво, начал танцевать от печки, напомнив лётчикам знакомый им, как дважды два, закон швейцарского физика и математика Даниила Бернулли, который говорил, что внутреннее давление жидкости или газа уменьшается с увеличением скорости. Вздыхнув про себя, они с покорностью школьников все это записали в свои конспекты, при этом Гагарин с улыбкой шепнул своему соседу Андриану Николаеву:

– Все, как в школе. Нам сказали – мы пришли, записали, заучили, по-кивали, как могли...

– Нам сказали – мы поднялись, потянулись и ушли, – подытожил Николаев.

О том, что им предстояло столкнуться уже с иными скоростями, они знали и сами. На обычной школьной доске преподаватель мелом написал первую, вторую и третью скорости космического аппарата в момент выхода его на орбиту, то есть в момент прекращения работы двигателей ракеты-носителя в гравитационном поле. И объяснил, что каждая космическая скорость вычисляется по определенным формулам и может быть физически интерпретирована как минимальная начальная скорость, при которой космический аппарат, запускаемый с Земли, может или стать искусственным спутником (первая космическая скорость), или выйти из сферы действия тяготения Земли (вторая космическая скорость), или покинуть Солнечную систему, преодолев притяжение Солнца.

Лектор говорил, что лётчик, и в особенности лётчик-истребитель, – это человек не только с быстрой, почти мгновенной реакцией на внешние раздражители, но, можно сказать, почти совершенный естественный счётно-решающий компьютер. Из сотни вводных, которые могут возникнуть в полёте, он должен мгновенно и, главное, точно принять единственно правильное решение. Зависит это от природных способностей человека, которые совершенствуются постоянными тренировками. Учёные знают, что есть время математическое, которое можно измерить приборами. Но есть ещё биологическое, а может быть, и иное время, которое не поддаётся обычным измерениям: та же секунда во время критической, экстремальной ситуации как бы растягивается и выгибается в пространстве, как мыльный пузырь, сквозь который видно всё, что происходит не только вне, но и внутри тебя. И это освещено ровным дополнительным светом и как бы работает на внеземной, космической частоте. Точно так же, когда событие отодвинулось и уже не грозит осложнениями, где-то в осадке остается ощущение, что тебе, как дитю неразумному, погрозили пальцем. Лётчик-испытатель Владимир Ильюшин, описывая критическую ситуацию, возникшую при испытательном полёте, обнаружил, что при отказе двигателя у него вдруг появилась прозрачность мысли, когда он в крохотную долю секунды мог обдумать и проанализировать многое...

Думаю, будет уместно добавить, что опытный лётчик, осмысливая свои действия позже, когда опасность будет побеждена, приходит к удивительному открытию, что самое верное решение было первым. Всё последующее лишь подтверждает и укрепляет найденное.

Тогда еще Юрий Гагарин не предполагал, что вскоре сам станет той нравственной линейкой, той величиной, на которую будут равняться тысячи и тысячи людей во всем мире.

“Всё относительно”, – говорили будущим космонавтам на первой лекции, ещё до полёта в космос. Позже Юрий не раз еще вспомнит те лекции. Одна жизнь была до первого самостоятельного полёта, который случился в Саратовском аэроклубе. Потом был короткий период до полёта в космос. И совсем с иной, поистине космической скоростью она понеслась после 12 апреля.

Чуть позже космонавты приступили к изучению того летательного аппарата, на котором они должны были подняться на небывалую высоту. Но лётчикам хотелось знать больше, и они самостоятельно ходили в библиотеки и читали всё, что было известно об истории создания ракет и их практическом применении. Кроме того, в этом деле и сами преподаватели делились с будущими космонавтами той информацией, которой не было в книгах.

“История создания ракет тесно связана с изобретением пороха. Родиной пороха и пороховых ракет считается Китай. Среди многих придуманных ими рецептов была смесь селитры, серы и древесного угля. Дошедшие до нас древние китайские тексты, датированные 850 г. н. э., предупреждали об

опасности опытов с этими соединениями, — писал английский изобретатель ракет Карман Уильям. — Точно известно, что китайские военные впервые использовали порох в 919 году, применив его для насыщения дымом своих огнемётов. Около 1180 года неизвестный китайский гений изобрёл “огненное копье” — иначе говоря, бамбуковую палочку, заполненную порохом, которая прикреплялась к направляющей (к задней части древка), и стрелял этими стрелами по противнику. Ракеты быстро модернизировались и вскоре стали распространённым явлением в Китае. Относительно маломощные ракеты стали применять для фейерверков и иллюминации. Появились многочисленные пусковые установки для ракет, в том числе смонтированные на тачках. Китайские ракеты 1400 года были предшественниками современных, предназначенных для запуска спутников. Это были крупные двухступенчатые ракеты с двигателями, которые включались поочередно. Дальность полёта таких ракет превышала одну милю; перед падением они выпускали “рой” ракет-стрел. Подобное грозное оружие на Западе появилось только в конце XVIII века. Из Китая ракеты попали в Индию, и здесь с ними познакомились английские колониальные войска.

В 1799 году английский генерал Конгрев испытал на себе действие ракет, когда под Серангапатамом произошло сражение с индийцами. Позднее генерал разработал ряд пороховых снарядов, которые были приняты на вооружение английской армии, в том числе гигантские пушки, которые стреляли ракетами на расстоянии семьсот семьдесят саженей”.

Русский царь-реформатор Пётр Первый потратил немало времени на создание и конструирование фейерверков. Он же смастерил осветительную ракету, которая была принята на вооружение русской армии и называлась “петровская ракета”.

В России идея использования ракетного двигателя для преодоления силы земного тяготения принадлежала народовольцу Николаю Кибальчичу. Он её сформулировал, находясь в тюремной камере и ожидая смертного приговора после покушения на царя Александра II. Далее эту идею подхватил К. Э. Циолковский, затем его последователи — Ф. А. Цандер, М. К. Тихонравов, С. П. Королёв.

В начале тридцатых годов Сергей Павлович Королёв приехал в Ленинград, где на комендантском аэродроме строились жидкостные ракеты. Понимая, что будущие полёты за стратосферу будут возможны только при помощи ракет, Королёв хотел поставить жидкостный двигатель на летательный аппарат. На одном из собраний ракетчиков Королёв выступил с докладом и предложил поставить на планер жидкостный двигатель, а самого себя предложил в качестве лётчика-испытателя такого ракетоплана.

18 августа 1931 года при Осоавиахиме была создана группа изучения реактивного движения ГИРД. С ней был заключен договор на постройку ракетоплана РП-1. Руководителем работ стал Сергей Павлович Королёв. Был создан технический совет ГИРДа. В него вошли Ф. А. Цандер, М. К. Тихонравов, Е. С. Щетинков, Ю. А. Победоносцев, Н. И. Ефремов. Рядом с Садовой улицей в Орликовом переулке им была выделена комната, где проводились все опыты. Нередко эти опыты завершались мелкими взрывами. Бывало, что, оглушённые очередным взрывом, с почерневшими от гари лицами, изобретатели открывали окно, чтобы проветрить комнату от дыма.

— Это до добра не доведёт! — причитали соседи, жалуясь на ракетчиков домуправу. — Жить в нашем доме стало опасно!

Понимая, что на квартире нельзя проводить испытания ракет, Сергей Павлович Королёв обратился к Михаилу Николаевичу Тухачевскому с просьбой выделить для испытаний какое-нибудь помещение, желательно церковь или монастырь, где за каменными стенами можно будет проводить различные опыты с горючими и взрывчатыми веществами, и нарисовал ему картину межпланетных полетов. Ознакомившись со схемами фантастических проектов, Тухачевский после некоторого раздумья ответил:

— Считаю, что полёты к планетам будут не скоро, но думать об этом надо.

Тухачевский был человеком с широким кругозором, он внимательно следил за тем, какие новинки внедряются в ведущих армиях мира, и уделял большое внимание развитию в СССР той техники, которая отвечала бы не только духу времени, но и двигала бы научно-техническую мысль вперед. В ноябре 1932 года он дал разрешение на работы по конструированию ракет-

ных двигателей на жидком топливе, а в сентябре 1933 года добился создания Реактивного НИИ, занимавшегося разработкой ракетного оружия в СССР.

Ракетчикам был предоставлен полигон в Нахабине, куда поначалу изобретатели возили свои опасные смеси на общественном транспорте. Не всё получалось у гидровцев, остряки даже придумали для них прозвище, называя их “Группа инженеров, работающих даром”. Но вскоре гидровцами была построена ракета под индексом “09”. Горючим для неё должен был стать сгущенный до пасты бензин, а окислителем послужить жидкий кислород. Когда один из членов технического совета Ефимов поехал отдыхать в Гагры, Королёв посоветовал ему проехать до Баку и совместить приятное с полезным: прочитать лекции о межпланетных сообщениях и попросить проконсультировать ракетчиков по части бензина. Бакинские инженеры и учёные с удовольствием откликнулись на просьбу Ефремова, и вскоре был найден тот самый сгущенный до пасты бензин, что позволило значительно упростить конструкцию двигателя.

17 августа 1933 года был осуществлен первый пуск ракеты, которая достигла высоты вертикального взлета – 400 метров. Затем были пущены ракеты, которые достигли уже 1,5 км.

В 1936 году в СССР были произведены испытания ракеты 6/04 с расчетной дальностью 50 км. Гидровцы знали, что опыты по созданию ракетных двигателей уже повсюду идут в Германии и США. Именно в те годы в зарубежных газетах и журналах начали мелькать имена американца Роберта Годдарда и работающего в Германии Германа Оберта, которые, как и Циолковский, думали над идеей ракетных полетов в космос.

Работы немецких конструкторов по созданию ракетного оружия завершились созданием знаменитой ракеты Фау-2, с помощью которой немцы во время Второй мировой войны обстреливали Лондон.

Руководство Советского Союза ещё во время войны сумело оценить новое немецкое оружие и приняло все меры, чтобы ракеты попали в руки наших специалистов. Весной 1945 года распоряжением Совмина СССР была создана Государственная техническая комиссия под руководством члена Военного совета гвардейских минометных частей генерала Льва Михайловича Гайдукова по изучению трофейной техники, а в её составе – спецгруппа по сбору документации и поиску деталей ракеты Фау-2. В спецгруппу входили В. П. Глушко, Н. А. Пилюгин, М. С. Рязанский, Б. Е. Черток, С. П. Королёв. Одновременно С. П. Королев перешёл работать в НИИ, подчинённый Устинову. Вслед за ними в Германию приезжает первый заместитель наркома вооружений В. М. Рябинов. Для конспирации на членах спецгруппы была форма старших офицеров госбезопасности.

Спецгруппа появилась в Берлине в сентябре 45-го и объезжала промышленные объекты Восточной зоны Германии, а также территории Чехословакии и даже Австрии вплоть до января 1947 года. Командование Красной армии уже в июле 1945 года из тщательно отобранных представителей гвардейских минометных частей формирует группу генерала Александра Тверецкого, которая приступает к изучению немецкой ракетной техники.

Наиболее памятное событие для Сергея Павловича Королёва в это время – посещение английской зоны Германии под видом шофёра “виллиса”. В этом качестве он присутствовал на пуске Фау-2 с расчётом, состоящим из пленных немецких ракетчиков. Уже тогда нашим специалистам и разведчикам стало ясно, что американцы и англичане по всей Германии собирают и свозят в одно место все оставшиеся ракеты “Фау” и пароходами отправляют за океан.

К началу 1946 года поисковым усилиям наших специалистов придаётся организованный характер: в Германии в феврале создается институт “Нордхаузен” с прежней задачей сбора и изучения документации по Фау-2 и ряду других ракет, а также поиска их образцов. Теперь уже оба генерала – Л. Гайдуков и А. Тверецкий – входят в состав руководства этого учреждения.

Очевидцы вспоминали, что всевозможным оборудованием с заводов и лабораторий вскоре оказались забиты двор института и коридоры во всех зданиях на его территории. Даже самих ракет Фау-2 было найдено около двадцати, не считая комплектов деталей, которых хватало бы ещё на десяток ракет. А двигателей для Фау-2 так и вообще свезли сюда с полсотни. Всевозможной документации по ракетам натащили горы! А вот перевод текстов, отчетов, докладов, стенограмм совещаний, не говоря уже об описаниях все-

возможного оборудования, приборов и многого другого, в силу специфики ракетной терминологии давался переводчикам с трудом, ведь тогдашние словари таких слов не содержали. Положение спасали несколько немцев, лично знавших русский язык.

13 мая 1946 года выходит секретное постановление Совмина СССР “Вопросы реактивного вооружения”. С этого дня поиски Фау-2 в Германии переводятся на круглосуточный режим. Всего через пару дней в Германии организуются четыре “научных учреждения” – институты “Берлин”, “Клейдодунген”, “Рабе” и “Гота”. Королёв оказывается в составе института “Рабе” на посту главного инженера... Одновременно в стенах этих институтов появляются и сотни немецких учёных и инженеров ракетного профиля, которыми по роду обязанностей командует Королёв.

В помощь работающим в Германии ракетчикам в мае 1946 года прибывает батальон выпускников Академии имени Жуковского. Персонально к каждому приставляют немецкого специалиста по ракетной технике. Молодые командиры изучают матчасть Фау-2 с таким энтузиазмом, что уже в конце июля приступают к тренировкам по заправке ракеты водой с имитацией её запуска. К этому моменту под Зондерхаузенем завершается формирование первой армейской ракетной бригады особого назначения, которой командовал генерал Тверецкий.

Одновременно создается группа под руководством Королёва для оказания бригаде “методической помощи”, а при ней – ещё и группа из оставшихся в зоне немецких специалистов для консультирования Королёва и его коллег. Вся эта деятельность находилась под пристальным присмотром правительственной комиссии, возглавляемой Василием Рябиковым, который однажды даже устроил проверку знаний всех участников работ по освоению матчасти путём неожиданной для них подготовки Фау-2 к пуску, включая и её заправку водой вместо топлива.

Немецкие спецы, чувствуя неизбежное приближение стадии испытаний ракет, предложили советским коллегам сформировать пару спецпоездов, укомплектованных всем необходимым (вплоть до бани, прачечной и даже электростанции) для выполнения пусков Фау-2 в полевых условиях. И после отъезда Королёва в Россию в Восточной Германии ещё примерно с полгода продолжались деятельность наших ракетчиков. К примеру, на одном из аэродромов в мае 1947 года, оборудованном кинотеодолитами, нашими испытателями выполнялись полёты на трофейных реактивных истребителях Me-262 и Me-163, имитирующих собой Фау-2 в полёте по траектории.

Из военных, прибывших в низовье Волги, в знаменитый ныне Капустин Яр, в голой степи формируется стартовая команда под руководством Сергея Павловича Королёва. Их главная задача – проведение огневых испытаний Фау-2 на стенде, оборудование которого также доставлено из Германии. Вскоре одну из ракет без хвостового оперения устанавливают вертикально. Казалось бы, с этого момента боевым расчетом должен руководить его командир, но заключительные команды перед запуском двигателя ракеты отдаёт сам Королёв.

Всего в 1947 году на полигоне Капустин Яр было произведено 11 пусков Фау-2, половина из которых оказались удачными.

Попавшие в отряд космонавтов лётчики с первых же минут начали присматриваться друг к другу. На тренажерах, в учебных классах, во время занятий спортом, прыжков с парашютом все старались непременно быть в числе лучших. И все же и здесь Гагарин выделялся. Не секрет, что в любом взводе, классе, эскадрилье появляются лидеры. Бывает, что это не самые сильные и ловкие ребята. Но есть в них что-то такое, что другие начинают понимать: он – лидер. И вскоре все отобранные для полёта в космос лётчики начали понимать: Гагарин полетит первым. Говорят, что у Титова до конца дней так и осталась чувство неудовлетворенности, что первым всё же полетел не он. Поскольку именно ему пришлось стоять на одних весах с Гагариным, когда решался вопрос, он или Юрий. Много позже в одном из выступлений он назовёт 12 апреля одновременно и радостным и “чёрным” днём своей биографии. В своей книге Герман мельком обронил, что когда они играли в хоккей, то ему доставляло особое удовольствие забрасывать шайбу в ворота, которые защищал Гагарин. Именно в соперничестве и проявлялись те качества, кото-

рые в конечном итоге склонили чашу весов в пользу Юрия. Что бы там ни говорили, но подтвердился библейский принцип: много званых, да мало избранных.

Юрий Гагарин рассматривал свои возможности и возможности своего друга Германа Титова первым полететь в космос, как равные.

“Я все время считал мои и Германа шансы на полёт равными, и только после того, как вы объявили нам свое решение, я поверил в выпавшее на мою долю счастье совершить первый полёт в космос”, – признался Юрий Гагарин Николаю Каманину.

“Обсуждая, почему именно Гагарин стал первым, одни утверждают, что главенствующую роль сыграла обвораживающая улыбка Гагарина, другие ссылаются на то, что он “ровно шёл по всем дисциплинам подготовки” – и в чём-то опережал товарищей, третьи говорят о “рабоче-крестьянском происхождении и русской национальности”, – пишет военный журналист Михаил Ребров. – Быть может, каждый из этих факторов и сыграл какую-то роль, но далеко не решающую. И “лотерейного билета счастья” никто не вытаскивал”.

Королёв “положил глаз” на Гагарина при первом знакомстве с “двадцаткой”. Несколько позднее, когда будущие космонавты приехали на смотрины корабля в КБ, главный конструктор подвёл их к одному из металлических шаров и спросил: “Думаю, желающие посидеть найдутся?” Наступила пауза. Молчание прервал Гагарин: “Разрешите, Сергей Павлович?” Получив “добро”, он шагнул к люку, затем остановился, быстро снял ботинки и, оставшись в носках, ловко забрался в кабину. От Королёва это не ускользнуло. “Вот так разуваятся, входя в дом, в русских деревнях”, – скажет он некоторое время спустя.

Имея много данных о каждом, Королёв не выпускал Гагарина из виду. Константин Феоктистов (конструктор и космонавт) признавал: “Гагарин нравился нам всем, а особенно Сергею Павловичу. Да и сами ребята тоже ощущали его лидером и задолго до полёта “назначили” быть первым”. Готовить двадцать человек по ускоренной программе было не просто. В августе 60-го правительство утвердило Положение о космонавтах СССР, для непосредственной подготовки к полёту на “Востоке” (точнее – на “Востоке-3”) отобрали “ударную шестерку”: Юрий Гагарин, Валентин Варламов, Анатолий Карташов, Андриан Николаев, Павел Попович, Герман Титов. Так записано в документе. Обратите внимание – порядок алфавитный, но первой стоит фамилия Гагарина (кстати, командиром экипажа многоместного корабля Королёв уже тогда планировал Володю Комарова). Так получилось, что из-за травм, полученных на тренировках, Варламова и Карташова заменили Валерием Быковским и Григорием Нелюбовым. 18 января 1961 года генерал Каманин составил не подлежащий оглашению список кандидатов в такой последовательности: Гагарин, Титов, Нелюбов, Николаев, Быковский, Попович. И снова Гагарин – первый среди равных.

Врач космонавтов Евгений Анатольевич Карпов рассказал любопытный факт. Лётчиком из отряда космонавтов было предложено высказаться о возможном первом кандидате на условиях конфиденциальности. Девятнадцать назвали Юрия Гагарина, один (Марс Рафиков) – себя, мотивируя это своим “космическим” именем. Это было осенью 1960 года. Перед заседанием Госкомиссии, на котором предстояло выбрать первого космонавта, Руднев спросил Королёва: “Как будем решать?” – “По традиции”, – ответил Сергей Павлович. “Это как же?” – не понял председатель. “У авиаторов, – пояснил Королёв, – существует традиция: для испытания самолёта испытателя назначает главный конструктор изделия. Ясно?” Больше вопросов не последовало.

Двух кандидатов на полет представил Каманин. Германа Титова он назвал “запасным пилотом”. Обсуждений и вопросов не было. Все понимали, что решающее слово за Королёвым. Сергей Павлович сразу же согласился с Каманиным, который знал о симпатиях Королёва. И если бы у членов Госкомиссии были иные мнения, по чисто этическим, да и другим соображениям Главному конструктору никто бы возражать не стал.

Сам же Гагарин говорил так: “Первым хотелось быть каждому. Я тоже хотел, это честно. Но узнал об этом только за три дня до старта. Что почувствовал? Передать трудно. Подумал: завтра надо всё ещё раз повторить”.

Программа испытаний и пусков ракет в СССР была затратной и равнялась бюджету нескольких промышленно развитых российских регионов. Все луч-

шее, что имела наша страна, шло на создание ракетно-космической отрасли. Когда смотришь документальные кадры кинохроники, снятые в день запуска на орбиту Гагарина, то видишь у проходных заводов, на улицах счастливых людей, которые, как и в войну, были одеты в серые фуфайки и такие же серые брюки и юбки. Страна отдавала последнее, чтобы догнать и перегнать развитые страны. Мы торопились и порою допускали ошибки.

А на самом деле после успешного завершения в марте двух контрольных запусков кораблей с манекенами и собаками началась завершающая подготовка к запуску пилотируемого корабля. На полигоне шли финальные подготовительные работы к событию мирового значения.

Они проводились под грифами “секретно” и “совершенно секретно”. Однако от опытных глаз не скроешь, – на полигоне было очень многолюдно. На нём работали все главные конструкторы: С. П. Королёв, Н. А. Пилигин, В. П. Глушко, В. П. Бармин, М. С. Рязанский, В. И. Кузнецов, С. А. Косберг и А. Ф. Богомолов, академики М. В. Келдыш, А. Ю. Ишлинский, В. В. Парин.

Первый полёт в космос на ракете собак Дезика и Цыгана был осуществлён в Советском Союзе в июле 1951 года на высоту 112 километров. Были получены данные, свидетельствующие о возможности кратковременного пребывания животных в космосе. Позже были запущены Пёстрая и Белая на высоту 450 километров. Учёные изучили возможность пребывания животных в скафандрах в герметических кабинах и спуска их с больших высот на парашютных системах. Они спускались с высоты в 90 километров в течение 65 минут. Но они прожили немного, не перенеся полученных перегрузок. Но дали необходимую информацию медикам и биологам.

Собаки – животные спокойные, физиология их хорошо изучена, они поддаются тренировкам и подготовке. Лайка с самого начала была обречена. Она скончалась в капсуле уже через несколько часов после старта от перегрева. В этом эксперименте отвод тепла из капсулы был не предусмотрен. . .

Изображение Лайки встречается на почтовых марках и открытках, на коробках сигарет. Но она, право, заслужила большего. И, может быть, ей когда-нибудь поставят памятник, как поставили в Колтушах под Ленинградом бронзовую скульптуру безымянной собаки – предмета исследований медицины. Будущих космонавтов ознакомили с планом подготовки к космическим полётам. Это была обширная программа, включающая сведения по основным теоретическим вопросам, необходимым космонавту, а также обеспечивающая приобретение навыков, умения пользоваться оборудованием и аппаратурой космического корабля. Они должны были изучить основы ракетной и космической техники, конструкцию корабля, астрономию, геофизику, космическую медицину. Предстояли полёты на самолетах в условиях невесомости, много тренировок в макете кабины космического корабля, в специально оборудованных звукоизолированной и тепловой камерах, на центрифуге и вибростенде.

Особой статьёй подготовки стали прыжки с парашютом при помощи катапульты. Тренировались в районе Саратова, среди широких степных просторов. Во время прыжков секунды становились длиннее, а вот время, отведённое для тренировок, пролетело, как один миг. За короткий срок Гагарин выполнил около сорока прыжков. Опытный инструктор Никитин поставил дело так, что кандидаты в космонавты сами стали выпрашивать дополнительные прыжки. И все они не были похожи друг на друга. Каждый прыжок переживался по-своему, всякий раз доставляя смешанное чувство волнения и радости.

В День Победы, 9 мая 1960 года кандидаты с утра сделали по два зачётных прыжка, затем Никитин построил их и четверым лётчикам вручил капитанские погоны. Гагарина среди них не было, звание капитана он с легкой руки Хрущёва минует в космическом пространстве. Кроме того, по окончании парашютных тренировок всем выдали инструкторские свидетельства и значки инструкторов-парашютистов. Этим значком Гагарин очень гордился и с удовольствием прикрепил его к кителью под значком военного лётчика 3-го класса.

Как это и было заведено, значки и погоны решили отметить. Молодые лейтенанты и новоиспеченные капитаны отправились в город. Был жаркий весенний день 1960 года, прохожие с некоторым удивлением смотрели на одетых в тёплые меховые куртки и меховые сапоги молодых парней, которые заходили в саратовские магазины и рассматривали полки со спиртным. В эту командировку они улетели, когда в Москве ещё лежал снег, и легкой одежды с собой не взяли. Выбор спиртного был небольшим, и лётчики остановились

на каком-то заграничном роуме. А потом уединились в гостиничном номере, обмыли погоны и спели свою любимую песню: “Пора в путь-дорогу...”

Потом были тренировки на центрифуге. Это несложный аппарат, предназначенный для подготовки организма к перенесению больших перегрузок.

В отличие от летчика в кабине самолета кандидаты в космонавты занимали лежачее положение, и перегрузка, таким образом, распределялась по всему телу более равномерно. Но давило очень сильно! Глаза не закрывались, затруднялось дыхание, перекашивались мышцы лица, увеличивалось число сердечных сокращений, росло кровяное давление, кровь становилась тяжелой, как ртуть. Здесь и дышать надо было по-иному. Каждая секунда при предельных перегрузках казалась вечностью. Предельная перегрузка, которую давали космонавтам, достигала 12 g, и по времени она не превышала больше одной минуты. Перед центрифугой и после у испытуемых измеряли давление и брали кровь. В седьмом медицинском управлении проводились эксперименты, целью которых было выяснить предельные значения перегрузок для человеческого организма. Там давали перегрузку около 19 g. Но после того, как у кандидата в космонавты Анатолия Карташова после испытаний на центрифуге по схеме спина – грудь произошел множественный точечный разрыв капилляров, по-научному – питехии и его списали из отряда космонавтов, для облегчения переносимости перегрузок на центрифуге стали применять поднадув воздуха. Это принесло испытуемым некоторое облегчение. Кстати, после неудачного старта космонавт Олег Макаров при спуске по баллистической траектории получил перегрузку в 21 g.

Соревнуясь между собою, кандидаты в космонавты видели друг в друге не конкурентов, а единомышленников, стремящихся к одной цели. Они знали, что в первый полет выберут одного из них. Но они так же хорошо знали и то, что и другим найдётся работа, что другие сделают больше первого, продлят и разовьют то, что начнёт он. Кто-то сделает один виток вокруг Земли, кто-то несколько витков, кто-то полетит к Луне... но все они будут первыми!

Вскоре перед отлётом на очередной запуск ракеты космонавтов принял маршал Митрофан Иванович Неделин. Он предложил им перейти из ВВС в только что созданные Ракетные войска стратегического назначения. Космонавты недоумённо переглянулись: уйти из родных ВВС в какие-то ракетные войска, где и форма ничего не напоминает о небе?

– Из вас мы сформируем первый полк, летающий на ракетах, – убеждал Неделин. – А форму мы вам оставим прежнюю.

Но свою идею – переименовать космонавтов в подчинённые ему ракетные войска стратегического назначения – воплотить в жизнь ему не удалось. На Байконуре при запуске взорвалась ракета Р-16. При подготовке к запуску Неделин сидел на табуретке в 17 метрах от ракеты. Когда ему предложили уйти в укрытие, Митрофан Иванович ответил: “Разве я не такой офицер, как и все?” И остался возле ракеты. Участники тех событий вспоминают, что в день трагедии ему два раза звонил по ВЧ Хрущёв и торопил с запуском Р-16. И Неделин уступил начальству и разработчикам ракеты, при явных недостатках и недоработках не отменил запуска, который шёл с отклонениями от норм безопасности, что явно бросалось в глаза всем, кто был на стартовом комплексе. Через три дня газеты сообщили, что маршал Неделин погиб при авиационной катастрофе. Комиссия, расследовавшая причины взрыва, подсчитала потери: погибли 74 и покалечены 49 человек. Конечно, эта катастрофа тяжело была воспринята всеми, кто был связан с ракетными пусками и космонавтами...

Гагарин хотел отправиться в космический полёт членом партии. Это уже стало традицией советских людей: накануне решающих событий в жизни вступать в ряды ленинской партии. Так делали строители первых пятилеток, так поступали воины Великой Отечественной войны. Однополчане с Севера прислали Гагарину свои рекомендации. Бывший командир эскадрильи Владимир Михайлович Решетов писал: “На протяжении всей службы Юрий Алексеевич Гагарин являлся передовым офицером части... Политически развит хорошо... Принимал активное участие в общественных и спортивных мероприятиях... Взятые на себя социалистические обязательства выполнял добросовестно...” В рекомендации секретаря партийной организации Анатолия Павловича Рослякова говорилось: “Знаю Ю. А. Гагарина как исполнительного, дисциплинированного офицера... Летает грамотно и уверенно... Являлся членом комсомольского бюро части... Партийные поручения выполнял

своевременно и добросовестно. . . ” А в третьей рекомендации, данной коммунистом Анатолием Фёдоровичем Ильяшенко, было написано: “Гагарин Ю. А. идеологически выдержан, морально устойчив, в быту опрятен. Являясь слушателем вечернего Университета марксизма-ленинизма, всегда активно выступал на семинарских занятиях. . . Активно участвовал в работе партийных собраний, хорошо выполнял партийные поручения, был редактором “Боевого листка”.

“Прошу партийную организацию принять меня в члены КПСС. . . Хочу быть активным членом КПСС, активно участвовать в жизни страны. . . ” — написал Гагарин на обычном листке бумаги из ученической тетради.

В солнечный день 16 июня 1960 года его пригласили на партийное собрание. Как положено в таких случаях, он рассказал свою биографию. Она оказалась короткой и улеглась в несколько фраз. Ничего особенного, всё, как у миллионов молодых советских людей. Кто-то из коммунистов спросил:

— Как относитесь к службе?

— Служба — главное в моей жизни, — ответил Гагарин.

— Партии и советскому правительству предан. Быть в рядах партии Ленина достоин! — говорили о нём выступавшие коммунисты.

Проголосовали единогласно — за!

Через месяц Гагарина вызвали в партком.

Секретарь парткома протянул ему красную книжечку партийного билета и, пожимая руку, сказал:

— Всегда и во всём поступайте так, как учил нас великий Ленин.

В тот же вечер Гагарин написал об этом событии отцу в Гжатск. Отец давно хотел, чтобы Юрий стал коммунистом, и мечта его сбылась.

В подмосковном посёлке Чкаловском, где их поселили после зачисления в отряд космонавтов, лётчики жили одной большой и дружной семьёй, ходили друг к другу в гости, дети учились в одной, 14-й школе. Чуть позже, в 1966 году, все вместе переехали в новый Звёздный городок, который построили неподалёку от Чкаловского.

Создание отечественного космического аппарата — это отдельная песня в истории космонавтики. Все, наверное, помнят роман Жюль Верна “Из пушки на Луну”, где подробно был описан летательный снаряд, в котором космические путешественники слетали на ближайшее к Земле небесное тело. Кроме того, в шестидесятые годы был очень популярен роман Александра Казанцева “Планета бурь”, где наши космонавты, естественно, первыми достигли Венеры. Но то была фантастика. Здесь же нашим учёным предстояло реально сконструировать корабль, на котором предстояло обогнуть Землю. Параметры были известны, они были обусловлены возможностями ракеты Р-7. Когда знакомишься со знаменитым космическим кораблём, то поражаешься его небольшим размером — с виду обыкновенный металлический шар, минимум приборов, несколько крохотных иллюминаторов, вот, пожалуй, всё, что бросается в глаза несведущему глазу. Но только чуть позже, когда были опубликованы рассказы и личные впечатления людей, непосредственно занимавшихся этой темой, то начинаешь понимать: перед ними стояла необыкновенно трудная, но интересная и, я бы даже сказал, фантастическая по сложности задача.

Ознакомившись с Фау-2, наши конструкторы под руководством Сергея Павловича Королёва приступили к созданию отечественной ракеты Р-1, которая мало чем отличалась от немецкой. Но Королёв сумел разглядеть в немецких ракетах их недостатки и, взяв за основу немецкую разработку, принялся за создание собственной ракеты. С присущим ему размахом и основательностью он сумел убедить руководство страны, что сможет быстро и качественно сделать необходимую ракету, которая будет способна доставить в любую точку земного шара необходимый заряд. Уже тогда Королёв начал первые эксперименты, целью которых был запуск человека в космос. Но об этом по понятным причинам говорить было рано. С 1957-го по 1960 год на высоту от 100 до 470 км было поднято 26 ракет. Все эти запуски осуществлялись для изучения влияния космического излучения, других факторов, которые могли повлиять на здоровье будущих космонавтов. Второй и третий корабли-спутники были, по существу, летающими в космосе лабораториями для выявления космического излучения. После обобщения результатов исследований были разработаны меры по биологической защите космонавтов. С помощью спутников бы-

ли получены данные, показывающие, что верхняя атмосфера имеет большую плотность и температуру, чем это предполагалось ранее. В мае 1958 года начал свой полет 3-й спутник. Его вес составлял 1,5 тонны. И это уже была комплексная научная лаборатория, которая дала ответы на многие вопросы учёных. Главный итог их работы состоял в том, что полёт космического корабля с человеком на борту возможен.

От первой ракеты до знаменитой Р-7, которая подняла в космос Юрия Гагарина на корабле “Восток”, пройдёт тяжелое, изнурительное десятилетие. Немало будет аварий и катастроф с человеческими жертвами. Но все они произойдут на земле, а не в космосе, как пишут сегодня любители сенсаций.

В начале пятидесятых годов начали создавать второй полигон – в архангельской тайге. Его назовут Плесецком, или Мирным с тем же адресом: Москва-400. На первом этапе было испытано 9 ракет первой серии Р-1. Лётные испытания управляемой ракеты дальнего действия прошли с очень плохими результатами: только одна ракета достигла цели. И всё же и отрицательный результат помогал выявлять недостатки, слабые места отечественного ракетостроения, заставлял учёных, конструкторов, инженеров и технологов искать другие, более надёжные решения. От задумки до её воплощения, как правило, пролегает длинная и трудная дорога. Так было с кораблем “Восток”, а затем с самым надёжным ныне кораблём в мире – “Союзом”.

В мае 1959 года по инициативе Дмитрия Фёдоровича Устинова было принято решение Совета Министров СССР об утверждении разработки пилотируемого комплекса “Восток”. Оно предусматривало создание космического корабля для орбитального полёта человека и мощной трёхступенчатой ракеты-носителя, которая могла бы запустить такой корабль. Это было поистине смелое и оригинальное решение. Оно резко отличалось от американского проекта. США планировали на первом этапе осуществить полёт человека по баллистической траектории, без выхода на орбиту искусственного спутника Земли. Фактически “Редстоун”, на котором по баллистической траектории слетал в космос на высоту 113 миль Аланд Шепард, был не чем иным, как Фау-6, сконструированной немецким конструктором Вернером фон Брауном, которого американцы вывезли из поверженной Германии.

Решение Советского правительства было основано на предложениях учёных, конструкторов, инженеров СССР, которые проводили обстоятельные, длительные исследования и формулировали глубокие выводы, проведенные в кругах компетентных специалистов. В 1960–1961 гг. в СССР изготовили шесть кораблей “Восток” для лётной отработки их в беспилотном варианте. Начиная с мая 1960-го было проведено четыре запуска, из них два с собаками на борту. Не все из запусков оказались удачными. Только третий прошёл в полном соответствии с планируемым графиком подготовки пуска и полёта. Собаки Белка и Стрелка благополучно возвратились на Землю.

“Мы приходили на работу вместе со всеми, а уходили, когда на улицы выплескивалась вторая смена с соседнего завода, – вспоминает инженер Игорь Молотов. – Внешний облик корабля будто бы уже проглядывается. Пока расплывчатые, ещё достаточно далёкие от окончательного решения контуры. Но общая схема ясна: возвращаемая часть – спускаемый аппарат, далее отсек, где разместится основная часть оборудования (позднее этот отсек назовут приборным), и тормозная двигательная установка. Прикидка показала ориентировочный вес корабля – что-то около четырёх с половиной тонн. В общем-то, эта цифра была задана заранее: её диктовала мощность ракеты-носителя. Сознательно не говорим пока о форме отсеков и общей компоновке корабля. Потому что с первых же проработок из-за внешних форм необычного объекта разгорелся страшный сыр-бор.

Ракетчики знают свои возможности и твёрдо держатся занимаемых позиций: “Вот вам, коллеги-проектанты, зона полезного груза, вот вам головной обтекатель ракеты. Хоть в спираль скручивайте объект, а за наши границы – ни-ни!” Словом, габарит задан жёстко. Но в пределах его компоун, как хочешь.

Возьмём спускаемый аппарат. Какие исходные данные есть у проектанта для его разработки? Практически никаких. В справочник не заглянешь – никто в мире подобных штук не строил. Какая должна быть форма аппарата?.. Уйма вариантов. Все чем-то хороши, а в чём-то сыроваты. Королёв приходил к проектантам, хмурил брови, недовольно ворчал: “Расползаетесь!” Конуса, цилиндры, полусферы. И вдруг, как прозрение, – сфера! Логичная, как ку-

риное яйцо. Плюсы шарового спускаемого аппарата были очевидны. Суммарные тепловые потоки в этом случае меньше, чем на конусах, легко считаются аэродинамические характеристики, на всех предполагаемых скоростях сфера устойчива. И очевидное, ещё Евклиду известное преимущество: при заданных габаритах сфера даёт максимальный внутренний объём. А это очень и очень важно. Феоктистов расставлял своих парней на лестничных площадках и бросал в пролёт шарик для настольного тенниса. Для обеспечения центровки на шарик лепили пластилин. И этот “снаряд” вполне устойчиво “приземлялся”.

Конечно, потом были продувки в аэродинамических трубах, масса необходимых расчётов. В итоге – сфера прочно заняла свое место в проекте”.

На расчетчиках лежала трудоёмкая и ответственная работа – математически подтвердить правильность предложенных схем. И они просчитывали сложнейшие задачи, искали оптимальные варианты. Без сна и отдыха. Как и весь коллектив проектантов.

– У нас были одна цель и твердая вера в успех, – говорил много лет спустя Феоктистов. – И, кроме того, мы верили в Королёва. Мы знали, что он мог найти и производственные, и материальные, и, если хотите, политические формы, чтобы обеспечить успешное окончание работ...

Ну что же, корабль внешне прорисован. Теперь снова засучивай рукава и компунуй системы и агрегаты. Не хватает рабочего дня. В опустевшем к вечеру конструкторском бюро работают энтузиасты.

“Мы никогда не уходили домой со звонком, – вспоминал Валерий Любимов. – Если случалось уйти немного раньше других, всегда было стыдно перед ребятами, корпевшими над чертежами. А уж про отпуск и говорить нечего. Когда кто-нибудь, до предела уставший, тащил к начальству заявление на отпуск, он чувствовал себя жуликом или шкурником, как хотите...”

Спускаемый аппарат оброс тяжелой “шубой”. Тяжело, но зато надёжно. А если не сработает автоматика спуска? В этом случае корабль, постепенно затормаживаясь атмосферой, должен самостоятельно совершить спуск, но этот спуск будет происходить в течение нескольких дней. Характер теплового воздействия в этом случае меняется, вместо кратковременной тепловой атаки возникнут явления иного свойства, защитное покрытие корабля в течение длительного времени будет аккумулировать тепло и, в конечном счете, передавать его внутрь. Следовательно, нужен ещё один, дополнительный барьер между защитным покрытием и окружающим пространством. Материал этого слоя должен обладать малой теплопроводностью и малым удельным весом. И спускаемый аппарат обклеили еще одним слоем теплоизоляции. Эти ячейки из блестящей металлизированной плёнки сразу сделали корабль нарядным.

Заглянем в спускаемый аппарат. Разумеется, центральное место занимает космонавт, располагающийся в специальном кресле пилота. Кресло покоится на мощных направляющих рельсах, упирающихся в опорную плиту. Под креслом проектанты нашли место для многочисленных блоков системы приземления, телеметрии, оборудования систем кондиционирования.

Сейчас мы считаем естественным, что космонавт при старте лежит в кресле лицом вверх. А тогда вопрос размещения космонавта, вверх или вниз лицом, стал предметом яростных споров. Причём у каждой стороны были свои положительные аргументы.

На левом борту машины сделали “сапог”. Так проектанты окрестили парашют-контейнер, формой своей действительно напоминающий сапог. Нужны люки. Без них, как бы ни ворчали прочнисты, не обойтись. Установка кресла, посадка космонавта в корабль, катапультирование пилота на последнем этапе спуска должны были проходить через первый люк. Второй закрывал парашютный контейнер. Оба люка – быстрооткрывающиеся. Прямо перед космонавтом смонтировали ещё один люк, технологический, для выполнения всякого рода монтажных работ. На этом люке установили один из трёх иллюминаторов спускаемого аппарата. Трудно дались эти “окна в мир”. Как защитить их от всепожирающего огня на спуске? Одни настаивали: закроем крышками перед посадкой. Другие резонно возражали: если ваша крышка не сработает, стекло опять же останется один на один с огнём. Лучше найти подходящее стекло. Поиск шёл по всей стране. Помогло личное вмешательство Королёва: нашлись и стекло, и завод-изготовитель.

Группа проектантов компоновала приборный отсек. Трудно найти подходящие сравнения для этой каторжной работы. Даже наряжая новогоднюю ёл-

ку, впадаешь в постоянные противоречия с окружающими. А здесь далеко не ёлка и развешивать нужно не игрушки, а целые системы. В маленьком объёме разместили источники питания, аппаратуру управления и спуска, телеметрическую систему, телевидение, связь, часть системы терморегулирования и целиком тормозную двигательную установку, со всеми баками, агрегатами и баллонами. Снаружи приборный отсек по верхнему конусу опоясала цепочка шаров-баллонов с запасами топлива для двигателей системы ориентации.

А как связать в одну функциональную цепь все отсеки? На внешней поверхности спускаемого аппарата поставили большую панель с десятками электрических, воздушных и жидкостных разъёмов. Сгусток кабелей и трубопроводов, прикрытых кожухом, сбегал по спускаемому аппарату и растекался по приборному отсеку. После выхода на орбиту корабль должен оцетиниться двумя десятками антенн. Обилие радиосистем означало такое же обилие и антенных устройств. Раз в неделю антенщики приходили к разработчикам. Рассаживались вместе за столом и рисовали варианты, потом брались за линейки, ставили у себя в лаборатории эксперименты. Через неделю снова собирались за одним большим столом, чтобы отклонить или принять то или иное предложение. Непрерывный поиск компромиссов характерен для всего процесса разработки. Много, сверхмного хотел бы поставить на борт машины проектант. Но как мало возможностей ему отпущено! И над всеми проблемами главенствовала одна — надёжность. Абсолютно надёжных машин и устройств ещё не научились делать. Но в данном случае речь шла о полёте в космос человека...

— Что будете делать в случае отказа двигателя? — спрашивал Королёв у Феоктистова.

— А почему бы не выбрать такую орбиту, чтобы объект сам приземлился через несколько суток?

Проектанты гордо поглядывали на Главного конструктора. Задача вроде бы решена.

— Ну, а парашютная система? У любого парашютиста два парашюта — основной и запасной. А у нас космический объект. И с одним парашютом? — не унимался Королёв.

Действительно, объёмистый парашютный контейнер занимал много места. Второй такой же поставить было некуда. И создатели корабля целиком положились на наземные эксперименты, скрупулёзные, тщательно подготовленные. Модели кораблей с их парашютами продували в аэродинамических трубах, с самолётов сбрасывали грузы с парашютами разных конструкций.

Прошли последние доработки корабля. Проводились конкретные меры по оперативной подготовке специальной поисковой службы Военно-воздушных сил, предназначенной для поиска, обнаружения возвращаемых аппаратов. Эта группа оснащалась самолётами, вертолётами и вездеходами.

“Жизнь — это долг, хотя бы она была мгновением. — Эти слова, прочитанные однажды, глубоко запали в Юрино сердце, — вспоминает жена космонавта Валентина Ивановна Гагарина в своей книге “108 минут и вся жизнь”. — Свое назначение он понимал так: быть человеком ответственно, быть первым — ответственно вдвойне. Вот в чём фундамент его натуры. Не сразу он открылся таким. Не сразу таким стал. Но было в нём что-то такое, что крепло и росло с годами. Я не знаю, как точнее это назвать. Наверное, строгость. Строгость к себе. Строгость в большом и малом...”

Память сохранила многое. И пусть годы затушевывали и спутали детали минувшего, оно все равно живёт, будит воспоминания, воссоздаёт прошлое.

Я понимала, что такое его серьёзное отношение к решающему жизненному шагу не имеет ничего общего с осмотрительной расчётливостью. Юре был чужд эгоизм. Он думал обо мне: не пожалее ли я, не спохвачусь ли, когда будет уже поздно передумывать? Но постепенно стало ясно, что все это имеет самое непосредственное отношение к нему, а стало быть, и ко мне, и к Лене. Однажды совершенно случайно у него вырвалась фраза:

— Белка и Стрелка слетали неплохо. Скоро кому-то из нас...

Он не продолжал, но я поняла: значит, скоро пошлют человека. На мгновение мне стало страшно: Может быть, его, Юру?

Мне не хотелось расспрашивать его об этом. Не знаю, почему, но я чувствовала каким-то шестым чувством, что и он не расположен к многословным разговорам о том, кто когда, зачем... У него была работа. Напряженная.

Трудная. И, наверное, он просто не имел права рассказывать о ней в семье. И всё-таки я не сдержалась и однажды прямо спросила:

– В космос собрался... Когда?

Юра сперва отшучивался, а потом также с улыбкой сказал:

– Считаю, что ты сообразила... Ну, собираюсь в космос. Когда? Если хочешь, хоть сегодня готовь сухари и вещички. И не забудь положить лыжные ботинки и шерстяные носки. Как бы там не простудиться...

Меня его тон стал злить. Я никак не могла понять, где тут шутка, а где правда. Но тревога не прошла. “Не хочет говорить – не надо, – подумала я про себя. – Может быть, все это лишь отдалённые планы”. Само сочетание “человек и космос” в те годы представлялось далёким и фантастическим.

Всё шло своим чередом. Он больше бывал на работе и меньше дома. В свободное время мы ходили гулять в лесопарк или смотреть кино, пристроив Ленку кому-нибудь из знакомых или соседей. Вечерами Юра нянчил дочку, иногда, взяв спортивный чемоданчик, ходил на баскетбол. Был он спокойный, ровный, весёлый. Как и прежде, предпочитал книги телевизору. По праздникам любил принимать гостей. Слушая весёлые истории, смеялся звонко и заразительно. Ребята тянулись к нему и добродушно звали Гагарой...

...Родилась Галочка, и очень скоро и очень неожиданно пришёл тот последний вечер. Он должен был прийти. Юра его ждал. Подсознательно и тревожно ждала его я. Тот вечер... Мы пораньше уложили спать девочку и после ужина долго разговаривали. О чём? Обо всём, но только не о полёте. Вспоминали. Строили планы. Говорили о наших девочках. Я понимала, точнее, чувствовала, куда и зачем он едет, но не спрашивала его. Он шутил, болтал о разном, но тоже сознавал всю нелепость этой игры в прятки. Ему трудно было скрывать своё причастие к надвигающимся событиям...

“...И вот короткая, как выстрел, команда: Пуск! – возбужденно рассказывал Юрий жене о своих впечатлениях, которые он испытал, когда наблюдал пуск ракеты с собачкой Звёздочкой. – В пламени, выбивающемся из сопел, в грохоте всё сильнее и сильнее рокочущих двигателей высокой и тяжёлой корпус многоступенчатой ракеты как бы нехотя приподнимается над стартовой площадкой. Ракета, словно живое, разумное существо, в каком-то раздумье, чуть подрагивая, на секунду-другую замирает у земли и вдруг неуловимо, оставляя за собой бушующий вихрь огня, исчезает из поля зрения, словно рождерк, оставляя в небе свой яркий след”.

Корабль облетел вокруг планеты и вернулся в заданный район. Звёздочка великолепно перенесла полёт. А Юрий уже раздумывал над тем, что скоро должно было произойти с ним. В ушах всё ещё отзывался услышанный на старте грохот, перед глазами всё ещё вздымались высокие волны пламени, которое оставила за собой ракета. Но это не пугало его, а восхищало. И вспомнились ему слова высокого усатого бригадира Люберецкого завода, когда он попятившимся от жара расплавленного чугуна ремесленникам весело сказал:

– Огонь силён, вода сильнее огня, земля сильнее воды, но человек – сильнее всего!

Валя спросила, почему он в таком восторженном состоянии.

– Лечу в космос... Готовь чемодан с бельишком, – попытался снова отшутиться Юрий.

– Уже приготовила, – ответила Валя, и он понял: она всё уже знает...

И все же он оставил своей семье письмо перед запуском в космос:

“Здравствуйте, мои милые, горячо любимые Валечка, Леночка и Галочка! Решил вот вам написать несколько строк, чтобы поделиться с вами и разделить вместе ту радость и счастье, которые мне выпали сегодня. Сегодня правительственная комиссия решила послать меня в космос первым. Знаешь, дорогая Валюша, как я рад, хочу, чтобы и вы были рады вместе со мной. Простому человеку доверили такую большую государственную задачу – проложить первую дорогу в космос! Можно ли мечтать о большем? Ведь это – история, это – новая эра! Через день я должен стартовать. Вы в это время будете заниматься своими делами. Очень большая задача легла на мои плечи. Хотелось бы перед этим немного побыть с вами, поговорить с тобой. Но, увы, вы далеко. Тем не менее, я всегда чувствую вас рядом с собой. В технику я верю полностью. Она подвести не должна. Но бывает ведь, что на ровном месте человек падает и ломает себе шею. Здесь тоже может что-нибудь

случиться. Но сам я пока в это не верю. Ну, а если что случится, то прошу вас и в первую очередь тебя, Валюша, не убиваться с горя. Ведь жизнь есть жизнь, и никто не гарантирован, что его завтра не задавит машина. Береги, пожалуйста, наших девочек, люби их, как люблю я. Вырасти из них, пожалуйста, не белоручек, не маменькиных дочек, а настоящих людей, которым ухабы жизни были бы не страшны. Вырасти людей, достойных нового общества – коммунизма. В этом тебе поможет государство. Ну, а свою личную жизнь устраивай, как подскажет тебе совесть, как считаешь нужным. Никаких обязательств я на тебя не накладываю, да и не вправе это делать. Что-то слишком траурное письмо получается. Сам я в это не верю. Надеюсь, что это письмо ты никогда не увидишь, и мне будет стыдно перед самим собой за эту мимолетную слабость. Но если что-то случится, ты должна знать всё до конца. Я пока жил честно, правдиво, с пользой для людей, хотя она была и небольшая. Когда-то ещё в детстве прочитал слова В. П. Чкалова: “Если быть, то быть первым”. Вот я и стараюсь им быть и буду до конца. Хочу, Валечка, посвятить этот полет людям нового общества, коммунизма, в которое мы уже вступаем, нашей великой Родине, нашей науке. Надеюсь, что через несколько дней мы опять будем вместе, будем счастливы. Валечка, ты, пожалуйста, не забывай моих родителей, если будет возможность, то помоги в чём-нибудь. Передай им от меня большой привет, и пусть простят меня за то, что они об этом ничего не знали, да им не положено было знать. Ну вот, кажется, и всё. До свидания, мои родные. Крепко-накрепко вас обнимаю и целую, с приветом ваш папа и Юра. 10.04.61 г. Гагарин”.

В марте 1961 г. с грифом “Совершенно секретно” вышло постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР.

“30 марта 1961 г.

Докладываем... проведен большой объём научно-исследовательских, опытно-конструкторских и испытательных работ как в наземных, так и лётных условиях...

Всего было проведено семь пусков кораблей-спутников “Восток”: пять пусков объектов “Восток-1” и два пуска объектов “Восток-3А”... Результаты проведённых работ по отработке конструкции корабля-спутника, средств спуска на Землю, тренировки космонавтов позволяют в настоящее время осуществить первый полёт человека в космическое пространство.

Для этого подготовлены два корабля-спутника “Восток-3А”. Первый корабль находится на полигоне, а второй подготавливается к отправке. К полёту подготовлены шесть космонавтов: Ю. Гагарин, Г. Титов, А. Николаев, П. Попович, В. Быковский и Г. Нелюбов.

Запуск корабля-спутника с человеком будет произведён на один оборот вокруг Земли и посадкой на территории Советского Союза на линии Ростов – Куйбышев – Пермь...

При выбранной орбите корабля-спутника, в случае отказа системы посадки на Землю, обеспечивается спуск корабля за счёт естественного торможения в атмосфере в течение 2–7 суток, с приземлением между северной и южной широтами 65°.

В случае вынужденной посадки на иностранной территории или спасения космонавта иностранными судами космонавт имеет соответствующие инструкции...”

Записку подписали: Д. Устинов, К. Руднев, В. Калмыков, П. Дементьев, Б. Бутома, М. Келдыш, К. Москаленко (он был назначен вместо Неделина), К. Вершинин (Главком ВВС), Н. Каманин (замначальника боевой подготовки ВВС), П. Ивашутин (первый заместитель председателя КГБ) и С. Королёв (его подпись стояла последней).

То, что докладную записку подписал первый заместитель председателя КГБ, было не случайно. Среди прочих ситуаций предусматривалась и такая:

“Считаем целесообразным публикацию первого сообщения ТАСС сразу после выхода корабля-спутника на орбиту по следующим соображениям:

а) в случае необходимости это облегчит быструю организацию спасения; б) это исключит объявление каким-либо иностранным государством космонавта разведчиком в военных целях...”

Уверенность в успехе была. Это видно из самого документа, который предусматривал все возможные варианты. 3 апреля ЦК КПСС принял постанов-

ление “О запуске космического корабля-спутника”. В правом верхнем углу по уже установившейся традиции в две строки стояли слова: “Строго секретно. Особая папка”. Далее следовал текст:

“1. Одобрить предложение тт. Устинова, Руднева, Калмыкова, Дементьева, Бутомы, Москаленко, Вершинина, Келдыша, Ивашутина, Королёва о запуске космического корабля-спутника “Восток-3” с космонавтом на борту.

2. Одобрить проект сообщения ТАСС о запуске космического корабля с космонавтом на борту – спутника Земли и предоставить право Комиссии по запуску в случае необходимости вносить уточнения по результатам запуска, а Комиссии Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам опубликовать его”.

Последующие события развивались так: 4 апреля Королёв доложил Правительственной комиссии (заседание проходило на Байконуре) о готовности к осуществлению первого полёта человека в космос. 6 апреля утром Королёв собрал Совет главных конструкторов. Совещение поначалу носило чисто технический характер, обсуждались вопросы предстартовой подготовки ракеты-носителя и корабля. Затем перешли к составлению полётного задания первому космонавту. Особых споров не было, документ получился лаконичным, подписали его Королёв, Келдыш и Каманин.

Генерал К. А. Керимов, возглавлявший в ту пору ГУКОС (Главное управление космических средств Минобороны), рассказывал:

– Особо волновал конструктора тот вариант, когда двигатель третьей ступени ракеты не дорабатывал нескольких секунд до расчётного времени. При такой ситуации космонавт приводнялся в океане, вблизи мыса Горн – южная точка Южной Америки. Этот район известен постоянными штормами. Почему-то именно мыс Горн не давал Королёву покоя... За несколько дней до запуска “Востока” – это название он придумал сам – главный конструктор потребовал, чтобы в бункере, откуда выдавались команды и велось наблюдение за ракетой, наши военные специалисты установили телеграфный аппарат, соединённый линией связи с одним из восточных измерительных пунктов. В случае нормальной работы двигателя блока “Е” этот аппарат выбивал на ленте “пятёрки”, а в случае остановки – “двойки”...

Дмитрий Фёдорович Устинов – первое ответственное должностное лицо в Советском правительстве и государстве после Хрущёва – в семье объявил, что он на день рождения своей супруге 12 апреля готовит такой подарок, о котором узнает всё человечество. Жена – Таисия Алексеевна – и другие члены семьи встретили эту информацию с интересом и любопытством, она заинтриговала, особенно молодых. Кто-то предположил: возможно, будет запущен очередной искусственный спутник Земли или новые Стрелки и Белки. И на этом догадки закончились...

За три недели до старта Гагарина, 23 марта 1961 года в отряде космонавтов произошла трагедия – погиб старший лейтенант Валентин Васильевич Бондаренко. Его биография была простой. Он родился в 1937 году в рабочей украинской семье. В 1954 году окончил школу, затем был призван в армию, поступил в авиационное училище. В начале 1960 года начал тренировки в отряде космонавтов.

В тот день он находился в сурдобарокамере, где провёл уже около десяти суток. Закончив медицинские эксперименты, он снял с себя телеметрические датчики, протёр лицо смоченной в спирте ватой и бросил её на пол. К несчастью, она упала на включённую электроплитку и вспыхнула. Атмосфера сурдобарокамеры была перенасыщена кислородом. На Бондаренко загорелся тренировочный костюм, но всей опасности Валентин не осознал и не подал сигнала бедствия, пытаясь самостоятельно сбить с себя пламя. Когда обслуживающий персонал узнал о происшествии, возникла новая проблема: в сурдобарокамере было пониженное давление, и поэтому нельзя было сразу открыть дверь. Пока выравнивали давление, были потеряны драгоценные секунды. Бондаренко был ещё в сознании, когда его извлекли из “плена”, но обгорел он смертельно. В эти минуты его не оставяла мысль о судьбе товарищей по работе. Он хотел отвести от них тяжёлые обвинения в случившемся и, не переставая, повторял: “Я сам виноват. Никого не вините”.

Он умер через несколько часов. Бондаренко похоронили в Харькове, где жили его родители.

Безусловно, гибель Бондаренко произвела на всех космонавтов, в том числе и на Гагарина, гнетущее впечатление. Прощаясь с товарищем, Юрий сказал, что они всё равно выполнят поставленные перед ними задачи.

Сохранилось письмо Юрию Алексеевичу от канадца Ирвинга Лазара. Среди вопросов, с которыми он обратился к Гагарину, были и такие: “Если личные интересы требуют солгать, – предположим, что сложились такие обстоятельства, – нужно ли лгать вопреки принципам или нужно говорить правду? Далее. Я считаю, что способных людей больше, чем мест, где они могут проявить способности. Выходит, для того, чтобы добиться успеха, нужно “перерезать горло другому”. Считаете ли Вы это правильным, и если да, то справедливо ли это?”

Вот что ответил Гагарин Ирвингу: “Ты спрашиваешь, нужно ли лгать, когда этого требуют личные интересы? Нет, Ирвинг, я думаю, нужно быть честным и говорить то, что ты действительно думаешь. Тогда ты будешь уважать себя сам и заслужишь уважение других. Я думаю, что смелым и сильным человеком, настоящим мужчиной может быть правдивый человек. Тот, кто лжёт, не станет настоящим другом, ему никогда будет нельзя довериться. И если мне суждено когда-нибудь стартовать на ракете в космос вдвоём, то мой товарищ будет человеком, который никогда не солжёт ради личной выгоды.

...А насчет “перерезать другому горло”, то в таком случае победителем всегда будет тот, у кого больше шулак или больше денег. Но тогда, как ты сам понимаешь, хорошее место займут люди, которые вовсе недостойны его. Принцип “резать другому горло” – бесчеловечен...”

Свою позицию человека, на которого возложена особая миссия, Гагарин осознал не сразу, но его первое обращение к землянам, записанное накануне старта, было спокойным и взвешенным.

“Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов! Через несколько минут могучий космический корабль унесёт меня в далекие просторы Вселенной. Что можно вам сказать в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне одним прекрасным мгновением. Всё, что прожито, сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты. Быть первым в космосе, выступить один на один в небывалый поединок с природой – можно ли мечтать о большем? Но вслед за этим я подумал о той колоссальной ответственности, которая легла на меня – первым проложить дорогу Человечеству в космос. Назовите мне большую по сложности задачу, чем та, что выпала мне. Это ответственность не перед одним, не перед десятками людей, не перед коллективом. Это ответственность перед всем Советским народом, перед всем Человечеством, перед его настоящим и будущим. И если я, тем не менее, решаюсь на этот полёт, то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников – советских людей. Я знаю, что соберу всю свою волю для наилучшего выполнения задания Коммунистической партии и Советского народа. Счастливы ли я, отправляясь в космический полёт? Конечно, счастлив. Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях”.

– Располагайся удобней, Юра, – сказал Гагарину ведущий конструктор скафандров Фёдор Востоков, когда Гагарин находился уже в космическом корабле. – Тебе в этой позе придётся просидеть почти два часа.

– Не переживайте, Фёдор. Всё будет в порядке.

Фёдор Востоков еще раз перепроверил подсоединение скафандра к системам жизнеобеспечения корабля и надёжность фиксации в кресле:

– Счастливы, Юра! Ждём на земле!

Юрий приподнял руку и приветственно помахал ею, ибо через остекление скафандра услышать его было невозможно.

Олег Генрихович Ивановский – ведущий конструктор космических кораблей “Восток” – был последним, кто закрыл за Юрием Гагариным люк. Эти документальные кадры, снятые на Байконуре за 2 часа до старта, обошли весь мир. Уж ему-то было известны все тайны, связанные с космической тематикой, он был свидетелем и участником всех запусков космических аппаратов на околоземную орбиту. Олег Генрихович с усмешкой говорил о тех сенсациях, которые появлялись в зарубежной печати, а после начали тиражироваться и нашими средствами массовой информации. “Наверное, мы сами своей

секретностью давали повод для подобных спекуляций. Сейчас кажется, ничего особенного, — вспоминает Олег Генрихович. — Но тогда!.. Всё было под бдительным оком секретных служб. Начиная от лабораторий до конструкторских бюро. Но они нам не мешали. Мы делали своё дело, они — своё. До люка Гагарина провожали я и Фёдор Анатольевич Востоков. Помогли первому космонавту лечь в кресло. Устроившись, Юрий начал проверку радиосвязи. Я протиснулся в кабину. Обнял его, пожал руку и, похлопав по шлему, отошёл в сторону. Мгновение — и крышку люка накинули на замки. И вдруг слышу по связи Королёва: “Правильно ли установлена крышка? Нет ли перекосов?” — “Нет, Сергей Палыч, всё нормально”, — отвечаю. “Вот в том-то и дело, что не нормально! Нет КП-3!” Я похолодел. КП-3 — это контакт-датчик, сигнализирующий о прижиге крышки к шпангоуту люка. “Крышка, Сергей Палыч, установлена правильно”. — “Что можете сделать для проверки контакта? Успеете снять и снова установить крышку?” — в голосе Главного конструктора — металл. Я посмотрел на монтажников Морозова и Селезнёва. Они, спокойно, — на меня. Без слов поняли друг друга. “Успеем, Сергей Палыч. Только передайте Юрию, что откроем люк”. Казалось, всё делалось само. Сняли 32 гайки с замков, сняли крышку. Заметил, что Юрий, чуть приподняв левую руку, внимательно смотрит на меня в маленькое зеркальце, пришитое на рукаве, и тихонько насвистывает мотив песни “Родина слышит, Родина знает...” Посмотрел на кронштейн, на котором стоял КП-3. Всё было на месте. Прощаться с Юрой ещё раз было некогда, успел поймать только в зеркальце его хитроулыбчивый взгляд. Крышка опять на замках. Снова гайки. Первая... Есть тридцать вторая! Стрелка вакуумметра неподвижна: есть герметичность!”

Понятно, что никто, в том числе сам Сергей Павлович Королёв, не мог дать гарантии, что все будет так, как задумано, потом тот же Ивановский скажет, что шансы благополучно завершить полёт равны были пятьдесят на пятьдесят. Риск с эксплуатацией авиационной техники существует всегда. Что тогда говорить о такой сложной инженерной системе, которой являлся космический корабль!

“А потом мы полетели на вертолёт на место посадки “Востока”. Когда наш вертолёт сел, не дожидаясь, пока выйдет начальство, я бегом бросился к обугленному шару. На земле — обгоревший болт. От замка крышки люка! Реликвия! Он долго хранился у меня”.

Интересно послушать, что говорят наши специалисты о том теперь уже историческом времени, когда они готовили к запуску в космос Гагарина.

— Сегодня смешно читать — надо же столько напридумывать! — вспоминал Олег Генрихович Ивановский. — Только что прочитал у одного автора: мол, на втором спутнике в 1957 году собака Лайка уцелела на взлете и благополучно вернулась на Землю. И ведь книжка-то какая — история космонавтики! Или, например, из другой: якобы для того, чтобы первый спутник можно было засечь с Земли, его поверхность сделали чуть ли не зеркальной и даже позолоченной. Да ничего подобного! Спутник был обработан совершенно другим способом — электрохимическим полированием. Кстати, когда публиковалось: вот, мол, летит спутник, смотрите, тоже было враньё. Потому что спутник простым глазом никто не мог видеть. Звёздочка, которую многие наблюдали, была лишь центральным блоком ракеты. А это махина в 7 тонн, а никак не 86 кило “шарика”. Блок видели, потому что он тоже стал спутником, пока не сгорел.

Из семи полётов кораблей “Восток” до Гагарина лишь три были успешными. А на Землю вернулись два. Поэтому риск был, конечно, большой. Но по уровню наших знаний и наших возможностей для безопасности полёта было сделано всё. Больше просто придумать уже не могли. До сих пор в зарубежной печати можно встретить сообщения, что, дескать, до Гагарина в космосе побывал другой космонавт. Но он погиб, и это держится в секрете. И сегодня мало кто знает о манекенах, летавших на орбиту. Мы их называли “Иван Иванычами”. Это была не просто кукла: медики старались ее напичкать всевозможными датчиками. Причём человеческий облик она имела самый что ни на есть — и рост, и волосы, и ноготочки, и всё прочее. Сходство было настолько реальным, что мы были вынуждены, работая в цехе, надевать на манекены халаты. Просто неприлично было им стоять голыми. Потом их снабдили средствами связи, шлемофоны надели, ларинги. А чтобы замкнуть весь цикл радиосвязи с Землёй, в рот поместили динамик. Долго думали, какой звук

должен выдавать “Иван Иванович”. Просто музыку поставить? Не пойдёт — нужна артикуляция, человеческий голос. Просто речь записать на магнитофон? Тоже нельзя. Ведь если пойдёт голос с орбиты, тут же на Западе заявят, что в Советском Союзе вывели человека в космос и он оттуда что-то кричит. А раз публикации нет, значит, это секретный пуск, шпион в космосе. Тогда решили — запишем песню. Опять нам говорят: вы что? Космонавт сошел с ума — песни поёт. В общем, остановились на записи хора Пятницкого. Представляете, картинка? Ночь, тишина в зале — идут комплексные испытания “Иван Ивановича”. Манекен стоит, прислонённый к стенке, даётся команда, и он поёт... хором Пятницкого. Самое забавное: когда повредили на одном манекене голову, с полигона на завод-изготовитель ушла телефонограмма: “У “Иван Ивановича” повреждена голова. Срочно пришлите запасную”. С завода отвечают: “Запасных голов нет. Обходитесь своими”. Помню, когда первого из них одели уже не в белый халат, а в настоящий лётный скафандр, подошел Королёв. Посмотрел и говорит: “Не надо было придавать манекену такого человеческого подобия. А вдруг после приземления подойдёт к манекену кто-нибудь из местных жителей, пожалуй, и недоразумение может произойти”. Тогда решили на спине скафандра крупными буквами написать: “Макет”, а лицо под шлемом закрыть куском белого поролона и на нем сделать такую же надпись.

Из дневника генерал-полковника Николая Петровича Каманина.

“10 апреля 1961 года.

В 11 часов в павильоне на берегу Сырдарьи состоялась встреча с космонавтами. В очень простой, дружественной обстановке Руднев, Москаленко, Королёв встретились с Гагариным, Титовым, Нелюбовым, Поповичем, Николаевым и Быковским. Встреча началась с выступления Королёва. Он сказал: “Не прошло и четырёх лет с момента запуска первого спутника Земли, а мы уже готовы к первому полёту человека в космос. Здесь присутствуют шестеро космонавтов, каждый из них готов совершить первый полёт. Решено, что первым полетит Гагарин, за ним полетят другие — уже в этом году будет подготовлено около десяти кораблей “Восток”. В будущем году мы будем иметь двух- или трёхместный корабль “Север”. Я думаю, что присутствующие здесь космонавты не откажут нам в просьбе “вывести” и нас на космические орбиты. Мы уверены — полёт готовился обстоятельно, тщательно и пройдёт успешно. Успеха вам, Юрий Алексеевич!”

Вечером состоялось торжественное заседание Государственной комиссии под председательством Руднева. В коротком вступительном слове председатель объявил о цели собрания и предоставил слово Королёву. Сергей Павлович сказал: “Корабль готов, вся аппаратура и оборудование проверены и работают отлично, прошу комиссию разрешить первый в мире полёт космического корабля с пилотом-космонавтом на борту”. Комиссия единогласно решила: “Утвердить предложение Королёва о производстве первого в мире полёта космического корабля “Восток” с космонавтом на борту 12 апреля 1961 года”. Затем слово предоставили мне. Я официально представил комиссии всех космонавтов — Гагарина, Титова, Нелюбова, Николаева, Быковского, Поповича и доложил, что все они отлично сдали выпускные государственные экзамены. Приказом Главнокомандующего ВВС, Главного маршала авиации К. А. Вершинина им впервые в нашей стране официально присвоено звание пилотов-космонавтов ВВС. Любой из шести полностью подготовлен и готов совершить первый космический полёт. Трудно из шести отличных выделить первого. Я сказал, что, по мнению командования ВВС, первым можно утвердить Гагарина, а запасным — Титова. Комиссия единогласно утвердила первым пилотом-космонавтом Гагарина Юрия Алексеевича, а запасным — Титова Германа Степановича. Заседание комиссии было заснято на киноплёнку, а все выступления записаны на магнитофон. Заседание проходило в зале монтажного корпуса на 2-й площадке, присутствовали более 70 человек”.

Говорят, что люди по типу психики делятся на “жаворонков” и “сов”. Юрий, безусловно, относился к типичным “жаворонкам”. Особое внимание врачей было направлено на снятие у космонавтов психических нагрузок и на поиски рациональных и эффективных способов обеспечения организма полноценным отдыхом. Поэтому сон космонавтов, находившихся на непосредственной подготовке, был взят врачами под особый контроль, для чего их на несколько дней помещали в профилакторий.

Гагарину спать приходилось под контролем датчиков, которые перед сном врачи размещали на всём теле.

Накануне полёта Юрий пришёл в профилакторий уставший. Но, зайдя в комнату, где готовили аппаратуру для контроля за сном, он весело произнёс:

– Ну и выплусь я сегодня под неусыпным оком этих игрушек с вашими добрыми напутствиями...

Гагарин по пояс разделся, ему начали наклеивать датчики.

– Ох! С устатку граммов пятьдесят бы этой жидкости для полноценного сна, – проговорил Юрий.

– Вот когда слетаешь, то можешь и сто, – улыбнувшись, пошутил врач.

Когда процедура наклейки датчиков закончилась, Гагарин, взглянув на медсестер и лаборанток, сочувственно сказал:

– Эх, девчонки, мне-то спать, а вам ещё дежурить!

В комнате отдыха Гагарин подсоединил датчики к аппаратуре контроля, по возможности удобно, насколько позволяла система проводов, опутавшая его тело, устроился в постели.

Несколько минут самописцы фиксировали деятельность бодрствующего организма, а потом пошли сигналы спокойно спящего человека.

– Умеет же Юра так быстро отключаться! – удивился врач.

Так до утра сигналы самописцев и не изменили своих показаний. Гагарин умел себя настраивать на длительный и напряженный труд, но так же искусно мог давать себе команду на полный отдых. Врачи неоднократно отмечали его умение управлять собой...

Из дневника Каманина.

“12 апреля 1961 года, среда. Тюра-Там, площадка № 2.

В 4.50 местного времени я, Карпов и Никитин встали как по команде. В 5.30 будем поднимать Юру и Германа. Ночь прошла очень хорошо, заснули около 22 часов. Чуть начинает рассветать, на дороге усиливается движение. Приехали наши с десятой площадки, Карпов пошёл поднимать молодежь.

В 6.00 состоялось заседание комиссии. Оно было удивительно простым и коротким. Все доклады сводились к одной фразе: “Замечаний нет, всё готово, вопросов нет, можно производить пуск”. После заседания я подписал полётное задание, съездил в МИК и посмотрел, как идет медицинский осмотр и надевание скафандров. Всё шло точно по расписанию. В 8 часов я вместе с ведущим инженером корабля на лифте поднялся кверху ракеты и проверил шифр (145) логического замка. Логический замок работал нормально. В 8.20 на старт прибыл маршал Москаленко. Мы с ним договорились о посадке Гагарина в корабль. Автобус с космонавтами должен прибыть на стартовую площадку в 8.50. Все космонавты и провожающие остаются у автобуса, до лифта Гагарина должны провожать Королёв, Руднев, я и Москаленко.

Намеченный порядок удалось соблюсти с трудом. Выйдя из автобуса, Юра и его товарищи немного расчувствовались и начали обниматься и целоваться. Вместо пожелания счастливого пути некоторые прощаются и даже плакали – пришлось почти силой вырывать космонавта из объятий провожающих. У лифта я крепко пожал Юре руку и сказал: “До встречи в районе Куйбышева через несколько часов”.

...Пожалуй, последние секунды, когда начался обратный отсчёт, стали для Гагарина самыми продолжительными во всей его жизни. Если говорить, что он не волновался, то это будет неправдой. Предстоял не просто полёт, а старт в неизведанное. Медики, инженеры, конструкторы, психологи, ученые, летчики дали ему всё, что они могли дать, предполагая самые непредвиденные ситуации, которые могли возникнуть при подготовке к запуску и во время полёта. Но у них не было опыта пилотируемых космических полётов, и здесь никто не мог подсказать или рассказать, что ждёт его, когда заработают двигатели ракеты. Не было ещё тренажеров, которые могли бы дать полную иллюзию полёта, вообще впереди была неизвестность. И известность при удачном завершении эксперимента. Но Юрий об этом не думал, все его существо было готово к предстоящему испытанию... Всё шло штатно. 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1.

“Поехали!!!”

Рассказывает Гагарин:

“Произведено закрытие люка № 1. Слышал, как его закрывают, как стучат ключами. Потом начинают люк вновь открывать. Смотрю, люк сняли. По-

нял, что-то не в порядке. Мне Сергей Павлович говорит: “Вы не волнуйтесь, один контакт почему-то не прижимается. Всё будет нормально”. Расчетом скоро были переставлены платы, на которых установлены концевые выключатели. Всё подправили и закрыли крышку люка.

Объявили часовую готовность, получасовую, записали физиологические функции. В общем, всё проходило нормально.

Потом объявили 15-минутную готовность. Надел гермоперчатки. Закрыл шлем. Пятиминутная готовность. Минутная готовность и старт. До этого было слышно, как разводили фермы. Получаются какие-то мягкие удары по конструкции ракеты. Ракета как бы немножко покачивалась.

Потом началась продувка. Слышал, как работали клапана. Затем был произведён запуск. Двигатели вышли на предварительную ступень. Появился легкий шум. Затем на промежуточной ступени шум усилился. Когда двигатели вышли на главную, основную ступень, шум усилился, но не был слишком резким, который заглушал или мешал бы работе. Шум приблизительно такой же, как в самолёте. Я готов был к гораздо большему шуму. Затем ракета плавно, мягко снялась со своего места. Я даже не заметил, когда она пошла. Потом чувствовал, как по конструкции ракеты пошла мелкая дрожь. Характер вибрации: частота большая, амплитуда небольшая.

Я приготовился к катапультированию. Сичу, наблюдаю процесс подъёма. Слышу, докладывает Сергей Павлович о том, что идёт 70 сек. В районе 70-й сек. плавно меняется характер вибрации. Частота вибрации падает, а амплитуда растёт. Возникает как бы тряска. Потом постепенно эта тряска затихает, и к концу работы первой ступени вибрация становится такой же, как в начале её работы. Перегрузка плавно растёт, но она вполне переносимая, как на обычных самолётах. Примерно 5 g. При этой перегрузке я всё время репортаж и связь со стартом. Было несколько трудно разговаривать, так как стягивало все мышцы лица. Несколько поднапрягся. Дальше перегрузка стала расти, достигла своего пика и начала плавно уменьшаться. Затем почувствовал резкий спад перегрузки. Ощущение было таким, как будто что-то сразу отрывается от ракеты. Почувствовал что-то вроде хлопка. При этом резко упал шум. Будто возникло состояние невесомости, хотя в это время перегрузка была равна 1. Затем опять появляется и начинает расти перегрузка. Начинает прижимать к креслу, уровень шума значительно меньше. На 150-й сек. отделился головной обтекатель. Процесс очень яркий. Получился толчок, хлопок. Одна половина обтекателя как раз была против “Взора” (“Взор” – оптическое устройство для ориентации космического корабля в пространстве). У меня светофильтр “Взора” был закрыт, а шторка открыта. Обтекатель медленно пошёл вниз от “Взора”, за ракету.

В это время во “Взоре” была очень хорошо видна Земля. Как раз не было облачности. Видел складки местности, немножко гористый район. Видны были лес, реки, овраги. Я не мог привязать то, что видел, так как во “Взоре” оказалось очень мало территории. По-моему, Обь там была или Иртыш, но видно было, что это большая река и на ней острова. Можно видеть всё. Я вёл репортаж об этом.

Когда идёт ракета, то по “Взору” можно наблюдать, что она немножко колеблется вокруг продольной оси по крену, но колебания незначительные. Ракета как бы живёт.

К концу работы первой ступени, когда слетел головной обтекатель, во “Взоре” горизонт немного до верхнего края не доходил. Ракета шла с некоторым углом тангажа (тангаж – угловое движение летательного аппарата относительно поперечной оси). Затем к концу работы второй ступени она легла по горизонту и даже несколько ниже горизонта. Здесь был некоторый небольшой просвет по “Взору”.

На 211-й сек. опять плавно начали нарастать перегрузки. Вторая ступень выключается примерно так же, как и первая. При этом происходят такой же резкий спад перегрузок и падение шума, такое же ощущение невесомости.

Невесомость была примерно секунд 10–15 до включения третьей ступени.

Затем слышал глухой хлопок и включение третьей ступени. Она работала очень плавно. Ракета как бы подошла и нежненько всё повела от нуля.

Очень плавно стала появляться перегрузка. Затем по “Взору” горизонт занял всё его кольцо. Начал увеличиваться угол тангажа, и к концу работы третьей ступени примерно только половина внешнего кольца “Взора” была за-

нята горизонтом. Затем я наблюдал, передавал, вёл репортаж, видел облачность, тень облаков на Земле. Землю во “Взор” видно очень хорошо. Предметы на Земле хорошо различимы. Выключение третьей ступени было резким. Перегрузка немножко возросла, почувствовал резкий хлопок. Примерно секунд через 10 произошло разделение. При этом почувствовал толчок. Корабль начал медленно вращаться.

Земля стала уходить влево, вверх, затем вправо, вниз. Вращение было хорошо видно во “Взоре”. Видел я горизонт, звезды, небо. Небо совершенно чёрное, чёрное. Величина звезд и их яркость немножко чётче на этом чёрном фоне, скорость перемещения их во “Взоре” и в правом иллюминаторе большая. Виден очень красивый горизонт, видна окружность Земли. Горизонт имеет красивый голубой цвет. У самой поверхности Земли нежно-голубой цвет, постепенно темнеющий и переходящий в фиолетовый оттенок, который плавно переходит в чёрный цвет.

В это время вёл устойчивую хорошую связь с Колпашево – “Зарёй-2”.

При пролёте Елизово связь была нормальной. Я несколько раз повторял свои доклады и донесения. Как только произошло разделение, сразу же включился цикл № 1, пошёл ПКРС, подвижный индекс, пошли часы. Вся система спуска заработала. Произвёл доклад. Связь с Елизовым прекратилась примерно, когда по глобусу было 30° сев. широты. Сразу после доклада по УКВ произвёл доклад по КВ. Но по КВ подтверждение докладов и команд в это время ни от кого не получал. Связи не было. Примерно градусов около 30 сев. широты услышал “Амурские волны”, которые передавал Хабаровск. На этом фоне услышал телеграфные позывные “ВСН” – “Весны”. В это время я опять начал связь с “Весной”, но никто не отвечал. Производил записи наблюдений в боржурнал.

При пролёте над морем поверхность его казалась серой, а не голубой. Поверхность неровная, как бы в виде песочных барханов на фотографии. Мне кажется, что сориентироваться над морем будет вполне возможно. Можно вести ориентировку, привязаться к местности, сориентировать корабль для включения тормозной установки.

Доклады осуществлял в соответствии с заданием в телеграфном и телефонном режимах. Произвел приём воды и пищи. Воду и пищу принял нормально, принимать можно. Никаких физиологических затруднений при этом я не ощущал. Чувство невесомости несколько непривычное по сравнению с земными условиями. Здесь возникает такое ощущение, как будто висишь в горизонтальном положении на ремнях, как бы находишься в подвешенном состоянии. Видимо, подогнанная плотно подвесная система оказывает давление на грудную клетку и поэтому создаётся такое впечатление, что висишь. Потом привыкаешь, приспосабливаешься к этому. Никаких плохих ощущений не было.

Производил записи в боржурнал, доклады, работал телеграфным ключом. Когда принимал пищу, пил воду, пустил планшет, и он с карандашом “плавал” передо мной. Затем надо было мне записать очередной доклад. Взял планшет, а карандаш на месте не оказалось. Улетел куда-то. Ушко было перевернуто к карандашу шурупчиком, но его, видимо, надо было или на клей поставить, или потуже завернуть. Этот шуруп вывернулся, и карандаш улетел. Свернул боржурнал и вложил в карман. Всё равно не пригодится, писать же нечем.

В это время я был в тени Земли, а ещё до входа в тень Земли всё время производил запись на магнитофон. Перед входом в тень Земли в магнитофоне кончилась вся лента. Магнитофон не работал.

Я принял решение перемотать ленту, чтобы произвести дальнейшие записи. Переключил его на ручное управление и перемотал. По-моему, не до конца перемотал. И затем, когда производил доклады, то запись на магнитофон осуществлял вручную, так как при автоматической работе магнитофона он почти всё время работает и, естественно, много расходуется ленты. Это вызывается высоким уровнем шума в кабине.

Перед этим я вошёл в тень Земли. Вход в тень Земли очень резкий. До этого временами наблюдал сильное освещение через иллюминаторы. Приходилось отворачиваться от него или прикрываться, чтобы свет не попадал в глаза. Затем посмотрел в один иллюминатор – на горизонте ничего не видно. Темно. В другой – тоже темно. Думаю, что же такое? Заметил по времени, что это связано со входом в тень.

В это время корабль вращался, градуса 2–3 в секунду. Горизонта и Земли не было видно. Звёзд тоже не видно. Но тут я сообразил, что, очевидно, попал иллюминатор на Землю. Когда “Взор” и иллюминатор выходили на небо, то на чёрном его фоне видны звёзды. Иногда в иллюминатор попадало 2–3 звезды каких-то созвездий. Но созвездия определить было трудно, потому что не всё созвездие попадает в иллюминатор. Включилась солнечная система ориентации, о чем я доложил по КВ и по телеграфу.

Начал расходоваться воздух. При работе солнечной ориентации воздух расходовался из обеих систем одновременно. К моменту выхода из тени давление в системах ориентации было примерно 150–152 атм. Я почувствовал, что, когда включилась система ориентации, угловое перемещение корабля изменилось и стало очень медленным, почти незаметным. В это время произво­дил доклад по КВ и через систему “Сигнал” в телеграфном режиме.

При полёте примерно градусов до 4 южн. широты я не слышал Землю. Градусов около 40–45 южн. широты по глобусу слабо прослушивались музыка и позывные. Меня телефоном вызывали: “Кедр, я Весна” и еще что-то говорили, но остальных слов я разобрать не мог. Позывные повторялись три раза. Я сразу включился на передачу, стал передавать: “Как меня слышите? Ответьте на связь”. Чем ближе подлетал к апогею, тем больше улучшалась слышимость, и, примерно, когда проходил мыс Горн (в апогее), получил очередное сообщение. Мне передали, что меня поняли, и я очень хорошо понял это. Мне сообщили, что корабль идёт правильно, орбита расчётная, все системы работают хорошо. Я соответственно продолжал доклады.

Перед выходом из тени я внимательно смотрел в иллюминатор “Взора”, который был под углом к горизонту. Очень хорошо был виден горизонт. По самому горизонту наблюдал радужную оранжевую полосу, напоминавшую по своей окраске цвет скафандра. Далее окраска немного темнеет и цветами радуги переходит в голубой цвет, а голубой переходит в чёрный цвет. Совсем чёрный. В это время стало плавно падать давление в системах ориентации. Почувствовал более упорядоченное движение объекта по тангажу. Затем корабль стал рыскать. Я понял, что системой солнечной ориентации Солнце “загоняется” в центральный датчик. Вскоре корабль приобрёл устойчивое исходное положение для спуска. ТДУ (тормозная двигательная установка) была направлена на Солнце и довольно устойчиво. В это время была очень хорошая ориентация по “Взору”. Во внешнем кольце весь горизонт был вписан совершенно равномерно. Видимые мною предметы двигались строго по стрелкам “Взора”, т. е. так, как нужно при осуществлении ориентации вручную, затем Земля плавно начала уходить в левый угол, вперёд (от ног).

В это время производил доклады. В системе ориентации давление постепенно падало и к моменту запуска ТДУ было примерно 110 атм. Производил записи на магнитофон, доклады по телеграфу и телефону, по КВ. В это время КВ-связь была хорошая. Очевидно, со мной работали радиостанции Москвы.

На 56-й минуте прошла первая команда. Я сразу доложил об этом. Ориентация была хорошей, корабль некоторое время имел вращение по крену, но очень малое. За время, как корабль вышел из тени и до включения ТДУ, он развернулся примерно градусов на 30. Может быть, даже несколько меньше. Затем прошла вторая команда. При этом я опять сделал доклад в телефонном и телеграфном режимах. Заметил давление в баллоне ТДУ, давление в системе ориентации, показания всех приборов, время прохождения команды и всё записал на магнитофон. Приготовился к спуску. Закрыв правый иллюминатор. Притянулся ремнями, закрыл гермошлем и переключил освещение на рабочее. Затем в точно заданное время прошла третья команда. Как только погасло окошко при прохождении третьей команды, я стал наблюдать за давлением в ТДУ и в системе ориентации. Оно стало резко падать с 320 атм. Стрелка прибора чётко шла на уменьшение давления. Я почувствовал, как заработала ТДУ. Через конструкцию ощущался небольшой зуд и шум. Я засек время включения ТДУ. Перед этим секундомер поставил на нуль. ТДУ работал хорошо. Его включение произошло резко. Перегрузка выросла немного, и потом резко опять появилась невесомость. Стрелки в этот момент в системе автоматической ориентации и в баллоне ТДУ сразу прыгнули на нуль. Время работы ТДУ составило точно 40 сек. В этот период произошло следующее. Как только выключилась ТДУ, произошёл резкий толчок, и корабль начал вращаться вокруг своих осей с очень большой скоростью. Земля у меня проходила во

“Взоре” сверху справа вниз и влево. Скорость вращения была градусов около 30 в секунду, не меньше. Получился “кордебалет”: голова-ноги, голова-ноги с очень большой скоростью вращения. Всё кружилось. То вижу Африку (над Африкой произошло это), то горизонт, то небо. Только успевал закрываться от Солнца, чтобы свет не падал в глаза. Я поставил ноги к иллюминатору, но не закрывал шторы. Мне было интересно самому, что происходит. Я ждал разделения. Разделения нет. Я знал, что по расчету это должно было произойти через 10–12 сек. после выключения ТДУ. При выключении ТДУ все окошки на ПКРС погасли. По моим ощущениям больше прошло времени, но разделения нет. На приборе “Спуск-1” не гаснет, “приготовиться к катапультированию” – не загорается. Разделение не происходит. Затем вновь начинают загораться окошки на ПКРС: сначала окошко третьей команды, затем – второй и затем – первой команды. Подвижный индекс стоит на нуле. Разделения никакого нет. “Кордебалет” продолжается. Я решил, что тут не всё в порядке. Засек по часам время. Прошло минуты две, а разделения нет. Доложил по КВ-каналу, что ТДУ сработало нормально. Прикинул, что всё-таки сяду нормально, так как тысяч 6 км есть до Советского Союза, да Советский Союз тысяч 8 км, значит, до Дальнего Востока где-нибудь сяду. “Шум” не стал поднимать. По телефону доложил, что разделение не произошло.

Я рассудил, что обстановка не аварийная. Ключом я передал “ВН” – всё нормально. Через “Взор” заметил северный берег Африки, Средиземное море. Всё было чётко видно. Корабль продолжал вращаться”.

Позже журналист И. Листов попытался разобраться, что же произошло с кораблём “Восток” перед спуском.

После включения тормозной двигательной установки она в течение 1–2 сек. работает нормально. При появлении рабочего давления в камере сгорания должен закрыться клапан ОКНК. Однако этого не происходит, клапан закрывается не полностью и не обеспечивает герметичности, в результате чего горючее штатно поступает в камеру сгорания и нештатно – через не закрывшийся клапан – в полость “разделительного” мешка бака горючего. Горючее, поступившее в полость “разделительного мешка”, не могло быть использовано для выработки тормозного импульса, то есть имела место нерасчётная потеря горючего. В результате такой “перекачки” горючего не хватило на отработку штатного импульса тяги на 0,5–1 сек. до формирования интегратором ГК (главной команды), по которой произошло бы штатное выключение двигателя.

После самопроизвольного прекращения работы двигателя главная команда на выключение двигателя не прошла, и арматура ТДУ осталась открытой. По открытым трактам газ наддува и окислитель под давлением порядка 60 атмосфер продолжали поступать в камеру сгорания и в рулевые сопла по тангажу, крену и рысканью. Поскольку процесс истечения смеси газа наддува и окислителя через камеру и в особенности через рулевые сопла был произвольным и неконтролируемым, возникло мощное возмущающее воздействие на космический аппарат. Неконтролируемое истечение смеси газа наддува и окислителя в ТДУ продолжалось до 44 сек. после запуска, пока отсечные клапаны ОКГ и ОКО не перекрыли тракты подачи горючего и окислителя по команде на выключение ТДУ от временного механизма.

Вернёмся к рассказу Гагарина.

“Разделение я резко почувствовал, – вспоминал Гагарин. – Произошёл хлопок, затем толчок, вращение продолжалось. Погасли все окошки на ПКРС. Включилась только одна надпись: “Приготовиться к катапультированию”. Я заметил, что высота полёта всё-таки стала ниже, чем, скажем, в апогее. Здесь предметы на Земле различались резче. Я закрыл шторку “Взора”. Вращение шара продолжалось по всем осям с прежней скоростью (30° в секунду). Затем начал чувствовать торможение и какой-то слабый зуд, идущий по конструкции корабля. Еле ощутимый зуд, который ощущается через ноги, стоящие на кресле. Я занял позу для катапультирования. Сажу, жду.

Начинается замедление вращения корабля, причём по всем трём осям. Корабль начал колебаться примерно на 90° вправо и влево. Полного оборота не совершалось. По другой оси такие же колебательные движения с замедлением. В это время иллюминатор “Взора” был закрыт шторкой. Вдруг по краям шторы появился ярко-багровый свет. Такой же багровый свет наблюдался и в маленькое отверстие в правом иллюминаторе. Ощущал колебания корабля и горение обмазки. Я не знаю, откуда потрескивание шло: или кон-

струкция потрескивала, расширялась ли тепловая оболочка при нагреве, но слышно было потрескивание. Происходило одно потрескивание примерно в минуту. В общем, чувствовалось, что температура была высокая. Потом несколько слабее стал свет во “Взоре”. Перегрузки были маленькие, примерно 1–1,5 единицы. Затем начался плавный рост перегрузок. Колебания шара всё время продолжались по всем осям. К моменту достижения максимальных перегрузок я наблюдал всё время Солнце. Оно попадало в кабину в отверстие иллюминатора люка № 1 или в правый иллюминатор. По “зайчикам” я мог определить примерно, как вращается корабль. К моменту максимальных перегрузок колебание корабля уменьшилось до ± 15 градусов. К этому времени я чувствовал, что корабль идёт с некоторым подрагиванием. В плотных слоях атмосферы он заметно тормозился. По моим ощущениям, перегрузка была за 10 g. Был такой момент, примерно секунды 2–3, когда у меня начали “расплываться” показания на приборах. В глазах стало немного сереть. Снова поднатужился, поднапрягся. Это помогло, всё как бы стало на своё место. Этот пик перегрузки был непродолжительным. Затем начался спад перегрузок. Они падали плавно, но более быстро, чем они нарастали. С этого момента внимание своё переключил на то, что скоро должно произойти катапультирование. Когда перегрузки начали “жать”, Солнце мне било прямо в задний иллюминатор. Когда я начал готовиться к катапультированию, корабль развернуло к Солнцу примерно на 90° .

Когда перегрузки полностью спали, что, очевидно, совпало с переходом звукового барьера, стал слышен свист воздуха. В шаре отчетливо можно было слышать, как он идёт в плотных слоях атмосферы. Шум или свист был слышен так же, как обычно можно было слышать в самолётах, когда задросселируют двигатели или когда самолёт пикирует.

Вновь подумал о том, что сейчас будет катапультирование. Настроение было хорошее. Стало ясно, что сажусь не на Дальнем Востоке, а где-то здесь, вблизи расчётного района.

Момент разделения хорошо заметил. Глобус остановился приблизительно на середине Средиземного моря. Значит, всё нормально. Жду катапультирования. В это время приблизительно на высоте 7 тысяч метров происходит отстрел крышки люка № 1. Хлопок, и крышка люка ушла. Я сижу и думаю, не я ли это катапультировался? Так, тихонько голову кверху повернул. В этот момент произошел выстрел, и я катапультировался. Произошло это быстро, хорошо, мягко. Ничем я не стукнулся, ничего не ушиб, всё нормально. Вылетел я с креслом. Дальше стрельнула пушка, и ввёлся в действие стабилизирующий парашют.

На кресле я сидел очень удобно, как на стуле. Почувствовал, что меня вращает в правую сторону. Я сразу увидел большую реку. И подумал, что это Волга. Больше других таких рек нет в этом районе. Потом смотрю – что-то вроде города. На одном берегу большой город, и на другом – значительный. Думаю, что-то знакомое.

Катапультирование произошло, по моим расчетам, над берегом. Ну, думаю, очевидно, ветерок сейчас меня потащит, и придётся приводняться на воду. Потом отцепляется стабилизирующий парашют и вводится в действие основной. Проходило всё это очень мягко, так, что я ничего почти не заметил. Кресло также незаметно ушло от меня вниз.

Я стал спускаться на основном парашюте. Опять меня развернуло к Волге. Проходя парашютную подготовку, мы прыгали много как раз вот над этим местом. Я узнал железную дорогу, железнодорожный мост через реку и длинную косу, которая далеко в Волгу вдаётся. Я подумал о том, что здесь, наверное, Саратов. Приземляюсь в Саратове.

Затем раскрылся запасной парашют, раскрылся и повис. Так он и не открылся. Произошло только открытие ранца.

Я уселся поплотнее и стал ждать отделение НАЗ (носимый аварийный запас). Слышал, как дернул прибор шпильки. Открылся НАЗ и полетел вниз. Через подвесную систему я ощутил сильный рывок, и всё. Я понял, что НАЗ пошел вниз самостоятельно.

Вниз я посмотреть не мог, куда он там падает, так как в скафандре это сделать нельзя – жёстко к спинке привязан.

Тут слой облачков был. В облачке поддуло немножко, и раскрылся второй парашют. Дальше я спускался на двух парашютах.

Наблюдал за местностью, видел, где приземлился шар. Белый парашют, и возле него лежит черный, обгорелый шар. Это видел я недалеко от берега Волги, примерно в километрах 4 от моего места приземления.

Опускаясь, заметил, как справа от меня по сносу виден полевой стан. На нём много народу – машины. Рядом дорога проходит. Шоссе идёт на Энгельс. Дальше вижу, идёт речушка-овраг. Слева за оврагом домик, вижу, там какая-то женщина телёнка пасет. Ну, думаю, сейчас я, наверное, угожу в этот самый овраг, но ничего не сделаешь. Чувствую, все смотрят на мои оранжевые красивые купола. Дальше смотрю, как раз я приземляюсь на пашню. Думаю, ну сейчас приземлюсь. Как раз спиной меня несёт. Пробовал развернуться, в этой системе трудно развернуться, вернее, не развернешься. Перед землей, примерно метров за 30, меня плавно повернуло прямо лицом по сносу. Ветерок, как определил, был метров 5–7. Только успел я это подумать, смотрю, земля. Ногами “тук”. Приземление было очень мягкое. Пашня оказалась хорошо вспахана, очень мягкая, она ещё не высохла. Я даже не почувствовал приземления. Сам не понял, как уже стою на ногах. Задний парашют упал на меня, передний парашют пошёл вперед. Погасил его, снял подвесную систему. Посмотрел – всё цело. Значит, жив, здоров”.

Покойный ныне Аллен Уэлш Даллес, один из крестных отцов “холодной войны”, даже в день исторического старта самоуверенно изрек: “Блеф всё это! Мистификация. Они хотят обойти нас на словах!” И вроде неведомо ему было, что уже через пятнадцать минут после запуска “Востока” сигналы с борта космического корабля запеленговали наблюдатели с американской радарной станции “Шамия”, расположенной на Алеутских островах. Пятью минутами позже в Пентагон ушла срочная шифровка. Ночной дежурный, приняв её, тотчас же позвонил домой Джерому Вейзнеру – советнику президента Кеннеди. Заспанный Вейзнер взглянул на часы. Был 1 час 30 минут по вашингтонскому времени. С момента старта Гагарина прошло ровно 23 минуты.

Пройдут годы, и первый из землян, ступивший на Луну, скажет: “Он всех нас позвал в космос!” Это будут слова Нейла Армстронга.

Тем временем из Энгельсского аэродрома вылетела команда на вертолёте Ми-4, в её задачу входило найти и подобрать Гагарина. Они нашли спускаемый аппарат, но Гагарина рядом не было. Ситуацию прояснили местные жители, они сказали, что Гагарин уехал на грузовике в Энгельс. Вертолёт взлетел и взял курс на город. По дороге увидели грузовик, с которого махал руками Гагарин. Его подобрали, и вертолёт полетел на базу, послав радиogramму: “Космонавт взят на борт, следую на аэродром”.

Там Гагарина уже ждали, у трапа вертолёта гурьбой подошло всё руководство базы, ему вручили поздравительную телеграмму советского правительства. На “Победе” Гагарина повезли в диспетчерский пункт, а затем в штаб базы, для связи с Москвой. К полудню на аэродром с Байконура прибыли два самолета, Ил-18 и Ан-10, на них были сам заместитель командующего ВВС генерал-лейтенант Агальцов и группа журналистов. В течение трёх часов, пока устанавливали связь с Москвой, Гагарин давал интервью и фотографировался. С появлением связи лично доложил Брежневу и Хрущёву о выполнении полета. После доклада Гагарин погрузился на самолёт Ил-14 и полетел в Самару (тогда Куйбышев). Было принято решение во избежание шумихи сесть где-нибудь подальше от города. Но пока глушили двигатель и монтировали трап, собралось множество народа, подъехало местное партийное руководство. Когда смонтировали трап, Гагарин первым вышел из самолёта, поприветствовал собравшихся. После этого его увезли на обкомовскую дачу на берегу Волги. Там он принял душ и нормально поел. Через три часа после Гагарина в Самару прилетели Королёв и ещё несколько человек из Госкомиссии. В 9 часов вечера накрыли праздничный стол и отметили удачный полёт Гагарина в космос. А уже в 11 все спали – сказалась накопившаяся усталость.

Приземление Гагарина произошло возле деревни Смеловка Саратовской области. Теперь на этом месте установлен обелиск. В то время, когда пошла команда на спуск, Королёв звонил по телефону с Байконура в Пицунду, где находился Хрущёв. Слышимость была плохая, Королёв прижимал трубку к уху и кричал:

– Парашют раскрылся, идёт на приземление! Корабль, кажется, в порядке!

– Жив? Подает сигналы? – также крича в трубку, допытывался Хрущёв.
– Жив! Жив!

Первоначально никто не планировал грандиозной встречи Гагарина в Москве. Всё решил в последний момент Никита Хрущёв. По словам Сергея, сына Никиты Хрущёва, “он начал с того, что позвонил министру обороны маршалу Малиновскому и сказал: “Он у вас старший лейтенант. Надо его срочно повысить в звании”. Малиновский ответил, довольно неохотно, что даст Гагарину звание капитана. На что Никита Сергеевич рассердился: “Какого капитана? Вы ему хоть майора дайте”. Малиновский долго не соглашался, но Хрущёв настоял на своём, и в этот же день Гагарин стал майором”.

Потом Хрущёв позвонил в Кремль и потребовал, чтобы Гагарину подготовили достойную встречу.

Затем по телефону связались с Главкомандующим ВВС. Гагарин доложил Главному Маршалу авиации тов. Вершинину о выполнении задания. Тот поздравил космонавта с возвращением на землю и присвоением ему воинского звания “майор”. Главкомандующий сказал, что сейчас соединят Гагарина по телефону с Н. С. Хрущёвым и Л. И. Брежневым. Соединили с товарищем Брежневым. Гагарин доложил о выполнении задания, о том, что все системы работали хорошо, что приземление произошло в заданном районе, что чувствует себя хорошо. Брежнев поздравил Юрия Алексеевича пожелав всего хорошего и сказал, что скоро будет звонить Хрущёв. После этого генерал-полковником Агальцовым было принято решение лететь в Куйбышев.

Летом шестьдесят первого я поступил в Бугурусланское летное училище. Тогда по всей стране в школах, как грибы после дождя, появлялись кружки юных космонавтов. В них принимали самых способных и здоровых ребят, которые искренне мечтали пополнить ряды покорителей космоса. Для них даже была придумана специальная форма: голубой берет в стиле кубинских партизан, белые и голубые, с погончиками рубашки и тёмно-синие костюмы. Юные космонавты участвовали в торжественных мероприятиях, демонстрируя ловкость, смелость и отличные знания всего, связанного с авиацией и первыми космическими полётами. Они писали стихи, сочиняли песни. Впрочем, стихи тогда писали многие, в том числе и мои новые друзья. На самоподготовке Толя Пермяков показал свою тетрадь со стихами. В ней я прочитал его новое стихотворение “Колыбель быстрокрылых орлов”.

*Есть в Приволжье местечко такое
Среди тихих долин и холмов —
Городок, что не знает покоя, —
Колыбель быстрокрылых орлов.*

Это был гимн лётному училищу, песнь выбранной профессии. Своё творение Толя заканчивал оптимистическими строками:

*Если надо, мы в рейсы межзвездные
В корабле “Восток-3” полетим.*

Этим героическим пафосом была буквально пропитана атмосфера тех дней, а соответственно, и та среда, в которую нам посчастливилось попасть.

Мы были молоды, уверены не только в себе, но и в завтрашнем дне, и всё ещё было впереди. Полёт Гагарина породил уверенность, что мы можем всё. На стапелях авиационных заводов закладывались новые самолёты, которые мы мечтали поднять в воздух. Так, собственно говоря, и произошло. После окончания лётного училища мы сели в кабины этих самолётов и повели их, привыкая к отечественным воздушным дорогам, а после уже начали пересекать моря и океаны. На нашу долю пришёлся золотой век отечественной авиации. Советский Союз лидировал в освоении реактивной техники, наши самолёты знали во всех странах, и в мире не было авиакомпании, равной “Аэрофлоту”.

Глядя на портреты первых космонавтов, хотелось верить, что и в космосе нам не будет равных. Есть Запад со своими ценностями, но есть и Россия, у которой теперь есть Гагарин!

Был и будет всегда.

ЧЕЛОВЕК-ЭПОХА

“Сейчас, на склоне жизни, я могу с чистой совестью сказать: я был слабым человеком. Но судьба толкала меня на самое трудное. Но я могу заявить, что для своего Отечества я сделал всё, что мог. Притом – бескорыстно. А если кто считает, что он мог бы больше, так пусть делает это...”

Редкое по искренности и чувству собственного достоинства признание принадлежит человеку, вышедшему из самых что ни на есть низов советского простонародья, но одарённому столь разнообразными талантами, столь сильной волей и такими нравственными основами, что, читая его книги, невольно приходишь к выводу: если Россия сможет в настоящем и будущем воспроизводить людей такой породы, то она не пропадёт никогда.

Поскольку и как литератор, и как человек Анатолий Тихонович Штыров почти неизвестен нашему читателю, то мы обозначим основные вехи его незаурядной судьбы.

Родился Анатолий Штыров 6 марта 1929 года в г. Петровске Саратовской области. Жестокая нищета, безотцовщина, естественно, наложили отпечаток на все ранние мироощущения. Сочинять стихи начал с четвёртого класса.

В 1944 году, в соответствии с указом Сталина подбирать беспризорников на железных дорогах, попал в военно-морское подготовительное училище (г. Горький). В процессе учёбы изучил французский язык.

В 1947 году исключён из комсомола “за антисоветские настроения”, но был пощажён по возрасту.

С 1947–1951 гг. – Тихоокеанское высшее военно-морское училище. В процессе учёбы изучил английский язык.

С 1951 года – Камчатка, служба на подводных лодках, на которых проплавал 18 лет, из них 8 лет командиром.

Совершил большое число походов на разведку и боевую службу в годы “холодной войны” и жестокого противостояния двух систем, когда неоднократно приходилось действовать в экстремальных условиях, выходя из, казалось бы, безвыходных ситуаций.

С 1968 года офицер морской разведки, а с 1970 года – один из руководящих офицеров разведки на Дальнем Востоке.

В феврале 1984 года по личному ходатайству маршала Ахромеева получил воинское звание контр-адмирала (за работу в сфере “морских тайн”). Кроме того, за образцовую многолетнюю службу А. Т. Штыров был награждён многими орденами и медалями.

Имел прозвища: от подводников – “Неулыба”; от разведчиков – “Штирлиц”; от командования – “Последний из могикан”.

На протяжении почти 40 лет сочинял стихи (для себя), о чём сослуживцы не имели понятия. Множество стихов из-за неустроенности жизни потеряно.

С 1978 года – офицер по планированию боевых операций ВМФ в системе оперативно-стратегических штабов. В общей сложности прослужил в ВМФ 44 года, из них на Дальнем Востоке – 40 лет (Камчатка, Совгавань, Приморье), где в совершенстве познал гул стихий и мог сочинять стихи в редкие минуты отдыха и раздумий.

Автор книг стихов “Моряна” (Молдова), “Солёные ветры”, в прозе – “Приказано соблюдать радиомолчание”, “Морские бывальщины” (Москва), изданных мизерными тиражами в конце 90-х и начале двухтысячных годов.

В 1992 году по приглашению ветеранских кругов, как бывший противник в “холодной войне”, был приглашён в Китайскую республику Тайвань, где был награждён нагрудным знаком “Почётный подводник ВМС Тайвань”.

За свои публикации объявлен лауреатом литературных премий им. Андрея Первозванного и “Золотой кортик”.

Жена – геолог-дальневосточница. Проработала 35 лет на Колыме, в Якутии, в горах Сихотэ-Алиня, на Камчатке. Имеет двух сыновей*.

* * *

У Анатолия Тихоновича Штырова, как у подводных лодок, которыми он командовал, было как бы две жизни. Одна – внешняя, на поверхности. С уставами военно-морской службы, с постоянным ощущением присяги, долга и командирской ответственности, с окружением вышколенной, блестящей команды морских офицеров и матросов, с блеском шевронов, наград и званий, с парадной формой, с великими обворожительными традициями русского флота. И другая жизнь, как у подводной лодки, стоящей на боевом дежурстве в глубинах Мирового океана, с почти никому не известным местонахождением, с тайными заданиями, которые надо выполнить в окружении враждебных кораблей. Это была другая половина его судьбы – литературная, поэтическая, скрытая от глаз высшего начальства, от публики и, к сожалению, не известная в литературной среде.

Читаешь стихи этого необыкновенно одарённого человека, самородка, подобного молодому Твардовскому или Павлу Васильеву, и понимаешь: до чего же талантлив русский человек, стихи которого перебираешь, как необработанные драгоценные камни, которые вроде бы заключены в наплывы известняка, в пустую породу, но нет-нет да и вспыхнут и высветят глубины народного сознания, и выразят поэтическим словом глубочайшие человеческие чувства. Вовремя бы ему пожить в честной и талантливой литературной среде, рядом с Николаем Рубцовым, Вадимом Кожиновым, Юрием Кузнецовым – мог бы стать Анатолий Штыров известным русским поэтом и властителем дум. Иногда мне казалось, что иные стихи написаны “не испорченным литературной жизнью” Александром Твардовским. Но не будем долго рассуждать о стихах, их читать надо. Тем более что они родились из сплава таланта с русским характером, сплава с присадкой офицерской чести, совести, бескорыстия и ненависти ко всякому ренегатству, ко всякой бюрократической мертвечине.

Обслуживающий персонал демократии, её апологеты и лакеи – познеры, млечины, сванидзе и проч. много лет подряд по всем программам, отданным в их распоряжение нынешней российской властью, долбят, как попугаи, что советские люди – это “совки”, “винтики”, “тупые исполнители”, лишённые своего лица, своего мировоззрения, своей индивидуальности.

Да одно явление Анатолия Штырова камня на камне не оставляет от лжи этих болтунов и борзописцев.

---

* Биографические сведения взяты из предисловий к книгам А. Штырова.

АНАТОЛИЙ ШТЫРОВ

“КОМУ Я ДУШУ ИСПОВЕДУЮ...”

СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ

*“Майскими короткими ночами
Отгремев, закончились бои”.*
— Так оно и верилось вначале.
Думалось, что пушки замолчали,
Что несчастья в окна отстучали
И бойцов с любимыми венчали
Мая и Победы соловьи.

*Тем и жили. Строили не сказку,
А простой хороший тёплый дом, —
Отмечали Первомай и Пасху,
По земле ходили не в опаску,
Детям отдавали свет и ласку
И кормились праведным трудом.*

*Как-то обходились без богатства;
Так уж вышло — не было его, —
Было человеческое братство,
С гордостью за честное гражданство —
Родины великое пространство
Было, и не стало ничего.*

*“Первомай шагает по планете!”
По планете, может быть, и да.
А у нас-то он в полузапрете;
Царь Борис не бросит слов на ветер:
— Вам готовы, взрослые и дети, —
Газ, дубьё и бьющая вода.*

*Светлое Христово Воскресенье!
Господи! Страдающим челом
Ты зовёшь к терпению и спасению.*

*Мы и терпим: зубы уж на полке,
Стёрты в кровь мозоли́ и холки;
Нас теперь зовут к “согласью” волки,
Танки прогревая за углом.*

*Мы твоею заповедью — “братья”.
Родина! Настал “согласья” час.
Ну, а вы, кто счастье жизни дали,
Кто за нас и бились, и страдали,
Нам вослед бессильного проклятья
Не послав, да не прощайте нас.*

1 мая 1992 г.

ИЗ КОЛЫМСКОЙ ТЕТРАДИ

* * *

*С густой плавказарменной вонью
Мы свыклись; с хвостами торчком
Бросались там крысы в погоню
За каждым, как я, новичком.*

*Забрав лейтенантские шмотки,
Вошёл я в железную твердь,
На тесной и старенькой лодке
Моя началась круговерть.*

*Там были такие таланты!
Я помню, как в тягостном сне
Сходились на бак лейтенанты,
Как волки взывая к луне.*

*Усвоена быстро и ловко
Романтика службы зараз,
Когда получил я: “За водкой!” —
Первеющий в жизни приказ.*

*И всё-таки, в дикости этой,
Мы были на редкость дружны,
И ценности целого света
Не так уж казались важны.*

*И были на это причины:
Мы в нуждах земных рождены
И связаны связью единой —
Моралью холодной войны.*

*Мораль та пряма и несложна —
Не пяль благородство своё,
Просящему дай безотложно
И бей беспощадно ворё!*

*Нет, мы отпусков не знавали —
Начальство извечно темнит.
Но если уж кто!.. — оживали;
Как цезарь, он был знаменит.*

*Сбегались, пускали по кругу
Матросский дырявый мешок,
Бросали счастливому другу
Деньжат, и по самый вершок.*

*Но чаще во Владике спьяну,
Надрав проституткам зады,
Громчили все вдрызг рестораны,
Вертались в сугробы и льды.*

1975 г.

* * *

*Я помню, как Санина “Шука”
В зимовке торосы скребла,
А Санина Дашенька, в муках,
Ему близнецов принесла.*

*Для Сани — и гордость, и радость.
Да тут завопила беда:
А жить-то им, крохотным, надо,
Идти-то вот только куда?*

*Матросики вырыли яму,
Собрали в кладовках старьё,
Слепили лежанки из хлама.
Прими-ка, Дашуня, жильё!*

*И мы, убегая к рыбацкам,
Считали за долг и за честь
Притырить хоть сахара пачку,
Чтоб Даше послаще поесть.*

*Наладить дымящую печку,
Ступеньки в заносах пробить,
Проверить коробку-аптечку,
Дровишек каких нарубить.*

*Два года спустя мы узнали —
Настал же мученьям конец! —
Что Сане на Балтике дали
Две комнатки — счастья венец!*

*Напившись для первой разрядки —
Ведь повод-то, повод какой!
Гудела, как улей, Камчатка...
А в яму вселился другой.*

1975 г.

КАМЧАТСКОЕ УТРО

*Вулканы спят. И море не кипит.
Ушли тепло и мрак вчерашней бури.
И тишина. Со мной одна не спит,
И белый лоб Вилючинская хмурит.*

*А вот и пёс приبلудный. Не один
Встречаю утро, значит, в эту стужу.
Он трётся о сукно моих штанов,
Как будто век со мной, бродяга, дружен.*

*Ты только, шелудивый, помолчи.
Будь человеком, помолчи со мною.
Присядь и подхалимски не стучи
Хвостом. Я полон этой тишиною.*

*Как хорошо, что нет вокруг людей!
Тебе на них не надо пастью щерить,
А мне совсем не хочется, ей-ей,
Ни вежливость блюсти, ни лицемерить.*

*Я эту ночь провёл на берегу,
Сидел, курил, уйдя с измятой койки,
И слушал гул, протяжный моря гул.
А ты, конечно, шарил на помойке.*

*Так хорошо на этом берегу!
Здесь призраки в давно застывшем чуде
Историю России стерегут
Заклёпанными жерлами орудий.*

*Здесь, на краю заброшенной земли,
Не ведая крутой науки боя,
Немеркнувшую славу обрели
Простые безызвестные герои.*

*Из грозных бурь и вязкой тишины,
Как горные пласты, ложатся годы,
Где дальними сполохами войны
Освещены забытые походы.*

*Придёт закономерная пора,
И новое, слепое поколение
Всё, ярко пережитое вчера,
Повыбросит без тени сожаленья.*

*Ты мне больную лапу не тяни!
Она, как и положено собаке,
Не перебита, Боже сохрани,
Из-за угла, а смята в честной драке.*

*Уже всю окрасился восток,
А мы сидим в тиши необычайной.
Ну что ж, пошли. Ты здорово помог
Мне в эту ночь, друг верный, друг случайный.*

*Камчатка, Сопка Любви,
декабрь 1978 г.*

* * *

*Расчистив пыль уже прожитых лет,
Храню в душе бесценную находку —
Свой звёздный час, когда на глубине
Водил свою упрямую подлодку.*

*Там грозного величия полна,
Гнетущая для слабых, тишина.*

*Пока живой, да будет жить со мной
Мой экипаж, исполненный отваги,
С которым покрестил я шар земной
На деле, под водой, не на бумаге.*

*Их не забуду, в памяти храня,
За то, что трусость выжгли из меня.*

*Мы не успели подвигов свершить,
Попасть в легенду. То — судьбы капризы.
Но там, где мы единожды прошли,
Был сонм врагов тревогою пронизан,*

*И может быть, всё рации стучат
Зловещие столбцы координат.*

*Боялся враг! Осиное гнездо
Гудело так, в эфире было тесно —
И янки, и потомки бусидо,
И новые потомки Поднебесной.*

*И до сих пор нет атомной чумы
Лишь потому, что там не спали мы,*

*Укутанные пеной с головой,
Когда стальная рыба в знобкой дрожи,
Взвывала сталь, мы панцирь ледяной
С лица сдирали с бородой и кожей,*

*Когда в кипенье волн гороподобном
Ждала нас бездна холодом утробным.*

*Мне грустно вспомнить неизбежный час,
Когда, изрезав под водой полмира,
По узкой сходне я в последний раз
Сошёл на пирс. Уже не командиром.*

*Но всё течёт. Усталый и больной,
Воюю вот с чернильницей штабной.*

*А там — друзья, которых больше нет.
Растаял след отваги незабвенной.
Они — на дне. И миллионы лет
Не тронет их теперь дыханье тлена.*

*Их, родине списавшей не в укор,
Американцы ищут до сих пор.*

*Списавшей ли? Там памятник стоит
У пирса, кособокий и щербатый.
Его слепили из бетонных плит
Солдаты гарнизонного стройбата.*

*Сварили рубку из листово́й жести,
И сурик не жалели. Всё по чести.*

*Подводному отдали кораблю
Дань местные народные умельцы,*

*Мы жёнам их собрали по рублю,
Так на Руси собирали погорельцам.*

*А бронза — та на идолов нужна.
Большой расход, великая страна!*

*Кто помнит, этим время вымирать,
А дети долгогривые забудут
И будут с удивлением взирать
На это доморощенное чудо.*

*И только первогодки из подплава
Прочтут слова чужой и грустной славы.*

*А нам-то что? Уж недалёк расчёт.
Дела свои, как говорят, — “на бочку”.
Придёт косая, скоренько сочтёт
И влепит уж не запятую. Точку.*

1976 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ПУТИ НА ЗАПАД

*Прошёл я по многим дорогам
Двадцатого хмурого века.
И зверя я видел, и “бога”,
И гада, и сверхчеловека.*

*Война меня краем достала,
На фронт не сбежал я мальчишкой,
Но всё, чем судьба испытала,
На жизнь мне хватило с излишком.*

*Мне скажут: подумаешь, диво!
Давно это было и сплыло.
Таких, чересчур говорливых,
Одна успокоит могила.*

*И всё же довлеет над нами,
Как некого рока проклятье,
Всего пережитого память,
Что знал, а хотел бы не знать я.*

* * *

*Я видел колымскую трассу
Не так, как кумир хриловатый*,
В упор. И без всякой прикрасы.
А врать мне, увы, поздновато.*

*Я видывал в дебрях восточных
Следы от костров людоедов.
Меня-то не съели, уж точно.
Как мог бы я это поведать?*

---

* Имеется в виду В. Высоцкий.

*Я видел зарезанных зэков
Спокойно и тихо, без “шмона”.
У этих, у “сверхчеловеков”
Всё было в пределах “закона”.*

*Я всласть повалялся на нарах
Глухих придорожных транзиток,
И слушал там песни товарок
О сгубленной жизни бандитов.*

*Искал я женьшень по Алиню,
Заросший, как беглый бродяга;
Зовут ходоки и поныне,
Так значит, я был им не в тягость.*

* * *

*Я помню, как острые жала,
В глаза наведённые дула,
Как лодка себя обнажала
И в пене в мгновенье тонула.*

*Враги нас гоняли жестоко
В глубинах. И это бывало.
Но позже последнего срока,
А всё-таки лодка всплывала.*

*Наверное, слишком уж рано
Друзья — не сочту за обиду —
Творили по мне в ресторанах,
Тайком от жены, панихиду.*

*Всё то, что немногие знали,
Укрыто за тайной молчащей,
За службой в разветренных даях,
Пусть трудной, а всё ж настоящей.*

* * *

*Я вижу минувшего тени,
Сжимается сердце в тревоге
При виде пустых деревенек
У самой железной дороги.*

*За землю за скудную дрались,
Господ поднимали на вилы.
Зачем? Чтобы ныне остались
От дедов и бабок могилы?*

*Стояли здесь насмерть солдаты.
Земля их, как мать, принимала.
Так чем же она виновата?
Рожала ли хлебушка мало?*

*Служил тебе верно, Россия.
Наград мне за это не надо.*

*В твои полустанки глухие
Вернулся. Вот вся и награда.*

*Торопятся чёрные крыши
Напомнить из детства картины.
Хочу я увидеть мальчишек,
Гоняющих вскачь хворостины.*

*Хочу веснушчатых девчушек
Увидеть в застиранных платьях,
Принять кукованье кукушек
С берёзками вместе в объятия.*

*Домишки, плетни, огороды,
Буханки, прижатые к груди.
Не знаю плохого народа,
А знаю: есть всякие люди.*

* * *

*Уж сорок годочков промчалось,
А кажется — вовсе немного,
Когда, как сейчас, застучала
По рельсовым стыкам дорога.*

*Со школьной скамьи поманила
И властно звала за собою.
В одном ты честна, не темнила
С тернистой и трудной судьбою.*

*Но как же меня не сломили
Все страсти и хвори земные,
Наверно, собой заслонили
Две матери.
Обе родные*

*Не тем, кто в кожанках сопрелых,
Не этим, кто вылез из схронов,
(Я буду, ну пусть заржавелым
А всё же в обойме патроном!) —*

*А тем, кто не выбросит хлеба,
Кто крестит нас, в путь провожая,
Кто смотрит с надеждой на небо
И ждёт по дождю урожая.*

*Кто, жизни спасая, за шкуру
С тобой торговаться не станет,
Кто, всласть затянувшись, окурок
Тебе по привычке протянет.*

*И, если лихую годину
Ты встретишь, не боги, не звери —
Спасёт тебя наше единство —
Вот в это я истинно верю.*

Поезд "Россия". 1987 г.

ИЗ БАЛЛАДЫ О КАПИТАНЕ

*Промчались времена, и годы
В морях невидимо прошли...
Его не съели непогоды,
Враги осилить не смогли.*

*А только жаль смотреть, не скрою,
Как стал широк ему реглан,
Как был “коломенской верстой” —
И враз согнулся капитан.*

*Он был судьбой на совесть скроен,
Без жалоб встретил пенсион,
И был начальством удостоен,
И даже грамотой почтен.*

*Теперь он утречком с авоськой
Идёт-бредёт за молочком,
А рядом влаивает Тоська,
Собачка с хвостиком торчком.*

*Идут, и Тоське он внушает,
Как невоспитанна она,
Зачем она на кошек лает?
И с пацанами не дружна.*

*И вдруг да высветит такая
В душе хранимая печаль,
Когда на море засверкает
Из мглы разветренная даль.*

*И, хлеб забывши на прилавке,
Бегут скорее на причал,
Где в суетне портовой давки
Буксир призывно прокричал.*

*Наверно, им обоим мнится,
Что вот опять корабль ждёт,
И очень страшно припоздниться —
Поднимет якорь и уйдёт.*

*Да только пусто у причала,
И, разгоня рваный дым,
Один лишь ветер воеет шальный
Над капитаном над седым.*

1988 г.

РЕКВИЕМ

*Залегла в бурьянах в моё детство дорога,
Где жила и увяла по-вдовьему мать.
В чужедальных краях и извечных тревогах
Стал всё реже про дом, где рождён, вспоминать.*

*Вспоминать огоньки затаившихся хаток
И голодные дни той далёкой поры,*

*Дальний грохот войны и кричащих солдаток
С похоронкой, среди босоты-детворы.*

*Вспоминать, как ковыль серебрит на пригорках,
Словно ветер морей залетел, и туда,
Где в последнюю ночь, восходящая, зорко
Всё следила за мной неотрывно звезда.*

*Я давно растерял тех вихрастых мальчишек,
С кем вступал в комсомол в сталинградские дни,
И о многих теперь никогда не услышу —
В полевые цветы превратились они.*

*Позабыл имена лопухих курсантов.
Порастрёпан альбом, я не всех узнаю.
Нет уж многих из тех, кто ушёл лейтенантом
На свои корабли, в путь-дорогу свою.*

*Позабылись в моря боевые походы,
Где сверкали в лицо вспышки новой войны,
Где сидели за ночь в командирские годы,
Только байки о том уж теперь не нужны.*

*Пусть подводный народ был и спаян и дружен,
Те матросы мои, с кем я смерть презирал,
Их по грешной земле ветер судеб развьюжил
И, как листья к зиме, под снега разметал.*

*Не поднять из глубин на просторы стихии
Мне подлодку свою, той давно уже нет.
Не проводят теперь капитаны лихие
Перископный бурун, примолкая вослед.*

*И не врезаться мне в белоснежную пену,
Не стереть с бороды своей мокрую соль...
Я служил тебе, море моё, вдохновенно,
А осталась одна мрачной памяти боль.*

*В час досуга спешу к океану поближе
Слушать грохот и волн бесконечный рассказ.
Знаю — алых вдали парусов не увижу,
Только всё не свожу зачарованных глаз.*

*Море, с юности мной завладевшее море,
Твой я пленник и раб до последнего дня.
Если “реквием” ты заревёшь на просторе
Для седых моряков, — не забудь про меня.*

1985 г.

ВЕТЕРАН

*Приставив к ушам глуховатым ладошки,
Стоит — вспоминает седой ветеран:
И космы пожарищ, и ужас бомбёжки,
И вонь от бинтов и гноящихся ран.*

*Он видит упавших Митьков и Ванюшек,
С которыми лез на рубеж огневой
Под треск автоматов и танковых пушек,
И там все они, а он, значит, живой.*

*Пускают слезу колченогие деды,
Припомнив, как мяли хребтину врагу,
И ждут от державы, в знаменье Победы,
Медальку, а может, ещё и деньгу.*

*Нет, нет, не затем, чтоб на праздник напиться,
А так, прикупить сахарку, молочка
И всласть похлебать, и представиться в лицах
Геройством своим стрекотанью сверчка.*

*Всплакнут под медальку свою старушонки,
Что вынесли тяжесть под стать мужикам,
Как били в слезах фронтовички-девчонки
Врагов — по зубам, а своих — по рукам.*

*Конечно, была ваша жизнь небогата,
Но к старости вам полагался кусок...
А ныне завидуйте тем, кто с гранатой
Вставал из окопа в последний бросок.*

Ближнее зарубежье. Декабрь, 1994 г.

* * *

*Отбросы чавкают с ранья
Бомжи с голодной позевотою,
А там эстрадная свинья
Сидит на сцене с позолотою.*

*Придёт пора, Россия-мать,
И на дымящихся развалинах
Потомки будут проклинать
Тебя и звать второго Сталина.*

*Бегут, как крысы с корабля,
Халдеи с душами протухшими,
А пьяный кормчий у руля
Вращает глазками опухшими.*

*Ужели ты ещё живёшь
С рукой протянутой просящею?
Когда же волю обретёшь
И Моисея настоящего?*

*Смогу ли я спиной к спине
Прикрыть товарища уставшего?
И меч, протянутый ко мне,
Не дать рвануть из рук упавшего?*

1995 г.

БИЗЕРТСКИЙ КРЕСТ

*Когда исходили рубаки из Крыма,
Стреляя в плывущих по следу коней,
Надеялись — злая судьба обратима,
Что снова вернутся к дымкам куреней.*

*Когда корабли уходили из Крыма —
Творили с Отчизной прощанья обряд —
За славу Синопа и горечь Цусимы,
Дослав в Севастополь последний снаряд.*

*А берег всё дальше, а горы всё ниже,
И тают на море от крови круги;
Не знали, что жён ждут панели Парижа,
А честь офицера пойдёт за долги.*

*К далёкой и рыжей от зноя Бизерте
Отщёлкает мили последние лаг,
И флот, в тишине ожидающей смерти,
Приспустит без боя Андреевский флаг.*

*Судьбу проклиная в беспаспортной жизни
За хлеб со слезами, за кров без тепла...
Но гибель в лицо задышала Отчизне,
Взмолились: “О Боже! Хотя б позвала!”*

*Прощая “тем” ужас разборок кровавых,
И бремя скитаний, и смертный исход,
За то, что они не продали Державу
И тем сохранили великий народ.*

*А годы идут. И теперь не чужие —
Родимые черви утробу грызут:
По лику земли по прозванью Россия
Тифозные вши, как по трупу, ползут.*

*А насынки снова в далёкой Бизерте
Стеклись и подняли Андреевский флаг.
Как мало осталось их, люди! Но верьте —
Их подвиг не будет забытым в веках.*

*И если ты ног пред врагом не подлomiшь,
И встанешь на проблески новой зари,
Ты всех порастерянных в мире огромном,
Как вдовая мать, под крыло собери.*

Март, 1997 г.

* * *

*Под сердцем чувствую змею.
Как угнездилась там? Не ведаю.
Кому ж “повем печаль мою?”
Кому я душу исповедаю?*

*Кто в Новый тычется Завет,
Кто в манускрипты с “древлей славою”;
Одни сулят тебе расцвет,
Другие толпища кровавые.*

*Одни твердят: “Гражданских войн
Давно лимиты пораскрадены”.
Другие: “Нет уж, будь спокойн,
Найдём и вам верёвку, гадины”.*

*А трети с брызгами слюны
Поют Америке литанию:
“Учитесь, сукины сыны!
Она научит процветанию!”*

*Погрязла ты в духовной мгле,
От неустройцы угрюмая,
И на “Останкинской игле”
Сидишь, о будущем не думая.*

*Пока твой “гордый росс” блюёт
Заокеанский демократиной,
Уже девятый вал встаёт
С другой, раскосой саранчатиной.*

*Твой путь распада вечно зрим.
Ты на алтарь закланья подана,
Как Карфаген, как Древний Рим.
Но те дрались! А ты запродана.*

*Уходит в тень двадцатый век,
А век грядущий не возрадует:
Там обезьяна — человек
С оскалом, ором и ламбадою.*

*Грядёт вселенский передел.
Там, впереди — разборки грозные.
Я б новых гуннов не хотел,
А ты..? Проснёшься ли? Не поздно ли?*

*Тебя спиною заслонял.
А ты меня так мило предала.
Но диких злоб не перенял —
Ведь ты, конечно же, “не ведала”.*

Октябрь, 1995 г.

ИЗ УТРЕННИХ ЗАРИСОВОК

*Бреду переходами лестниц
И ногу с собой волочу —
В коробке малыш пятилетний
С табличкою: “Кушать хочу!”*

*Замурзана грязью мордашка,
Закрыты глазёночки — спит!
Пригнала ли спьяну мамашка?
Папашка ль в кроватке храпит?*

*Проснись же, малыш, улыбайся,
И песенку спой про сирот,
Ограбленных дядей Чубайсом —
Авось прослезится народ.*

*И спой нам про дедушку Борю,
Как дедушка любит детей,
Как в Англию внуку спроворил,
Сплетённых им, связку лаптей.*

*Как дедушка с бабкой Наиной
Про осень картошку копал,
Чтоб люд наш от новости дивной,
От смеха чуть-чуть не упал.*

*А то и поспи, неумытый,
Досматривай детские сны.
А вырастешь — примут в бандиты
Округи, а может, страны.*

1995 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Анатолий Тихонович Штыров был и остался цельным и страстным патриотом своей Родины. И всех, кто ренегатствовал и разрушал Советский Союз, считал своими не только мировоззренческими, идейными, но почти личными врагами. Об одном из них – Александре Исаевиче Солженицыне он высказался не только со всей армейской прямоотой, но и с безупречной аргументацией, достойной объективного и профессионального историка. Его аргументы настолько значительны и серьёзны, что их необходимо пустить в научный оборот, поскольку фигура Солженицына до сих пор вызывает споры, и его имя в истории окончательно не устоялось, если вспомнить недавние книги о Солженицыне Сараскиной и Бушина, или то, как критик-патриот В. Бондаренко переплюнул ярую демократку Сараскину и объявил его “пророком” и “планетарным писателем”.

Вслед Бондаренке наш премьер с подачи вдовы Солженицына сделал подарок школьникам, – не без его прямого давления ведомство Фурсенко включило “Архипелаг ГУЛАГ” в обязательную программу по истории страны для старшеклассников.

... В 1953 году жена флотского лейтенанта Штырова, закончив институт и став геологом, получила предписание немедленно ехать на работу в небезызвестную систему “Дальстрой”, в Магадан. Оттуда её направили на отдалённый участок, находившийся возле якутского посёлка Хандыга. Там, в Хандыге, и родился их первенец.

Пришедший из дальнего похода в свою Камчатскую бухту младший лейтенант, узнав о случившемся, отпросился у начальства и бросился к жене с сыном. Все две с половиной тысячи километров он, пересаживаясь с одной попутки на другую, добирался до посёлка Хандыга холодным летом 1953 года, когда все трассы, ведущие на Запад, были оккупированы уголовниками, только что освободившимися по Большой Ворошиловской Амнистии... За эти две с половиной тысячи километров лейтенант выслушал от попутчиков и встречных множество страшных рассказов о том, сколько тут на “планете Колыма” зарыто людей. В ответ на его вопросы они говорили ему приблизительно так же, как шофёр полуторки-самосвала Семён:

“Поговаривают, мильёнов десять... – кто, конечно, ведёт счёт. А мы простые, где нам... Но вот эта дорога. На костях, это точно. Я свидетель...”

Счёт дальстроевским костям вёл Солженицын и выставил этот счёт сталинской эпохе в “Архипелаге”, о чём Анатолий Штыров в главе “Страна Колыма” написал так:

“Много позже адмирал в отставке вновь и вновь перечитывал солженицынского “Архипа”, шаламовские “Колымские рассказы” и вспоминал откровения кадыкчанского шофера Семёна. Он понял, что привирали все трое – всяка по-своему.

Так, шофер Сема всерьёз уверял попутчика, что там, в подземелье кайлал золотую руду вместе с Константином Рокоссовским и в знак достоверности предлагал проверить – у Рокоссовского родимое пятно под левой лопаткой. Как будто лейтенант мог это проверить.

Привирал потому, что все расплодилось во времени: этот Семен кайлал “жилку” в конце войны, после 1943–1944 годов, а Рокоссовский уже в 1942 году сражался под Сталинградом.

Но эта семеновская вина была малюсенькой: уж очень ему хотелось побыть в одной шахте со знаменитым человеком. Так сказать, стать причастным к бытию славы.

Но гораздо более врал Александр Солженицын (этот “апостол правды” с подозрительной бородёнкой); врал потому, что вся его статистика исторически-лагерного повествования в “Архипелаге ГУЛАГ” крутилась вокруг расстрельной паукообразной “пятьдесят восьмой” статьи (КР, КРД, КРТД, ЧСИР и проч.); получалось, что все огромные потоки осуждённых и невозвращенцев “шли” по этой статье, а в его повествовании – это многие миллионы судеб (никак не меньше 10 миллионов), и в этих потоках “бытовики” и “блатные” шли таким тонюсеньким малозаметным ручейком-струйкой.

Между тем из документальной статистики НКВД известно стало, что по бытовым (воры, грабители, насильники, растратчики, несунуны и летуны) шло свыше 85% осуждённых. И если это так, а это так, то многомиллионный поток “политических” разбухал до такой степени, что становился в численном выражении больше всего населения страны. Таково коварство солженицынско-и статистики, претендующей на “историческую правду”.

Далее-более: в июне 1996 года, аккуратно перед президентскими выборами, в Магадане воздвигнут гигантский памятник “жертвам ГУЛАГа”, притом было заявлено, что “вот на этом самом месте был концлагерь, в котором погибли не менее 700 тысяч заключённых”, а всего по Колыме опять-таки известные 10 миллионов. Гигантский памятник ставил известный Эрнст Неизвестный, а при сём присутствовал и витийствовал “гуру” сибирской демократии Виктор Астафьев.

Между тем есть известные, но неслышимые исследователи “истории Колымского края”, которые на основании изучения документальных архивов НКВД и музейных источников свидетельствуют о совершенно другой статистике.

И эта статистика даёт иную картину. Как известно, поглощавший рабочую силу эзков “Дальстрой” функционировал с 1939 по 1953 год. За неимением других средств сообщения, подачу рабсилы в виде эзков в порт Нагаево (через порты Ванино и Находка) обеспечивал единственный оборудованный транспорт “Джурма” (а в последующем и “Колыма”), способный принять в трюмы до 2 тысяч заключённых. Сезон навигации в Охотском море – июнь–ноябрь, то есть 6 месяцев в году; челночный рейс “туда и обратно” – не менее 15 суток; следовательно, транспорт мог сделать не более 12 рейсов за навигацию и доставить на колымскую землю до 30 тысяч человек “спецконтингента”. А два парохода (они никогда не функционировали одновременно) – до 60 тысяч человек. То есть за 17 лет бесперебойного функционирования (без задержек на шторма, туманы и проч.) – всего до 510 тысяч человек, а реально – до 375 тысяч заключённых. Архивы “Дальстроя” в Магадане показывают, что за вышеуказанный период в порт Нагаево был принят спецконтингент в 371 тысячу заключённых. Но отнюдь не 10 миллионов, как твердила “лагерная бухгалтерия” и изыскания демписателей – свидетелей Варлама Шаламова, Анатолия Стреляного, Ольги Шатуновской и Александра Солженицына. Лжесвидетелей, если уж говорить о грустной правде. А ведь кроме “спецконтингента” на колымскую землю направлялись и “вольняшки” (геологи, строители, изыскатели, лётный состав, врачи и т. п. и, наконец, охранные войска); всего – до 120 тысяч человек. Следовательно, по максимуму на Колыме никогда не могло быть более 500 тысяч человек. А отсюда – “потери”, если считать, что все 100% не возвращались, что уж явная чушь.

Из статистики, кроме того, известно, что до 1940 года из доставленных на Колыму заключённых составляли: “политические” – до 5%, “бытовики” – до 50%, уголовники – до 45%. В период 1944–1952 гг. демстатистика изменилась: “политические” (болтуны и агитаторы) – до 1%, “бытовики” (растратчики, несунуны, спекулянты, аферисты и пр.) – до 25%, ошмётки войны (бандеровцы, власовцы, зелёные братья, пособники оккупантов и буржуазно-кулацкий элемент из западных регионов) – до 30%, уголовники (бандиты, воры, насильники и прочая публика) – до 40%.

А если подытожить, то “совесть эпохи” Александр Исаевич соврал ни много, ни мало, а в 15 раз (как и при описаниях ужасов раскулачивания в 1929–

1931 г. — тоже в 15 раз). А отговорка есть: “Мне не достало документов, и я по свидетельствам жертв-очевидцев...” А жертвы имеют свойство преувеличивать, и очень даже здорово преувеличивать...

Неискушённому читателю вряд ли известно, что в те поры всё население Хабаровского края (а Колымский край входил в его состав) составляло 1,5 миллиона, а всё население Дальнего Востока — 3,5 миллиона человек, которое надо было кормить.

Таково коварство солженицынской статистики, претендующей на историческую правду.

Кроме того Александр Исаевич утаил, что в 1945 году на Лубянке он был, без особого с его стороны упорства, завербован в “сексоты” и получил агентурную кличку “Ветров”, и этот листочек был аккуратными “гепеушниками” подшит в его тюремное дело.

Впрочем, во втором, доработанном издании “Архипа” (по-видимому, под подозрительными уколами сохранившихся свидетелей-солагерников) Александр Исаевич подправился и включил в своё жизнеповествование полупризнание, что “да”, он был принудительно, под недвусмысленной угрозой “вышака”, завербован, подписал листок и был окрещён кличкой “Ветров”, но никогда! — слышите, никогда! — не работал на лагерных “кумов”, прикинувшись малопамятным идиотом-придурком.

Между тем, есть “документик” — личный донос стукача “Ветрова” в 1952 году “куму” в Карлаге о готовящемся там восстании. По этому доносу в Карлаг прибыл летучий отряд “краснопогонников”, который без всякого предупреждения открыл огонь по толпе зэков во время их построения перед разводкой на работы, где было убито свыше 200 человек. А “товарищ Ветров”... за сутки до того исчез и... появился в Костромском лагере щадящего режима.

Видимо, Александр Исаевич не знал, что о его расстрельном доносе сохранены документы и хранятся они в укромном месте, либо в каждом лагере были свои сексоты с тайной кличкой Ветров. В последнее, однако, верится плохо, ибо секретно-оперативный учёт в ведомстве “товарища Берии” всегда был на высоте, а любезный автор был завербован не в какой-нибудь захудалой “шарашке”, а в самом центре, на Лубянке, следовательно, был “централизованный”, спущенный сверху сексот. А к таким прислушивались особо...

Вот короткое историческое исследование, написанное с кожиновской дошностью. Вот таким, Владимир Григорьевич (обращаюсь к Бондаренко), встаёт из размышлений контр-адмирала образ “пророка”, “совести России”, “планетарного писателя” и т. д. А закончить своё послесловие к стихам Анатолия Тихоновича Штырова я хочу его словами из предисловия к книге “Морские бывальщины”. Слова эти и со стихами согласуются:

“Всё пережитое и услышанное я стремился доподлинно изложить как голос стремительно уходящего прошлого. Наверно, внимательный читатель заметит невольные ностальгические нотки. Да, в те времена существовала неустроенность быта и службы, отравляли жизнь подлецы и карьеристы, ловкачи и демагоги. Но как много было истинно святого, честного, добропорядочного! А главное — были и жили люди, в своей массе добросовестные и честные. Они, как могли, несли службу, исполняли свой патриотический долг перед часто не очень-то внимательной к ним Родиной...”

*Подготовка текста
и комментарии к нему
Ст. Куняева.*

ИВАН ТЕРТЫЧНЫЙ

ЗЕЛЁНЫЙ СВЕТ

РАССКАЗ

Увы, немало среди нас людей, которые опасливо глядят на живое мерцание леса.

Я говорю сейчас не о сибирской и дальневосточной тайге (это не море даже, а целый океан) и не о женщинах и детях (современное воспитание делает своё дело), я имею в виду пышные царства Подмосковья или, скажем, Брянщины, а также, скорее, мужчин среднего возраста — и частенько — “при должностях”. Люди же постарше и попроще, захватив на всякий случай лукошко, входят в лес, словно в дом родной — без настороженности, без шума, без суеты.

Похоже, к их числу принадлежу и я.

Моё детство и юность прошли в лесостепном краю, и мне одинаково близки и открытые холмистые просторы, и тихие тенистые тропы, и потому я, с малых лет сроднившись с ними, шагаю всякий раз без оглядки туда, куда мне надобно, — днём ли, ночью ли, на закате... “Не больно ли расхрабрился?” — усмехнётся кто-то. Да какой я храбрец! Обычный человек. Просто я не боюсь себя, не опасаясь остаться наедине с собой; наедине с деревом или кустом в лесу; наедине с лесом; наедине со степью или полем. Вот и вся моя храбрость. “Да почти все такие...” — вновь усмехнётся кто-то. Не скажите. Есть у меня сосед, милый, отзывчивый человек (легко назову ещё двух-трёх, в чём-то похожих на него). Стоит его жене уехать на недельку к родственникам, он начинает дико пить; и не потому ему вовсе удержу нет,

---

ТЕРТЫЧНЫЙ Иван Алексеевич родился в 1953 году в Курской области. Служил в армии, работал на стройках. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор книг “И было утро”, “Рядом”, “Подорожная”, “Когда-нибудь...”, “Лунный снег”, “Живая даль” и других. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

что не мог при своей половине (да ещё пребывая в заслуженном труде отпуске) изрядно выпить... всегда, пожалуйста!.. А тайна проста: “Я не могу быть один”. Упомянутые мною “два-три знакомых” — при схожих обстоятельствах — судорожно мечутся по городу, посещая полузабытых товарищей, дальних родственников, нелюбимых тещ и прочая. Вот вам и “все”! И вот ещё: боясь невольного уединения, мой сосед, будучи на даче, почему-то робеет и перед лесом, хотя на людях время от времени признаётся, нежно вздыхая: лес для него — отрада, единственное отдохновение!.. Но, насколько мне известно, лет за двадцать нашего знакомства он редко бывает на опушке недалевого бора. А войти вглубь, шагов на двести, духу не хватает, что ли... Вот такая вот у него отрада.

Куда, кажется ни пойдёшь, ни поедешь — встретишь Серёжу-горбуна: то он вертит лохматой головой на автобусной остановке в Карповке, то выбредает на дорогу из зелёного пшеничного поля у калгановской церкви, то солидно восседает с кружкой пива за столиком на автозаправке у шоссе.

Появился Серёга в Тягунках лет пять-семь назад. Вроде бы приехал издалека, чуть ли не с Урала, погостить у тётки, да так тут и застрял. Серьёзное занятие у него всего-то одно — чтение книг. Раз в неделю он ставил на багажник велосипеда старую хозяйственную сумку со стопкой книг и ехал в библиотеку; потом, так же мерно крутя пыльные педали, возвращался домой с обновлённым содержимым сумки. Когда соседки, прищурив глаза, спрашивали, что читает племянник, Дашута отвечала не хитря, как есть: “Гастрономию изучает, про космос тоись...” Днём, в подходящую погоду, он куда-то уходил, а по ночам на веранде дома Дашуты долго светилась белая занавеска...

Как-то, тихо ступая по утренней тропе, я увидел Серёгу на лесной полянке. Горбун, широко крестясь и шевеля губами, молился. Его несообразные телу длинные крепкие руки, пришпиленная недумом фигурка производили странное впечатление. И если бы не строгий светлый профиль, то его можно было бы принять за некоего большого жука или что-то вроде того. Но лицо... наполненное вдохновением лицо всё искупало: и неловкость сложения, и тонкоголосое бормотание, и непонятность его нахождения в минуты молитвы — не в доме перед образами в красном углу, не в храме, а тут, в нелюдимом лесу. Хотя, ясное дело, человек молится там, где его душа желала; но был-то горбун не середь пустыни широкой, а близ приотвистшего его крова. Пришел же сюда... И были, выходит, этот лес, эта усыпанная солнечным сиянием поляна неким живым храмом, окружённым птичьим щебетом, мягким движением воздуха...

Я, стараясь быть не видимым и не слышимым ему, проскользнул мимо.

Эта нечаянная встреча напомнила мне о другой — в Дивееве.

Наш автобус остался на ночь на стоянке близ стен Серафимо-Дивеевской обители, а мы отправились в сопровождении знакомого человека куда-то на окраину селения. В сумерках нашли гостиницу для паломников — несколько приземистых деревянных строений — и устроились на ночлег.

Несмотря на усталость, спал я не крепко и встал довольно рано, едва солнце глянуло в окно. Я вышел на улицу, чтобы осмотреться. Трава густо темнела под тяжёлой росой; с поля тянуло знобящим ветерком. Я свернул за угол гостиницы и... замер. Шагах в двадцати от меня, стоя на коленях, молились четверо. Справа был, судя по виду, отец семейства, крепкий мужчина с седой окладистой бородой, рядом с ним, похоже, жена, пониже мужа ростом, крепенькая, в тёмном платке, и два подростка лет четырнадцати-шестнадцати. И смотрел я на эту семью секунд всего несколько, но запомнил их моление на годы. И то, как истово, размашисто накладывал на себя крест мужчина, и как он бил поклоны, как ровно гудел его приглушенный голос, и полные жаркой веры поклоны его жены, и её воздыхания, и отточенные взмахи рук их сыновей, и освещенные восходящим солнцем лица... Все четверо были охвачены одним живым, слитным порывом. Окликни, пальни из ружья — не услышат.

Что привело эту сплоченную семью в Дивеево? — подумал я в ту минуту. — Переполюющая сердца благодарность за нечаянную радость? Внезап-

ная беда? Выпавшая возможность приложиться к мощам преподобного? Бог весть...

Оторвав взгляд от раскрытой книги, увидел в окно семяющего Серёгу-горбуна. Вот свернул с края поля на опушку — и остановился. Видно, решает, куда направить свои стопы. Что он ищет? Зачем нужны ему эти ежедневные походы? Ищет метеорит (“гастрономию изучает”) или целебные корни? Изучает окрестный мир? Спросил бы, понятно, давно, да неловко. А вдвойне неловко потому, что у него, сами понимаете, особая статья в этой жизни. И ничего тут не поделаешь.

Горбун замысловато взмахнул рукой, словно нарисовал в воздухе знак бесконечности, ступил под сень орешника...

И я продолжил чтение.

“...А сегодня утром я вышел из кордона часа в четыре. Свет ещё чуть брезжил в той стороне, где наметился во мгле восток дня, и лишь высоко над горизонтом, там, где кудрявились серым рукавом небольшие клочковатые облака, тёплые густо-розовые лучи ещё запредельного солнца окрасили облачные волны снизу. Не счастье было этих поднебесных волн, океан надвигающегося на землю света был, наверное, велик и прекрасен, но я шёл, спотыкаясь, в предрасветной полумгле, и мне было не холодно, не одиноко, не страшно...”

— Эй! Ну, иди, иди! — Два мальчугана, схватив козу за рога, тащат её по улочке на выпас. Коза, сделав два-три шажка, упирается копытцами в землю и поматывает головой. — Иди, дурочка, иди!

И почему бы ей, дурёхе, не бежать вприпрыжку на зелёный лужок? Не знает своего счастья? А ведь будет скоро щипать сочную траву и трясти от удовольствия бородакой...

“...Но тут я услышал пронзительные переливчатые звуки, внезапно наполнившие пустоты лесной тишины, признал в них журавлиный крик и, напрямик проследовав к нему, вскоре вышел из полумрака леса на край залитого зелёным солнцем широкого поля. Два журавля снялись и полетели прочь, по широкой дуге огибая видневшуюся вдали деревню. Их было два...”

У колодца встречаю Михайловну, соседку. Она ставит ведро с водой на траву, убирает руки под передник и рассказывает о своих очередных заботах: какие грядки поливала, какие полола...

— А, видишь, горбунок идёт! — прерывает Михайловна свой отчёт и показывает рукой на проулочек.

— Постой, поговори с нами, Серёженька! — машет она. Серёга замедляет свои быстрые шаги и останавливается рядом. — И куда это ты всё торопишься? — прищуривается Михайловна. — То — туда, то — сюда... Ногам своим покоя не даёшь. Посидел бы, отдохнул...

— На том свете отдохнём, — серьёзно, по-стариковски отвечает Серёга, приглаживая широкой ладонью вихры. — Движение — жизнь, покой — смерть.

— О Господи! Да что ты говоришь! Какая смерть... Жить да жить ещё... И горя не зная.

— Люди боятся жить. Разучились... Хотят улететь... То водки дай, то наркотиков, то телевизор... Какая тут жизнь? — возражает Серёга.

— Дурак ты, Серёжка, — говорит Михайловна. — Так ведь? — Она оборачивается ко мне, ища поддержки. — Надо жить. Только умеючи.

— Если умеючи, то, конечно... — соглашается Серёга. И, помахивая сорванным на ходу стебельком, идёт своим путём.

Редкостное лето выдалось в нынешнем году. Дождей — в меру, жары нещадной нет, ветерок гуляет по зелёным просторам... Чего ещё желать человеку — и трудящемуся, и отдыхающему? Большого-большого счастья? Неохватной свободы? Мне, допустим, хватает и счастья моего, и свободы моей, и дела моего. Одного мне сейчас не хватает — запаха горькой степной полыни. Не водится она в тихом лесном краю. Шагнуть бы, шурясь от солн-

ца, с вагонной подножки на низенькую платформу станции, к примеру, Поныри или Ржава, да выйти на полевую дорогу, да по дороге той, где над обочинной полынный жаркий дух... Да разве отпустят из зелёных объятий неоконченные дела? В конце лета или ранней прозрачной осенью, разве что...

Глядя из окна городской квартиры на заснеженный двор, я вспомнил кстати ещё одну встречу, ещё одного человека, дядю Васю.

Лет сколько-то назад волею счастливого случая оказался я в Забайкалье, на берегах реки Онон, где, как уверял меня местный краевед В. К., и появился на свет “потрясатель вселенной” Чингисхан. А чтобы усилить своё утверждение и окончательно убедить меня в достоверности сего факта, повёл меня в местный краеведческий музей. Когда же я с немалым интересом познакомился с экспозициями, посвященными истории и жизни коренных жителей бурят, а также узнал новые странички из былого — о забайкальском казачестве, например, В. К. увлёк меня в соседнюю комнату (зал); там разместились работы местных художников.

— Вот! — указал он на исполненный в тёмных тонах портрет. — “Мать Чингисхана”.

Картина и вправду завораживала. Женщина в чёрном... степной простор... Лицо и глаза полны и решимости, и нежности, и скорби...

— Это мать “потрясателя вселенной”...

Когда мы вышли из уютной притенённости музея на яркий хрустящий снег под сияющим небом, мой спутник, мельком глянув на меня, вдруг улыбался и сказал совсем неожиданное:

— Да ладно! Степь степью... Ещё время раннее, может, махнём в тайгу? Позвоно-ка я Виктору Баировичу, другу...

— А тайга-то откуда? — Я повёл рукой перед собой, указывая на припорошенные сопки, на выщипавшие между ними распадки и речную долину. — Тут же степь да степь кругом...

— Да, да, да... Степь, степь... — радостно кивнул В. К. — Да, да... — И почему-то добавил: — А снег... снег ветром уносит...

За изгибом речной долины взгляду открылась реденькая роща из десятка раскидистых сосен. Это была приятная неожиданность. Я не мог оторвать от деревьев глаз. Ещё бы! За сотни три километров — от железнодорожной станции до Онона — я не видел ни одного дерева по пути следования (или плохо посматривал через затуманенные морозом стёкла автобуса?). А тут такие вольные красавицы!

И всё же я не удержался от колкости:

— Как ни фантазируй, а всё-таки это не тайга...

— Не тайга, не тайга... Да, да, да...

Это повторение слов “степь, степь...”, “не тайга, не тайга...”, эти “да, да, да...” показались мне издёвкой, и я коротко глянул на спутника-краеведа. Но нет, он улыбался, глаза искрились радостью; он просто радовался как ребёнок. Чему? Может, кстати случившейся поездке или, может быть, ясному синему небу, а может, тому, что показал мне картину, и она произвела заметное впечатление...

Виктор тоже улыбался-усмехался, приоткрыв сахарно-белые зубы.

Много ли нужно для радости человеку степей?

А человеку лесов и полей?..

...И вот мы втянулись в длинный распадок (большой лог), а когда, наконец, повернули, появились заросли краснотала и... путь машине преградил чуть присыпанный снегом ручей. Виктор остановил “уазик”, включил передний мост, и машина, покачиваясь, выползла на другой берег. Впереди замелькал кустарник, потом он перешёл в поросль вроде подлеска, и вот глазам широко открылся лес! Тайга!

И сколько же мы отмахали? Да километров тридцать-сорок всего, наверное. Вот тебе и “степь да степь кругом”... Неужели я в самом деле боялся розыгрыша или чего-то ещё в подобном роде?

Петляющая в чаще дорога привела нас к поляне, на которой и стоял дом лесника дяди Васи.

Он встретил нас на крыльце в накинутом на плечи полушубке, в высоких валенках и шапке-ушанке, словом, как и положено выходить на мороз основательному человеку. Роста он оказался совсем невысокого; когда мы пожимали друг другу руки, то я увидел, что он смотрит на меня синими большими глазами снизу вверх. Неловко как-то, но что поделаешь... Он, думаю, почувствовал моё неловкое положение и по-свойски хлопнул по спине:

— Заходи, заходи...

После обеда дядя Вася встал первым из-за стола. Натянул на себя серый свитер ручной вязки, надел полушубок, прижал ладонью тёмные вихры и уверенным баском прогудел:

— Ну чо, пойдём в тайгу на погляд?

Мы тоже оделись в предложенные хозяином ношенные валенки и полушубки (то ли из его запасов, то ли охотниками оставленные до случая) и отправились в недолгий путь. Впереди, по-хозяйски уверенно ступая, шёл лесник, ну а следом брели мы, его гости. Не знаю, часто ли к нему приезжали, но, видимо, он был рад приветить гостей прошеных, но и нам, непрошеным, чувствовалось, был рад.

То там, то сям с лап больших сосен срывались комочки мягкого снега и, рассыпаясь в полёте, искрясь, сеяли в воздухе невесомое серебро...

Впереди, за кустарником, за клубилось что-то тёмное, непонятное — и через тропу, взмывая над двухметровым подлеском, птицами — поочерёдно — перепорхнули пять-шесть косуль... Вот это прыжки!.. Я думал, что дядя Вася вскинет ружьё и... Дядя Вася будто почувствовал, что я мысленно помянул его, и, не оборачиваясь, перевёл моё внимание на другое:

— Это у вас там, на Западе, охотнички ружьё дулом вниз носят, а тут ухо надо востро держать. Рысь часто ходит... Если кинется на плечи, мне так ловчей пальнуть... Так?

— Ого-го-го!.. — неожиданно для меня гаркнул дядя Вася.

Прошло мгновение, другое... И, погружённая в белые сны, чаща откликнулась звучно и молодо:

— О-о-о! О! О!..

— Ба-и-рыч! Как твои девки? Не плодятся ишшо?

— Учатся. Школу кончают.

— Ну а твои как дела? — Лесник обернулся ко мне. — Ты ж из Москвы?

— Да. А как?..

— А просто... Наши парни — как всегда. Им всё привычно. А ты глядишь, будто запомнить надо.

— Дела мои... Ну, более-менее...

— А ты молодец. Не жалуешься. Кто жалуется, тому и дело не сделать, и счастья не видать. Так?

— Вроде так.

— Ого-го-го! — снова, запрокинув голову, прокричал дядя Вася. И, шутиливо кося глазом, приставил ладонь к уху: услышу, мол, ответ или нет.

— О-о-о! — отозвалась тайга. — О! О!..

— Порядок, — сказал лесник. — Гут. Поговорили.

Дядя Вася убавил шаг, и я поравнялся с ним. Наши спутники ушли вперёд.

— Как вам тут, дядя Вася? Безлюдно и...

— И не страшно, и не скучно, и не плохо. Бабка у меня золотая... А тайга — чо? Я её понимаю, и она меня понимает вроде... Люди приезжают человеческие... Хорошо мне, друг, хорошо...

Я хотел включить в комнате свет, но передумал и снова подошёл к окну. В сумерках во дворе носились друг за другом две чёрные собачонки. Их хозяйки, молодые женщины, стояли в середине протоптанного собачками круга и курили. Одна, повыше ростом, стояла неподвижно, а другая то при-

ближала своё лицо к лицу собеседницы, то резко отшатывалась и грозила пальцем не видимому в морозном пространстве виновнику её бед или неурядиц. И вдруг почти явственно увиделась мне жена лесника дяди Васи — Клавдия Васильевна. Вспомнил, как он объявил ещё на крыльце, что, мол, бабка хворает, отлёживается... Но Клавдия Васильевна, бледная, в тёмном платке, вышла к нечаянным гостям, накрыла стол, а потом всё охала да ахала над нами... “А отец жив?.. Ну, слава Богу! А мама?.. Слава, слава Богу!.. А бабушка и дедушка?.. И давно?.. Царство им Небесное... Ах, детки-детки...” А когда прощались, совала нам банки с грибами, вареньем, голубицей целебной... Будто детей своих в путь-дорогу провожала и рукою с крыльца махала, махала... И улыбалась.

Бледная, в тёмном платке...

ЧЁРНАЯ БАБОЧКА С БЕЛОЙ ОТОРОЧКОЙ

РАССКАЗ

Никита Зернов умер тёмной июльской ночью в краевой больнице, вдали от родных московских переулков. Ничто, казалось, не предвещало скорого конца, но, как говорится, мы предполагаем, а Господь располагает...

Выставка его картин в Японии прошла весьма успешно. Так, по крайней мере, считал он сам. Местная же пресса оценила творчество русского живописца более выразительными словами, но в том ли суть... Домой возвращались всего шесть его работ, остальные же обрели новый приют, новую и, может быть, долгую жизнь.

Никите стало плохо на самом подлете к аэродрому. Будто острой ледяной иглой ударило под левую лопатку; потом боль медленно потекла по левой руке — до самых кончиков пальцев. Он, только что толковавший о житье-бытье с соседом, тоже русским, молодым фирмачом из Питера, сразу обмяк в кресле; лоб, руки, всё тело покрылось холодной испариной; как-то разом его оставили силы, он не мог даже поднять веки...

Через полчаса Зернов уже лежал в реанимационной палате, так и не увидев этот чудесный дальневосточный город.

Жизнь Никиты Зернова была, если не считать последних пяти лет, пожалуй, обыкновенная. Как жизни тысяч и тысяч его сверстников и даже большинства людей его художественного цеха. Школа, армия, институт, женитьба, вечная нехватка денег, рождение ребёнка... И, конечно же, — какая приправа к пресному житию! — кухонные ночные посиделки, где его сверстники, а то и люди постарше, само собой, все непризнанные гении, спорили о политике, о существующем режиме, который душит железной рукой гражданские и творческие свободы... Но всё это — и шумные споры, и громкие манифесты, и новые гости — улетучивалось утром вместе с дымком похмелья. И только не оставляла — дни, месяцы и годы — годы одна, какая-то подспудная мысль-жалоба: не то всё, не то... А что не то, он и сам пока что не знал. Мама — тьфу-тьфу! — жива-здоровая, есть жена-красавица, растёт сын, есть отдельная квартира да и кой-какие способности у самого имеются (как без них попал бы в Суриковский?). Что же “не то”?.. И режим проклятый вот уже рухнул, и свободы море разлитое, и рука кой-чему научилась...

А пять лет назад он ушёл из дома. То ли надоели частые назидания жены-искусствоведа (“Дорогой мой, сам знаешь, что кормит современного художника — абстракция и авангард... Да-да, чёрточки, заплаточки, кубики, треугольнички! А ты упёрся в свой древний реализм! Ну выставлялся, ну и что?”), то ли её, Лилькины, поздние возвращения домой (запашок коньяка, аромат дорогого французского одеколона), то ли что-то ещё... Но однажды весенним утром — как хорошо, ярко тогда светило солнышко! — он собрал свои вещи в чемодан и ушёл на Башиловку, в мастерскую. Насовсем. Навсегда.

С Инной он познакомился на вечеринке у давнего приятеля, закоренелого холостяка. Компания была нешумная. Баловались хорошим вином, покуривали сигареты, бродили по старинной просторной квартире, разглядывая картины — последние изыски хозяина.

Она пришла с подружкой его приятеля. Ничего особенного, яркого — ни в одежде, ни во внешности. Обычная девушка, пардон, женщина. Невысокая. Ладненькая. Весёлая. Но что-то было в ней такое, что он не мог назвать словами. Что-то нежно встревожило его. Тёплый грудной голос? Внезапная детская улыбка? Необычайно тёплый взгляд? Как бы там, что бы там ни было, но они почти сразу тайно узнали друг друга, как бы перекликнулись: это ты?.. это ты?..

В следующий выходной Никита и Инна пошли в Центральный Дом художника, на какую-то выставку. Посмотрели. Погуляли. Поболтали. О том, о сём. Потом встретились ещё раз... И ещё. А через месяц-полтора она оголошала его вопросом:

— Дорогой Никита! А не желаете ли вы отдохнуть на Оке-реке? Лето в разгаре, между прочим.

— Если вместе — да.

— Я приглашаю. У брата есть дом в деревне, по-современному — дача. Ключи у меня.

— А как же муж?

— Два дня назад наша общая с ним судьба окончилась. Поставлена последняя точка.

И она припала к его плечу.

...Там, за рекой, за потемневшими холмами клубились сизые тучи. Мощно и широко погромыхивало, точно кто-то невидимый перекатывал с места на место огромные пустые бочки.

Когда они по тропе поднялись повыше и река стала видна от берега до берега, Никита повесил полотенце на шею и, ухватившись за его концы, спросил:

— Давно обратил внимание... Что это за дом за рекой? Вон тот, на холме... Красиво смотрится... Красный кирпич, такие зелёные купы... Владение местного богатея?

Инна прислонилась к нему спиной и, не оборачиваясь, ответила:

— Нет, миленький, не богатея тут живёт...

— Санаторий, что ли?

— Теплее.

И плотнее прижалась к Никите.

— Дом отдыха?

— Дом печали.

И вдруг обернулась, обхватила его руками.

— Я так боюсь тебя потерять! Я всю жизнь тебя искала! Ты мой родной! Ты родной мой!

А когда они уже подходили к дому. Инна коротко взглянула на Никиту.

— Там, в доме за рекой, живут те, кто потерял рассудок...

На “Дом печали” у него ушло около недели.

Когда Инна посмотрела законченную работу, то сказала коротко:

— Да.

Для него это означало: она сказала “да” запечатлённому: да — зареч-

ным былинным далям; да — сизым клубящимся тучам; да — огненному небесному древу; да — ему. Она и ему сказала — да!

И он сказал себе о сделанном так же коротко: “То”! А вслух тоже сказал: — Да.
“Треугольнички, кубики...”

Ежедневные походы Никиты к роднику, за водой, дарили ему, сорокапятилетнему, давно забытые ощущения юности и силы. Он садился на обветренное и высушенное солнцем почерневшее бревно и осматривался, как будто не вчера и не позавчера был на этом же месте и будто не летали эти синие и зеленые стрекозы; будто не видел эти пышные розовые соцветья иван-чая; будто не созерцал у своих ног эту милую вертлявую птичку — трясогузку; будто...

А вот её-то он действительно увидел только сегодня. Сейчас. На самом конце бревна примостилась большая чёрная бабочка. Откуда взялась? Как её именуют? Чёрная, белые обводы по краям крыльшек... И для себя тут же определил, как он будет её называть: чёрная бабочка с белой оторочкой! Да, так... Именно так!

Никита Зернов удивлялся в своей жизни многому. И хорошему, и плохому. Разному. Но теперь, после возвращения в Москву с берегов Оки, он небывало удивлялся самому себе. Он внутренне преображался. Что было тому причиной? Внезапная любовь? (“Господи, за что мне такой неслыханный дар?” — почти каждое утро со слезами на глазах вопрошал Никита.) Или вот так несуетно увиденная русская красота? А может быть, неспешная, долгая работа души? Или это все вместе слилось в некую гармонию?

Перемены в нём заметили многие друзья, знакомые. Первым — старинный приятель Саша Соколов (“Спасибо тебе, Саша, — не раз мысленно благодарил его Зернов. — Это у тебя познакомился с Инной!”). Они встретились на Преображенке, недалеко от нового места жительства Никиты и Инны.

— Никитус, привет! Откуда здесь? — широко раскинув руки для дружеских объятий, спросил Соколов.

От него, рыжебородого, крепкого телом, как всегда, исходило веселье и добродушие.

— Да вот... живу здесь.

— Инна?

— Да.

— Любовь?

— Любовь.

Никита не стыдился этого признания. Оно ему доставляло радость.

— Так приходите завтра вечером ко мне. Будут все наши. Поболтаем, погуляем... Эх!

— Вряд ли, — честно признался Зернов.

— А что такое? Чем ты, кстати, сейчас занимаешься? — Соколов явно был удивлён. Надо же! Сколько не виделись — и вот те на!..

— Думаю.

— О чем, брат?

— О большом.

— Ага, понятно.

Соколов помолчал. Потом протянул большую обмякшую руку.

— Звони.

— Пока.

На вернисаж в Битцу Зернов теперь ездил редко. Так, любопытства ради. А скорее даже, — Инну немного развлечь. Тамошние знакомые вопрошали: в чем, мол, дело? Где работы? Зернов разводил руками: пока нет ничего. Бывали на выставках. Но тоже — не часто. Уж если что-нибудь действительно стоящее, настоящее, близкое...

Изредка встречался с сыном, студентом университета. Иногда с ним гуляли просто так, иногда заходили в кафе, пили пиво, курили, говорили об учёбе, о перспективах будущей работы Фёдора. Как-то Никита рассказал ему о поездке — пока единственной — в Суздаль. О красоте города, храмов, мо-

настырей... Но сын ни о чём не расспрашивал, только чуть пожимал плечами: что ты, мол, такого интересного увидел? Вот Москва — это Москва...

“Да, — подумал Никита, — Москва — это Москва... Действительно так...”

Лильке он звонил редко; только тогда, когда нужно было договориться о встрече с Фёдором. У него, Никиты, теперь совсем другая жизнь. Своя. У неё — своя. С новым и, наверное, умным и хорошим мужем.

По утрам, когда Инна уходила на работу, в туристическую фирму, он ехал в мастерскую. Звонил Инне, докладывал о том, что всё в порядке, и принимался за работу... Иногда там же, в мастерской, примостившись на старом диване (подарок Саши Соколова), читал Осипыча. Так он называл про себя историческую летопись Ключевского. Глубь времён притягивала, манила его... Зачем ему сие чтение? Зачем? Над этим он почти не задумывался. Тянет, значит, надо. Надо. Не случайно же потом встали непрощенные, как бы сами по себе, перед его мысленным взором сюжеты цикла картин “Смута”. “Нет-с, господа хорошие, нет в нашем подлунном мире ничего случайного. Лилька — не случайна, Фёдор — не случаен, Инна — не случайна, даже Саша Соколов и его диван в моей мастерской — не случайны...” — так раздумывал Зернов, отложив в сторону кисть и вглядываясь в свою новую работу “Сын”. Фёдор, лет четырнадцать, смотрит сквозь чуть синеватое зимнее окно, смотрит, чуть подавшись вперёд... Чего он ждёт? Кого? О чем вопрошает? Чем так задета его нежная ребячья душа?..

Новые картины Зернов не продавал. Так, две-три, те, что ему показались слабватыми. Вернее, даже не слабватыми... Просто они были “не те”. Продавал старые. Из той, другой, жизни. А выставяться — выставлялся. Но теперь уже, как говорят ныне, в престижных галереях. Дело ли случая (бывшая однокурсница, бывшая художница, но, слава Богу, не бывший друг — малость помогла), яблочко ли зелёное дозрело... Но, словом, стало его имя входить в серьёзные каталоги и прочая. Лед — пока что в верховьях — тронулся...

По воскресеньям иногда прогуливались по старинному Преображенскому кладбищу. Шли по тропинкам, разглядывали давние надгробья, всё время держась за руки, как некогда пионеры... Смотрели на шумливых грачей... Слушали звон колоколов... Инна, когда они останавливались у какой-нибудь всеми позабытой могилы, поднимала глаза и молча спрашивала его, Никиту: “Вот был человек — и нет его... Почему?.. Мы будем с тобой до конца? Ты не оставишь меня одну в этом огромном мире? Да?..”

“Да, я люблю тебя, — взглядом отвечал ей Зернов. — Я не оставлю тебя одну в этом огромном мире”.

Вроде бы не самое лучшее место для прогулок — кладбище. Тяжёлое и печальное должен навевать уже сам его вид. Но — нет. Чистая, как осенний воздух, грусть... Лёгкая, чуть прохладная грусть... И кажущееся — или настоящее? — созревание чего-то нового, неизведанного. Чего?..

...Медсестра наклонилась к его лицу. И отпрянула. Каблучки быстро-быстро простучали по палате... Вот она птичкой — полы белого халата, как крылья! — летит по безлюдному ночному коридору. Он, Никита, видит, как сестричка вбегает-влетает в кабинет дежурного врача.

— Доктор!.. Доктор!.. Он умер!

— Кто? — Доктор бросает на столик цветной журнал.

— Тот, новенький!

“Я?.. Я не умер, — говорит Никита. — Я же вас вижу и слышу! Я жив!”

Доктор встаёт с кресла.

— Пойдем!

Никита видит свою картину. Её кто-то невидимый медленно приближает к его глазам. Да, это она, его картина. Чёрная огромная бабочка... У неё — глаза Инны. (“Ореховые”, — так она говорила о цвете своих глаз). Вот внизу название: “Чёрная бабочка с белой оторочкой”. Вот, в уголке, его подпись.

Рука уже холодная... Всё!

“Чья рука холодная? — удивляется Зернов. — И почему доктор повернулся ко мне спиной?..”

Черная бабочка, нежно поблескивая любимыми глазами, вспархивает с полотна и садится на его тёплую ладонь.

“Какая она невесомая! — думает Никита. — Как пушинка!”

— ...и место освободить... — слышит он голос доктора, но доктор ему уже не интересен. Никита видит зелёный холм за Окой, а на его вершине — дом печали. А там, дальше, над полями и лесами тяжело ворочаются в небе сизые тучи, вспыхивает, ослепляя, огромное огненное дерево...

Тёплое дыхание овеяло его руку. Никита смотрит на ладонь... “А, это вспорхнула чёрная бабочка с нежными глазами!” — догадывается Никита. И — точно! Вот она уже летит туда, в заречную даль, и всё уменьшается, уменьшается... Вот ещё один взмах... И бабочка превратилась в чёрную точку.

ВИКТОР БРОНШТЕЙН

НЕ СЛЫШНО РУССКОГО НАРОДА

ДВА БЕЛЫХ ОБЛАКА ЛЮБВИ

Ко мне пришли на юбилей
Отец и мать, слегка сутулясь.
Давно мы в чём-то их взрослей,
Но поцелуев их елей
Даёт мне силы жить не хмурясь.

Два белых облака любви
Плывут во всей красе заката.
Господь, полёт не оборви!
От света их тепло в крови,
Для нас в том главная награда.

Скользят родители в закат,
Их свет нас, грешных, защищает.
В сиянье их не видно врат,
В которых ангелов отряд
К последним тайнам причащает.

18 апреля 2010 г.

БРОНШТЕЙН Виктор Владимирович родился в 1951 году в Иркутске. Окончил Иркутский политехнический институт. Автор трёх книг стихов: "Гул небесный" (2008), "Солёный привкус детства" (2008), "Соль жизни всей" (2009). Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

* * *

*Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши...*
Н. Некрасов

Попаду ли в твой круг я с негромкой струной,
Чтобы в сердце лилась моя нежная лира?
Или ангел любви пролетит стороной?
Сколько их одиноко кружит над страной!
Ох, немногим сегодня до радостей мира.

Уже век миновал с тех некрасовских дней,
Когда счастье дивчины промчалось на тройке,
Но все те же невзгоды витают над ней.
Не под небом рожают, но слабых детей,
Нет без женских страданий ни поля, ни стройки.

Всё ж послушай поэта с негромкой струной,
Лунным светом омойся, потерпят заботы.
Ты на счастье себя, словно скрипку, настрой,
Чтобы ангел любви не летел стороной,
И пробьются лучи сквозь столетий невзгоды.

31 августа 2009 г.

РУССКАЯ

В глуши ночной стал нимб расти
Над гребнем гор, покрытых снегом.
Быть может, Бог идёт спасти
Нас, повреждённых блудным веком.

Всё разом скопище грехов
Вдруг обожгло мне душу вспышкой.
Дул ветер, словно из мехов,
И страх ударил в грудь одышкой.

Но бросилась спасать меня
Лишь та, кого пред небом предал.
Я, одного себя вина,
Свой главный грех Творцу поведал.

Всю боль испившая до дна,
Пока в хмельной я плавал пене,
Молила Бога лишь она,
Чтоб не гореть мне век в геенне.

Господь был тронут ли мольбой,
Её ль порыву изумился?
Нимб стал торжественной луной...
В ту ночь с гульбой я распростился.

7 ноября 2009 г.

НА ЭКВАТОРЕ

*Лежит толпа, готовясь к аду,
На обжигающем песке.*

Н. Зиновьев

России ведом передых
И от жары, и от мороза;
Вдали, на пляжах золотых,
Как в новых банях заказных,
Порой зловеща зноя доза.

Душа неожиданно заболит,
А я лечу её простором.
Но солнце дьявольски палит,
Того гляди, и тень сгорит,
И пес бредёт с потухшим взором.

13 июля 2010 г.

ДВА МИРА

Г. Гайде

В трещотках тонет заграница —
Футбольный взрыв тому виной,
У многих в ярких красках лица,
Рёв из кафе, как из зверинца,
Бьёт в душу бешеной волной...
Рассвет смёл шабаш тишиной.

В прохладе утра эвкалиптам
Читал я братовы стихи.
Деревья, встретившись с поэтом,
Наполнив кроны белым светом,
Внимали, хмуры и тихи,
Как, молча вставши, мужики.

11 июля 2010 г.

* * *

О, как богатым трудно жить!
Им нужно деньги сторожить.
Без перерыва на сиесты
На них охотятся невесты.
И, как суровый вражий флот,
На них нацелился дефолт.

Духовный мир их часто пуст,
В деньгах тускнеет луч искусств.
Кому богатство завещать,
Чтоб сытостью не развращать?
В покое гаснет лучик счастья,
Что вёл вперёд их сквозь ненастья.

1 мая 2010 г.

* * *

I

И даже княжествам удельным
Не станет Русь теперь сродни!
В ней каждый стал жильцом отдельным:
Одни в богатстве беспредельном,
Других на дно уносят дни.

II

О сталь врагов Русь не разбилась,
По деревням не растеклась,
Но в нефти с плачем растворилась,
В особняках развоплотилась
И олигархами слилась.

III

Не песни, а лай прописался в коттеджах,
Без дружбы соседской растут малыши,
Ушли коммуналки, где жил я в надеждах,
Где в тесных стенах и в немодных одеждах
Мы все излучали свеченье души...

1 сентября 2009 г.

ПЕРЕЗАГРУЗКА

Дочери Полине

I

В наш век компьютерных формаций
“Гуру” главнейший — интернет.
Из этой зоны деформаций
В обитель духа хода нет.

От непрерывных обучений
Давно всей грудью не вздохнуть,
Нет хороводов, песнопений,
Где можно душу развернуть.

II

В Сети всемирной молодёжь
Не чтит есенинской берёзки.
Ссудивши души под грабёж,
Мы стали вечные подростки.

Тепла из файлов не скачать,
С живым цветком не повстречаться,
Тень сострадания не сыскать.
В Сети всемирной бьётся мать —
Не может к первенцу прижаться.

12 августа 2009 г.

* * *

*Пала Россия, пропала Москва.
Дико уставила взоры
Анти-Россия и Анти-Москва
На телеящик Пандоры.*

Ю. Кузнецов

“Дом-2” и фильмы супостатов
По сборам все рекорды бьют.
Экраны бес в родню сосватав,
Плодить стал с дивой мерзких гадов,
Что дружно в души нам плюют.

На русских фильмах нет народа,
Как ни пронзительно кино.
Такая скверная погода...
Не слышно русского народа
В пределах родины давно.

7 апреля 2010 г.

* * *

Сыну Даниле

Я стираю границы для жизни детей —
Пусть по землям пройдут, где следы поколений.
Сколько прошлых судеб, сколько разных кровей
И в их плоти смешалось, и в плоти моей.
Провожал нас Байкал, не скрывая волнений.

Белорусские ветры хранят голоса,
Что звучали веками в карпатских просторах,
И над Польшей заря помнит дедов глаза,
И в библейских местах вьётся наша лоза.
Пощадит ли её новых варваров порох?..

1 октября 2009 г.

МОЛИТВА

Господь, отринь Свой Судный день,
От маеты спаси греховной,
Восьмого дня страшна нам тень,
Как камнепад в дороге горной.

Полёт мечты нам сбереги,
Мы разожмём тиски безверья,
Лишь цель великую зажги,
Призвав всех русских в подмастерья.

Мы знаем, как Ты всемогущ!
Но и Тебе ж не просто дался
Мир, где венцом небесных куш
Адама разум разгорался.

Не обозреть творенья дни,
Там ночь плывёт без звёзд, без солнца,

Не сразу вспыхнули огни
Сквозь мрак из Божьего оконца.

Но жаль, не вечно солнцу жить,
Умчится свет в свой путь спиральный,
Не долго и Земле кружить,
Суля исход для нас печальный.

Господь! Мы слеплены с Тебя,
Позволь нам с вечностью сдружиться.
Ты русских поддержи, любя,
Мы сможем в глубь миров пробиться,

И в дебрях замерших планет
Пройдём, крестясь, дорогой длинной,
И храмов золотистый свет
Зажжём с молитвою всеильной.

5 января 2009 г.

о. АЛЕКСИЙ (ЛИСНЯК)

ЦЕРКОВНОЕ СОЛНЦЕ

РАССКАЗЫ

ПЕСНЯ ПРО ГРОБЫ

Светлая седмица. Переполняет радость оттого, что Господь победил смерть, болезни, горе и печаль. Хочется этой радостью делиться и делиться. Ее много, на всех хватит. На всех, кому она нужна.

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес! — торжественно, словно на параде, отвечают прихожане. Их лица светятся ярче солнца. Счастливые.

— Христос воскрес! — иду, почти лечу с кадилом и трисвечником по храму.

— Воистину воскрес! — вещает пономарь Семеныч из алтаря.

— Воистину воскрес! — из-за колонны ликует Виктор, старый христианин — беженец из Азербайджана.

— Воистину воскрес! — из-за другой колонны тоненьким голоском звенит Екатерина — беглянка с Украины.

— Воистину воскрес! — это Илья — переселенец из Казахстана.

— Христос воскрес!

ЛИСНЯК Алексей Александрович родился в 1975 г. в Воронежской области. Окончил Воронежскую духовную семинарию. Состоит в священном сане, служил в приходах Курской и Воронежской областей, настоятель Богоявленского храма в селе Орлово Воронежской области, протоиерей. Публиковался в журнале "Подъём", в церковных журналах, в коллективных сборниках, автор многочисленных публицистических материалов и двух книг прозы. Член Союза журналистов и Союза писателей России.

— Воистину воскресе!

В храме пять человек. Все беженцы с русской земли на Русскую землю. Рассказывают, что в этих самых странах и даже на Украине тосковали по духовности, оттого и прибежали сюда, в центр Святой Руси, побросав квартиры и работу. А тут... Местные беженцам не радуются, если же уличают в церковности, вовсе съедают.

— Пусть лучше съедят свои, православные! — заявил как-то по прибытии из Азербайджана Виктор.

— Православные? — удивился я. — Так ведь православные не съедают, они, то бишь мы — не волки.

Но пасхальное настроение убивает все темные мысли.

— Христос воскресе!

— Воистину воскресе!

После службы довольные пятеро молитвенников расходятся по домам. Словно фонарики, разбредаются по темным проулкам и приветствуют мрачных соседей, дымящих табачищем на лавочках возле дворов:

— Христос воскресе!

Те в ответ ворчат.

Интересно, а почему так? Может, мы, священники, мало проповедуем? Может, мы, духовенство, малограмотные? С такими мыслями бреду домой. Меня отвлекает женщина, чей огород подходит вплотную к стене храма. Вот и ее церковная жизнь не волнует. Может, я виноват?

— Батюшка, можно Вас спросить?

“Ого! — думаю. — Неужели духовная жажда? Отрадно!”

— Конечно! — говорю и добавляю: — Христос воскресе!

— Ну, это у вас там, может быть, и воскресе...

— Вообще-то везде и всегда, — отвечаю. — Так о чем вы спросить хотели?

— Да вот у кума мать при смерти. Он ей гроб смастерил, а сам греха испугался. Спроси да спроси у попа, грех это или нет, когда сын для матери гроб делает?

— Грех, — говорю, — когда человек в церковь не ходит, когда в праздник бездельничает, когда не постится, ворует и сквернословит.

— Да нет, — даму ответ явно не устроил, — это все ерунда! Вот Вы скажите, гроб для матери делать — не грех?

Я честно ответил:

— Ничего про гроб для матери Спаситель не говорил. Да и вообще, в Писании ничего похожего не встречается.

— Говорили мне умные люди, — возмутилась дама, — что попы ничегошеньки не знают. Так и есть. Чему вас только в семинарии учат, дармоедов! Лучше у бабки Петровны спрошу. Она-то уж побожественней любого попа будет...

Женщина обиженно побрела к Петровне и долго еще возмущалась у ее калитки:

— Хм.. тоже мне... не знает, что грех, а что нет... еще поп... хм... людей учит... Вот Петровна в церковь не ходит, и то знает... не тот нынче поп пошел, не тот...

БАНАНЫ НА БЕРЕЖЕ

Занимается вечерняя заря. Одноэтажный городишко не торопится по домам. По его улицам расплзается тёплый майский вечер. Тополя вдоль проспекта покрылись зеленью и пахнут надеждой. Удивительно похожи друг на дружку русские провинциальные городки. Крохотные местечковые площади в кольце “райком—исполком—клуб—милиция” с неизменной статуей вождя. Разные судьбы у этих городков, разными фамилиями украшены крохотные мемориалы в честь защитников. Даже осанка одинакового Ленина всю-

ду разная. Только дух в таких городках везде один. Сибирь это или Брянщина — никакой разницы. Одинаково щемит душу что-то такое, отчего хочется бросить всё и поселиться где-нибудь здесь, под этой вот горой, возле этой вот заросшей речушки. Ловить рыбу, колоть дрова. Летом в выходные гулять по пыльному базару, а зимними ночами слушать волков. Кажется даже, что всякая осень здесь для некоторых непременно окажется Болдинской, не меньше.

В таком городке прошло моё дошкольное детство. Эти престарелые тополя должны меня помнить: я, салага, трясусь на заднем сиденье, отец рулит по ухабам проспекта, а они сыплют на машину золотую липкую шелуху, веселятся и благоухают. Солнце бултыхается в майской речушке. С моста прекрасно видно, что оно там.

Теперь за рулём я сам. Меня с сынишкой занесло в это захоlustье по какому-то пустяковому дельцу. День отшумел. Солнце силится поместиться в ту самую яму на горизонте, в которой оно всегда ночует в этом милом городке. Городок не хочет отпускать, держит и что-то обещает. По встрече цокает лошадка, вся в “яблоках”, за ней громыкает телега с бородатым дедком. Я всё не решаюсь отсюда уехать, кручу головой по сторонам, любуюсь. Наконец придумываю отыскать и показать сыну свою улицу, наш дом и двор. Сворачиваю с главной и жму на окраину, благо всё под рукой. Скоро вырливаю на эту улочку и теряюсь — так она усохла. А была ведь просто огромной!

Время многое меняет. И быстрее прочего нас самих. В нашем дворике скачут карапузы, веселятся. Им кажется, что эта убогая улочка самая большая в мире. Мне ведь тоже так думалось. Совсем рядом мой детсад, где я целых пять лет давился полдничным молоком. Молоко нам привозил старый бородатый дед. Он полулежал на гремучей телеге и погонял серую в яблоках кобылу. Конечно, сегодня мы видели не его, ведь с той сопливой поры прошло столько лет, сколько ни одна серая лошадь ещё не проживала. В этом детсадовском заборе я однажды застрял. Сын не верит. Думает, что я не смогу поместиться промеж железных прутьев. А я и не могу. Я ведь не карапуз... словно и не был им никогда.

Улочка на горе открывается лугом. Идём по нему, кормим комаров, задеваем нерасторопных кузнечиков. Сын держится за руку. Вдалеке под горой — крохотный вокзальчик. Маневрушка таскает взад-вперёд пустые вагоны. Они грохочут. Сюда еле-еле, с опозданием прилетает этот вокзальный шум. Задумываюсь о жизни, и кажется, что сами мы все — великие и неповторимые — этак вот таскаемся туда-сюда, всё гремим чего-то, чем-то трясем. Нам кажется, что получается значительно. А стоит взглянуть на себя хотя бы с такой вот горки, и видится, будто всё, что мы производим — не больше, чем такой точно шум. И тот — игрушечный.

С горы указываю сыну на яму, в которой всегда ночует солнце. Она совсем рядом, и похоже, что светило там ворочается, уснуть не может, поскольку ещё не стемнело. Рассказываю сыну, что мне всегда хотелось сбегать к солнечной яме и потрогать этот маленький красноватый блин. Только вот не случалось. Известное дело, “не ходи, обожжешься”. А поезда с того крохотного вокзальчика уходили, конечно, на войнушку, а вовсе не в соседний, не менее захолустный район. Там, на “войнушке”, конечно, зверствовали фрицы. А ещё там сидели “партизаны”, соседские пацаны. Разумеется, у них были автоматы, и у меня имелось ружьё. Только, увы, съездить на подмогу нашим тоже как-то ни разу не улыбнулось. Старшие не пускали.

Сколько же дней с той поры заночевало в солнечной яме? Мне их так сразу и не сосчитать. С математикой туго. Да и неохота, признаться, над этим голову ломать. Подумалось потужить, а ни грусти, ни жалости. Пускай себе. Известно ведь, что обратно из той ямы солнце так ни разу и не поднялось, а жизнь от этого не прекратилась — были рассветы. Бог милостив, обрадует, засветится что-нибудь новое, с другой совсем стороны.

Разворачиваемся, идём во двор, к машине. На этой самой дорожке я упирался, не хотел идти в садик. Сын сомневается. А вон в той посадке во-

дילים дикобразы и росли бананы. Сын снова не верит, чудак! Я же знаю это наверняка, я же их ел! И не важно, что те бананы смахивали и видом и вкусом на печёную картошку! В конце концов, у меня есть свидетели: “Вон он в том доме, сейчас поедет мимо, жила моя подружка. Маленькая, такая, как ты. Не скажу вот только, как звать-то её... Оксанка, кажется. Тоже бананы уважала”.

Ляпнул и забыл.

На свет фар слетелась вся уездная мошकारа. Хлопнули двери, мы тронулись. На заднем сиденье устраиваем сыну берлогу. Ехать отсюда не близко, не люблю ночью. В Оксанкиной квартире засветились все четыре окна. Сын пригляделся и обрадовался: “Гляди! Вон она, твоя Оксанка! Маленькая, с косичками! Она? Там, в окошке, рядом с большой тёткой! Стой, давай про бананы спросим”.

Тормозить тогда не стали, времени пожалели.

Теперь думается, что в том окошке и вправду могла светиться Оксанка. Только наверняка не она тогда стояла рядом с большой тёткой. Скорее всего, это другая курносая девчушка стояла рядом с Оксанкой. Я-то догадался, я ведь не то, что мой наблюдательный попутчик: “верю — не верю”. Взрослые ведь умеют и соображать.

Жаль только, что соображалка мешает в берёзовом пролеске отыскивать бананы. Без неё-то, помню, было куда как веселее. Была вера, можно было и без соображалки как-то жить...

СВЕТЛЫЙ КОТ

На этот раз синоптики не обманули. После туманных дней показалось солнышко.

Мы служили литургию в древнем храме, который не закрывался ни в войну, ни в революцию. Служили я и тамошний настоятель — священник, может быть, в пятом поколении. Хор тихо и сладко пел, как, наверное, и двести лет назад. Лучик солнца просочился сквозь старинное стекло южного окна в алтаре и медленно пополз вниз по пережившим и холода и войны фрескам. Маленький красноватый зайчик застыл на лике Спасителя. Потом, во время “Трисвятого”, сонно переполз на жертвенник. Затем зайчиков стало много. Они перестали румяниться и заиграли на парчовых покровцах, начищенных рипидах, на настоятельском облачении. А один, огромный, светлый и как будто бы главный, чинно воцарился на Горнем месте, когда диакон принялся читать Евангелие.

Диакон вручил настоятелю увесистое Евангелие и забасил сугубую ектению. Внезапно припомнилось, как лет двенадцать тому назад, в мою диаконскую бытность, в другом старинном храме и при другом настоятеле я однажды, так же после евангелия вышел на солею и почти остолбенел от восхищения. Тогда я впервые отметил, что церковное солнце — какое-то особенное. Оно светило в окна купола, и зайчики забавлялись, прыгали по золотым царским вратам с одной завитушки на другую, с виноградной грозди — на резной листок. Интересно, тогда были другие “зайцы” или те же, что и сейчас?

Летят годы... Менялась эпоха. Когда-нибудь и это время уйдёт — канет в историческую пропасть, а Церковный Весёлый Свет останется. Эти же зайчики будут резвиться на макушках у других певчих, эти же лучи будут светить на тот же вечный евангельский текст, правда, читать его будет другой диакон, внимать — другие люди. Зато потом, когда всё пройдёт, а Церковь останется, на её торжество соберутся все, все, все, кто от века сумел оценить неповторимый церковный свет — и эта радость уже не кончится.

К концу службы зимнее солнце висело уже высоко. Настоятель проповедовал, я радостный стоял рядом и глядел на полтора десятка прихожан, утонувших в огромном лучистом храме. В этом селе люди почти не утрати-

ли традиций: левую половину занимали женщины, а правую — пара старичков. Посреди церкви, под паникадиллом сидел кот. Старый крепкий кот. Закончилась проповедь, миряне подошли “под крест”. Настоятель, я и диакон удалились в алтарь и разоблачились, а кот всё продолжал сидеть. Он дремал под церковным солнцем и во сне покачивался из стороны в сторону. Когда последняя прихожанка вышла из церкви и в храме воцарилась тишина, мы услышали мурлыканье, временами походящее на храп. Я с любопытством глядел на полосатого прихожанина в приоткрытую вратницу. Мой интерес заметил настоятель:

— Что, нравится? Это Барсик. Мы его уже не замечаем, привыкли.

— А откуда он взялся? — полюбопытствовал я.

— Да он тут всегда был. Ну, конечно, не он, а предки его какие-нибудь... Но я вот лет, почитай, как тридцать тут служу и сколько помню, что ни служба — он всегда на это место приходит и дремлет. Пускай сидит. Зато насчёт мышей — полный порядок.

Настоятель отыскал свою скуфью, и мы отправились к нему в дом чаевничать.

МУРМАН ДЖГУБУРИЯ

РОДНЫЕ ЛЮДИ

* * *

Бабушка прихорашивается
И у родных не спрашивается,
Знает: идти ей скоро
В небесные синие горы.
Нас покинув, она
В горы уйдёт одна.
Пряди седые поправила,
Новую свечку поставила
У иконы святого Георгия.
Молвила слово негордое:
— От вас ухожу я в горы,
Со всеми прошусь я скоро.
С этого крайнего дня
Не забывайте меня,
Как на небесах всякий час
И я буду помнить о вас...

Мурман ДЖГУБУРИЯ родился в 1938 г. в Абхазии, в Галоском районе. В разное время работал шофёром, корректором, главным редактором газеты. Издал около 30 книг прозы, поэзии, критики. Переводил на грузинский язык стихи Пушкина, Лермонтова, Блока, Есенина. Член Союза писателей СССР с 1973 года.

* * *

Родимый дом, родимый добрый дом —
Я свет узнал впервые в доме том,
Стихи сложил впервые в доме том —
Прославлен будь в строке, отцовский дом!

Как тяжко жить на свете сиротой,
Я испытал судьбою непростой,
Но не стонал я, а живу, терплю
И жизнь с её тревогами люблю!

Вот всё, что я скажу вам о себе —
Я благодарен и такой судьбе.
И, поклонившись дому своему.
Хочу закончить жизнь в родном дому.

* * *

Сквозь слезы, сквозь детские слезы
Я вижу невзрачные горы.
Настала зима, свирепеют морозы,
Отец наш вернётся не скоро.

Отец наш — солдат на великой войне.
Он верит, как все мы, в победу.
Но нам без него ощутимей тройне
И холод, и голод, и беды.

Мечтает о юбке красивой сестра —
Несчастливая наша малышка.
Не скоро, похоже, настанет пора,
Как выйдешь ты в юбочке пышной.

Да в этом ли дело — мы все голодны,
А дома нет хлеба ни корки.
Тяжёлое время суровой войны,
И слёзы у матушки горьки.

По крохам находит детишкам еду,
Сама голодна дни и ночи.
Я помню и нынче, куда ни пойду,
Запавшие мамины очи.

Мы выжили всё-таки благодаря
Заботе святой материнской...
С годами морозная наша заря
Нам стала родною и близкой.

*Переводы с грузинского
Владимира МАКАРОВА*

* * *

Мама сходит тихо со стены
И идёт за мною следом.
Я, конечно, этого не одобряю.
Что, конечно, её удивляет.

Я уже намного старше её,
И она годится мне в дочки,
И всё же я для неё такой же,
Каким она оставила меня.

“Отстань, мама, — я говорю, —
Давно я отличаю правду от лжи”.
Но она не слушается меня,
Не возвращается в рамку на стене.

* * *

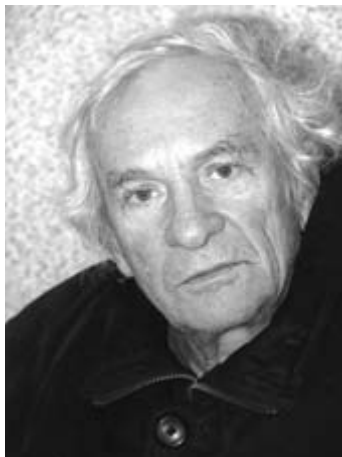
Мои стихи, знаю, мечтают,
Чтобы я умер как можно скорее,
Чтобы они заслуженно получили своё,
Чтобы восторжествовала истина.

Мечтают об этом мои стихи потому,
Что им мешает моё существование,
И ничего кроме собственной мечты
Не видят они в своем завтра.

Мои стихи снедает зависть,
Им хочется устроить собственную жизнь,
Теперь помолчи и подумай, Мурман,
С кем лучше на свете этом дружить?

*Переводы с грузинского
Ивана Тertyчного*

ВИКТОР ЛИХОНОСОВ

НЕ ДАЁТ ПОКОЯ ИСТОРИЯ

Из цикла “Записи перед сном”

1971

Декабрь. Похороны Твардовского. Из провинциальной глуши, из окружения тупых поэтов и доносчиков, из этого болота самодеятельной литературы слышится шепот политической оценки редактора, возглавлявшего “Новый мир” и в прошлом году снятого с должности. В журнале “Новый мир” и я, печатаясь там, замечал кое-что, но к самому Твардовскому у меня отношение скорее читательское, благодарное, школьно-студенческое. Да, декламировал я со сцены на вечерах страничку-две из “Василия Теркина”, и стоял как-то возле библиотеки имени Пушкина перед газетной витриной и читал в “Правде” большую главу из поэмы “За далью — даль”, и когда уже стал печататься, зарубил себе в памяти его стихотворение “Вся суть в одном-единственном завете”, вообще ощущал его всегда родным, русским человеком. А уж потом и повидал его, повстречался в редакции, притихше посидел немножко и вышел благодарно и неловко, считая себя вороной, залетевшей в высокие хоромы. И летом того же 1965 года вышел 7-й номер журнала с предисловием Твардовского к собранию сочинений Бунина, и я с испуганной радостью увидел там среди фамилий Ю. Казакова и В. Белова и... свою — как... как... писавших “не без влияния Бунина”. Поэтому какая политика?! До политики моя душа не поднимается (зарубежные “голоса” трезвонят, что прощаться “сквозь оцепления” приезжал Солженицын). В про-

---

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович родился в 1936 году на станции Тотки Кемеровской области. Детские и школьные годы прошли в Новосибирске. Окончил историко-филологический факультет Краснодарского педагогического института. Автор книг “Вечера”, “На долгую память”, “Осень в Тамани”, “Элегия”, романов “Когда же мы встретимся?” и “Наш маленький Париж”. Лауреат Государственной премии России и международной премии имени Шолохова. Главный редактор журнала “Родная Кубань”. Живёт в Краснодаре.

шлом году летом я в гостях у матери на улице Озерной в Новосибирске составил в уме несколько пламенно-любящих телеграмм Александру Трифоновичу — к его 60-летию. Я не знал еще, что он тяжело болен. Но, как и Шолохову в 55-м и 65-м годах, отослать постеснялся. Одиноко любящий писателя, одиноко и прощаешься с ним. Буду в Москве, пойду теперь на Новодевичье кладбище*.

* ...В 1965 году Александр Трифонович принимал меня вместе со своим заместителем Б. Заксом, который через несколько лет отъехал из СССР в Германию и там умер. И вот, когда грянула измена, распался Советский Союз, воцарился пьянчужка и самодур Ельцин, почти все бывшие авторы и сотрудники “Нового мира” топтали всё подряд, повернулись к Америке, а некоторые прослыли прямыми русофобами. И всё это не случайно. Помню, нигде так не ненавидели Шолохова, как в “Новом мире”. Неужели Трифони-ныч был слеп? Твардовский страдал, это точно, это заметно по записям в “рабочих тетрадах”, а его окружение и все прочие пользовались его позицией в своих тайных целях. На бесконечных его записях в “рабочих тетрадах” о борьбе с ЦК я аж вскрикивал: “Да не много ли этой борьбы? да и зачем было так злить Суслова и Демичева? И кто сзади подталкивал, подогревал?”

Благодарно поклонился тени великого человека, когда в этих же “рабочих тетрадах” вдруг... прочитал о себе:

“14.IX. Пахра.

Встал до 4-х, пил кофе, курил, послушать ничего не удалось — отвратительный гром заглушки...

Стал читать Лихоносова и до конца не мог оторваться! Какой молодец! С любовью, с нежностью и болью пишет ту низовую, окраинную жизнь, жизнь с “коровы”, с базара, с огорода, с пенсий, жизнь, которую не принято ни фотографировать, ни “отражать” в очерках, жизнь без “роли парторганизации”, без всего такого — саму по себе, со всеми отчаянными хлопотами, напряжением, муками, безысходностью — послевоенная жизнь миллионов. — Нет, этого уже не заставишь “соображать”, дозировать “светлое” и “темное”, приплетать “руководящую роль” там, где ее попросту нет...”

Это в 1968 году было. Повесть вышла в 8-м (августовском) номере, и читал ее Александр Трифонович уже попозже. Мне до сих пор всё это странно: моё печатное появление в известном журнале, благоволение с первого рассказа Твардовского, один отзыв, другой. И в читальном зале, перелистывая “Знамя” № 8 за 2003 год, спустя 35 лет после записи Твардовского в четыре часа утра и спустя 32 года после его смерти, уже пережив его на шесть лет, став свидетелем того, что он не мог уже ни видеть, ни слышать, онемел я и замер как каменный от скорби протекшего времени, оттого, что, как писал Бунин, “...всё равно всё в жизни проходит и не стоит слез”, оттого еще, что возносимый при жизни либералами Трифониныч совершенно забыт, выкинут ими, и в книжных магазинах нет его сборников, “рабочих тетрадей” и умных писем, а в разных вариантах томиков “Азбуки-классики” всё вертится на стенде Бродский, Бродский, Бродский, которого он не ценил и в своём “Новом мире” не печатал...

(дек. 2003)

1978

13 января

— Три дня назад закончил роман “Когда же мы встретимся?”*

* — А я и забыл. И отчего вздрогнул теперь и отчего же мне это важно? Хотел бы я, чтобы мне нашептал кто-то, что в этот день было, куда я ходил, с кем разговаривал, какой была Настя и не хмурился ли я на общественную жизнь, как читал газеты и слушал речи.

Постарел и дорожу всяким мгновением, которое... “было и прошло”.
(11 января 2009)

4 декабря (Ответ на анкету о поэзии)

Не могу сказать, что поэзия увлекала меня больше, чем проза. Если бы не было на свете стихов, не было Пушкина, Лермонтова, Боратынского и Есенина, моя душа не получала бы с юности такой светлой поддержки, ка-

кую я знал. Не тот бы я был немного. Но — если говорить правду — и в русской прозе, на классических ее страницах, я находил ту же музыку, что и в стихах. Собственно в поэзии меня воодушевляла открытость признаний, искреннее небоязливое чувство, полнота выражения тех затаенных, знакомых каждому переживаний, которые трудно передать кому-то устно, с глазу на глаз. А красота формы! Люблю в стихах мелодию, успокоение, равное мудрости. Но для жизни мне нужно их так мало! Хватало всегда самых избранных. Никогда не понимал людей, обедавших стихами. Стихи не отвечали мне, как это принято говорить, “на вопросы”, в них было для меня что-то выше вопросов и ответов. “Евгений Онегин” неизменно лежит у меня на маленьком столике, рядом с подушкой. Вот без какой поэзии я не смею жить.

В. Лихоносов

1990

Сентябрь

— Что случилось? — спросили меня в редакции газеты.

— А то, что даже я, написавший роман о Екатеринодаре, ни за что бы не поверил, если бы года четыре назад мне сообщили: “В Краснодар приезжают потомки знаменитого рода Бурсаков!”

— ??

— История наша грустна и чудесна.

— Род Бурсаков сохранился?

— Сохранился. И вашей газете придётся о нём напомнить.

— Откуда же у вас сведения?

— Из первых рук. В августе месяце мне позвонила из Москвы Ольга Николаевна Мейендорф. И говорит: “В сентябре приедут из-за границы Бурсаки”. Спрашивала, остались ли в городе старые господские дома, есть ли гостиница. Ольга Николаевна тоже по рождению Бурсак. Она внучка Надежды Павловны Штейнгель, а Надежда Павловна — дочь Елизаветы Александровны Бурсак, некогда очень известной в Екатеринодаре и умершей во Франции в 1929 году. У нее были еще сыновья: Сергей Павлович, кирасир лейб-гвардии и предводитель ставропольского и кубанского дворянства, и Константин. Вы сможете всё описать, когда они приедут и расскажут. Когда я читал воспоминания М. И. Недбаевского (умер за границей), дружившего с семьей Бурсаков, мне захотелось найти потомков, но я махнул рукой — так же, как махнул и при мысли узнать что-нибудь о дочерях наказного атамана М. П. Бабыча: никого нет! Мир большой, у кого спрашивать?! А люди сами найдутся, если их не пугать.

— Что-то происходит сейчас невиданное.

— Мы сейчас живем среди потрясений, но мне кажется, приезд Бурсаков на родину предков — еще как бы одно послание свыше о том, что в нашей истории, в нас самих не исчерпана возможность примирения и что народное чувство снова окропит всё, что время и события засушили. Сама жизнь возвращает нас к своим истокам. Старину не вернуть, но возрождение всего родного, почвенного неминуемо.

— 12 октября созывается Всеказачий съезд.

— И Бурсаки приезжают. Надо ко всему приготовиться. Поэтому я и пришел.

— Как Бурсаки вас нашли?

— Наверное, кто-то сказал им о моем романе. Честно говоря, я сначала “испугался”, ну так, слегка. Ведь Елизавету Александровну Бурсак я описал. По легендам, рассказам старожилов, по архивным бумажкам. Что скажут?

— Это роман.

— Не документ, конечно. Роман. Но казалось тогда, что всё до такой пустоты умерло, до того всё забыто! И я даже фамилию и имя не изменил. Вот как мы жили: нельзя было упоминать в статье фамилию бывшего городского головы. А род Бурсаков был на Кубани знаменитым. Это самые истоки Кубани, низовые ее истории. Бурсаки пришли на Кубань вместе с Чепигой и Головатым. Ф. Я. Бурсак был в начале XIX века войсковым атаманом. Они-то и вырубали просеки для первых улиц “Катырынодара”. Сколько славы!

Бурсаковские табуны под Каневской, в Ейском куте, под Брюховецкой (если не ошибаюсь). “Бурсаковские скачки” — берег Кубани под городом; Бурсаковская улица (ныне Красноармейская). Хоровое искусство началось при Бурсаках. Кстати, нынешний Казачий клуб носит имя Ф. Я. Бурсака.

— Сколько человек приедет?

— Двенадцать или тринадцать. Из разных стран! Их сопровождает французское телевидение.

— Французам роды кубанские интереснее, чем нам?!

— Пока, выходит, так. Потомки запорожцев! В Каневской мне показывали дом Е. А. Бурсак. Ольга Николаевна спрашивала, какие я еще знаю бурсаковские достопримечательности. Ну, например, разъезд Бурсак по железной дороге. Под Динской на речке Первые Кочеты (в их подкове) была их земля, дача. Когда едешь на Черемушки (там, где тоннель), справа на горке стоял двухэтажный дом (“дача Бурсачки”) — его только что разрушили! Мы же всё продолжаем рушить! Я хочу обратиться ко всем кубанцам, кто хоть что-то помнит от дедушек и бабушек, матерей и отцов, сообщите всякую мелочь, легенду о местах, связанных с Бурсаками. Приезжающим на Кубань потомкам это нужно для родственной памяти (они же родились за границей), а нам — для истории. Лучшие умы страны говорят правильно: без мяса и хлеба, без мыла и обуви жить человеку нельзя, но будут и мыло, и мясо, и обувь, если мы возродим культуру и почитание своих предков, если возродим душу свою. Сносит дом Бурсака невежда и варвар; так же хамски он строит новое жилье.

— В Америке вы были, встречались с казаками, они помнят Кубань?

— Еще как. Я написал об этом, скоро опубликую. Они меня поразили! Многие родились за границей, но отцы им завещали свои святые чувства к “неньке-Кубани”, и я такого трепета, как у них, у нашей интеллигенции не замечаю. Такая преданность отцам и дедам! Я выступал перед ними, и само слово “казак” доводило их до слёз. Можете представить, с какими чувствами приедут Бурсаки.

— Что нужно сделать?

— Просьба к властям: предоставить маленький автобус для гостей; они хотят увидеть станцию Каневскую; наверное, и Геленджик. Да и Ейск и Новороссийск. И к Лебяжьей пустыни под станцией Чепигинской имели отношение Бурсаки. Просьба к работникам музеев: сделать копии особо дорогих для семейной памяти фотографий и архивных листков, касающихся рода Бурсаков. Не нужно нигде наводить марафет, как это всегда бывало. Иначе я напишу об этом марафете потом. Лучше покрасить школьный забор, чем спешно перекрашивать все заборы по соседству с домом Бурсаков (допустим, в Каневской). Живая жизнь нам всем дороже. Она, жизнь, не остановится ради приезда Бурсаков, но я считаю, что историческое чувство родства влияет на здоровье нации и отдельного человека. И с умом надо относиться к событию большому и малому. Не суетиться, но и не дуться высокомерно, как это случилось во время приезда И. Л. Сологуб. Да к тому же рассудим и так: мы сейчас расстилаем ковры американцам, французам, итальянцам, грекам, а потомкам казаков, основавшим этот город, мы не выкинем и домотканых дерюжек? Мы возили на охоту и на рыбалку народных артистов, даже пресмыкались перед ними, а родного внимания к людям благороднейшей кубанской фамилии не проявим? Бурсаки приедут поклониться земле, и мы рядом с ними вспомним, от кого и от чего на этой южной земле зарождалось древо казачье. И дети пусть знают.

— Когда они приедут?

— 28 сентября. Рейсом из Москвы. Сегодня звонила Ольга Николаевна. Мое сообщение в газете сведено будет не с тем, конечно, но надо прислать в музей транспорт. Об этом можно бы тихо договориться и по телефону. Я хочу, чтобы заранее знали о гостях казаки. Не исключено, что кто-то “из бывших” подыдет или подаст голос — и это будет голос живой истории. Или я сумасшедший?*

*И они приехали, но лучше бы мы их не видели. Какое разочарование! Милые пустые люди, среднеевропейцы, о которых писал К. Н. Леонтьев, но

эти русские претендуют на любовь к России, на служение (по завещанию отцов и дедов, убежавших от большевиков) памяти о ней, в разговорах даже чувствуется манерное превосходство перед нами, советскими. Прилетели в дождь. Никакие казаки на встречу не явились, атаман отстранился (и потом так и не встретился с ними — вот он и “конец истории”). Всего поселилось в “Интуристе” 17 Бурсаков. Первое впечатление (оно только усиливалось потом): приехали какие-то чужие люди, иностранцы. Я больше всего ждал единственного из них, того, который родился в России в 1914 году: мать его родовитая, отец Сергей Павлович Бурсак, кирасир полка Его Величества, предводитель ставропольского и кубанского дворянства, зверски убит (даже, говорили нам, сожжен в стогу сена в Горячем Ключе в 1918 году). Да, не терпелось лицезреть Владимира Сергеевича Бурсака. В фойе гостиницы поджидал минут двадцать: он после завтрака чистил зубы. Ну что! — спустился с этажа старик, седой, кареглазый, не совсем хорошо говорит по-русски. Живет он под Нищей в своем доме с садом, с ним два сына, один, с оттопыренными ушами, снимает на видеокамеру и молчит; жена светловолосая англичанка. О Кубани Владимир Сергеевич знает мало (это сын-то предводителя дворянства), бабушкины рассказы о своем роде не помнит. Никогда не слышал фамилии Бунина. Ивана Шмелёва не читал. На пальце у него перстень с гравировкой герба Бурсаков. Пишется он так: В. де Бурсак. Это вот они не растеряли, этим гордятся и выпячиваются родовитостью. О Екатеринодаре помнит чуть-чуть: какие-то пышные похороны в Гражданскую войну. Зачем же он приехал? В дом Фотиади, где стоял в 1920 году генерал Деникин, идти они не захотели. Побывать в Тамани? О, это далеко. Выбрали Новороссийск. Ага! Там какие-то дома барона Штейнгеля, и они рыскали по городу и всё спрашивали, спрашивали — в чьих эти дома руках и... и... В Краснодаре их тоже влекло найти какие-то дома возле Нового рынка, принадлежавшие Бурсакам. Еще я их толкал в Динскую, там на берегу речки была дача у Елизаветы Бурсак. И писать больше не хочется мне о них. Неинтересны. Повезли их в Каневскую, на хутор Бурсаки. Там через лиманчик длинный узенький мостик из тонких журавлиных столбиков и досточек. Но высокий. Я взобрался. Вслед за мной полез Георгий Бурсак, сорокалетний друг знаменитых французских писателей Анри Труайя и Мориса Дрюона. О Боже, как переродились Бурсаки! Он струсил идти по мосточку, ножки его дергались, он боялся упасть и... с трудом спустился вниз. Жалкий интеллигентик. Этаким наш “лучший поэт Кубани”, маменькин сынок. И ничего толком их не интересовало, ни у кого ни о чем они не спрашивали, пустыми ходили в Каневской по музею (обновленному, с елками у входа), один из них вышел на улицу и тут же, повернув вбок, под елкой помочился; наверное, это по-западному: здоровье — прежде всего.

Прощальный ужин в “Интуристе” был тоже какой-то жалкий, “для себя”, речи ни о чём, ни слова о заветном прошлом отцов и дедов, ничего такого, что можно было выслушать и запомнить, и передать своим. Провожать я их не прошел. Скатертью дорога. Они даже на старое кладбище не сходили; и не спросили, где похоронен Павел Павлович Бурсак и все прочие Бурсаки, что постарше. Они ничего-ничего не знали подробного о земле, на которую из Запорожья пристали на конях и с возами их предки...

13 февраля

Что это? Незнание природы творчества, истинных красот искусства или политическая местечковая спекуляция? Провозгласить В. Гроссмана “современным Толстым”? Сказать так о романе, прошнурованном политической журналистикой, — значит, забыть вкус родниковой воды былин, песен, летописей, пушкинской прозы, толстовского дыхания простоты... Нельзя же оценивать художественное произведение в свете борьбы “тройственного союза” (журналов “Наш современник”, “Москва”, “Молодая гвардия”) с командой революционеров (“Октябрь”, “Юность”, “Огонёк”, “Неделя”, “Книжное обозрение”, “Даугава”). Люди, переставшие молиться (или никогда не молившиеся), причащаться, с ресторанным весельем расстались с заповедями истории и устали в светящуюся вредным мерцанием раму те-

левизора, не видят в городах звезд, учат с детства стихи о ненависти и в книжных сумасшествиях с удовольствием узнают себя.

1991
Октябрь

БАЙКА

Было якобы так. Дня через два после неудавшегося переворота в Москве Степан Трескунов появился в кабинете начальника, помолчал с полчаса, потом поругал коммунистов, затеявших это преступление, и вдруг спросил:

— Иван Спиридонович! А моё дело продвигается? Ты звонил туда?

— Куда туда? Все здания опечатаны.

— Так а заслуги мои не отменяются. Нигде не сказано, чтобы отменить заслуги перед советской властью.

— Ну ты маленький, что ли. Мы документы отослали ещё в июне. А переслали их в Москву или тут лежат — я ж не знаю. Ты чего просил?

— Орден Октябрьской революции.

— Теперь-то он тебе зачем? Уже Ельцин отменил партию.

— Мне обидно. Ивану Дуле дали, скотнику Шнуркову дали, бригадирю Лодыжкину тоже, даже Свинарникову за то, что лекцию на уборке урожая прочитал, дали, а я как будто в окопах сидел. Я ж иногда, когда партия просила, раскулачивал гнилую интеллигенцию, и письма куда надо писал, и так один на один докладывал — и хоть бы какую железячку дали! Ты, как печати с дверей снимут, сходи, пускай пошукуют у себя в сейфах, — может, кому не успели раздать, так я возьму. Чего ж они там будут пылиться?

— Затрудняюсь обещать, Степан Павлович. Да сходи до Устиньи, у нее от мужика осталось пять орденов, она за лекарство тебе один даст.

— Мне ж надо, чтоб и в газетах сказали.

— Тебя обсмеют!

— Не обсмеют. Когда власть вернётся, я встану и скажу: получил дорогой орден как раз тогда, когда все их побросали.

— А за что, спросят?

— А за то, что когда Дзержинского на Лубянке сбрасывали, я дома по телевизору наблюдал и руки держал в карманах, не вмешивался.

Как-то знаменитый наш композитор Г. Пономаренко предложил мне написать инсценировку по роману “Наш маленький Париж”. Предлагал из романа сделать... оперетту. Уважая мелодический талант Г. П., я скрыл своё возмущение и мягко объяснил ему, что моего согласия он не получит. Я написал роман о страдании всеми забытых людей, о казаках, боровшихся со злом, проживших лучшие свои годы на чужбине, о мастерах, чьи золотые руки не нужны были “соцсоревнованию”, о самом ВРЕМЕНИ, которое ночной тайной проходит над нами. И из всего этого горького мела мы будем лепить музыкальную буффонаду (вроде “Свадьбы в Малиновке”), всё это несчастье мы кинем под ноги похотливым опереточным артистам?

Ноябрь

Страдание (если оно есть) написано на лице. Как его ни скрывай. Боже мой, ни одного страдающего лица на вершине власти! Спокойная пустота взглядов, спортивная лёгкость походок. Поэтому-то народ не сочувствует нисколько пробывшей три дня “в заточении” в Форосе Раечке Горбачёвой. Было страшно? Там с ней, говорят, случился припадок? Ну, а в Фергане, в Нагорном Карабахе, в Южной Осетии, в Молдавии, наконец в Чернобыле старикам, детям и женщинам не было страшно? Согласится ли когда-нибудь “первая леди” государства, что в несчастье народов проклинаемой нынче империи виноват её муж? Раньше (да и по сию пору) за несчастье, постигшее ученика на территории школы, отвечали головой и учитель, и директор школы. А глава государства ни за что не отвечает*.

* Это сколько ж я листов перевел на запись раздраженных мыслей и всяких соображений; как еще молодо отзывался в свои 54 года на колебания жизни... и что сказать в 72 года? Уже давно нет Советского Союза, и по те-

лвидению астролог Глоба предсказывает, что в 2014 году распадется Россия. О такой опасности пишет и газета “Завтра”. Боже мой, Боже мой, что нас ждет? Теперь я уже не регистрирую на бумаге свои гражданские чувства. Но от печальных мелькающих выводов не отвяжешься. Звонит в редакцию женщина, чуть не плачет: “Ну ужасно правители не чувствуют, что Россия гибнет? ужасно никого нет? Я зря спрашиваю. Народа уже нет...” И не смогла договорить, извинилась, сказала “до свидания”.

(февр. 2009)

1992

Публике, так называемому общественному мнению (хотя ни общества, ни общественного мнения у нас нет) надо что-то доказывать, оправдывать и защищать свои тезисы. Но зачем я буду доказывать самому себе? Я это знаю, чувствую, вижу. Лукавый Горбачев, “почётный немец года” ещё вроде бы неясен демократической прессе, получившей при нём свободу трепаться. А что тут неясного? “До свидания, Михаил Сергеевич”, — расстаётся с ним “Независимая газета”. Ещё надеются на его будущую защиту демократии, если Ельцин вдруг вздумает “закручивать гайки”. Всё понятно. И понятна эта фальшивая песня Горби: “Знаете, я вам так скажу: мы приняли тяжёлое наследство”. Можно задохнуться в досаде от такого вранья, и нечего доказывать, что Горби сукин сын. Однако в печати всякое резкое мнение о новых порядках выверяется*.

*Теперь уже и вовсе доказывать нечего. Сама пресса вот что сообщает: “На Чёрном море практически одной подводной лодке противостоят 17 турецких, шести российским ракетным крейсерам — 19. На Балтийском флоте нашей одной-единственной подлодке противостоят — 24 подлодки Германии, 6 — Дании, 4 — Швеции, 4 — Польши... Армии у нас уже нет. И великой страны нет. Уже и военно-воздушные десантные войска уничтожены.

(март 2008)

12 марта

ВСЁ ТА ЖЕ КОМПАНИЯ

Не пройдет и полгода, как власть на Кубани будет полностью захвачена самыми засоленными марксистами, спешно бросавшими партбилеты в течение всего прошлого года и объявлявшими себя вдруг передовыми демократами. Позорное пятно угодничества, рабского сгибания перед партийным начальством, ежедневного услужения ленинским идеям они срочно вывели химическим составом, дабы в той же, но якобы чистой и новой одежде бежать за властью — в исполкоме, университете, на кафедре, в музее. Срочно же они возлюбили в сё, что не колыхало их ни на минуту вчера и что по указу сверху могли оценить с “классовых позиций”, по сообщаемым сосудам бесшумно перелилась их марксистская кровь в патриархальную колбочку. Торопились, снимали рубашки, платья и джинсы. Успели! Но исподнее осталось то же: шелковое глаженое белье карьеристов.

Не пришла еще наша русская власть. И, наверное, никогда не придет.

Будем жить так же, как всегда: в одиночестве и совести.

Печаль же моя о другом.

Я думаю: как не везет великой Кубани!

Пока Кубанская казачья Рада спорится с администрацией за землю и свои права, у нее из-под ног вынимают древние святые доски и передают в совершенно чужие руки. Уходило в декабре от здания Крайсовета длинной колонной казачество и далеко-далеко, в конце улицы Красной, колебалось древко флага, — свернули и пошли на молитву в Троицкий храм. Я не мог сдержать слёз, — хоть я и не казак. Казалось, вся горькая история спустилась на плечи колонны. Великую пустоту оборвали разлучённые на десятки лет дети казачества: собрались и соединились в братство. Из заграничных далей тревожными и любовными душами приникли к первой волне возрождения потомки беженцев, уже не чаившие дожидаться рассвета на родине. Теперь можно посылать им книги, ксерокопии документов, фотографии, не страшно (за них) упоминать знаменитые фамилии: Шкуро, Науменко, Збо-

ровский, Бабыч. Уже пора бы передать им и реликвии: знамёна, трубы, перначи и насеки, и архивы. Но кому! У казачества по-прежнему ничего нет: ни музея, ни складов, ни библиотеки. Там, говорят, вместо портретов атаманов в государственном музее повесили изображение генерала КГБ О. Калугина. Казалось сперва: после того, как разрешили казакам надеть черкески и молиться за погибших родных героев, к р о д н о м у порогу хоть что-то да и вернется; в родные руки попадет отнятое и награбленное бесовской властью. Ан нет: на казачьих сундуках сидит проверенная номенклатура из бывшей КПСС. Интеллигенция из идеологического кабаре мечтает только о власти и приватизации духовного наследия. Рынок толкает ее в спину: “объединять усилия всех”. Все-ех! Кроме казачества. Потому что чем же они будут кормиться, если казачество обретет дедовское и владения.

Трагедия казачества продолжается.

Без криков, без “оскорбительных выражений”, “интелигентно” вытягивается у казаков сфера влияния на власть в культуре и историческом деле. Отбирают те самые лица, кто еще “спорит”: задавить ли художественный музей Луначарского или, может, нацепить над дверями табличку с именем основателя — Ф. Коваленко?

Июль

Не было в истории России и СССР такого периода, когда о главе государства при жизни писалось как о преступнике. Уже то, что Горбачев внимательно следит за обвинениями в предательстве родины и отвечает публично: “Я суда не боюсь!” — свидетельствует о кошке, которая “знает, чье мясо съела” и в то же время — о чрезвычайной, небывалой бессовестности главаря, без краски на лице загребаящего доллары и марки на Западе за статьи и выступления.

Недавно он купался в том зловонии, которое сам же и распустил. На годовщине “Независимой газеты” уже в роли слуги выступал он с глупыми пожеланиями (изменить заголовок и т. п.). Пошлый свинский вечер, на котором царствовали евреи, закончился издевательствами над русскими: спенкой Шендеровича “У лужи”, которую читал Г. Хазанов. Никогда и нигде в присутствии бывшего “царя” не станут усердствовать в непристойностях; президент, даже низложенный, вместе с женой слушает развязную иронию о революции, которой он вчера еще бряцал с трибуны; терпит и понимает, кому досталась вольность и кто уже “нассал” на его голову. Дважды Хазанов произнес это слово. Наверно, в Израиле он бы перед премьер-министром Шамиром этого не сделал: неприлично! У нас теперь всё можно. Главное впечатление: для них ты старался, с ним и сидишь.

Ноябрь

Как же вы, дорогие ветераны, ничего не замечаете? Покупаете каждое утро газеты и вычитываете, что сказал спикер парламента и что ему ответил вице-премьер, какого “красно-коричневого” обругали и с какой стороны подбираются к Ельцину реваншистские супостаты. Вы воевали, были искалечены, но когда демократы уничтожали армию, вы решили, что просто благородные люди шерстят немножко генеральские дачи. Везде суют в пекло русских солдатиков, уничтожали страну, на очереди Россия, а ветеран, подобно Горбачеву, всё рассуждает об угрозе, нависшей над демократией. Я вас не брашно, ведь я моложе, хотя вы позволяете мне называть вас по имени. Но думаю: а наверное, таких, как вы, ветеранов много; за дарование болтовни они легко отдали палачам русскую землю.

Не слышно вас и не видно. Ветераны, умершие десять лет назад, с заткнутым ртом едва ли бы сидели.

Как так случилось, что вы, русские люди, взхлеб читали “Московские новости”, “Огонек” и прочую гнойную пропаганду и порою даже не знали (а кое-когда и не чувствовали), что пишут в защиту вас редкие патристические издания?! Чем же вы отличаетесь от секретарей райкомов и номенклатуры, которые тоже клевали жареное? Им-то положено было такими стать, они “воспитаны в духе интернационализма” (фальшивого и провокационного),

они церкви не давали ставить, презирали (по штату) “всё царское”, скупали, отрывая от колхозников, сдававших яйца и фрукты, “видики” и наслаждались ковбойскими играми и эротикой. Но вы-то, слушавшие русские песни и получавшие ветеранские пайки, почему не покупали свечечку в церкви и не вздрагивали гневно, когда рушили в городе старинный особняк? Вы не писали, а ваши ровесники бомбили газеты протестами, когда кто-то призывал поклониться родной старине, вернуть городу первое имя и назвать улицы досточтимыми именами запорожцев. Вас, ветеранов, всегда звали идеологи “на бой кровавый” с родной дедовской историей, и вы шли. Чего ж вы теперь плачете, что погибает Россия? Россию толкли в ступе с вашего же благословения, внушив вам, что ее слава и честь начались после 1917 года. Даже сейчас, в годину уничтожения всего русского, вы не осознали, что топор расчленения нации был занесён давно. Вы боитесь нынче гражданской войны, но она никогда не кончалась, и вы ее поддерживали “поисками классовых врагов”*.

*В 1996-м, когда Ельцин, три года назад расстрелявший парламент, приехал на Кубань, ветераны-казаки поднесли ему стол, на котором он подписал лист, обещавший выдать казачеству 6 млн (или миллиардов) рублей, а несколько героев Советского Союза выстроились встречать его на вокзальной площади. И те и другие пообещали голосовать за него на выборах президента. Вся эта холопская и демократическая вакханалия теперь забылась...
(март 2006 г.)

1993

22 января

Когда вижу на грязных улицах совсем уже опростившихся горожан, первых капиталистических торговцев у столиков с книгами, зубными щётками и сигаретами, а на базаре и у гостиницы вижу кавказцев в джинсовых куртках, повсюду страшноватую молодежь, покидает меня и без того тающее желание писать хоть что-нибудь. Всё никак не могу найти точного выражения для той городской пустоты, которой залита (как кастрюля водой) бывшая столица казачества. Какой год на дворе? 1920-й? Ушли все хозяева, и голытьба завладела всем? Да! — кто-то ушел и оставил всех сиротами. Люди, подобно живности, выпущены из стаек, сараев, загонов и бродят по вытолочному простору, на котором нет ни травки, ни зернышка. КТО-ТО УШЕЛ, и не у кого попросить милости. Наверно, так же было в Екатеринодаре, когда утром 20 марта генерал Деникин навсегда покинул с войском южный оплот спасителей России. Сейчас, правда, не выселяют из домов в Круглик. Но сиротство наступило.

Еще недавно кукольные демократы сбивались на толчке у пресловутого Нового Арбата, расклеивали воззвания; нынче и они думают только об одном: как раздобыть денежку, приватизировать чего-нибудь, выгодно сбыть пошленькую газетенку, еще выгодней купить детискама какой-нибудь промтоварчик. Все спасают себя. НИКТО НЕ ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ВИНОВАТЫМ. НИКТО.

И, как всегда, в первых рядах святой невинности — родная наша интеллигенция.

Со многими я уже не здороваюсь, некоторых не хочу видеть, прямых или “косвенных” предателей России не прощаю.

Россию предавали не раз, но многие (весьма вроде хорошие люди) так и не поняли, что сослужили службу предательству.

А кто понял, то промолчал.

Нет в их воспоминаниях раскаяния.

1995

Разбираю бумаги или попадетсЯ какая-нибудь старая фотография — обязательно вспомню нынешнего атамана и поворчу на него. Такая во мне нехорошая закваска. Иван Петрович Пузиков скажет мне на это в Пересыпи: “Ну конечно! Лихоносов только критикует и плачет! Хорошего он не видит. Москали все такие”. Но у меня есть оправдание: я ни разу не вспомнил

нынешних казачьих вождей, читая знаменитое письмо запорожцев турецкому султану. Значит, со мной еще жить и разговаривать можно. Так давайте сейчас и побалакаем.

Созревает в моей голове, господин атаман, новое “письмо запорожцев турецкому султану”. Нелегко прикинуться запорожцем, а султан всегда найдется. Что же вы, бисовы души, объявили куцых нынешних казаков “отдельным народом” (имеющим право на самоопределение, да?), а землю кубанскую отдаете московским толстосумам, туркам-месхетинцам и другим малым народам, молочные заводы распродали тоже москвичам и прочим неизвестным проходимцам, магазины в Екатеринодаре упустили в чужие руки, культура вместе с театрами и небогадельнями в руках друзей Кобзона, исторические камни самого города (бывшей столицы казачества) разбивают под стеклянные новостройки, книжек старых не печатают, а “Черноморские казаки” Ивана Деомидовича Попки ваша казачья вольница не покупает даже за 3 рубля — чего ж вам, отдельному-то народу, обижаться на власть и мечтать о счастье у турецкого султана?

Письмо ему придётся писать уже не матерное, а просительное, но я никак не seberусь, времени нет, да и, боюсь, зарубите вы меня шашками, если расскажу султану вашими же словами всю правду.

Султан, надо сказать, никого, кроме турок, “отдельным народом” не признаёт, и вам приближаться к его гарему будет тяжело. Конечно, пару атаманов он к теплым ваннам с невольницами пропустит на часок-другой, но там-то, в гареме, вы все, такие страстные, от своего народа и откажетесь. И потом как-то неуклюже становится в России в отдельную народную шеренгу, если предки умилялись царской властью, охраняли ее и словами Василия Вареника выражали императору Александру III нижайшую благодарность за переданные в Войсковом соборе слова монарха, кои “глубоко проникли в сердца сынов Кубани; гордимся этими словами, благоговеем перед ними и потщимся как мы, так и наши дети и внуки оправдать надежду и волю Всемилостивейшего нашего Императора и Отца нашей святой Руси и пребыть до последней капли крови истинно верными и полезными Государю нашему Батюшке, матери Императрице, Августейшему Атаману нашему Николаю и всему царствующему дому...” Каково? Так-то кланялись “низенько” в 1882 году...

Всё тот же “старейший по летам” Вареник обязуется с небес “умиленно возблагодарить всещедрого Бога за его благодать и просить Его о продлении благоденствия” уже не Александру Александровичу, а атаманам, проснувшимся казаками после переворота 1990 года, и будет просить Бога вразумить атаманов перестать быть “отдельным народом”, а стать, наконец, похожими на прежних кубанских казаков. Как умели говорить! А вам не дано. И вы у памятника Екатерине Великой, если его восстановят, не сумеете поклониться тениям монаршим, и, если возродят храм Александра Невского, не вспомните слов Вареника, которых вам всем не произнести никогда: “...Пройдут десятки лет, и внуки наши, с благоговением указывая своим детям на освященную сегодня обитель Всесвятого Христа Бога нашего, скажут им: молитесь в храме этом за ваших предков, будьте истинными сынами вашего Отечества и ревностно чтите православную церковь”*.

*Всё сбывается. Восстановил губернатор памятник Екатерине, возродил храм Александра Невского, а Василия Вареника, родного старозаветным чувствам, не нашлось, и стыдно слышать, читать речи казачьи, статейки...

(май 2007 г.)

1997

Февраль

Помню, появление первых номеров журнала “Москва” было радостью для любителей литературы. Да все провинциалы знают, каким событием стало и многое другое: появление “Недели”, “Литературы и жизни” (предшественницы “Литературной России”). Какие-то великие люди обещали нам чудеса правды и красоты на страницах периодических изданий, а мы,

учителя, солдатики, клубные работники, бегали к киоскам в городе и в пути на станции за каждым свежим номером, робко переносили и неудачное, хитромудрое порою их перевоплощение в творчестве. Были и роскошные подарки. У меня как реликвия хранятся переплетенные страницы романа “Жизнь Арсеньева” И. А. Бунина, журнал впервые напечатал заветную книгу классика (но в легком сокращении). Мы жили в такое время, когда объявленная заранее публикация забытого или редкого по таланту писателя тотчас гнала нас на почту — подписаться на журнал! Ждать родные тексты — такова судьба нашего поколения. Кто теперь так трепещет? На автобусной остановке покупаешь номер, а там рассказ Ю. Казакова “Адам и Ева”! Уже трехчасовая дорога пролетит мгновением.

Но все равно в советское время журнал столицы не мог стать таким, каким мы его принимаем в руки теперь, лаская душой обложку с живописными мотивами русской истории, с “домашней церковью” напоследок. Создатели журнала нового периода молча внушают всем: вот какими были и должны быть русские люди! Клянюсь им за это. А то при Брежневе печатался в “Москве” роман о большевиках-подпольщиках в Екатеринодаре, и нашего Государя-мученика обзывали “Николашей”, а отца его, великого Александра III — пьяницей и чудовищем. Помнит ли это старая редакция, недвольная, как мне известно, нынешними демократами? Ведь мы теперь жалуемся, как нас растоптали, унизили, в быдло превратили в статьях и сочинениях всю тысячелетнюю Русь, но как же мы сами позволяли топтать свою историю? И никакого труда не составляло — вычеркнуть гнусные фразы. Значит, и тогда не все были традиционно русскими, протухли рыбным кремлевским запахом. И. А. Ильин и за границей сберег в себе русскую сокровенность от “заупокойных” чувств. Ныне журнал возвращает нас к ощущению первородства. И государи, и князья, и кушцы, и крестьяне, и страдальческая наша церковь нашли себе приют в доме родном; и дом этот — журнал “Москва”, заново начатый В. Н. Крупиным и продолженный Л. И. Бородиным.

Пусть журнал будет похож на исполнительницу русских песен Т. Петрову, на все скрижали народные*.

* — Робкой, даже, может, обиженной походкой провинциала среди укороенных привычных москвичей (всегда чувствуешь себя ненужным и каким-то неполноценным) подошёл я от Румянцевской библиотеки к старому Арбату, ничего не узнал (давно, лет десять не был), тотчас затосковал душой по букинистическим магазинчикам (где они? разве вот эти?), искал дом № 30 с мемориальной доской Ю. П. Казакова, потом возжаждал зайти в журнал “Москва” к Л. И. Бородину, уже сдавшему свой пост главного редактора другому, но сохранившему вроде как президентский какой-то кабинет за собой. Внизу книжный киоск. Сказали, что Л. И. бывает по пятницам. А книги хорошие, русские, на подбор. Дорогие. А при входе, в крохотном коридорчике, на полках журнал “Москва”. Все номера, кроме последних, бесплатные. Остатки. Журнал “Москва” консервативный... так и хочется сказать: как М. Катков, К. Леонтьев и К. Победоносцев. Русский. Он такой же, как музей А. Васнецова в Фурманном переулке. Заходишь — и чувствуешь русское благочестие; всё скромно, тихо, по-вековому. И вот такой журнал не нужен ни правительству Москвы, ни всяким депутатам-патриотам, ни... ни... ни... русскому москвичу. Отпали от родимого чувства! Я взял сначала журнал с публикациями А. Бусыгина.

Плакать хочется. Так же русский человек не имеет понятия о газете “Русский вестник”.

(июль 2009 г.)

Май

В Сан-Франциско ровно восемь лет назад нас радушно встречали потомки белых эмигрантов, и терский казак Н. Н. Протопопов подарил мне номера журнала “Наши вести”, который он редактировал. Дома, листая страницы, я узнал, что русская зарубежная церковь причислила к лику святых протоиерея Михаила Лекторского, расстрелянного красными на окраине станции Брюховецкой. В журнале “Родная Кубань” мы на второй странице

обложки поместили иконописный образ о. Михаила, а внутри небольшой текст. Мы это сделали с душевной надеждой на воодушевление родных святоотеческих чувств у казаков. Увы! Никакой реакции. И самый главный атаман даже не позвонил. Ни слуху, ни духу. А я думал, они обрадуются! Напишут в Америку, поищут родню. Куда там! И настороженно промолчала епархия. Господи, долго нам ждать обретения мощей старорусской веры православной... И дождемся ли слёз поздних казаков, которые в одиночку или за семейным столом будут читать строки о гибели невинных предков. И прочитали ли они это?

Нет! не проникла молитвенная печаль в душу казачью. Никакого отзвука. Ни вдоха. Ни одного намёка на память. Тьма альбомов, пособий, хрестоматий, кубанских всяких сборников, учебников по кубанской истории, энциклопедий — и нигде не сыщешь строк о страдальце Михаиле и его святого образа. Безбожное племя, строем входящее в церковь в Екатеринодаре по парадным случаям. (Некоторые при этом ждут на улице: когда закончится служба, и курят. Так было и в Тамани на 200-, 210- и 215-летия.)

(май 2008)

2002

12 октября

Десятого прибыл в станицу Каневскую. Везде хороша ясная теплая осень, а на Кубани она долгая, последний лист падает поздно. Еду по этой дороге в какой раз, но уже не так, конечно, как в первый когда-то: всё было новым и удивительным в этой степи. Ехал со связкой журналов, в “Родной Кубани” печатали мы чудные воспоминания М. Недбаевского. Ради него и везу. Только камыш и стоячая вода в маленьких речках и хранят, казалось, память о казаках, ездивших здесь на мажарах.

На главной улице ни один старшекласник не смог подсказать нам, где находится книжный магазин. Его уничтожили за ненадобностью, а в магазине детских товаров устроили уголок для всякой литературы. На месте послевоенных строений сельхозвыставки — базар и какая-то каменная гадость; дальше широкий сквер, через дорогу на возвышении плоский советский корпус администрации.

Недбаевский писал в эмиграции: “...в юго-восточном углу церковной площади находился дом Бурсаков”. А в чьем доме музей? Я уже бывал там двадцать лет назад. Входим в воротца; вот и крыльцо, на котором я стою — на фотографии в первом издании романа о Екатеринодаре. Двадцать лет назад мы говорили о Недбаевском с хранительницей. Дверь открыта. В пасмурном коридоре никого, направо, в канцелярской, тоже не видно сидячих фигурок. Чуть не крикнул по привычке: “Хозяйка-а”! Вышла молодая женщина, чуть позже возникла тенью хранительница.

— Привезли вам воспоминания Недбаевского. Четыре года назад печатали. Знаете?

Сразу чувствуешь всю бедность существования самой идеи музеев в глуши. Даже в богатейшем Каневском районе государственная натура беспамятна. И опять революция у нас случилась, и опять “некогда, не до истории”.

Думаю, в таком музее работать тоскливо. И обидно. Никто не ходит и никто не заботится о нем. Каким был бы музей в Каневской у казаков — не случись этой всем известной “народной революции”. Уж не эта хата с маленькими темными комнатами хранила бы станичные предания. Денег на ее содержание дают всего одну тысячу на год; приходится пореже включать свет. А тот, кто в станице “руководит культурой”, получает в месяц тысяч пятнадцать. (В Краснодаре такие же надзиратели культуры прихватывают тысяч по двадцать пять, тридцать.) Сиротски висит портрет атамана Л. Черняка, умершего в 1927 году за границей, — как новое достояние свободы. Где и как умер бедняга? что за атаман был, куда делись родственники? кто-нибудь интересовался им? Некому интересоваться. Попсовые журналисты бегают за платными материалами. Краеведы дохлые. При советской власти незачем было искать

“офицерскую сволочь”, попов, атаманов — идеология строгая. К нынешнему дню “всё устарело”. Воспоминания полковника Недбаевского читать скучно? Я писал в предисловии к публикации: “Кому хотел поведать о старовыне полковник М. И. Недбаевский? Можно только гадать. Наверное, прежде всего тем, кто вместе с ним скитался на чужбине и знал, что домой на Кубань никогда не вернется. Многие из его родичей, станичников, товарищей по службе хорошо помнили казачью жизнь, и потому он не вдавался в подробности, а вроде бы намекал только, называл фамилии, которые всем были известны. В этих намеках, недосказанности, в манере беседовать “по-соседски”, с грустью вздыхать о вчерашнем общем доме, о полках и командирах вскроется через много лет столько горечи, столько сожалений для души, еще родственной исторической казачьей душе. Пусть и тот, кто ничего о старой Кубани не знает, чутко наполнится мелодией расставания, печалью изгнанника...”

На витрине нашего журнала (№ 4) с воспоминаниями М. Недбаевского нет. Кто в Каневской прочитал их? В какой хате были вечерние разговоры о тех, не пришедших с чужой земли казаках, о доживавших здесь? Кто вздохнул, заплакал? А Бог его знает. Наверное, никто и не читал. И учителя истории даже не слышали об историческом журнале “Родная Кубань”. И местное телевидение, радио, и газеты не промолвились о том, что вот... наконец-то... напечатали нашего станичника горемычного, удалого, из другой породы! Четыре года прошло. В станице проживает пятьдесят тысяч! И все переродились? Почти как в опере: “Теперь я турок, не казак!”

Десять лет либералы трясут Сталина за репрессии 1937 года. О страшном голоде сболтнули немножко и — довольно. Появился уголок страданий народных; подхожу, читаю.

“Весной 1933 года я сторожил колхозный дом, отобранный у середняка Лоцмана... И в этом доме собирался актив, которым верховодила Полина Селиванова. Голод страшный, а они принесли хлеба белого, сала, еще кой-каких продуктов: огурцов, капусту, водку. Выпили. А потом Полина рассказывает: “Заходим, смотрю — бочка припрятана, ну, думаю, теперь пойдете по этапу. Открыла, а там детская рука, прямо сверху, всё засолено. Ну, на это у нас нет приказа изымать. Пусть остается”. Ха! ха! ха! Всем стало весело” (воспоминание старожилы ст. Каневской Гринь Федора Васильевича.)

— А где же, спрашиваю, — казаки, которые, по словам атамана, “возрождаются”?

— Да где-то тут бегает человек двадцать...

Столько же (наверное) бегает в Тимашевской, которую мы объезжали вечером. В ограде церкви был похоронен историк И. Д. Попко. Церковь разрушили еще до войны. “Черноморские казаки” — его главная книга. По сто, сто пятьдесят рублей продают книги о черной магии, о баптистах и убийствах политических деятелей, а эта синенькая книжка о быте и нравах первых поселенцев на Кубани уценена до... трех рублей, но и по этой цене ее никто не покупает. Так где же казаки? Сколько им можно хвастаться своими достижениями и выпрашивать деньги у правительства на свое содержание? Они даже читать не любят. А с 1 октября атаман провозгласил их... “отдельным народом”.

2003

7 апреля

Очень поразила меня дочь генерала Деникина — Марина Антоновна.

Вослед моему письму послала мне навсегда (!) семейную реликвию: редкую единственную фотографию. Совершенно чужому человеку. Удивительная старинная русская доверчивость. На обороте фотографии рукой ее матери Ксении Васильевны написано: “Твоя первая фотография снятая в России в городе Екатеринодаре, когда тебе было пять месяцев. Мама”. Было это в августе 1919 года. Мать утопает в глубоком плетеном кресле, дитя прикило к ее щеке. Сидят они, наверно, во дворе дома Фотиади. Я почти каждый день хожу мимо.

“Вы просите, — пишет Марина Антоновна, — какие-нибудь воспоминания о Екатеринодаре. Мне не было года, когда я покинула родину”. Я знал

это, но просил вспомнить, что говорили о городе, о “том времени” мать с отцом. “О Екатеринодаре я писала в двух книгах: “Les Armes Blanches” и в “Mon pere le general Denikine”. Последняя должна скоро выйти в Москве в русском переводе — по случаю перенесения праха моего отца в Москву, как это решило после моего согласия русское правительство. Когда? Вероятно, всё будет зависеть от событий в Ираке...”

Долгое эхо исторической русской жизни дотянулось в Краснодар. Но мало кто услышит его. Та история спит. Угроза новой беды висит над русским народом*.

*Надеялся, что Марина Антоновна после перезахоронения отца (в Донском монастыре) проберётся тихонько, старчески в Краснодар-Екатеринодар — вздохнуть, всплакнуть. Но она, как и внук генерала Корнилова (Шапрон дю Ларэ), обошла Москву.

(апрель 2009).

Апрель

...Уже я не тот. Не мерцаю так вспльщиво наивными (до глупости) общественными мечтами и дерзостями, порою ничего уже не хочу и по-бытовательски придыхаю: а-а, ничем не поможешь, всё бесполезно. Писем, правда, во всякие инстанции и сейчас пишу немало (по поводу журнала и в чью-нибудь защиту). Но... Вот попался, выскочил откуда-то из бумаг посеревший давнишний листочек, прочитал как чужое: о Боже! и это я? Десять лет назад обращался к властям. Нечего было больше делать? Лучше бы еще одну-две части прибавил к роману “Когда же мы встретимся?”. Писал, волновался, “проявлял гражданские чувства”. Но русское чувство владело мной в том августе: вспомнить во всей полноте, с благодарностью и благородством колодезную зачарованность казачьей истории!

2003

Утраченная простота людская, русская, простодушный кроткий и приветливый голос, душевный поклон и ещё что-то такое, что не подкреплю словом, слышатся в интонации и в живом чувстве неведомого простолюдина, а может, и боярина: “А в прошлой, государь, большой пожар погорел и от твоих государевых дел оскудел и одерженцем ободрался, однорядка у меня с плеч свалилась”. В XX веке только деревенские женщины (не все) славились в разговоре такой приветливостью, а в общении с начальством покорностью, и это было эхом той далекой старомодной русской жизни, которая нынче пропала совсем. Нынче и речь рваная, и душа грубая. Скажут: то было холопское время. Да нет. Совсем не так чует душа “умолкшие звуки”. Душа моя склоняется долу и пьет живой сок речи: “Да та же, государь, жена моя... заложила свое ожерелье жемчужное... а иной государь, живот, шапку и серги, она, не ведаю где, испроворовала безвесно, не могу яз, Нефедко, нигде проведати, в закладе ли у кого или продано за одерень”. Это в 1629 году так говорили. Надо каждый вечер читать на ночь (перед молитвой) такие тексты, вспоминать Русь.

Ноябрь

Пишите, пишите! Пишите по роману в год, успевайте написать еще и повесть и сунуть десяток статей, участвуйте в дискуссиях, забивайте своей фамилией, как гвоздями, газеты, прыгайте на телевидении... Какая жадная бессовестность — всё время надоедать собой, почти требовать, чтобы твои глупости и ложь читали, слушали, ожидать благодарности, похвалы — брр, сколько развелось таких типов “в пору наступившей свободы”! Пишут чужие биографии, перебирают и обслеживают исторические имена, события, никак не насытятся чернильной кровью...

А в это время исчезают памятные исторические углы в Петербурге, в Москве, в Новгороде и Пскове, и вовсе стираются казачьи углы в Краснодаре, которому разрушители хотят вернуть его старое имя — Екатеринодар. А еще в это же время (пока комариные тучи графоманов строчат и строчат) бездыханно лежат в духоте и во тьме архивных кладовок и на полках биб-

лиотек усохшие листы вековой старости, лежат, если говорить о Кубани, все народные были и тайны казачества. И никто, тостами возвышая “великую Кубань”, почему-то в дружеском кругу или в собрании не вздохнёт: “Чего-то всё же не хватает; даже имена путаем: никаких кладовочных книг нет”.

Пишите, пишите, господа, обольщайтесь, что слава потечет по дням и ночам вашей жизни и потомки тоже вас не забудут. Пишите.

2004

Так кто же это писал роман о Екатеринодаре? Неужели было время, когда я к вечеру выходил из архива (неохотно покидал всех, кто жил там на хрупких листочках) и, слыша шум улицы, вмиг прикасаюсь к советским будням, чувствовал себя опасно одиноким? Мне хотелось тогда вернуть царское время, а нынче рад был бы вернуть то, в которое мечтал об этом.

2005

Январь

— О, какое изобилие! какой почетный урожай. Огромная бумажная простынь на стене вся заклеена, зашпиlena приветственными телеграммами, открытками, посланиями — отовсюду поздравления с Новым годом и с Рождеством Христовым. Любовь, ласка, тайное содружество, надежда на содружество и на взаимовыручку, просто формальность (но дань принесена) и т. п.

Стою в коридоре известной частной газеты, сбросившей в один миг в 91-м году шагреновую коммунистическую кожу и нарастившей шкурку похотливо-выгодной вольности. Зашел случайно. Поздравляют власти всех уровней, депутаты, фирмачи, пивные и водочные короли, землячество в Москве, атаман Казачьего войска, коммунисты, забывшие о предательстве в 91-м году, лидер патриотического движения на Кубани — ну “все, все, все”, каша какая-то. Оказывается, они все чем-то породнились. Из одного загона, из одной стаи.

Журнал “Родная Кубань” никогда не получает поздравлений с праздниками, великими днями, с Пасхой. Русский православный журнал, кланявшийся столько лет преданиям, родникам, святыням духа, напечатавший драгоценные воспоминания о “старовыне”, не достоин внимания и симпатии, даже поверхностного уважения. Атаман лижет пятки вечно неверным людям. Господи, даже епархии ближе почему-то бывшие коммунистические издания, сохранившие за пазухой виляющие ненародные нравы. Кто в церковь не ходил и не ходит, не молится и не защищает родные исторические пенаты, тот и дороже. Как это? Объясните. Ничего не изменилось: соблюдается старый распорядок взаимных выгод. Жаловаться незачем, но когда же станем отделять зерна от плевел?*

*Что поздравления! В 2000 году, когда отмечалось двухтысячелетие рождения Господа Иисуса Христа, журнал посвятил немало страниц этому знаменю. В большом зале Кубанского казачьего хора проводилось торжество. В президиуме сидело немало бывших коммунистов. Нас, все советские годы защищавших церкви от разрушения (“памятники истории и культуры”), позвать забыли. Журнал приглашения не получил. Каждую осень в Сочи гуляет “вся печать России”: устраивают выставки, конференции, обмениваются изданиями и проч. Редактор журнала “Родная Кубань” не был ни разу. Где бы Кубань ни представляла свой облик, свой потенциал, никогда не берут в делегацию “сторожей истории” из нашего журнала. Хвост угодливых газетчиков летает без конца в Ганновер, Ниццу и во все концы за... инвестициями и ради прославления Кубани. Жалоб у нас нет — ради Бога. Но что это за порядки?! Журнала “Родная Кубань” в официальном, общественном водвороте не существует. Нужны скороспелые новости. В задумчивости и душевной правде необходимость маленькая. В 2005 году милиция не пускала меня во двор Екатерининского храма, где весь синклит и газетно-телевизионная братия ждали появления Святейшего патриарха Алексия II — в списках не значился православный журнал “Родная Кубань”! И так всё время**.

** Наверное, и святые угодники не утасают в своём праведном слежении с небес за нашими грехами, упрекают и поправляют нас. Пока писал “примечание”, выколупался из бумаг крохотный обрывок из газеты. Но как вовремя к разговору!

“ВЫСОКИЕ ЦЕРКОВНЫЕ НАГРАДЫ

Во время визита Патриарха Московского и всея Руси Алексия II несколько краснодарцев получили высокие церковные награды за вклад в духовное возрождение Кубани и России. Губернатор Е. Харитонов отмечен орденом князя Даниила II степени, мэр Краснодара Н. Кряжевских — орденом преподобного Сергия Радонежского III степени. Атаман Всекубанского казачьего войска В. Громов также получил орден преподобного Сергия Радонежского. Генеральный директор АО “Югтекс” А. Семькин награждён орденом князя Даниила III степени. Нашему коллеге — заместителю редактора газеты “Вольная Кубань” Ю. Макаренко — вручена медаль преподобного Сергия Радонежского I степени.

18 августа 1995 г.”

А знаменитый краевед В. П. Бардадым, вместе с другими подвижниками оберегавший закрытую Ильинскую церковь по ул. Октябрьской от превращения ее в “музей атеизма” (за 2 года до падения советской власти!) и написавший тьму строк о “старовине” (неудобной большевикам), не был даже приглашён на встречу со Святейшим. Вот так, господа хорошие...

2006

Январь

Уже никогда не дойдут наши русские книги в маленькие городишки, в дальние сёла России, а уже про среднеазиатские республики или Закавказье и заикаться нечего (из аулов писали). Теперь только понимаешь, каким мощными ветром распространялась культура “от Москвы до самых до окраин”, как не жалели на это средств и заботы. И в один миг всё кончилось, оборвалось. Так надо? Да, кому-то так надо было для уничтожения... “одной шестой земного шара”.

Приводил в порядок архив, чистил, перебирал и откладывал: это сбереечь, это уничтожить, это... Многое забыл. Оказывается, меня очень сильно поддерживала читательская публика — и сама того не знала. Так же, как я писал когда-то из Анапы любимым писателям (всего несколько раз), писали потом мне, и я к этому привык; не обольщался, но письма успокаивали. Теперь у многих читателей и на конверты денег нет. А сколько книг отослал я! Часто просили. Некоторые особенные письма (особенные не из-за похвалы, а как-то по-другому...) я откладываю для... тщательного хранения.

“Спасибо за Вашу “Элегию”. Ее строки, как звуки гитары, очаровывали меня, волновали, уносили в мир чувств и размышлений. Мне хотелось, чтобы страницам не было конца, и, провожая глазами последние слова “Элегии”, я с сожалением думала: “Зачем? Зачем надо прощаться..?”

с. Красный Яр, Куйбышевской обл. Шубина Т. А. 1976 г.

Была еще недавно нашей Алма-Ата, сел и поехал, и денег на дорогу надо было немного, и на гороховый суп и котлетку хватило бы, и на гостиницу. И оттуда тоже писали. Однажды прислал письмо К. Гайворонский. А бабушка моя была в девичестве... Гайворонской! Сколько бы ни было Гайворонских на свете, но все они одного древа. Наверное, я ему что-то написал и о бабушке (я почти всем отвечал и бандероли посылал, если просили книгу). В 1977 году была весточка. Кто знал, что нас ждет. Написать бы ему после прошлогдней поездки в Елизаветино (деревню матери), где и сейчас живут Гайворонские, да куда же? В Алма-Ату?! Это за граница.

“У меня есть все ваши книги, кроме “Счастливых мгновений” и “Что-то будет”. Иногда перечитываю из “Осени в Тамани”, “Люблю тебя светло”.

Уже и в Алма-Ату книги русские не попадают в том изобилии, как раньше. А то и вовсе не попадают.

Любите Рубцова? Мне кажется, души (его и ваша) родственные. Но-та одна. Неслучайно же вы взяли эпиграфом к “Осени в Тамани” строки Рубцова”.

Февраль

Так много людей рассуждало со страстью о России, так много плакало и вопило о ее печальной судьбе, и ничего не делало это празднословное множество — не то что для ее спасения, а хотя бы для самой обыденной жизни в том месте, где и надо было только совершать всего ничего: нагнуться и убрать камешек...

Февраль

“Мы должны извиниться перед автором, хотя мы и не виноваты. Бесъ проник даже в компьютер. Мастер не мог отыскать в наборе шрифтов букву ять. Нету — и всё”.

Это не мелочь. Так во всём. Русские крупички рассыпаны и развеяны, и это еще в 1946 году позволило сказать товарищу Жданову, что “мы уже не те русские, что были до 17 года...” А уж какие мы русские теперь — и сами не знаем...

Иногда думаю: надо было поменьше читать “всё подряд”, следить за “литературным процессом”, а сосредоточиться на Пушкине, Лермонтове, Толстом и на исторических фигурах и текстах о России. Хватило бы. Зато как глубоко нырнул бы! И еще святоотеческая литература... А я разбрызгал свое чувство.

29 апреля

Завтра мне 70 лет. Как быстро подскочил я к старости. О возрасте всегда вспоминалось по юбилеям знаменитых людей. Газету купишь, — вдруг юбилей М. Жарова, С. Лемешева, М. Михайлова, А. Тарасовой, Б. Ливанова, маршала И. Конева... Тебе до их старости еще скакать и скакать! И вот был юбилей Шолохова Михаила Александровича: 70 лет! О, как много и как он постарел, прямо древний, лицо скульптурное, глаза прямо торчат из орбит какой-то мудростью, тайным страданием. Он родился 24 мая. Мы отдыхали в доме творчества в Коктебеле: Олег Михайлов, Виктор Петелин, Дмитрий Жуков, Лев Экономов и я. У меня была открытка с изображением “Св. Троицы” Андрея Рублева очень высокого качества. Я написал Михаилу Александровичу поздравление, мои друзья подписались. Помню, меня переполняла воспрянувшая благодарность за “Тихий Дон”. А к 24 мая я вернулся в Краснодар и вечером сбегал в ресторан попросить шампанского (в магазинах не доставало), мне отпустили “ради Шолохова”. Некого было даже позвать, с писателями кубанскими после заказной статьи обо мне и приезда (на выручку) С. В. Михалкова я не дружил. Положил на стол “Тихий Дон” и произнес тихую здравицу. Я-то помнил, как мы с Назаровым цитировали роман, разыгрывали сцены, да и “Поднятую целину” знали назубок. Я-то помнил, как ждал вторую книгу “Поднятой целины”, читал главы еще в Новосибирске в “Огоньке”, позже на юге в “Правде”. Чужие юбилейные сроки казались закономерными, не страшными. А зачем они коснулись меня?!

Август 2007

Давным-давно почивали мы два месяца на Высших литературных курсах, слушали мастеровитые поучения С. П. Антонова, академика А. И. Берга, забытого ныне экономиста Ишутина М. И., встречались со вторым космонавтом Германом Титовым (Ю. Гагарин был еще жив), ездили в Ясную Поляну и смиренно ходили там три часа. В ту зиму я впервые увидел в общезжитии прилетевших из Иркутска А. Вампилова и В. Распутина (пока еще автора повести “Деньги для Марии”), не переставал удивляться начитанности громкого В. Шугаева и застенчивому лобопытству В. Потанина из Кургана, от которого я не отставал ни на шаг и до поздней ночи не отпускал его из своей комнаты. Ему не простучало еще и тридцать. Но сколько типов по-

видал, какой возвышенно речистый! Родная его деревня Утятка казалась мне, по его рассказам, уголком обетованным, я завидовал по-черному, что он родился в деревне, возле Тобола и Щучьего озера, что сама природа позаботилась о его писательстве. Вечера с ним стали воистину теплыми. Два месяца пролетели вмиг. Вот теперь локти кусаю: надо было записывать мгновения нашей провинциальной наивности, влиявшей на оценку всего и вся, надо было бы предчувствовать, что это и многие другие путешествия из дальних краёв в столицу станут сказкой и восторгом в поздние горькие времена. Давно это было. Уезжал он из Москвы дописывать рассказ “Русская печка”: мужики в деревне переключивают печку и рассуждают! Нынче в своей Утятке Виктор Федорович, уже седой и дородный, возобновляет печку в родной избе и, вспоминая канувшие юбилеи классиков и современников, удивится, что 14 августа цифра 70 зачем-то придвинется к нему.

Многое изменилось в нас и вокруг. Но любовь к литературе осталась целой и невредимой. Застенчивая робость Потанина перед всеми художниками пера, покоряющими читателя красотой, мелодией, всегда слышна в его разговорах о литературе.

— А ты приедешь и почитай “Печаль полей” Сергеева-Ценского, — говорил он еще в пору нашей ранней дружбы. — А повесть “Пристав Дерябин”! А “Наклонная Елена”, “Медвежонок”. Его забыли, а зря.

И всегда он кого-то превозносит. Себя же держит как-то в сторонке.

— Коля Рубцов, которого на днях швейцар не пустил в Дом литераторов, и не представляет, конечно, что кто-то в деревне читает его стихи и плачет. Много ли писателей, у которых не строки даже, а целые абзацы (как у Юрия Казакова) хотелось бы повторять наизусть? Мне дак стыдно порою, что я сижу в Кремле на съезде писателей, а чистого, как северное сияние, старика Бориса Шергина не пригласили даже в гости!

Эти высказывания его — свидетельство восхищения классической художественной высотой современных мастеров и академиков изящной словесности прошлого. Расхожее учебное выражение “изящная словесность” воспринято Потаниным со святой наивностью души и стало его путеводной нитью в трудной профессии.

К шедеврам его творчества можно отнести “Ожидание моря”, “Пристань”, “Над зыбкой”, “Воспоминание о Соколе”, повесть “Доченька” (и я люблю это перечитывать), но и все другие, без исключения, рассказы крепки мастерством и добросовестным приклонением к правде, а главное то, что всякое произведение Потанина насквозь человечно, жалостливо: читаешь его и чувствуешь высокое душевное давление, редкостное теперь даже в русской литературе.

Он ещё не всё написал. Он не написал о тобольской старине — не буквально что-то историческое, а просто что-то с мотивами исподней утятской старины — по рассказам ли бабушки своей Катерины, соседа деда Силянтя, матери Анны Тимофеевны, по отголоскам преданий. Урал, Сибирь наша кондовая все-таки потонули в... снегах забвения, навеки потеряли колорит, утрачены характеры — потому что классики среднерусской равнины увели в художественный полон и отстранили своими вековыми великороссами, тургеневско-толстовскими типами пристальный интерес к чалдонским натурам. Так что, Виктор Федорович, дорогой мой друг, родившийся в Утятке возле Тобола, жить еще тебе надо долго и славить всех могучих, не закованных в слово уральцев и сибиряков. И быть может, Россия воспрянет нашим сибирским чувством. С тёплого казачьего юга простираюсь виноватой душой за Уральский хребет, поближе к первому старому дому.

Стал читать статью С. Т. Аксакова о М. Н. Загоскине, поставил сверху число — 14 июня 2007. Читал как что-то незнакомое. Через четыре страницы моей же рукой написано: 14 мая 1973 года. Опять 14-го! И всего на месяц раньше. Но спустя 34 года. Забылось. И эти нечаянные цифровые записи так сильно кольнули мою душу: да неужели 34 года пролетели столь быстро? Я тогда только что вселился в эту квартиру с высокими потолками, Ольга уехала купаться в Сочи, а ко мне частенько заходил Юрий Селезнев,

и мы всё толковали о русском, всё вздыхали, как задавила “родная партия” родные пристрастия в искусстве и литературе, и будущий “архитектор перестройки” А. Яковлев осенью 72-го напечатал статью “Против антиисторизма”, где покрыл партийным гневом славянофилов из “Молодой гвардии”, мне хорошо известных. А теперь я гляжу на эту цифру “73” и думаю в первую очередь о том, в какой могучей состоятельной стране я жил. Да, да, сидели у меня в кабинете и говорили о русском. И сейчас, если бы Селезнев был жив, говорили бы тоже об унижении всего русского. 34 года назад! С ума сойти. И я уже привыкаю жить в погибшей Державе...

Сентябрь

...А мне жаль, что кубанцы не увековечили Марину Ладынину, вместо нее избрали в вечное почитание Клару Лучко. В знаменитом фильме Пырьева “Кубанские казаки” Ладынина главная, ее носили зрители на руках, вслед за ней пели “Каким ты был, таким остался...” Кондратенко, будучи губернатором, поклонился ей на кинофестивале в Сочи поистине “от имени народа”.

Всё перевернулось в день похорон К. Лучко в Москве. Надо было что-то говорить “в ознаменование памяти о ней на Кубани”, что-то пообещать. И пообещали: назвать в бывшей станице Курганинской, где снимались “Кубанские казаки”, ее именем площадь, а потом уже, разгораясь, вздумали пополнить “город невест” бронзовой красавицей. Лучко долгие годы ничем особым не славилась — пока не сыграла в кинофильме “Цыган”. Так, как любили зрители Ладынину, Лучко не любили.

Пусть стоит красавица на улице Тельмана (Постовой), не помешает, но все-таки: с какой стати? еще нет памятника казачке вековой, той, может, которая пришла с первыми поселенцами. Всё у нас наперекосяк. Посадили у дверей филармонии композитора Пономаренко с гармонью. Хороший композитор, родился на Украине, жил в Волгограде, потом обосновался в Краснодаре. Нет ладу. Готовятся сложить из красного кирпича Триумфальную арку в конце улицы Красной, музейную арку, через которую Александр III не проехал бы. К. Лучко родилась на Украине, “до приезда в станицу Курганинскую, — по словам губернатора, — ни разу на Кубани не была”. В старости приезжала в основном в Анапу на “Киношок”, но почему-то Кубань считала (в интервью) “своей второй малой родиной” и заявляла: “я — кубанская казачка!” Случайные слова, случайные памятники. Случайную телеграмму губернатору прислал “из моей родной Сибири” (почти постоянно проживающий в Америке) поэт Евгений Евтушенко и назвал К. Лучко уже... “трижды казачкой”.

Где вы, казаки, тут как раз на краю города и стоявшие с пиками и простенькими ружьями? где вы, почему я не могу пройти в городе мимо ваших бронзовых фигур? Казак, поставленный у здания администрации, не внушает мне доверия: папаха на нем какая-то черкесская, вместо шапки держит в правой руке... повод.

Дарья Федотьевна Бабыч — щирая казачка. Фаина Косьминична Зборовская — дворянка. И много других. Они жили здесь, дышали преданиями запорожцев, мужей ждали из походов, “вторую малую родину” не искали... И где же они?!

7 октября

К 80-летию Ю. П. Казакова (и к 25-летию со дня его смерти) напечатали мы в “Родной Кубани” его письмо к Георгию Семёнову, тоже покойному, некогда известному. В Доме книги, в том углу художественной литературы, где толпятся на полках все эти Мураками, Бегбедеры, Коэльо, в ряду уценённых книг (там и двухтомник Бунина и Лермонтова) заметил я “Путешествие души” Георгия Семёнова — посмертное издание и последний, кажется, глубокий вздох издательства “Современник”. Путешествие души! Кто рад последние теперь за путешествием души? Книги нынче вздорожали (300, 400, 500 рублей), а эту выбросили за 20 рублей.

“Возьму тебя, Георгий...” — неслышно сказал я, поднимая с самого низу книгу Георгия Семёнова. Я его хорошо знал. Поэт в прозе, Георгий сла-

вился изящными ласковыми рассказами, письменная его речь звенела и сверкала, как весенние сосульки над окнами, на краешке крыши, названия его рассказов тоже звучали как музыка: “Звезда английской школы”, “Фригийские васильки”, “Утренние слёзы”, “Ковчег любви”.

И в этой книге, едва я раскрыл страничку “Содержание”, мелодией прозвучали заголовки: “Ветер в поле”, “Сумрак вешних дней”. Я шел домой и повторял: сумрак вешних дней, сумрак вешних дней. Казалось, откуда-то издадалека-издалека дотянулись к нам эти слова таинственного вздоха. Катастрофа с перестройкой и новой бандитской революцией перекрыла прежнюю связь: порою не поставлялись в провинцию литературные газеты, пропали в киосках художественные журналы, не стало хороших книг, в лотках навалили на столы всякую дрянь, и я о смерти Георгия Семёнова узнал уже через год, когда поехал в Москву после безвылазного шестилетнего сидения на юге. “Путешествие души”. Георгий Семёнов, Юра, высокий, лобастый, в ниоткуда сощуривались глаза, когда веселел и улыбался...

Там же в магазине развернул я “Путешествие” на странице 355 и, как это часто бывает именно в книжном магазине, особенно остро схватил пучок строчек.

Георгий Семёнов сразу обольщает певучей художественной речью:

“Благословите меня, люди добрые, дайте силу изобразить апрельский радостный день, обновленную после зимней стужи, залитую влагою и солнцем равнинную нашу землю, преющую в весеннем тепле; услышать гомон в небе и на воде, и в березовых лесах, белеющих окрест, как отражение облаков; рассмотреть с птичьего полета путаницу кривых наших дорог, непролазных в весеннюю распутицу, увидеть и серую деревеньку среди березняков с прилегающими к ней тощими полями, увязший в хлябях по самую кабину трактор с тележкой, в которой тряслись недавно старушки в полотняных платках, ездившие, как в палестинские земли, святить куличи в неблизкое сельцо, узреть и церквушку, травянисто-зелёная маковка которой вознесла в небо золоченый крест, блистающий искоркой над туманными лесами...”

Такое напевное начало рассказа “Сумрак вешних дней” уже никого, кроме прежних поклонников лирической прозы, не трогает. И даже “сумрак наших дней”.

Когда-то в букинистических московских магазинах на Кузнецком мосту, на Арбате или на улице Качалова брал я в руки один, два тома некоего Шеллера-Михайлова, забытого сочинителя царского времени. Но целых полвека выставлялись его зелененькие книги на прилавок. А тут за десять лет вычеркнули лучших писателей шестидесятых-семидесятых годов.

“Молоденькие берёзы в лесной стороне изогнулись, мучительно склонили вершинки, обмётанные снегом, изменив свои очертания, казалось, никогда уже не обретут цвет и радость дневной жизни, никогда в весеннем лесу не запоют птицы, исчезнувшие в заснеженной тьме”.

В наши дни читать эти строчки грустнее, чем в то благословенное время, которое мы проклинали.

“Грачи ворчат на березах, подправляя рыхлые гнезда”. “Солнце совсем потерялось в хмари, которая, казалось, скользила так низко над землей, что и макушки старых берез затуманились, обволоклись ее нависшим мраком”.

Не чувствуют, не грустят и не волнуются заскочившие на побывку в Россию русско-еврейские писатели из Вашингтона, Нью-Йорка, Парижа и Тель-Авива, не вздрагивает по-родственному душа и занесённых в мировую классику писателей с московских дач. Но их книги под разными обложками заслонили собою все полки. Где ты, Георгий, где путешествует твоя нежная душа?

23 октября

Грустно-грустно... Должен бы сейчас ходить по Вологде, поклоном приветствовать Василия Ивановича Белова, “речь толкать” (не люблю) на вечер в честь его 75-летия, повстречать всю нашу братию русскую, давно тесную. Уже дал согласие ехать, но отказался. Медицинские дела. 50 лет ему было, я не мог мать оставить, сидел в Пересыпи, заканчивал “Наш маленький Париж”. И 60-летие прозевал. Так не везет. Москвичам уже всё при-

елось, они только и знают, что чокаются на банкетах, выступают скопом по градам и весям, а я люблю неожиданные сходы, теплоту, тоскование по близким разговорам, люблю отовсюду книжки привозить, заряжаться тамошней землёй. Не повезло мне уже в начале 60-х годов (точно не помню), когда плавали писатели по Сухоне, и был среди них Александр Яшин. Тогда и Север был еще другой, девственно-матерый, одинокий. А меня что-то задержало на юге. Но главное — я ещё не побывал в беловской Тимонихе. Читал “За лесами, за долами” Евгения Носова и завидовал ему. Буду вечно каяться. В 70-м году Василий Иванович хотел отвезти меня в Тимонику по снегу, матушка его Анфиса Ивановна подталкивала добрым словом. Буду каяться, но толку? Вообще я прожил в стороне, друзья мои знаменитые как-то теснее и чаще общались. Много времени отдал казакам, а они недавно на трапезе загнули такое: “...Виктор Иванович... хоть и из лапотников, но казаки его ценят”. Ничего себе! Да я великоросс, мы Россию создали, остроги ставили до края земли на востоке. “Лапотник”. Вот это хохлачье скудоумие и не родило ни одного прекрасного писателя. “Ночлег” Ю. Казакова — о Вологодчине. Как грустно... Сейчас они там вместе. А я вышел на Красную, повернулся туда-сюда: к кому пойти? Не знаю... А там, на севере, ждали... “лапотника” как родного*.

* ...Лежу в Бийске в гостинице, давление 190 на 100. Еще надо бы добраться в Сrostки к завтрашнему празднику. Вдруг Миша Карачев звонит по сотовому из Вологды: “В. И., едем в Тимонику, телевидение готовит передачу о Василии Ивановиче, баньку натошим”. В Москве опять звонок: “Ну как там? Тимониха ждёт... Или в октябре, Тимониха, банька, выступите, даже гонорар будет...” Нет, уже не видать мне Тимонихи. Опоздал навсегда... Или всё-таки Господь поможет?

2008

Июль

Если бы всю зиму жил в Пересыши, то день ото дня настрой моей души стал бы всё созерцательней, не засорялся городской суетой и раздражением. Читал бы каждый день. Утром раскрывал бы православный календарь на нынешний год, их много: один посвящён летописи царской семьи, другой с текстами о св. Афоне, еще где-то есть со словами Феофана Затворника (это календарь Сретенского монастыря). В древнейших общежительных монастырях Иисусова молитва читается так: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя”. Молитва Пресвятой Богородице — так: “Пресвятая Богородице, спаси мя грешного”.

— Молись же, старче. Жди. Наступит день, будешь жить в Пересыши в материнной хате подолгу.

16 июля. 4 часа утра

Нет-нет да и проснусь раненько, по-стариковски. Ко всему как-то обострился интерес чисто жизненный, прощально-любезный, тёплый. Чего бы ни коснулся — жажда ещё раз заглянуть в лоно того мира, в который однажды (через триллионы лет) я пришел и навсегда (на триллионы же) уйду...

На ночь читал дневники Толстого; перелистывал “Яснополянские записки” Маковицкого; люблю заглядывать в комментарии, а там указаны деревни, сколько верст от Ясной, еще даты жизни разных лиц, упоминаемых в текстах. Душа первобытно, с детским незнанием что-то восклицает, отмечает, о чём-то спрашивает. Давно жили в Ясной и вокруг, жили, дышали, писали такое: “посылаю тебе 300 рублей и 5 плугов”. И где же они? Почему не достигли наших дней? Читаю, читаю, сожалею, что рано умер брат Льва Николаевича — Николенька, который был, считал великий Лев Николаевич, “талантливее меня”. Удивляешься тому, что цыганка Мария Михайловна Шишкина, жена Сергея Николаевича Толстого, умерла аж в 1918 году; это ж она застала революцию, гражданскую войну. О Боже, что пережили, передумали те, кто рос и воспитался в патриархальные времена! В эту пору моей жизни уже хочется вздохнуть или прослезиться от слов Льва Николаевича (в 40-то лет): “А старость приходит всё заметнее”. А что уж тогда мне

говорить в 72 года? Мать Софьи Андреевны прожила всего 60 лет. Чего мало так прожил Илья Львович? 67 лет. Читаешь, а всё приближает тебя к своей жизни, порой чувствуешь утраты, боишься утраты последней...

Скоро ехать в Ясную Поляну на писательские встречи, повезут куда-нибудь в заповедники по соседству, а я мечтал бы объехать деревни вокруг Ясной. Есть ли железнодорожная станция Лазарево (поблизости от имения Сергея Николаевича Пирогово. Да и где это Пирогово?) Уже теперь не увижу никогда. Где Ягодна? существует ли? В шестнадцати верстах была от Ясной. В каком-то мифическом 1870 году Лев Николаевич “насилу нашел его” в тумане. Ровно через 100 лет (плывут в моем сознании облака моей жизни) я буду летом у матери в Новосибирске на улице Озёрной, 12 и буду до утра болеть за бразильских футболистов, игравших в Мехико на чемпионате мира. Как это близко от 70-го года времён Толстого (всего-навсего один долгий человеческий век, вполне возможный), и сколько событий случилось, и как перевернулся с тех пор мир!

“Родился я и провел первое детство в деревне Ясной Поляне”. И я, родившийся через 108 лет, так же бываю здесь. Но уже никого нет. Я всякий миг думаю об этом. Я всякий раз думаю ещё о том, что как только увижу белые толстые столбы у ворот, тотчас погружаюсь в царскую Россию. Время нынешнее отлетает куда-то ввысь, я по прешпекту иду вместе с князем Болконским и всеми, кого узнал по книгам и воспоминаниям. Мне приятно чувствовать дворянскую, боярскую, княжескую Россию, и спасибо за это Ясной Поляне. Я и в 2003 году, когда мне вручали толстовскую премию, и нынче могу только благодарить за то чудо, которое свершилось в русской литературе с появлением автора “Детства, отрочества, юности”, “Двух гусаров”, “Войны и мира” и др. Нет, нет, мне неинтересно копаться в “противоречиях Толстого”, не стану я разговорами смаковать его грехи; мне близок Толстой, проезжающий, как и Андрей Болконский, мимо могучего роскошного дуба, мне близок Лев Николаевич, который даже в суровый миг называл Государей по имени-отчеству.

Как-то в доме Волконского на одном из заседаний писательских ежегодных встреч сидел я скучно и слушал сентенции лобастых писателей. “Мы стали детьми слова и России... Надо говорить по-новому, новыми словами. Сделать слово реальностью, потребностью молодой литературы. Из слова пытаться построить реальную жизнь” (В. Курбатов).

“Уход Толстого был беспокойным, и жизнь была беспокойная, и...” (кто-то неизвестный).

Скучно, тоскливо было слушать учёные, равнодушные обрывки диссертаций.

Не по-русски читаем Толстого, не по-русски понимаем его и говорим о нём.

“Наша задача выработать идеи...”

Господи, читали ли они “Тихона и Маланью”, “Алёшу Горшка”, “Корнея Васильева”?

Сидел, слушал и жалел, горевал втайне... О чём? Если бы... Если бы нынче жили (и могли бы еще жить) и приехали в Ясную к дню рождения Толстого (9 сентября) и говорили бы за этим же длинным столом в доме Волконского и на поляне... речи... Кто?

А. Яшин, Н. Рубцов, Ф. Абрамов, В. Шукшин, В. Солоухин, Ю. Казаков, В. Тендряков, Е. Носов, Д. Балашов, Г. Горышин... Кого-то, может, забыл...

Если бы...

Вокруг разорённые деревни... Но ездим по усадьбам...

В простеньком не больше ли смысла?

Сидел, слушал, а душа тихо звала к другому. Где могила кормилицы Толстого — Авдотьи Никифоровны Зябревой? Она умерла в 1868 году.

А к дочери кормилицы, молочной сестре своей, умершей аж в 1901 году, он заезжал в гости в Городно. Вот подсунул бы кто диктофон да записал их разговор, но тогда диктофонов не было.

“Солженицын освободил наше сознание...”

Я встал и вышел. Двери коношни были раскрыты. Вдали только крыши домов. На лошадях проехали дети.

Мне запомнилось, когда читал “Дневник” Льва Николаевича, имя — Авдотья Барятинская. Какая-то забытая вроде мелодия русской речи прозвучала. Под таким названием повесть бы написать... Авдотья Барятинская... Вот с этих звуков и рождается чуткое русское художество; слышится меховая боярская Русь...

Авдотья Барятинская...

Кто напишет мелодичную повесть?

Я бы хотел написать. Но Бог меня обидел.

А потом я достал с полки том 14-й — “Мои воспоминания”. Как про-сто! Я тоже бы так хотел писать.

В блокнотах, на листочках попадают зарубки на память: перечитать Плутарха или, допустим, “Снега Килиманджаро” Хемингуэя, или “Старческие письма” Петрарки. А тут вдруг: “перечитать Недбаевского”. Когда-то мы в журнале “Родная Кубань” напечатали впервые воспоминания этого казака из станицы Каневской. Да, хотел бы я пожелать нынешним задирающимся казакам полюбить эти воспоминания так, как полюбил их какой-то москаль, то есть я. Максим Иванович ушёл с белыми, и один только Бог знает, где окончил свои дни — в эмиграции ли в Праге или в лагерях Сибири. В станице Каневской, когда бываю там, ищу скорбно глазами его хату (ну, стараюсь разгадать невозможное) или кладбище, куда он, возвращаясь откуда-нибудь издалека, ещё не ступив на порог своей хаты, заходил проведать дедушек и бабушек и всю родню. Вот такие были люди. В Екатеринодаре он знал всю достославную породу казачью, дружил с Бурсаками. И я нынче, когда безродные архитекторы несут под будущие небоскрёбы низенькую каменную старину, тоскую по Недбаевскому и всем на него похожим. И хочу перечитать его, напоминаю себе. Да некогда! И так же некогда писать “Доску печали”.

Октябрь. — Пора писать! Тратишься на нескончаемые “нужные дела” и не боишься, сколько таинственных тонких мгновений сверкнуло в твоём сознании и не улеглось в строчки, которых потом не вспомнишь и в таком блеске не вытянешь. Пора! Иногда даже по шутливым и ласковым игривым запискам, которые я разбрасываю на листочках знакомых и случайных спутников, чуть позже (случайно перечитывая) замечаю, что душа еще бьется вольно, свежо и писать могу.

Ноябрь

И дни, и месяцы и уже годы хожу вдоль длинной стены старинного двухэтажного дома Тарасовых на улице Красной; до реформ занимала его военная комендатура. Двери наглухо запечатаны, окна никогда не светятся, всё внутри молчит, даже, наверное, по коридорам и комнатам и мыши не бегают. В какой же стране мы живем? Почему в центре города просторное, с высокими потолками здание тунейдствует, никого не выпускает, никому не служит? Что за время проклятое! Кто ж это не успел кушать и кто ждет своего часа наворовать, кому-то сунуть куш (откат) и влезть хозяином? Одно время говорили, что дом “уже захвачен” генералом Казанцевым, полномочным представителем президента на юге, и все, кто слышал, верили, потому что и в Ростове (писали газеты) наворотил он себе большой сказочный дом и скупил в кубанских станицах кое-что выгодное. Но сняли вдруг за тайные делишки, и дом Тарасовых по-прежнему как невеста на выданье? Боже мой, какой распад, какое разложение на наших необъятных землях. Всё уже ясно, но душа не перестает удивляться и спрашивать: как это случилось? и до каких пор будет несчастье? И самое страшное и самое горькое в том, что обыватели (а если вежливей — горожане) с великим безразличием ходят мимо глумления, как будто появляются каждый день в чужом месте, а каждую субботу и воскресенье счастливые гуляют по Красной. Что это? объясните мне: что это? Или мне больше всех нужно? Я не кубанец, не казак. Подойти к этому дому я приглашал в письме лет тридцать назад академика француз-

ской литературы Анри Труайя (“А настоящее мое имя, — написал он мне тогда из Парижа, — Лев Асланович Тарасов”). Он не поехал в Россию, боялся испортить “мечту по воспоминаниям отца и матери”. Тогда, при советской власти, его, может, и не пустили бы в военную комендатуру. Дом этот описан в трехтомном романе “Пока стоит земля”, который я купил в Будапеште в 1972 году и читал на французском. Через три года Анри Труайя подписал мне свой роман и прислал (из 7-ми томов цензура пропустила только 3).

Это их дом. Они в Париже не раз вздыхали о родовых гнездышках в Армавире, Екатеринодаре и Москве. Почему он стоит пустой, холодный и закрытый? Что случилось на земле? Уцелел ли он после гибели Помпеи? Ушли из города немцы и ещё не вошли наши войска? Было ли нашествие инопланетян? А может, и правда у нас нету уже государства, и мы болтаемся в невесомом обществе?*

* Наконец-то поставили вдоль длинного этого дома серебристый забор, а с крыши спустили зелёную страховочную занавеску. У стен висят рабочие и чистят. Кто-то купил! Но кто? Узнаем лет через 30.

(июль 2009 г.)

21 ноября

Я учился в сибирской глуши, на окраине Новосибирска, время было послевоенное, много писали о подвигах советских людей на фронте и в тылу; героизм воспевался в кинофильмах и в книгах. Современной молодежи не представить, как мы любили Зою Космодемьянскую, Гастелло, Александра Матросова, Володо Дубинина и других юношей и девушек, погибших... за нас.

В том же пламенном ряду любви и благодарности стоит роман Александра Александровича Фадеева “Молодая гвардия”. Школьники читали этот роман, верили каждому слову и боготворили Олега Кошевого, Ульяну Громову, Любу Шевцову, Сережу Тюленина. Это правда, так было с нами: мы воспитывались в безукоризненном подчинении чувству победы над коварным врагом, всему верили отрадно, с детским простодушием, и, надо сказать теперь, жалеть о том, что мы были такими, нечего: мы выросли и в чём-то главным такими же и остались. В этом заслуга и Фадеева, написавшего роман “Молодая гвардия”.

Умершую недавно народную артистку Нонну Мордюкову мы долго помнили как ...Ульяну Громову (по фильму “Молодая гвардия”). Сила искусства, причем искусства, сеявшего чувства добрые, была тогда велика. Мы читали книги без сигареты во рту и в кинозалах сидели без бутылок с пивом. Мы не возносимся выше нынешних детей, но вздыхаем, что им не досталось от искусства той чистоты, которой воспитывали нас. Роман Фадеева имел огромное влияние на молодые души и в других странах. Ничего подобного нет сейчас. Нарочно размножают книги, которые разлагают самых юных и невинных.

Если кому-то из школьников, студентов читать нынче “Молодую гвардию” станет неважно, значит, романтика всего мира потускнела, вера в литературу как в целебное снадобье подорвана, а героизм прославляется на телеэкранах и в романах только бандитский...

Но времена чистого героизма еще вернутся. Возродится имя А. Фадеева.

Я пишу это, и мне грустно оттого, что время послевоенное затоптано сомнениями, ложью, грязью — якобы под благовидным предлогом: утверждение полной правды!

Я так же думаю сейчас, что А. А. Фадеев ближе мне (и не только мне) многих сегодняшних литературных гениев, получающих искусственные премии: всякие “букеры”, “триумфы” и проч.

Декабрь

“Сегодня мы плачем и рыдаем, видя во гробе лежащего Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и отдаём последнее целование, поём вместе со всею нашею Русскою Православною Церковью: “Вечная память...”, веруя: “Душа его во благих водворится и память его в род и род”.

Писатели России, 5 декабря 2008

Исторический миг свершается порою под боком, в такой таинственной близости, что душа напрягается и холодеет.

На другой день скромных торжеств по случаю 50-летия Союза писателей России мы из особняка на Комсомольском проспекте, 13 переместились в Храм Христа Спасителя (в зал всех церковных соборов) для соборного заседания. Обещалось появление Святейшего патриарха Алексия II.

Теперь, в бедный и затурканный период писательского Союза, легко подзалететь в президиум, и меня включили в список. Зал наполнялся делегатами и сторонниками патриотической линии в культуре, а нас, почетных выдвиженцев, пригласили в помещенье за сценой, похожее на трапезную. Длинный стол с фруктовыми напитками, бутерброды, всего чуть-чуть. Без пятнадцати десять вошел митрополит Кирилл. Все благословились, приклонившись к его руке. Митрополит был ласков, приветлив, ничто не указывало на то, что будет оглашено спустя сорок минут или час.

Началось заседание. Я никого не знаю, кроме митрополита. Мы с Потаниным уселись в третьем ряду президиума. В. Ганчев открыл заседание. Огласили приветствие Святейшего патриарха. Что-то сказал митрополит Кирилл. (Почему-то я плохо запомнил, что за чем следовало.) А где Распутин? “Нету”, — сказал я Потанину. Сидим. Вдруг Потанин толкает: из кулис показался Распутин. И еще через минуту Потанин наклонился боком и прошептал: “Валя сказал, что умер Патриарх”...

Декабрь

— И они хотят, чтобы им верили, надеялись на их верность русскому народу, не считали их чужими? Какой-то средний режиссер, не русский, циничный, и какая-то либеральная режиссёрша, подруга Нины Ельциной, получают к юбилею орден “За заслуги перед Отечеством” I степени, а писатель-патриот В. Распутин всего-навсего II степени... У В. Белова тоже нет особых заслуг перед Отечеством. У Саввы Ямщикова, у всех, кто попал в энциклопедию “Русь святая”, нет, по расчету либералов, заслуг перед Отечеством. Надо любить Америку, Европу, двойное гражданство иметь — тогда будешь в чести... Где живем? Великие князья, бояре, государи великие, помогите народу русскому понять, в какую кабалу он попал... и как перевернули Русь...

Году в 1970-м был я впервые делегатом на съезде писателей России, жил на государственный счет в гостинице “Россия” (не просто разрушенной недавно, а символически свергнутой), в какой-то день съезда обедал не в боковом буфете, а пониже, в ресторане. Чуть в стороне за столиком выпивали, кушали и переговаривались писатели. А на том съезде немало молодых писателей из провинции нацепили на лацкан пиджака значок “Русь”. И несколько угрожающе пробегали мимо всяких делегатов и публики в Колонном зале Дома союзов или собирались вместе покурить в туалете. Я как раз напечатал “Люблю тебя светло”, и за восклицания “Русь” да “Русь” меня и побили (будущие, как оказалось, ельцинисты). Кому-то мешало мое русское чувство. Томление по России, осознание, что всё русское попорно, втихую дымилось в литературной среде всегда. На этом съезде партия освобождала от руководства Л. С. Соболева (создателя российского Союза писателей), и я помню, как писатели со значками “Русь” и другие подговаривали всех более-менее надежных — не голосовать за С. В. Михалкова. Весь будущий открытый расклад сил в обществе притаился тогда в литературном мире; провозглашать раскол при партии было нельзя, и противостояние пряталось под разными допустимыми идеями; но всем всё было ясно: глубокие русские писатели сопротивлялись тем, кто (в лучшем случае) недолюбливал Россию, ее историю и культуру. И вот за соседним столиком в ресторане прорывались в разговоре эти мотивы, эта боль (пусть и хмельная), это сиротство на своей же земле. Вдруг за тем столом кто-то поднялся и громко вознес стихотворной речью, читал плачущей душой, читал с вызовом кому-то виноватому перед русским народом, и в ресторане (было заметно) какие-то гости Москвы, временно завладевшие номерами в гостинице, слушали (между прочим) всё

это как что-то дикое, почти неприличное в порядочном советском обществе с крепкой милицией, парторгами, стукачами. Русь! Оказывается, какие-то ненормальные еще что-то помнят, чем-то она им мила “в ядерную эпоху”, за-чем-то сехалась большая толпа (кто-то сказал, что это писатели). Подвыпившим стихотворным оратором был Николай Тряпкин, пришедший в гостиницу в гости к кому-то из дальних писателей, — я его в лицо прежде не знал.

И так врезался мне в память этот сокровенный грустный миг нашей русской жизни.

Я больше не видел Николая Тряпкина.

Нету той громадной гостиницы, не собираются мощные съезды (та-ак; что-то бедное, сиротское), нету русских знаменитых издательств, в Москву писатели в командировку ездят на собственные деньги.

Нету и поэта Николая Тряпкина.

...”Потому что я русский”, — читаю я спустя сорок лет заголовок в газете “Завтра”, воспоминания Соколкина о том, как перепутали авторство стихотворения.

“Был апрель 1995 года. Тряпкину, как и всему народу, жилось очень тяжело. Плюс ко всему, атмосфера в собственной семье была очень напряженная и гнетущая (дочь поэта вышла замуж за человека, далекого от поэзии, от культуры в целом). И Николай Иванович стал просто лишним человеком, от которого, по его словам, просто хотели побыстрее избавиться, мелочно не разрешая пользоваться холодильником, заходить на кухню и т. д. А тем более “стучать” на пишущей машинке”.

Вот и всё. Какое-то чудовище издевалось над русским поэтом. Вот это на нас похоже. Можно ли такое представить в еврейской семье? Эта история побинения камнями своих же известна мне давно, как раз со времени публикации “Люблю тебя светло”. То, что так не поглянулось и испугало еврейских литераторов, с гулом и злорадством подхватили на Кубани русские писаки. И с 1998 года эта гольтьба клевет и негодует на русский православный журнал “Родная Кубань”. Какая-то неисправимая беда коренится в наших родных недрах. Еще сто тысяч несчастий свалится на нашу землю, и ничего не поймут русские люди. Так и будут оголтело грозить убиенному Николаю II (“у-у, кровавый”), приветствовать революцию, уничтожившую императорскую Россию, и в патриотической газете “Советская Россия” будут ехидничать над Екатериной Великой и выпячивать ее женские слабости, не молиться Богу и выдавать себя за борцов за великую Россию и т. д. и т. п.

...и вот просыпаюсь я в четыре часа утра, беру с краешка стола листки и читаю, жирно вычёркиваю лишнее, поправляю кое-где стиль и т. п. Это “Мои подневольные скитания” Николая Леонтьевича Роя, который в эти минуты еще еживет, еще дышит и царствует на земле, последний казак царского времени, ему 102-й год... В это утро я существую с ним на страницах его воспоминаний в... 1929 году. Уже два поколения истлели, исчезли с земли, а он, свидетель тех страшных дней, прожил после того 1929 года еще целых, подумать только, восемьдесят лет! Я мог бы позвонить ему сейчас и услышать его голос, но у меня нет номера его телефона. И если бы я звонил, но, еще не очнувшись от событий, то звонил бы как бы оттуда, из этого злосчастного 29-го года. “Из районной тюрьмы нас погнали в городскую тюрьму на Дубинку, где поделили по камерам согласно статьям осужденных. Меня поместили в камеру 61-й и 62-й статьи, а в моем приговоре было их четыре: 61-я, 62-я, 219-я и 220-я; первые две — неуплата налогов, облигаций и отказ добровольно вступать в колхоз, две другие пропаганда против власти”. Потом в другое утро я читаю и правлю страницы о страданиях в лагере за верхним Уралом, о побеге, еще через день-два Рой уже бежит в Сухуми, дальше в Закавказье и, наконец, через границу в Турцию, в Карс, еще позже в Персию; однажды я проснулся дочитывать воспоминания и “пошел” вместе с Роем в Палестину, побывал в Иерусалиме, у Тивериадского озера, в Назарете, и когда читал строчки “Из Назарета через Самарию мы приехали в Иерусалим”... или: “однажды я шел в Гефсиманию по-над стеной старого Иерусалима...”, или: “архиепископ Анастасий поручил мне до-сматривать за пасекой в Иерихонском саду”, или “...в Гефсимании в мона-

стыре св. Марии Магдалины нам нужно было пристроить несколько келий для монахинь...” или (не могу оторваться от текста) “ходить на Елеонскую гору и назад в Иерусалим было опасно...” (это уже 30-е годы), то я переносился в своё путешествие по Святой земле в 1993 году, по тем же местам преданий, и всё думал: Николай Леонтьевич в сей миг чудесным образом живет в Палестине и в Канаде. Что может быть теперь общего у него с нами, суетливо-советскими последышами? Уже не в Палестине и Канаде он, а во времени, в тягучей истории витает тенью навсегда потерянной русской жизни. Ну, еще напоследок явится он мне на “двух гектарах земли, купленных на время у араба вместе с сараем, близ Вифлеема, возле гробницы Рахили...”. О Боже. Такая каменная древность. Такое молчание веков. “Возле гробницы Рахили”. Где это? Видел ли я те окрестности, когда вышел из храма Рождества Христова? Если сподобит Господь еще раз ступить там, то уж вспомнить Николая Леонтьевича не забуду, поищу глазами и взгорья, и плоские дорожки, по которым и он, сирый и убогий страдалец, когда-то прошел...*

* *Ему послали номер “Родной Кубани” в Канаду, он прочитал, и дочь написала (не нам, конечно), что “вскоре папа умер”. Ветхий русский завет. (сентябрь 2008 г.)*

2008

Январь

— Не понимаю, — чуть не плачущим голосом говорил учитель и от разочарования разводил руки, — ну ни за что не пойму, как это можно: писать после трагедии о родной старине, изо дня в день пребывать в сокровенной истории народа, который молился, писать, писать об этом — и не ходить в церковь, теряться в рядах неверующих...

— Это стиль советского человека, — сказал я. — Воскрешать состарившееся родное бытие без сочувствия. У одного чешутся графоманские руки, другой использует прошлое для диссертации и своей благополучной службы — вот и вся разгадка. Вы замечаете, как уничтожается облик старого города? И разве те, кто пишет о его углах и событиях в нем, защищают его? Письменное безбожие еще хуже молчаливого.

— Цитатами забивают свои книги.

— Краеведы не заинтересованы в публикациях подлинных старинных текстов, документов, воспоминаний... Так им легче выдавать чужие слова за свои.

— Снимают кавычки.

— Да!

— Вообще любовь к своим сочинениям у них вместо любви к истории.

— В церковь не ходят...

18 мая

С грустным обиженным чувством заснул я с книгой на груди и с таким же проснулся. Был уже восьмой час вечера. Спать на закате вредно. Неужели из поклонников русской литературы никто так не горевал, как я? Или я чересчур провинциален, убог? Или я сердцем чувствую, какое сокровенное слово о русской жизни утрачено навсегда? Так о чем я жалел даже во сне? Зачем Константин Леонтьев сжег рукопись цикла романов “Река времен”?! Есть объяснение тому самого Константина Николаевича, но оно лишь ухудшает мое настроение, и я всё повторяю одно: зачем, зачем, зачем так обеднил нас, любящих всё русское?

“Я всё не спешил печатать — я хотел, вообразите — всех и всё сразить сразу... Года проходили: — я, между тем храня этот запас в столе моем, хотел попробовать себя на этих “акварелях, на этих фарфоровых чашечках” Хризо, Пембе — и т. д. Никто не сказал ни слова...” И это в девятнадцатом-то веке! “...И никому в голову не пришло подумать, что это человек затевает, что он думает, о чем мечтает...” Пушкин бы остался жить (подумалось мне — опять наивно?) — догадался бы взять под локоток. В мгновение таких сожалений еще пуще горюешь, что Пушкина отняли у России так рано и жестоко. “Роман должен был обнять жизнь русского среднего и отча-

сти высшего дворянства за полвека, от 10—12 года до первых 60-х годов... Написано было уже 3 романа сполна, а другие начаты. Всех должно было быть 6 или 7, и все большие. Эта эпопея задумана была почти так же, как романы Бальзака и Эмиля Золя — в с в я з и. И всё я хотел непременно разом издать. Сколько русских лиц там было списано почти с натуры, лиц мне известных, близких, оригинальных, сильных, разнообразных, собирал материалы, мать моя трудилась, писала для меня свои Записки несколько лет”. Романом “от времени Александра Благословенного до начала царствования Александра II” Леонтьев, по словам его племянницы, “хотел доказать... что русская жизнь гораздо богаче, чем можно было видеть из ее литературы до той поры”.

Я вздрагиваю, когда читаю упоминание о матери. Тотчас подлетает ко мне день, когда я на Новом Арбате в известном “Доме книги” схватил годовой комплект “Русского вестника” и в мгновение ока наткнулся на воспоминания матери К. Н. Леонтьева.

Много редких сладостно-русских минут переживаю я, читая только комментарии в 5-м томе к неисполненному (сожженному) роману “Река времен”, подчеркиваю какие-то особо дорогие мне русские мгновения в строчках писем, сообщений, горюю, порою хочу заплакать: “...я в 71 году перед отъездом на Афон сжег 5 частей РЕКИ ВРЕМЕН, которую Вы знаете...” И потом я читаю, как Константин Николаевич, “желая пользоваться подлинными семейными летописями”, обратился в 1857 году (ему было-то всего 26 лет) к своей бабушке со стороны матери А. Е. Карабановой (рожд. Станкевич) и попросил ее прислать дневники. “На письмо Ваше, — писала ему бабушка, — я долго Вам не отвечала, ибо уже так слаба, что не встаю с постели; по желанию Вашему хотела бы послать мои журналы, но с 12 по 17 год у меня уже их отняли мои знакомые писатели, а с 17 только по 28 еще существуют, и тех, мой милый друг, не имею способа послать, ибо живу Христовым именем”. Наверное, и о ней что-то есть в дворянских бумагах, но кто будет искать? Читаю и как будто присутствую у ее постели в ее доме (где это?) и поминаю в эту минуту преглубокую нашу родовитую старую Россию, и скорблю, припадая к Карабановой, к ее последним строчкам: “...и я уже ожидаю часы смерти. Сердечно Вас обнимаю любящая бабушка А. Карабанова”.

2009

Июнь

Не хочется больше делать записи ни перед сном, ни на рассвете. И пускаться в объяснение не хочется тем более. Разорванное общество насыщает однообразные мысли, обиды, расстройства. Когда не записываешь, меньше замечаешь самого себя, отвлекаешься и забываешь то, что тебя трепало, захватывало. А ворох листьев, эти сгущенные повторения, эти непроливающиеся тучи, одни и те же мотивы ложатся на душу (когда читаешь подряд) так тяжело, что становится нехорошо, тянет всё порвать и никогда не вспоминать и не обсуждать это с собою. Но... но от себя никуда не денешься: поотдохнешь да опять примешься чирикать свое. И будешь записывать? О нет, нет, хватит, надоел сам себе, переведи, Господи, мою душу на стезю другого созерцания...

К старости русская литература становится всё родней. Всё келейнее хочется с ней уединиться, по-монашески раскрывать древние тексты, смаковать забытый язык Руси...

5 июля. Воскресенье (по старому стилю 22 июня). Неделя 4-я по Пятидесятнице. Петров пост.

Это я записываю из “Православного календаря. От Пасхи до Пасхи”, составленного в Троице-Сергиевом Варницком монастыре в Ростове Великом Ярославской области. Предисловие написано архимандритом Силуаном.

Что за день?

Собор преподобных отцов Псково-Печерских. Священномученика Евсевия, еп. Самосатского (360), мучеников Зинова и Зины (304), мучеников Галектиона и Иулиании.

“Если искренно желать знать волю Божию, есть и для тебя Ангел, ко-

торый близок и готов открыть ее. Это твоя совесть”. Святитель Филарет, митрополит Московский.

Именно нынче я не пошел на службу в храм Пресвятой Богородицы “Всех скорбящих радость”. И утром забыл прочитать молитву.

Нет времени вспомнить Бога и помолиться — вот жизнь большинства нынешних русских.

Июль, 25-е

Позвали на 80-летие В. М. Шукшина. Уже в Домодедове мы сдружались дорожным чувством и мгновением особой привязанности к русскому величию, редкому таланту и горькой судьбе, которые достались Василию Макаровичу от матери и от нашей жизни неисправимой. Аэропорт чужой, механический, всеми средствами превращающий человека в ...пассажира. За три кружки пива содрали 1000 рублей. А в Барнауле встретила нас простота и провинциальная бедность. Спустились к Шукшину, задумались, как он приезжал-прилетал сюда. Пролетел я над Новосибирском, над Обью и не угадал — в какой миг это было. Там где-то под небом вытягивалась поперек моя улица Озёрная, поднималось от станции мое Кривощёково, — быть может, ожидало меня, но я пролетел и назад поездом через родной город не поеду. “...По долине Бии и Кондомы через “плавежную” переправу на Оби близ слияния Бии и Катунь проходила “Калмыцкая дорога”, по которой еще в XVIII веке бухарские купцы и джунгарские алманчики (сборщики “алмана” — дани) ездили из Джунгарии в Кузнецкую и Киргизскую земли”. Вот куда попал я! В Бийск ехали, и я думал: а жили-то мы с Василием Макарычем рядом, вон стрелка на Новосибирск; кожицу с языка срывало в мороз мигом, если от детской дурасти-то вздумаешь лизнуть дверную железную ручку или еще что; щеки белели на морозе, колени мерзли, кальсон-то не имели.

Всё как-то по-русски получается: именно Шукшина я меньше всего и видел — один раз (вместе выступали от “Нашего современника” в воинской части). Писем ему не писал, ни одной книжки своей не подарил, в Новосибирске как-то в журнале “Сибирские огни” не застал (“вчера уехал”). А Толя Заболоцкий, оператор его родной, всякий раз что-нибудь да раскроет мне о нем (неизвестное, порою тайное), и он-то уговорил меня лететь (“может, в последний раз соберемся возле русского”).

И в Сростках я, послушав первые речи и “письмо к Васе” Л. Федосеевой-Шукшиной, и чтение Л. Зайцевой откровения матери Марии Сергеевны Шукшиной, соскочил по ступенькам вниз и пошел поглядеть с горки на Катунь, небесным светом выделяющуюся вдаль среди зелени. Тихонько нарвал цветов — засушить в книге Шукшина, которую подарил мне Заболоцкий, и еще связочку положить в книгу “Дорогая моя, бесценная” (переписка с матерью). Василий Макарович, сотворенный Вячеславом Клыковым, возвышался над гостями босой. Он у себя дома. Он и в детстве так же сиживал и глядел на деревню. Простой и хороший. Родной. Дети залазят к нему, чувствуют своего.

О с в о е м писателе оставила несколько строк и знаменитая народная артистка.

Там на горке Анатолий Заболоцкий и подарил мне это письмо (ксерокопию). Приведу выдержки.

“Единственное, что я могу вам сказать, — это то, что самая лучшая книга его — это он сам. Остальное вы знаете столько, сколько знает вся наша страна....

...Что неоспоримо: ...он и товарищ, и актер, и режиссер, и писатель одинаково был силен. И если как режиссер и актер он уже сформировался, то как писатель он только начинал свой могучий взлет. Только начал...

Я бессильна. Скажу только об одном — никто не мог бы его представить бегущим в “Березку” за “шмотьем”. Модная одежда для него была так же не нужна, как пролетевшая муха под потолком. Жена подсовывала незаметно что-то новенькое и чуть ли не silkом надевала, внушая ему, что он, если не будет прилично одеваться, то обратит на себя внимание. Он соглашался, так как “высшей мерой наказания” для него это было — обратить на себя

внимание. Он общался не щедро. Только к кому потянется душа. Это было редко, но иногда его до рассвета нельзя было остановить. Тут было всё: и блеск зеленых глаз, и фосфорических зубов, и ум! какой ум! — Н. Мордукова”.

С цветами, с этим письмом и книгами о нем я и полетел назад над своей Обью и крышами родного Кривощекова.

27 августа

Умер С. В. Михалков, знаменитый дядя Степа. На 97-м году. В марте прошлого года я был на его 95-летию в Большом театре. Вечер был какой-то несерьезный, слабенький, говорить было не о чем, и в фильме, когда раскрывали его дворянскую родословную, не удосужились представить по достоинству родовитую Россию. Казалось бы: ну хоть теперь славьте, славьте великую Русь, которая “навек сплотила” народы (по гимну). Нет. Да и Михалковы сами, видно, этого не хотят. Они всегда “в ногу со временем”. Выводили его не через центральные двери, а сбоку, сыновей с ним не было, а рядом держала под руку молодая жена, так странно подменившая покойную Наталью Кончаловскую. Я подошел и остановил их шествие, назвал, напомнил ему кое-что. Он только слабо кивнул вниз. Я всегда буду с благодарностью вспоминать его приезд в Краснодар в 1974 году. Крайком КПСС с некоторыми литературными помощниками затеял одно дельце против меня, которое могло плохо для меня кончиться. Михалков защитил. На собрании в перерыве отвёл меня в сторону, сказал, что читал мою “Элегию” в “Нашем современнике”. А “Элегия” — это про пушкинские места, “воспевание дворянства”. И он почти секретно сказал, поглядывая на крутившегося в углу фойе секретаря по идеологии К.: “Ты напиши им очерк как-нибудь про передовиков, — может, отстанут”. В выступлении перед писателями коснулся он недавней высылки из страны Солженицына, назвал его “этот литературный власовец”. А спустя 15 лет заседали мы вместе в комиссии по Государственным премиям РСФСР в Доме правительства. Представлено было несколько кандидатур. И С. Михалков вдруг говорит, чуть заикаясь: “Давайте мы в этом году не будем присуждать никому, кроме... Александра Исаевича Солженицына”. Так и поступили, но Солженицын премию высокомерно не принял. Автор гимна Советского Союза, который обеспечил ему счастье на всю долгую жизнь, в 90-е годы, после ельцинского переворота и расстрела парламента, после распада Советского Союза, не сдержался и принял от Ельцина... орден, кажется, Дружбы. Разве не жалко было Советского Союза, своего гимна и своих же слов о Сталине, об эпохе великой Победы?

30 сентября

Уехать! После городской неволи увидеть морской простор, успокоиться в чистом зеленом мире, очнуться и снова узнать, что на песчаном берегу у гирла россыпью отдыхают чаечки, по какому-то дуновению разом взлетают и зорко сторожат рыбку с высоты... Вода колышется и растекается к горизонту, к проливу... Там Крым... Бессильное раскаяние (что живу в шумном, сорном далеке) будет напевом дремать надо мной... там Крым, там Тамань, за Кучугурами монастырь св. Троицы, в Сенной нашли плиту с могилы жены Митридата, под Таманью построили музейную станицу, в “Волне” всё такой же белый песок и к Анапе, где я написал первый рассказ, извивается высокий берег, и можно поглядеть в сторону Турции, пометать о Стамбуле и скорбной византийской Айя-Софии... Чего я езжу на трамвае и созерцаю из окна афишу, призывающую полюбоваться московскими актёрами в спектакле Хайта “Моя кошерная леди”?

СЕРГЕЙ ДОНБАЙ

СТИХИ ВАРВАРА

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ ПОБЕЖДЁННЫХ НАРОДОВ

Я был туристом в стане побеждённых:
Вот немец и француз, поляк и швед.
История народов просвещённых
Не помнит громких не своих побед.

А если вспомнит, так переиначит
И уведёт, так выгодно шутя,
Что пресловутый “писающий мальчик”
Всего важнее станет для тебя.

И победитель в стане побеждённых
Не знаменитый силою медведь,
А русский неуклюжий медвежонок —
Так легче снисходительно смотреть.

Все эти карлы и наполеоны,
Нас приходившие завоевать,
Лжедмитрии и гитлеры опять
В истории народов просвещённых
Нас варварами жаждут называть.

ДОНБАЙ Сергей Лаврентьевич родился в 1942 году в городе Кемерово. Автор семи поэтических сборников, последние из которых “Смута”, “Проснись у меня на плече!”, “Слеза”. Учился в Новосибирском инженерно-строительном институте, более десяти лет работал архитектором. Член Союза писателей России. Живёт в Кемерово.

РУИНЫ И РАЗВАЛИНЫ

Приезжаешь в Ватикан
И стоишь, как истукан, —
Так остолбенеешь заживо
Перед фреской Микельанджело...

И века там уронили
С неба древние руины...
А у нас лежат развалины,
Чуть зарёю зарумянены.

ДОНСКОЙ МОНАСТЫРЬ

Молюсь на купола Донского
Монастыря через окно.
В сиянье неба голубого —
Иконописное оно.

А купола строги, как туча.
Их пять. И рядом блавест.
И, словно поднебесный кучер,
Над ними золотится крест.

Темнеют купола Донского
Среди Москвы монастыря,
Чтоб тучу с поля Куликова
Не забывали из Кремля,

Чтоб жили не единым хлебом
В мироточенье бытия
И подружилась с русским небом
Церквей и звонниц толчея.

Молюсь на купола Донского...
Никем не писанный канон —
В сиянье неба голубого
Иконописное окно.

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В канун Великого поста
Звонить охота неспроста.

И в исходящем сообщении
Мы просим веером прощение.

Оказывается, в самый раз
Просить, не подымая глаз.

А в сообщении входящем
В ответ прощение обрящем.

И да прощает Бог с небес
Нам эти наши СМС...

* * *

Сменяются войны, вожди и теракты,
Но, словно почётный конвой,
Небесные кони Большого театра
Летят над твоей головой!

По русскому снегу: “С дороги, поди-ка!” —
И сани летят под уклон...
По русскому небу не тройка — квадрига,
И правит ямщик Аполлон.

На 77-м году ушёл из жизни замечательный русский сибирский поэт Виктор Михайлович Баянов. Читательское признание В. Баянов получил в 31 год, издав поэтические сборники “Росы”, “За рекой Талиновой”. Учился на Высших литературных курсах в Москве. Одновременно работал машинистом тепловоза Кемеровского производственного объединения “АЗОТ” и за трудовые успехи был награждён орденом “Знак Почёта” и орденом Октябрьской революции. Отмечен литературными премиями “Молодость Кузбасса”, им. В. Д. Фёдорова, медалями “За Веру и Добро”, “Служение Кузбассу”. Долгие годы он возглавлял журнал “Огни Кузбасса”, немало сил отдал воспитанию подрастающего поэтического поколения, с его помощью многие поэтические дарования получили путёвку в литературу.

Он навсегда останется в нашей памяти добрым, чутким, готовым прийти на помощь в трудную минуту.

*Союз писателей Кузбасса,
Администрация Кемеровской области,
Администрация города Кемерово,
Департамент Культуры и национальной политики.*

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВВАКУМА...”

ГЛАВА 21. “ОБРЕТЕНИЕ ВОСТОКА”

Вытегоры вспоминали, что Клюев (они называли его преимущественно по фамилии) собирал толпы на своих выступлениях – будь это концерт или митинг. На него “народ валил валом” и, конечно, каждая его речь, будь это городская площадь или собрание в небольшом зальчике, тут же эхом отзвучивалась по всему городу.

– Истина победила! Вера и мысль освобождают порабождённых! Да здравствует Революция!

Кто только из ораторов ни произносил тогда подобных слов... Но клюевское выступление на новогоднем собрании коммунистов в начале 1920 года воспринималось по-особому. Потому что – Клюев!

“Битком набит зал, пламенные речи ораторов, неизменно заканчивавшиеся революционными гимнами в исполнении духового оркестра, подлинное внимание аудитории и жуткие картины расправ обнаглевшей версальской буржуазной своры над безоружной 30-тысячной толпой коммунаров, их жён и детей – всё это создавало поистине трогательную картину отдачи вытегорами должной дани трагическому эпизоду из борьбы французского рабочего с господствующим классом... Митинг закончился вдохновенным словом поэта Н. А. Клюева о Коммуне”.

Так “Звезда Вытегры” сообщала о праздновании “Дня Парижской коммуны”... И проходит лишь несколько дней – та же газета извещает уже о другом собрании – об уездной конференции вытегорских коммунистов, ни один из которых, разумеется, не мог пройти мимо этого знаменательного события. Слишком ответственный вопрос стоял в повестке дня.

“Об оставлении поэта Клюева в Партии”.

Со всей остротой он встал именно после публикации “Слова о ценностях народного искусства”. А тут ещё как нельзя более “вовремя” та же “Звезда Вытегры” публикует стихотворное посвящение горячей клюевской поклонницы еще с предреволюционных лет Зои Бухаровой, обращённое не только к любимому поэту, но и к “слепым на правый глаз свой”, как назвал Клюев современников в “Огненной грамоте”.

Продолжение. Начало в № 1–11 за 2009 год, № 1–3, 6, 7, 9, 10 за 2010 год, № 1, 3 за 2011 год.

*Вместить ли Слово тайны древней
Опустошённой душой?!
О, сын земли, о, сын деревни —
За нас ли крест подъямешь свой?..*

*Ты, как Давид, прозреньем светел,
Как Русь — в распятыи терпелив,
Но воскресеньем кто ответил
На благодатный твой призыв?*

... В конечном счёте, на этом собрании в миниатюре разыгрался эпизод уже валом катившейся по России борьбы между революцией русской и православной и революцией антирусской и атеистической — при том, что сплошь и рядом по разные стороны этих незримых баррикад находились русские люди.

“... Тов. Кривоносов сообщает конференции, что при последней перерегистрации членов партии возник вопрос о религиозности члена партии т. Ключева, а именно было заявлено, что т. Ключев человек религиозный, бывает в церкви, прикладывается к иконам...”

Понятно, что без доноса не обошлось. И не так уж важно сейчас — кто и в каких выражениях первым дал понять, что поэту, верующему в Бога, не место в партии. “Т. Кривоносов оглашает циркулярное письмо Губкома от 2 марта о неприятии в партию религиозных людей”... Дело уже касалось не только персонально Ключева, который получил приглашение на конференцию за три часа до собрания. Единственно, чем мог ответить поэт — огласить своё слово “Лицо коммуниста”, написанное одновременно с “Самоцветной кровью” для так и не изданной книги “Золотое письмо к братьям-коммунистам”.

К сожалению, текст этого выступления нам известен лишь в газетном пересказе, впрочем, по-своему красочном.

“С присущей ему образностью и силой оратор выявил цельный и благородный тип идеального коммунара, в котором воплощаются все лучшие заветы гуманности и общечеловечности.

Любовь как брак с жизнью, мужественные поступки, смелость мысли, ясность взора, бодрая жизнерадостность — таков лик коммуниста, сближающий его отчасти с мучениками и героями великих религий на заре их основания. С другой стороны, в отличие от фанатиков религии, коммунары более смотрят на землю, чем на небеса, борются с житейской грязью, подхалимством и лицемерием.

При таких свойствах творческая работа коммунистов не останется втуне, и поэт, предчувствуя грядущее в мир царство свободы, где нет ни рабов, ни меча, ни позорных столбов, доказал собранию, что нельзя надсмехаться над религиозными чувствованиями, ибо слишком много точек соприкосновения в учении коммуны с народной верою в торжество лучших начал человеческой души...”

В ответ собравшиеся товарищи заявили, что произнесённое слово “не может служить ответом” по существу вопроса о религиозных убеждениях Ключева, и поэт должен более определённо ответить на поставленный перед ним вопрос.

Ключев не собирался ничего скрывать. Его религия — особенная. Он не православный (имел в виду новоправославие), не католик, не магометанин. В церковь он ходит как исследователь-поэт. Но какова особенность его религии... Всё им было написано и представлено духовно слепым его судьям: и “Красный конь”, и “Огненное восхищение”, и “Сорок два гвоздя” — слово о “Христовой плоти — плоти народной, всерусской, всечеловеческой”. На вопрос: “Верит ли он в загробную жизнь и в сверхъестественное?” — ответил, что согласен со всей программой партии, а дальнейшее разъяснение своей веры считает равносильным публичному раздеванию... Спокойствие, убеждённость в своей правоте и красочная самоцветная речь произвели неизгладимое впечатление на собравшихся, и судьи тут же сбавили тон. В их собственных последующих репликах слышна была неуверенность, ощутимо было колебание и неустойчивость. “Тов. Гершанович Д., находя, что тов. Ключев крупный всероссийский поэт, что в поднятом вопросе столкнулись две идеологии — мистическая и материалистическая, что решение вопроса имеет принци-

альное значение, что тов. Клюев при своей религиозности всё-таки полезен партии, полагает необходимым перенести вопрос об утверждении тов. Ключева на обсуждение высшей партийной организации. Тов. Кривоносов полагает, что т. Клюев достаточно объяснил свои религиозные убеждения, которые имеют совершенно особый характер, его религия особая, это может быть вера в грядущее царство социализма, свободы и т. д., но не вера в предрассудки... (тут грозный товарищ уже волей-неволей стал подыгрывать Ключеву! — С. К.) ... Т. Кривоносов делает вывод, что тов. Клюев может быть членом партии и вопрос об утверждении его членом партии следует поставить на голосование...”

Голосованием (25 голосов против 12) кандидатура Ключева в партии была утверждена. При этом ему самому было заявлено, “что в церковь он может и не ходить”.

Корреспондент газеты счёл необходимым подчеркнуть, что ключевский доклад “был заслушан в жуткой тишине и произвёл глубокое потрясающее впечатление”, что “конференция, поражённая доводами Ключева, ослепительным красным светом, брызжущим из каждого слова поэта, братски высказалась за ценность поэта для партии”, — и в конце уже явно сравнил Ключева с Яном Гусом, а конференцию — с Констанцским собором: “Наш родной поэт, песнослов коммуны и светлый брат трудящихся, несмотря на Констанцкий собор, так обидно над ним učinённый, не покинул своих красных братьев. Иначе и быть не могло”...

Но совершенно иначе расценил происшедшее всё тот же “главный вопрошающий”, председатель уездной партконференции т. Кривоносов, явно недовольный заметкой “Поэт и коммунизм”: “Автор между прочим пишет, — с некоей обидой замечает товарищ, — что т. Клюев доказал собранию, что нельзя надсмехаться над религиозными чувствами. Тов. Клюев не доказал, — ибо и не доказывал. В своём докладе он лишь доказывал, что коммунист должен с уважением относиться к религиозным настроениям других, понимая под “религиозными настроениями” не веру в Бога, как его обычно понимают, не веру в загробную жизнь и какие-то сверхъестественные силы, а вкладывая в это слово совершенно иной смысл.

Скажу больше, не поэт “доказал” собранию, что нельзя надсмехаться над религиозными настроениями, а собрание доказало поэту, что коммунисту не пристало ходить в церковь, молиться и прикладываться к иконам...”

Далее автор пишет, что меньшинство отстаивало недопустимость для коммуниста духовных настроений (веры в Бога, в загробную жизнь, в сверхъестественные силы). А большинство признавало? Сам автор не скажет, что да... Нужно сказать, что ни меньшинство, ни большинство не отрицали нужность поэта для партии.

Кончает автор сетованием на то, что организация учинила над т. Ключевым “обидный Констанцкий собор”. Не говоря уже о том, что партия в любой момент может требовать объяснений от своих членов их поступков, мне кажется, если б автор заметки “Поэт и коммунизм” учёл те толки, какие ходили в обывательской среде по поводу хождения т. Ключева в церковь, а также как трудно бороться с религиозными предрассудками, то он не сказал бы этого”.

Обсуждение же происшедшего “высшей партийной организацией” через несколько месяцев закончилось, в общем-то, ожидаемо. Постановлением Губкома РКП от 28 апреля Клюев был исключён из партии, “так как религиозные убеждения его находятся в полном противоречии с материалистической идеологией партии и её задачами в деле борьбы за освобождение рабочего класса”.

Редакция петрозаводской “Олонецкой коммуны”, приведя это сообщение, сочла необходимым снабдить его следующим примечанием: “Н. А. Клюев, известный поэт; при своём своём сочувствии к коммунизму Клюев является христианином-мистиком и ретиво выполняет все обряды православной церкви”.

“Толки”, ходившие про Ключева в “обывательской среде” и не только в ней, докатились и до наших времён. Бывший чекист Н. Пелевин уже в конце 1950-х годов рассказывал ленинградскому литературоведу Л. Когану, что Клюев, “елейный и подхалимистый” — “собирал всяческими способами иконы, особенно старые, и, как потом выяснилось, торговал ими. Его, конечно, вскоре исключили из партии”. То, что Клюев собирал старые иконы, сам реставрировал их, спасая “ценности народного искусства”, знали многие выте-

горы. Но ни о какой “торговле” речи не было – ценнейшие творения иконописи Николай станет предлагать на продажу своим близким друзьям и знакомым гораздо позже, испытывая тяжелейшие материальные лишения, будучи фактически выброшенным из литературы, когда редкие публикации не давали средств, необходимых для жизни.

“Судилище”, предшествовавшее исключению из партии, сам Ключев воспринял, скорее, не как “Констанцкий собор”, а как полемику новообрядческого монаха Неофита с насельниками выговской староверческой общины и с их духовным главой Андреем Денисовым, автором великих “Поморских ответов”. Не из партии его исключили – новый мир отторг его от себя.

Но так ли чужд был по сути этот новый мир христианским заповедям? Ответ на этот вопрос дал через несколько лет митрополит Сергей (Страгородский) в послании к созыву Поместного Собора Православной Церкви.

“Что этот строй не только не противен христианству, – писал о. Сергей, – но и желателен для него более всякого другого, это показывают первые шаги христианства в мире, когда оно, может быть, ещё не ясно представляя себе своего мирового масштаба, на практике не встречая необходимости в каких-либо компромиссах, применяло свои принципы к устройству внешней жизни первой христианской общины в Иерусалиме: тогда никто ничего не считал своим, а всё было у всех общее (Деян. IV, 32)... Борьба с коммунизмом и защита собственности нашими церковными деятелями и писателями в прежнее, дореволюционное время, по моему мнению, объясняется причинами для церкви внешними и случайными... Очень многие писали и говорили против коммунизма просто по привычке к своей, так сказать, государственности, по привычке на всё смотреть больше с государственной, чем с церковной точки зрения... Полемизируя с сектантами, из которых некоторые отрицают собственность, с Толстым, и не желая оставить необличённым ни одного заблуждения, наши миссионеры и писатели часто простирались по внедрению дальше, чем следовало, и начинали обличать то, что обличению не подлежало и что обличать не входило ни в интересы, ни в задачу Православной Церкви. Наконец, значительную, можно даже сказать, львиную долю в этом недоразумении должна принять на себя и наша духовно-академическая наука, шедшая и в данном вопросе, как и во многих других, на буксире богословской науки западноевропейской, в особенности протестантской...”

Дальнейшие же слова о. Сергия могли бы найти самый живой отклик у Ключева – будь они известны поэту.

“Я убеждён, что Православная наша церковь своими “уставными чтениями” из отцов церкви, где собственность подчас называлась, не обвиняясь, кражей, своими прологами, житиями святых, содержанием своих богослужебных текстов, наконец, “духовными стихами”, которые распевались около храмов нищими и составляли народный пересказ этого церковно-книжного учения, всем этим церковь в значительной степени участвовала в выработке... антибуржуазного идеала, свойственного русскому народу. Допустим, что церковное учение падало уже на готовую почву, или что русская, по-западному некультурная, душа уже и сама по себе склонна была к такому идеалу и только выбирала из церковной проповеди наиболее себе сродное, конгениальное... Впоследствии, в эпоху послепетровскую, с появлением латинской богословской науки, древлеправославная книжность была выброшена сначала из нашей духовной школы и перестала участвовать в воспитании духовного юношества, будущих пастырей церкви, а потом постепенно вышла и из повседневного церковного употребления, почти совсем была удалена и от воспитания народа, сохранившись разве у каких-нибудь деревенских грамотеев да отчасти в наиболее строгих монастырях и у единоверцев с старообрядцами-раскольниками... Такой разрыв нашей духовной науки и школы с прошлым был одной из причин часто глубокого расхождения народно-церковного мировоззрения с официальным церковным учением и взаимного непонимания обеих сторон. Отсюда, от потери обоюдо упомянутого языка ведут своё происхождение и некоторые сектантские движения, по недоразумению отделявшиеся от официальной церкви и по недоразумению ею же преследовавшиеся. Вот почему и утверждаю, что примириться с коммунизмом как учением только экономическим (совершенно отменяя его религиозное учение) для православной нашей церкви значило бы только возвратиться к своему забытому прошлому, забытому официально, но всё ещё живому и в подлинно цер-

ковной книжности, и в глубине сознания православно-верующего народа. Примириться с коммунизмом государственным, прибавим в заключение, для церкви тем легче, что он, отрицая (практически лишь в известных пределах, хотя это и временно) частную собственность, не только оставляет собственность государственную или общенародную, но и карает всякое недозволенное пользование тем, что лично мне не принадлежит. Заповедь “не укради” остаётся основным положением и советского уголовного кодекса. Христианство же заинтересовано не тем, чтобы обеспечить христианину право на владение его собственностью, а тем, чтобы предостеречь его от покушений на чужую собственность...”

Эта проповедь нестяжательства, тем более актуальная и по сей день, не могла не быть близка Ключеву, который ещё в первый год революции услышал “Нила Сорского глас”, отрицающий и мир, построенный на несправедливо нажитом:

*Низвергайте царства и престолы,
Вес неправый, меру и чеканку..,*

и то “религиозное учение” мира нового, что оправдывает кощунства над святынями:

*Не голите лишь у Иверской подола,
Просфору не чтите за баранку.*

А ведь с самого начала революции проповедь нестяжательства шла с кощунством рука об руку. И разрешить эту дилемму не представлялось возможным.

* * *

Жизнь Ключева в Вытегре в эти годы вообще полна противоречий.

Любимец и народный авторитет у местного населения, до последнего времени остававшийся “боевой единицей” в глазах местного Совета, он, судя по стихам, совершенно не жаловал ни своё окружение, ни саму атмосферу провинциального городка. “Глухая Вытегра не слышит урагана, сонливая, с сорочьим языком, она от клеветы и глупых сплетен пьяна...” “Глухомань северного бревенчатого городишка, где революция как именины у протопопа. Ряд обжорный и каланчи вышка ждут антихриста, сивушного потопа... Где же Свобода в венке из барбариса и Равенство – королевич прекрасный?..” Ураган “глухая Вытегра” не просто услышала, её этот ураган сотряс, как любую отдалённую провинцию 1919–1921 годов. Но Ключев видел вокруг застоявшееся мещанское болото, пожинаящее плоды иной, не лелеемой Николаем, революции.

Даже его неистовые поклонники, молодые поэты Александр Богданов и Сергей Ручьёв, посвящавшие ему свои стихи (и Ключев посвящал стихи тому же Богданову) или принимавшие от него посильную и бескорыстную помощь в литературной обработке своих произведений и слушавшие его добрые и взыскательные замечания и советы, Павел Спасибенко или Чумбаров-Лучинский – все они держались от него на расстоянии... После изгнания из РКП(б) он вообще отстранился от окружающих, ограничив своё общение с единственным оставшимся другом – сотрудником “Звезды Вытегры”, переименованной в “Трудовое слово”, Николаем Ильичём Архиповым. Уже гораздо реже, чем прежде, отдавая в печать стихи, полностью перестал выступать со своей огненной публицистикой – ограничился театральными рецензиями и короткими заметками анонимного характера.

“Искусство – это корни жизни, та драгоценная капля, в которой отражается Красное Солнце истории, сердце родного народа. К ужасу и возмущению, мы узнаём, что какие-то развязные молодые люди устроили мепблирашки в нежном, овеванном поэзией XVIII века доме купцов Маниных, предназначенном стать музеем, тихим пристанищем всего, что было прекрасного в былой России, всего, в чём запечатлены пути народного Духа”.

“Слишком дорого приходится расплачиваться нашей революции за вольное и невольное попрание родной красоты, которого никогда не простит народ, и которое никогда не останется неотомщённым”.

Крепости его духа и убеждений можно лишь поразиться при том, что “общественный” остракизм наложился на остракизм “семейный”.

“Не ледящий и не путящий” Николка, о котором с сожалеющей интонацией говорила его матушка Прасковья, в устах сестры вовсе превратился в “никчёмного человека”. Понятно, что ей, швее, содержать родного брата, известного всей Вытегре, но перебивавшегося на жалкие гроши с газетных гонораров (если они были), и затруднительно, и психологически неумоготу.

То и дело приходилось слышать от сестры:

– У тебя ни семьи, ничего! Вот когда женишься – тогда другое дело. А пока – пошёл вон!

И куда же ему было идти?

Сестре вторил и старший брат – Пётр.

– Бездельник, ничего не делаешь, только пишешь какие-то бумажки!

Не первый и не последний оказывался Николай в подобной ситуации. Но его родные поистине однажды перешли грань.

Об этом Клюев напишет в письме к Есенину в январе 1922 года:

“Сестра и зять... обокрали меня; я уезжал в Белозерский уезд, они вырезали замок в келье, взломали дубовый кованный сундук и выкрали всё, что было мною приобретено за 15-ть лет, – теперь я нищий, оборванный, изнемогающий от постоянного недоедания полустарик. Гражданского пайка лишён, средств для прожития никаких. Я целые месяцы сижу на хлебе пополам с соломой, запивая его кипятком, бессчётные ночи плачу один-одинёшенек и прошу Бога только о непостыдной и мирной смерти”.

*Воры в келье: сестра и зять
С отмычкой от маминой укладки.
Как же мне не рыдать
Ввечеру при старой лампадке?!*

.....
*Леденеет моё перо,
И кудрявятся вьюгой строки,
Милосердие, жертва, добро —
Только сон голубой далёкий.*

Настоящее становится чем дальше – тем безрадостнее. Одно упование – на грядущее. И прозрения Клюева, посещающие его и воплощающиеся в поэтическом слове, не имеют аналогов ни в русской, ни в мировой поэзии.

* * *

Книга “Львиный хлеб”, сложившаяся к концу 1921 года – гениальный прорыв в будущее: провидение судеб России, определение магистрального пути её грядущего развития.

В процессе её создания открывался совершенно новый способ творческого мышления, рождался новый творческий метод, недоступный другим художникам слова ни тогда, ни тем более в настоящее время. Клюев открывал возможность движения внутри самого слова – именно внутреннего движения слова посредством “образо-созвучия”, что позволило раскрыть внутри слова движение смыслов. И лишь горькая улыбка могла промелькнуть на его губах, когда он читал в “Известиях” характеристику своей поэзии, как “мало ценной”, потому что поэт якобы “в неизмеримо большей степени является певцом былой статики, чем поступательной динамики мирового размаха”. Ответ на подобную инвективу мог быть лишь один: “Невнятно “Известиям” дымкой овиной повитое Слово, как сфинкса лицо”... “Россия – Сфинкс” – вспоминается Блок. Но у Клюева сама грядущая Россия, смотрящая сфинксом в лица современников и потомков из его строк, отождествляется со Словом поэта.

“Львиный хлеб – это, в конце концов – судьба Запада и Востока.

Россия примет Восток, потому что она сама Восток, но не будет уже для Европы щитом.

Вот это обретение родиной-Русью своей изначальной родины – Востока и есть Львиный хлеб”.

Так объяснял Ключев смысл словосочетания, положенного в название новой книги, Николаю Архипову.

Очевидная отсылка к блоковским “Скифам” в этих словах (“Но сами мы – отныне вам не щит, Отныне в бой не вступим сами... В последний раз – на светлый братский пир сзывает варварская лира!..”) становится не столь очевидной, если мы обратимся к стихам 1919–1921 годов, где символический “Восток” будет складываться из многих смысловых наслоений.

Василий Осипович Ключевский в работе “Западное влияние и церковный раскол в России” привёл слова из старообрядческого жития пустынника Кирилла, подвизавшегося в Олонецком крае на реке Суне, жития, безусловно, известного Ключеву: “О немилостеваго лияния крови дражайших чад твоих, Сионе! Не к тому проповедашася восточный закон благодатный, но западный, ратный, всюду бо мучительства меч играше, вся темницы во граде и в селех наполнишася христиан, – проповедницы западных новин яростию, а не кротостию дышаху, биением и ранами, а не учением увещеваху”. Цитату эту Ключевский снабдил собственным примечанием: “Культуры русская и западноевропейская были в ту пору (т. е. в половине XVII в.) очень несоизмеримые величины, не только неодинаковые уровни развития, но и различные понимания смысла и целей бытия... В мирном международном сближении старообрядцу чудилась опасная встреча двух враждебных исторических миров, в которых он подозревал противоположные склады быта, непримиримые житейские принципы”.

Иван Кириллов в книге “Правда старой веры”, писавшейся во время Первой мировой войны и изданной в 1916 году, также прекрасно известной Ключеву, по-своему прокомментировал слова Ключевского:

“Почему же старообрядцу “чудилось”, т. е. ошибочно представлялось, если и сам же В. О. Ключевский держится аналогичного взгляда?! Война 1914 г., до которой, к сожалению, не дожил наш историк, явилась бы лишним и ужасным доказательством того, что ни старообрядец XVII в., ни историк XX в. не ошибались, усматривая принципиальную разницу между культурами Востока и Запада...”

Ключев же всё более и более осознавал свою творческую сверхзадачу как преодоление пропасти, разверзшейся в XVII столетии и всё углубляющейся и увеличивающейся из века в век... Загадку невозможности разрешения её он находил у Николая Фёдорова, писавшего в “Философии общего дела”:

“Нет вражды вечной, устранение же вражды временной составляет нашу задачу. России остаётся на выбор: 1) или примирить Европу и Азию, Запад и Восток (ближний и дальний), и примирить не теоретически только, как это сделал Константинополь, но и практически, устраняя причины к раздору; 2) или же самой разложиться на Азию и Европу. Даже и замечено уже было, что народ в России уйдёт в раскол, а верхние слои обратятся в католическое суеверие или в протестантское неверие...”

Революция подарила надежду на преодоление раскола, но с каждым днём эту же надежду губила, ибо во всей повседневности, в каждом проживаемом часу ощущалось и осмысливалось наступление железной западной пяты, губящей естество и красоту русской жизни.

“Дом, разделившийся в себе, не устоит...” Дом раскалывался изнутри, и соединять рушащиеся стены приходилось железной скрепой, не щадящей ни людей, ни цветов, ни роц.

Лев – символ воскрешения Христа. Он же – символ антихриста. Львиный хлеб – тело Христово, знак святого Причастия. Он же – символ мучеников-христиан, бросаемых на арену на съедение львам под восторженные крики римской черни.

*Поселиться в лесной избушке
С кудесником-петухом,
Чтоб не знать, как боровы-пушки
Изрыгают чугунный гром...*

.....
*Будет месяц, как слёзка, светел,
От росы чернобыльник сед,
Но в ночи кукарекает петел,
Как назад две тысячи лет.*

*Вспыхнет сердце — костёр привратный,
Озаряя Терновый лик...
Римский век багряно-булатный
Гладиаторский множит крик.*

*И не слышна слеза Петрова —
Огневая моя слеза...
Осыпается Бога-Слова
Живоносная бирюза.*

*Нет иглы для низки и нити
Победительных чистых риз...
О, распните меня, распните,
Как Петра, головою вниз!*

“Головою вниз” распять себя испрашивал апостол Пётр, ибо знал, что недостойн распинаться, как его Учитель, — трижды отрекся он от Христа во дворце Каиафы, слыша вокруг себя крики — “И ты был с Ним”... И свою вину — пусть невольную — не может избыть Ключев, благословлявший революцию, как возрождение Святой Руси, воплотившейся в огненном лике и Христовых ранах — и обернувшейся “железной пятой”...

“Неославянофильской книгой” назвал через много лет “Львиный хлеб” Борис Филиппов. Точнее было бы назвать эту книгу “евразийской”, но и это определение не исчерпает её смысла. Кажется, на первый взгляд, что соединение России и Востока, России и Африки, России и Западного полушария в ней созвучно самой идее мировой революции — пусть в ключевском “духовном” восприятии. “От Бухар до лопского чума полыхает кумачный май...” “Там Бомбеем и Ладогой веющей притаился мамин платок...” “Прозвенеть тальянкой в Сиаме, подивить трепаком Каир, в расписном бизоньем вигваме новолодожский править пир...” “И стихом в родном самоваре закипает озеро Чад...” Подобные строки можно приводить до бесконечности. Но они мало что объяснят вне контекста движущихся ключевских смыслов. А смыслы эти раскрываются одновременно с раскрытием прошлых эпох Вечной Руси (“Как и при Рюрике, ныне много полудных дорог: в Индию, в сказку, в ковригу (горестен гусельный кус!), помнит татарское иго в красном углу Деисус”), обращённой в будущее.

Хочешь — не хочешь, а вспомнишь Достоевского и его упования: “Мы первые объявим миру, что не чрез подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспевания, а напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельнейшем развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические способности и уделяя им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, учась у них и уча их, и так до тех пор, когда человечество, восполняясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное древо осенит собой счастливую землю...” Это идеальное начертание грядущей земной гармонии скорректировал в “Философии общего дела” Николай Фёдоров: “Но пока не совершилось это объединение, мы, молясь о всеобщем соединении, можем, без нарушения католического характера церкви, молиться и о христолюбивом крейсерстве, если оно останется верным своему долгу, о священных путях к Памиру, могиле праотца, и к другим прародинам, так как эти пути, — вместе с тем и средства к освобождению Китая и Индии; мы можем молиться и вообще о всех средствах к обезопасению от Англии и к обращению ея на путь всеобщего долга... Как мелки и ничтожны те причины, которые разделяют нас ныне, и как глубоки и велики те, что могут и должны соединить нас!.. А если бы такой союз состоялся, то все другие народы волею или, сначала, и неволею, присоединились бы к нему. Магометанский Восток, окружённый со всех сторон христианами, вступая в храм, оставит оружие; и дальний Восток, освобождённый от антихристианского давления, вступит в единение с принявшими на себя долг воскрешения, и, вместо нирваны, разделит с ними этот долг. Тогда можно будет сказать, что литургия оглашенных уже кончилась, оглашенные сделались верными, третья часть литургии, литургия вер-

ных, начинается, т. е. наступает третий день воскресения. Необходимо заметить, что и об отношениях всех народов к друг другу вообще, и о наших отношениях ко всем другим народам в особенности, можно также сказать, что причины нас разделяющие мелки и ничтожны, причины же, которые должны вести к нашему соединению, велики и глубокои...”

И кажется поначалу, что Клюев, прозревая грядущее, вторит этим заветным словам своего любимого философа:

*Выстроит Садко Избу соборную,
Подружит Верхарна с Кривополеновой
И обрядит Ливерпуль, Каабу узорную
В каргопольскую рубаху с пряжкой эбеновой.*

Лишнее говорить, что не в наряде суть. В соответствии наряда и нутра. И Садко здесь всё же отсылает к эпохе дохристианской.

И Достоевский, и Фёдоров, каждый по-своему, предугадывали наступления идеального будущего, “когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся” здесь, на этой земле, сохраняющей свою устойчивость и природную конфигурацию. Но то, что происходит у Клюева, при кажущемся смысловом созвучии с предшественниками, помещается далеко за рамками обычного земного восприятия.

“Была на мне рука Господа, и Господь вывел меня духом и поставил меня среди поля, и оно было полно костей, и обвёл меня кругом около них, и вот весьма много их на поверхности поля, и вот они весьма сухи. И сказал мне: сын человеческий! Оживут ли кости сии? Я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это...” Книга пророка Иезекииля не просто отразилась в строках Клюева, созерцающего страшные последствия нового нашествия “римского века багряно-булатного”. Там, где “поле усеянное костями, черепами с беззубою зевотой” — не оживут кости после того, как “в рязанских хатах променяли на манишку ржаные Дамаски” и, как следствие, — всё мироздание заволочло смертной тенью... “На камне могильном старуха-свобода из саванов вяжет крошечные сети...” Никакое позднейшее умозаключение, никакой позднейший поэтический образ не будет точнее в определении внешней свободы, как порога ада для человеческого существа. “Над мёртвою степью безликое что-то роило безумие, тьму, пустоту...” Слишком многое здесь предчувствуется и предсказывается — и глобальные человекоубийства “во имя свободы” на протяжении всего XX столетия, и то “всеземное кипение”, следствие которого — новое небо и новая земля. “У порога избы моей моей стража осьмикрылый. О, поверьте, то не сказка, не слова построчные!...” Явление “стража осьмикрылого” — лишь предвестие вселенской катастрофы, смещения земной оси, нового пришествия титанов, обновления земной жизни.

*Дарья с Вавилом качают Монблан,
Каменный корень упрям и скрипуч...
Встал Непомерный, звездистый от ран,
К бездне примерить пылающий ключ.*

*Чу! За божницею рыкают львы,
В старой бадье разыгрались киты...
Ждите обвала — утёсной молвы,
Каменных песен из бездн красоты!*

То, что сохранила в человеческой памяти древняя мифология, оживает на наших глазах — и львы библейские, и киты, что держали веками землю на своих спинах. Что до “утёсной молвы”, то она лишь предвестие всесветного переворота.

Ибо нет душевного покоя, растворения в красоте земной — в железной современности, ломающей души, истребляющей жизни.

Ибо свершается то, о чём два с половиной столетия назад говорили и писали несгибаемые староверы.

“А о последнем антихристе не блазнитесь, — ещё он, последний чорт, не бывал: нынешняя бояре ево комнатная, ближняя дружба, возятся, яко беси,

путь ему подстилают, и имя Христово выгоняют. Да как вычистят везде, так Илия и Енох, обличители, прежде будут, потом аньтихрист во свое ему время. А тайна уже давно делается беззакония, да как распухнет, так и треснет. Ещё после никониян чаем поправления о Христе Иусе, Господе нашем” (Протопоп Аввакум. “Послание братии на всем лице земном”).

*Псалтырь царя Алексия,
В страницах убрусы, кутья,
Неприкаянная Россия
По уставам бродит кряхтя.*

*Изодрана душегрейка,
Опальный треплется плат...*

Мнится наступление нового никонианства, “железный неугомон” разрывает слух, и сами по себе встают неумолимые вопросы: “Не заморскую ль нечисть в банке отмывает тишайший царь? Не сжигают ли Аввакума под вороний несметный грай?...” Нет, тайна беззакония свершается далее и по-новому — никонианство отвергается вместе со староверием, “штурм небес” набирает силу, и вскрытие мощей — свидетельство тому... “От Бухар до лопского чума полыхает кумачный май...” Но за “кумачным маем” открывается Клюеву картина мира дохристианского, омытого катаклизмами и начинающего своё новое бытие.

*В лучезарье звёздного сева,
Как чреватый колос браздам,
Наготовю сияет Ева,
Улыбаясь юным мирам.*

Эти юные миры поэт прозревает после своей грядущей кончины.

*Пржевальский в жёлтом Памире
Видел рельсы — прах тысячелетий...
Грянет час, и к мужицкой лире
Припадут пролетарские дети,*

*Упьются озимью, солодьягой,
Подлавочной ласковой сонатой!..
Уж загрезил пасмурный Чикаго
О коньке над пудожскою хатой,*

*О свадебном соловейком чине
С подблюдными славами, хвалами...
Над Багдадом по моей кончине
Заширяют ангелы крылами.*

*И помянут пляскою дервиши
Сердце-розу, смятую в Нарыме,
А старуха-критика запишет
В поминанье горестное имя.*

Здесь уже поражают не столько “рельсы — прах тысячелетий” и даже не пророчество о своей смерти в Нарыме, сколько то, что в последний путь поэта проводят “дервиши” и помянут его взмахом крыльев ангелы “над Багдадом”... Речь идёт о суфиях, поэзия которых была чрезвычайно популярна у поэтов “серебряного века”... Достаточно вспомнить “кружок гафизитов”, организованный Вячеславом Ивановым, для которого поэзия Гафиза служила своеобразной связью с мистической восточной традицией. Для Клюева же суфизм наполнялся отнюдь не “игровым” смыслом.

Ему хорошо была знакома книга Инайят-хана, профессора, прошедшего суфийскую школу и посетившего Россию перед первой мировой войной — “Су-

фийское послание о свободе духа”, вышедшая в Москве в 1914 году. “Суфизм, – писал Инайят-хан, – это религиозная философия любви, гармонии и красоты”, а, касаясь своего “введения в суфизм”, выражал надежду, что “оно поможет установлению добрых отношений между отдельными людьми и дружеского взаимопонимания между целыми народами, ибо суфизм совмещает в себе веру и набожность Востока со здравым смыслом и логикой, характерными для Запада”. . . Это не могло не вызвать ответного посыла у Клюева и, подобно тому, как Иайят-хан писал о музыке (“Будучи высшим из искусств, она поднимает душу до высочайших областей духа. Будучи сама по себе невидима, она скорее достигает невидимых областей”), – Клюев впервые и единственный раз использовал в стихах “Львиного хлеба” музыкальные ноты, как знаки незримого мира, как звуки, идущие из “невидимой Руси”: “Мир очей, острова из улыбок и горы из слов, баобабы, смоковницы, кедры из нот: Фа и Ля на вершинах, и в мякоть плодов ненасытные зубы вонзает народ. . .” “Огневое Фа – плащ багряный, завернулася в него судьба. . . Гамма Соль осталась на раны песнолюбящего раба. . .” И не мог Клюев не радоваться, читая у Инайят-хана: “Сердце человека есть Престол Божий. . . Дыхание поддерживает связь между телом, сердцем и душой. Оно состоит из астральных колебаний и оказывает большое влияние на физическое и духовное развитие. Поэтому первое дело суфия – очищение сердца, чтобы привести в состояние гармонии всё своё существо”. . . Отсюда – и “сердце – роза, смятая в Нарыме”, и грядущий трактат “Очищение сердца”, что писался уже в самом Нарыме незадолго до кончины. Отсюда же – предвкушение полного перенастроя русской лиры после вселенской катастрофы, когда поменяются полюса земли: “Гулы в ковриге. . . То стадо слонов дебри пшеничные топчет пятой. . . Ждите самумных арабских стихов, пляски смоковниц под ярой луной!” И, наконец, сакральный танец, которым дервиши поминают поэта, – действие, облегчающее уходящему переход в иной мир. И десять лет спустя в “Песни о великой матери” Клюев опишет проводы своей родительницы “старцами с Востока”:

*Ещё поминками зимы
Горел снежок на дне оврагов,
Когда дорогой звездных магов
К нам гости дивные пришли,
Три старца — Перския земли.
Они по виду тазовляне,
Не черемисы, не зыряне,
Шафран на лицах, а по речи —
Как звон поленницы из печи.*

И их приход не смутил Святого Георгия, что сошёл с иконы для последней молитвы над праведницей.

*Весь в чешуе кольчуги бранной
Сошёл с божницы друг желанный
И рядом с мученицей встал,
Чтоб положить скитской начал
Перед отплытьем в путь далёкий.
Запели суфии: “Иокки!
Чамадаран, эхма-цан-цан!..”
Проплыл видений караван:
Неведомые города
И пилигримами года
В покровых шелестных, с клюками,
И зорькой улыбался маме
То-светный Божий Цареград...*

В холодной же и жестокой современности подобные срывы в “восточный оазис”, как “вечный приют”, были чреваты таким самоотречением, последствия которого непредсказуемы. Оскал дьявола мелькал в этом оазисе – и Клюев прозревал и его.

“Тридцать три года, тридцать три”, – это дудка няни-зари, моей старой подруги...” Тридцать семь было на самом деле, но возраст Христа казался убедительнее – в контексте дальнейшего восточного кошмара, в который отправляется поэт.

*Питомец деда-Онега
Отведал Львиного Хлеба!
Прощайте, изба, телега —
Моя родная потреба!
Лечу на крыльях самума —
Коршуна, чьё яйцо Россия,
В персты арабского Юма,
В огни и флейты степные!
Свялю у ворот Судана
Вязанку стихов овинных...
Олонецкого баяна
Возлюбят в шатрах пустынных.*

И чем же закончится эта “любовь”?

*Здравствуй, шкипер из преисподней!
Я — кит с гарпуном в лапу,
Зову на пир новогодний
Дьяволицу-красоту!
Нам любо сосать в обнимку
Прогорклый собственный хвост,
Пока и нашу заимку
Хлестнёт пургою погост.*

Это уже переосмысление старинного предания, хорошо известного на Руси, о дьяволе, что принял обличие змея, совокупляется с женщинами-ведьмами... А совокупление раненого кита с дьяволицей-красотой на горячем Востоке, который готов быть захлестнутым пургою, в то время, как южные плоды вырастут и газели очи заблестят в “северном раю” – лишний знак всей inferнальности происходящего, что грозит ещё большей невероятностью грядущего.

Поистине такие видения уже не покажутся чрезмерными рядом с характеристикой создаваемой книги:

*“Львиный хлеб” — плакучая ива
С анчарным ядом в стволе.*

(Продолжение следует)

“ГРЮНДЕРСТВО” НА ПОШЕХОНСКОЙ ПОЧВЕ

Диалог журналиста Валерия Бадова и экономиста Солтана Дзарасова

Более не существует тенденции к тому, чтобы дела (в экономике) улаживались сами собой.

Джон Кеннет Гэлбрейт,
автор теории “постиндустриального общества”.

В. БАДОВ: Это высказывание Гэлбрейта относится к 70-м годам. Напротив, такой столп рыночного фундаментализма, как Людвиг фон Мизес, непоколебим: “...Экономические теории, на которые опирается либеральное общество, – неопровержимы”. Нынешний мировой кризис сурово рассудил, за кем правота?

С. ДЗАРАСОВ: Утверждение Мизеса опровергнуто экономической наукой на Западе задолго до того, как Гэлбрейт подвел черту под знаменитым символом веры Lasser Fair. К 70-м годам прошлого века в экономической науке на Западе преобладало кейнсианское направление. Потом тренд сменился на неоклассический. Идеи и постулаты фон Мизеса вновь были востребованы. Мизес был учителем Людвиг фон Хайека, а Хайек – предшественником Милтона Фридмана. Это одна и та же сквозная линия развития западной экономической мысли, которая именуется неоклассической и неолиберальной. Великая депрессия 1929–33-х годов нанесла по этому мировоззрению сокрушительный удар. Так называемая самонастраивающаяся рыночная экономика претерпела крах. Сам способ “настройки” и привел к депрессии. Жизнь показала, что ставка на “невидимую руку рынка” таит в себе источник нестабильности, что и приводит капиталистическую экономику к тяжелым кризисам. Великая депрессия 30-х – событие особое. Она имела далеко идущие последствия для всего мирового хозяйства. Выход из порочного круга нестабильности открыл Джон Мейнард Кейнс, который осмыслил уроки Великой депрессии в изданной в 1936 году книге, названной “Общая теория занятости, процентов и денег”. Новаторский труд английского ученого ознаменовал подлинную революцию в экономической теории.

ДЗАРАСОВ Солтан Сафарбиевич родился в 1928 году в селе Чикола (Северная Осетия). Доктор экономических наук, профессор. Автор более 100 работ по экономике и политологии. Живет в Москве.

В. Б.: Вернемся, однако, к сегодняшнему мировому финансовому кризису. Как его протекание отразилось на научной репутации оспаривающих друг друга экономических идеологий – неолиберальной и, условно говоря, гэлбрейтовской?..

С. Д.: Есть две вещи, которые я должен предварительно оговорить. Кейнсианская концепция в первые годы после Второй мировой войны получила широкое практическое применение в политике государств Запада. В особенности – во время послевоенного восстановительного роста мирового хозяйства. Регулирование экономики “по Кейнсу” оказало положительное влияние на развитие капиталистического общества. Два послевоенных десятилетия ознаменовались высокими темпами экономического роста. По существу, бескризисным развитием. Сложилась основы социального государства. Однако, по мнению владельцев крупнейших состояний, капитал вносил чрезмерную лепту в процветание “общества массового потребления”. И со временем от классического кейнсианства власть имущие отказались. Но не напрочь. Либеральная теория Мизеса–Хайека–Фридмана оказалась преобразована Самюэльсоном, Хиксом, Модильяни и другими видными западными экономистами в так называемый *неоклассический синтез*. Кейнсианство как бы приладили к теории саморегулирования, восходящей к Адаму Смиту. И новый кризис как раз застал Запад при господстве неоклассической теории. Столпы ее ручались, что никаких кризисов, наподобие Великой депрессии, впредь не приключится. Взгляд Кейнса, что нестабильность капиталистического уклада внутренне ему присуща, был “опровергнут”. Но сторонники кейнсианской традиции не сдались. Хаймон Мински в 1986 году издал книгу, названную “Стабилизируя нестабильную экономику”, и доказал, что нестабильность все еще присуща капитализму, какие бы превращения он ни претерпел. И что мир необратимо движется к новому всеобщему кризису, в который мы, как по-писаному, и оказались сегодня ввергнуты. И в возможность которого либеральный истеблишмент Запада и его идеологи “не верили”. И в этом смысле идеи Гэлбрейта и Мински преемственны. Вот только Мински более детально разработал ключевые положения кейнсианства применительно к гэлбрейтовскому “постиндустриальному обществу”.

В. Б.: В свете новых кризисных реальностей произошла ли переоценка непоклассического синтеза?

С. Д.: Самуэльсону удалось, как многим казалось, невозможное: соединить консервативные идеи Кейнса, полагаю, не лучшие его идеи, недостаточно разработанные, с фундаментальной либеральной теорией. И получился некий “меланж”, который не выдержал столкновения с реальностью.

Между тем, в западном сообществе экономистов неоклассический синтез господствует и по сей день.

В. Б.: Французский экономист Дэниэль Коэн, проницательный исследователь природы капитализма и его метаморфозы на стыке XX–XXI веков, загодя, до того, как мировой кризис обрушил финансовые рынки, высказывался об “интеллектуальной катастрофе” либерализма фридмановского толка. Коэн заявил: “Либеральная утопия рыночного общества совершенно чужда капитализму”. И далее: “Либерализм есть нечто призрачное вдвойне”! Между тем, в самый разгар финансового кризиса российский премьер Владимир Путин в Давосе выговаривал мировому и политическому бомонду за “отступничество” от нерушимых либеральных принципов государственной политики. Путин подтвердил неизменную приверженность российской власти “открытым рынкам”, даже если на Западе и поддались искушениям “пагубного” протекционизма и проч. Российских олигархов и их западных контрагентов давосская филиппика Путина несказанно “воодушевила”. Выходит, оплот вероучения Мизеса–Хайека–Фридмана угнездился теперь на российском властном олимпе. Это “староверство” однако вышло боком: потери российской экономики от кризиса наибольшие среди двадцати индустриально развитых стран. И Путин во время сибирского своего “ралли” наконец признал, что российская экономика так и не выбралась из тенет кризиса. Премьер, правда, умолчал, что Россия держится на плаву лишь благодаря цене барреля нефти около 100 долл.

С. Д.: Гротескная мысль Коэна, что либеральная утопия “чужда капитализму”, если вдуматься, не красное словцо... Неоклассическая теория, основа “тэтчеризма”, едва ли бы так долго торжествовала, если бы не круше-

ние СССР. Запад неплохо на этом поживился, участвуя в разграблении наследия экономики второй “сверхдержавы”, перекачке капиталов, дешевых сырьевых ресурсов и советского интеллектуального капитала на Запад. Этот “дар небес” продлил век тэтчеризма в большой политике и неоклассической идеологии в экономической науке. Фукуяма провозгласил скоропалительный “конец Истории”. А Хаймон Мински испортил “обедню”, посулив “триумфаторам”, что наступление финансово-экономического кризиса типа Великой депрессии неотвратимо. Никто его и слушать не хотел. Но ведь Мински не один-одинешенек бил в колокол. Кейнсианская традиция на Западе все годы засилья неолиберализма оставалась жива и развивалась. И наступил момент истины, когда неоклассическая теория, даже в улучшенном варианте Самюэльсона-Хесса-Модильяни, потерпела полный крах.

В. Б. : Итак, вопреки глубокомысленным теоретическим построениям либеральных “фундаменталистов”, кризис все же накатил и смял глобальные “рынки” и капище финансового капитала – фондовую биржу. Триллионы долларов виртуальных капиталов “казино-капитализма” улетучились. Но фарисеи-менялы утешали публику, что произошло “упорядочивание” финансовых рынков. Однако прямые убытки одних только американских пенсионных фондов составили сотни миллиардов долларов! А это все живые деньги, отложенные на черный день “средним классом”... Как на мировой кризис откликнулись посткейнсианцы? Каковы вообще судьбы наследия Кейнса в западной экономической науке?

С. Д. : Как я уже упоминал, консервативную часть теории Кейнса подхватили Самуэльсон, Модильяни, а также Харрод, которые и разработали неоклассический синтез. Их замысел состоял в том, чтобы “усовершенствовать” старую догматическую теорию с тем, чтобы она осталась верна “на все времена” – как бы далеко ни зашла эволюция капитализма. Наступил будто бы “золотой век” по Адаму Смиту в интерпретации Хайека и других. Ирония в том, что в новой посткоммунистической России неолиберальную модель экономики, как на грех, подхватили в тот самый казусный момент, когда капитализм вползал в кризис, а защищающая этот строй теория терпела банкротство. Да, мы восприняли как откровение то, что было обречено. И от этого все наши несчастья! С безоглядностью и воодушевлением неофитов младореформаторы выкинули заодно как негодное “старье” немалое наследие советской экономической науки. Политическая экономия как классическая дисциплина была подменена псалтырью “Экономикса”. И вот что я должен особо отметить как содержательный вывод из моих долгодетних занятий экономической теорией. Значительная часть западных экономистов гораздо убедительнее, чем их советские коллеги-марксисты, доказывали, что капитализм движется к новой макронестабильности, кризису наподобие Великой депрессии.

В. Б. : К слову, один из культовых теоретических трудов Хайека озаглавлен, как бы в насмешку, “Пагубная самонадеянность”...

С. Д. : Мне доводилось вести дискуссии с коллегами в Кембридже. Посткейнсианское направление в экономической науке получило развитие именно там, в Кембридже. В отличие от Оксфорда, где всегда был оплот либералов. Кембриджская школа, в противоположность неоклассическому синтезу, соединила Кейнса, но не с Мизесом–Хайеком и Фридманом впридачу, а с Карлом Марксом. И в этом смысле она считается левым направлением в экономической мысли. Посткейнсианцы глубоко обосновали причины сегодняшнего мирового кризиса. К видным посткейнсианцам, на мой взгляд, относятся и польский экономист Колецкий. Некоторые ученые, и я в их числе, полагают, что заслуга Колецкого в том, что он продвинул кейнсианскую теорию. Я бы также назвал Джоан Робинсон, профессора Кембриджского университета, и многих единомышленников в университетах Америки. Издается и журнал “Посткейнсианская экономика”.

В. Б. : На наших глазах произошло столкновение “всеблагаго” неолиберализма с сокрушительным экономическим кризисом 2008 года. Последний уничтожил триллионы долларов дутых активов на Уолл-стрит, обездолил многие миллионы вкладчиков капитала, дотла разорил целый ряд государств Восточной Европы и Балтии. А Грецию пришлось вырывать из пекла кризиса, из долговой ямы, в складчину Германии, Франции и другим состоятельным членам ЕС... Казалось бы, уж слишком велики материальные жертвы на алтарь рыночного фундаментализ-

ма. Дороговато им обошелся Хайек... Изгнание государства из святой святых рынка, мистическая вера во всевластие “невидимой руки рынка” навлекли экономическое бедствие. Никуда не деться от пересмотра теории, так красноречиво изложенной фон Хайеком в памфлете “Пагубная самонадеянность. Ошибка социализма”. “...Никому не под силу то, что под силу рынку: устанавливать значение индивидуального вклада в совокупный продукт”, – назидал Хайек. Он называл эту свою умозрительную рыночную мистерию “упорядочением неизвестного”. Последнее, дескать, заведомо не поддается централизованному планированию. Символ веры неолиберальной экономической доктрины о превосходстве, по Хайеку, “спонтанных” преобразований над централизованными, для наших незадачливых российских реформаторов – неприкосновенная догма. Фон Хайек сформулировал этот принцип в незапамятном 1936 году. Любопытно, что он непоколебимо настаивал на нем и в работе... 1978 года, когда кейнсианское государственное регулирование, вмешательство законодателей и правительств в конкуренцию на рынке на Западе уж давно стало повсеместным и необходимым. Транснациональные компании, как убедительно доказал Гэлбрейт, еще на рубеже 80-х годов прошлого века вытеснили свободную конкуренцию на уже не существующем, на поверку, классическом рынке и даже – подумать только! – стали ему “заменой”. Там, где господствует олигополия, нет места свободной конкуренции. Крушение рыночного фундаментализма в горячке мирового кризиса повлекло ли прозрение, своего рода раскаяние в кругах экономистов либерального направления?

С. Д.: Увы, произошел разительный отрыв от реальности. На Западе неоклассическая либеральная теория, как ни в чем не бывало, господствует. Почему? Наверное, потому, что, как остроумно подметил все тот же Мински, экономическая теория является линзой, которая дает очень ясное, “стереоскопическое” представление о предмете исследования. И она же становится самыми настоящими шорами, когда устаревшие представления затмевают реальность. Сейчас неоклассическая теория в полном замешательстве. Она оказалась застигнута врасплох кризисом мирового масштаба, возможность которого отрицала. Знаменитое “этого не может быть, потому что этого не может быть никогда”. Тот же Мински, над концепцией которого в прошлом насмеялись, ныне на всем Западе на слуху и даже превозносится. Его книги издаются, но сама-то его теория на вооружение не взята, потому что тогда слишком много чего придется в корне пересматривать. Экономическое сообщество к такому потрясению основ не склонно. Оно упрямит, противится по той простой причине, что альтернативная теория не ко двору “заказчику” – крупному финансовому капиталу. Колея неолиберального учения слишком хорошо накатана...

В. Б.: Русский экономист М. Аничков в фундаментальном труде “Война и труд” (1900 г.) назвал причиной экономической катастрофы в кайзеровской Германии после бума, последовавшего вскоре за победой во франко-прусской войне, то обстоятельство, что миллиарды (золотом) французской контрибуции были одновременно влиты в германскую экономику. “И всё, – пишет Аничков, – пришло в лихорадочное оживление”. Спекулятивный капитал поглотил экономику. И “победившее государство вовлечено в пучину банкротств, катастроф, безработицы и дороговизны”. Аничков винит германское правительство. Дескать, от его воли зависело правильное, экономически обоснованное применение манны небесной французской контрибуции. Перед немцами был выбор: “Помочь здоровому, свободному развитию национального производства или дать лишний импульс блестящему, но скоротечному и гибельному *грюндерству*”*. Впоследствии понятие *грюндерства* стало нарицательным. Невольно призадумаетесь: а не явился ли нездоровый бум в российской экономике 2002–2008 годов некой разновидностью *грюндерства* на нашей *пошехонской* почве. Только вместо военной контрибуции – десятикратная нефтяная рента, расточаемая

---

* В энциклопедическом словаре о *грюндерстве* сказано так: “Массовое лихорадочное строительство акционерных обществ, банков и страховых компаний... сопровождается банковскими спекуляциями, созданием дутых предприятий”.

российскими властями в ущерб национальному производству. При этом алчное проедание ресурса развития – нефтегазовой ренты идейно “окормляется” слепой, святее папы, приверженностью нашего правящего сословия ультралиберальным экономическим учениям.

С. Д.: Сравнение французской контрибуции с нефтяной рентой в образе *пошехонского* грюндерства, пожалуй, имеют основания. Но, на мой взгляд, в утверждении Аничкова есть неточность. Он полагал, что целесообразное использование французской контрибуции зависело от воли германского правительства. На самом деле воля правительства уже в тот период капиталистических отношений была подчиненной по отношению к довлеющей роли крупного капитала. Контрибуцию использовали на потребу капитала, утоляли его алчные вождения. А удел правительства – “исполнительного комитета буржуазии” – служить капиталу, олигархии. Таково и поведение российского правительства. В “тучные” 2000-е годы сотни миллиардов долларов нефтяной ренты издержаны не в интересах модернизации разоренной и устаревающей экономики, а на потребу олигархическим кланам и коррумпированной бюрократии.

В. Б.: Наши власть имущие, выходит, потворствовали, ровно по Аничкову, “блестящему, скоротечному и гибельному грюндерству”? И теперь мы расплачиваемся за эту безответственность? Про “энергетическую” сверхдержаву” уже помалкивают. Риторика сменилась. Только и разговоров о “модернизации”. А когда глядишь на распределение капитала, вектор инвестиционных проектов, безоглядную ставку на валовый вывоз сырья, самоочевидно, что “модернизация” – лишь славословия, очередной демагогичный жупел. А на поверку всё то же моление на нефтяную ренту и возобновившиеся спекуляции на фондовой бирже, с жирными барышами.

С. Д.: Россия опрометчиво позаимствовала модель экономики спекулятивного капитализма. Наши скоробогачи-олигархи, прикарманив несметную государственную собственность, пренебрегли обязанностью развивать экономику, как это проделал в прошлые века индустриальный капитализм. Напротив, они последовали примеру своих нынешних собратьев с Уолл-Стрит и занялись спекулятивными операциями по умножению личных миллиардных состояний, изымая капитал из реального сектора экономики. Рентные доходы рекой утекают на Запад. То, что на Россию пролился золотой дождь от продажи энергоресурсов, обернулось глубоким несчастьем для народа, но отнюдь не для тех, кто на этом разжирел. Кому, на поверку, достались вершки и корешки нефтегазового пиршества? Богатые стали богаче, а бедные еще беднее. Россию в мире стали едва ли не в насмешку величать *петростейтом*, нефтяным государством. Эта незавидная репутация для страны, которая на рубеже 70-х годов прошлого века производила почти половину американского ВВП. Нефтедоллары сделали как бы “ненужным” поступательное развитие реальной экономики. Последние двадцать лет – это, воистину, карабанье вверх по лестнице, ведущей вниз. Найдите мне другую такую страну, которая бы за двадцать лет развития топталась на месте. И так называемый рост ВВП не был реальным ростом.

В. Б.: Россия чем дальше, тем пуще становится сырьевым “лабазом” даже для таких стран, которые вступили на путь индустриализации на полвека позже СССР. А нашим “лабазникам” – нефтяным и алюминиевым олигархам – нисколько не зазорно это униженное положение России в мировом разделении труда. Экспортная выручка валом вывозится олигархами за границу, выкупаются промышленные активы, часто убыточные, но наши “сырьевики” изо всех силенок мостятся к метрополии “мировых денег”. Норовят породниться с аристократией “старых денег”. А мне живо припоминается в этой связи острое замечание Маркса: “Финансовая аристократия как по своему способу обогащения, так и по характеру своих наслаждений есть не что иное, как вторжение люмпен-пролетариата в верхи буржуазного общества”. Вот как, парадоксально, уничтожительно автор “Капитала” высказался о мировых менялах. В наше же время безнравственный и алчный финансовый капитал владычествует, заедает капитал промышленный, помыкает правительствами и нациями. Так называемый Фининтерн, цитадель которого на Уолл-стрит, принудил властную бюрократию покрыть убытки обрушившегося

мирового кризиса за счет налогоплательщиков, а сам вышел сухим из воды. Против “жирных котов” Уолл-стрита как будто бы взбунтовался даже сам президент Обама... Верно ли и в наше время острое суждение Маркса о люмпен-пролетарской природе мировых менял, ростовщического капитала ввиду неприглядной изнанки сегодняшнего кризиса? Осталась ли она неизменной и в XXI веке?

С. Д.: Да, пожалуй, хотя и целые века минули... Но всего очевиднее суждение Маркса подтверждается применительно к России. У нас олигархический капитал и по своему происхождению – люмпен-пролетарский и паразитический. Аргентинский экономист Франк на эту тему написал исследование, в котором убедительно показал, что люмпен-буржуазия характерна в особенности для периферийных стран, которые метрополия капитализма подчинила своим алчным интересам. Так что прослеживается очень любопытная связь между тем, как судил о “финансовой аристократии” Маркс, и тем фактом, что современный экономист написал целую работу о подноготной Фининтерна и его вассалов применительно к периферийному капитализму.

В. Б.: “Прекрасные и мучительные” – так, выпренок, по-новой, воспевают на все лады чубайсы, немцовы и ясины крошечные и позорные 90-е годы. А вслед за ними и юные адепты туземного “монетаризма” из Высшей школы экономики. Прорежимные масс-медиа наперебой славят шоковую терапию, грабительскую приватизацию. Те самые “институциональные преобразования”, а на поверку преступления, которые впору прозвать *срытием*, – есть такое старое русское словечко, Советской цивилизации. Однако для отвода глаз вновь и вновь вколачивается в умы митрофанушек из новорусской поросли лживая идеяка о некоей “искупительной” жертве. А вот если оценить по гамбургскому счёту наследие 90-х, что находим в сухом остатке?! Чем афера с “вхождением в рынок” обернулась для страны и сограждан? Гиперинфляция, три девальвации, конфискация личных сбережений всех поголовно. И, под венец, после разгрома “нулевых” – 200 миллиардов долларов золотовалютного резерва, бесшабашно растроченных якобы для поддержки, впрочем, безуспешной, эфемерного курса рубля. Зато менялы хорошо на этом поживились... Сам Угрюм-Бурчеев управился бы “не хуже”... Рубль так и остался мягкой, то есть второразрядной, уязвимой валютой, вопреки тому, что обеспечен реальными ценностями на порядок выше, чем многие другие валюты, которые слывут твердыми. Однако, если копнуть глубже, у нечестных манипуляций с рублем прослеживается темная предыстория.

Немногие, как мне представляется, догадываются, что “убийство” рубля на рубеже 1992 года на самом деле было преднамеренной акцией. А все-таки доказательств тому достаточно. Разрушение финансовой системы СССР – сознательный умысел “реформаторов”. Косвенным подтверждением тому являются итоги международного конкурса проектов конвертируемого рубля, проведенного фондом американского предпринимателя Фёрса в 1989 году. Свои работы послали на конкурс сотни экономистов из разных стран. Вы, Солтан Сафарбиевич, заведовали тогда кафедрой политэкономии российской Академии наук и стали одним из трех победителей конкурса на лучший проект конвертируемости рубля. А всезнайка Явлинский и компания остались несолоно хлебавши. Этот, без преувеличения, контрапункт борьбы вокруг пути надвигающейся как грозовая туча рыночной реформы экономики ныне позабыт. А между тем, на мой взгляд, конкурс фонда Фёрса был действительно знаковым событием. Драматический контекст его подразумевал: в какой створ направится все дело преобразования плановой экономики в рыночную... Сегодня, спустя двадцать с лишним лет, какой вам видится подоплека интриги в политических и экономических кругах вокруг содержательных итогов международного конкурса конвертируемости рубля? И еще: какова была главная предпосылка Вашего проекта? Ведь конвертируемость национальной валюты в кризисное время – опасный маневр. И ошибка здесь фатальна?..

С. Д.: Конвертируемость национальной валюты не является самоцелью. Главный пункт моего проекта – в постепенности перехода на конвертируемость рубля путем развития экспортных отраслей производства и обрабатывающей промышленности с тем, чтобы отвоевать себе площадку на мировом рынке. И использование валютной выручки государством, а не желторотым

спекулятивным капиталом, всю жировавшим уже тогда из-за горбачевских опрометчивых потачек. И не для скопидомского накопления валютных резервов казной в так называемом Стабилизационном фонде, который есть прямой минус национальным интересам. Ни к чему хранить валютный доход за границей вместо того, чтобы вкладывать капитал в передовые технологии и отрасли экономики. Завоевать место под солнцем мирового рынка способна конкурентоспособная экономика на основе инноваций и перевода капиталов из сырьевых отраслей в перерабатывающие, прежде всего, отрасли с высокой технологией. Господствующий в нашей экономике крупный бизнес в этом не заинтересован, а существующая власть давно сочла за лучшее отказаться от способов воздействия на экономику. В этом было одно из основных требований Вашингтонского консенсуса, в соответствии с которым проводились рыночные реформы. Между тем, крепок тот рубль, за которым стоит пророст нерентных валютных доходов, положительный платежный баланс. И не за счёт продажи сырья, а изделий ума и труда. Вот на этом, если совсем упрощенно, и базировалась моя концепция. Валютные доходы страны подчинить – всецело! – созданию конкурентоспособной экономики и за этот счет создать на мировом рынке высокий спрос на рубли. Если рубль нужен всем и за ним стоит развитая конкурентоспособная экономика, тогда к нему есть доверие. Если же живёшь одной продажей сырья, то его быть не может. Коротко говоря, конвертируемость – это доверие к валюте. Конвертируемость как итог, а не предтеча вхождения нашей экономики, в мировое разделение труда.

В. Б.: Разве не переключается этот ваш проект конвертируемости с тем, что почти в течение уже трех десятилетий последовательно, без оглядки на злопыхательство менял Запада, проводит Китай? Даже на том продвинутом рубеже, когда китайская экономика является лидером мирового рынка, юань все еще не является свободно конвертируемым?..

С. Д.: Именно. Отказавшись от Вашингтонского консенсуса, Китай разработал собственную модель *планово-рыночной экономики*, составной частью которой стало постепенное конвертирование юаня. Теперь он занял достойное место на мировом рынке. Китайский ширпотреб проник во все закоулки мирового рынка, и это обеспечило громадный приток в страну таких объёмов валютных резервов, каких нет ни у кого. Теперь экономика США зависима от китайской экономики больше, чем наоборот. О таком положении экономики нам теперь не приходится и мечтать.

Между тем двадцать лет назад всё было по-другому. Экономика СССР времен так называемого “застоя” была несравненно более развита, чем китайская. Потому мы и преуспели бы гораздо больше, если бы не авантюра с “шокотерапией” и сумасбродным “прыжком в рынок”. Китайцы подступились к реформе экономики и всего уклада планового хозяйства с очень низкого уровня. В Поднебесной не было ни накоплений, ни технологий, ни в достатке сырья... Китайцы начинали с площадки риса на едока, а сегодня скупают по всему миру технологии, месторождения, стратегическое сырьё... Мы в СССР стояли все-таки на куда более высоком уровне зрелости экономики. Всё это достояние оказалось погублено, расхищено, по ветру пущено “либеральными” реформаторами. Китай же, благодаря тому, о чем я говорил выше – разработке собственной модели экономики, соответствующей его интересам, – стал самой динамичной экономикой в мире. В то время как за истекшие годы развития по либеральной модели валовой внутренней продукт России после резкого падения еле достиг сейчас уровня двадцатилетней давности, валовой продукт Китая возрос в 5,3 раза. Вот что значит идти верным или неверным путём.

В. Б.: В связи со сказанным Вами хотелось бы вернуться в назлектризованную атмосферу 1989 года. В те горячие, запальчивые споры и, я бы сказал, темные идеологические махинации, что творились на Старой площади в окружении Горбачева. Насколько я знаю, Вы, Солтан Сафарбиевич, являлись тогда одним из идеологов Интеллектуального клуба Московской демократической платформы. И уже тогда наметились резкие разногласия в кругу экономистов, которые ратовали за глубокую реформу экономики. Конкурс Фёрса явился своеобразным тестом на добросовестность, компетентность, здравомыслие и профессиональных экономистов, и демагогов “улицы”, выдвигавших альтернативы “директивной” экономике... И предприятие Фёрса как раз было по тем временам редкой, неполитизированной затеей. Критерием стал про-

фессионализм. Неудивительно, что демократические витии от экономик не могли преуспеть в честном состязании идей...

С. Д.: В самом деле, тот факт, что американский предприниматель Фёрс, а не советские, равно как и последующие российские власти, позаботился о том, чтобы во главе угла стояли компетентность и прагматика, много о чём говорит. Жюри конкурса, как известно, возглавлял один из ведущих в мире экономистов, в то время уже американец, но с большой симпатией относившийся к России, наш бывший соотечественник, лауреат Нобелевской премии Василий Леонтьев.

Конкурс был проведен деловито, по-американски, а не так, это делается у нас, когда всё заранее предрешено. Всякие личные связи и неделовые решения были исключены. Проекты были закодированы, а потому единственным критерием оценки был уровень научной обоснованности и практической целесообразности. В оценке проектов участвовали эксперты Международного валютного фонда и Гарвардского университета, правда, совсем не те, которые потом манипулировали Гайдаром. Высокая компетентность и добросовестность жюри Леонтьева никем под сомнение не может быть поставлена. Тем не менее, его рекомендации приняты не были. Фёрс вместе с одним из членов жюри приехали в Москву и добились у Рыжкова и Абалкина согласия на проведение международной конференции в Ленинграде с участием Леонтьева и других мировых светил. Но это тоже сделано не было. Видно, власти посчитали, что идущая мимо них авторитетная международная акция бросит тень на их компетентность, а этого они допустить не хотели. В итоге получилось, что инициатива искренне озабоченных российскими интересами учёных была отвергнута и тем самым была открыта дорога совсем другим из администрации Белого дома и Гарвардского университета. Ельцинская администрация в союзе с Белым домом выдвинула политизированных специалистов, осуществивших стратегию развала российской экономики, её превращения в сырьевую кладовую других стран. История жестоко нам отомстила: не захотели спасителей — получили могильщиков.

В. Б.: Неспроста ведь тогда на слуху было бесподобное выражение — **концеры экономистов...**

С. Д.: Ничего удивительного. Безразлично отнесся к нашим проектам (их было шесть, и они мало отличались друг от друга) и работавший в те годы в правительстве мой старый друг, академик Леонид Абалкин. Тогдашний глава правительства Николай Рыжков проявлял большой интерес к ним. Несмотря на это, успеха они не имели. Следует иметь в виду, что проекты по названию были посвящены рублю, а на самом деле речь шла об экономике в целом. В слабой экономике крепкой валюты быть не может. “Аппарат” их отыграл... К сожалению, у Горбачева же вовсе не было определенной стратегии перехода к рынку. Все академики-экономисты соперничали на поприще влияния на Горбачёва, убеждая его в том, что лучше него никого нет и лучше быть не может. Была этакая внутривидовая борьба, порождаемая завистнической конкуренцией. Впоследствии, придя к власти, по-своему на это отреагировал Ельцин. Он вообще отстранил академиков от участия в разработке российских реформ и обратился за помощью к Белому дому. Вашингтон легко обратил главного российского популиста и борца с номенклатурой и привилегиями в либеральную веру в силу его полного невежества в экономических вопросах и делах руководства страной, оказавшейся на перепутье между плановым прошлым и рыночным будущим. Скорый на безрассудства Борис Николаевич враз отлучил от дела наиболее компетентных отечественных экономистов. Вместо этого приветил тех, кого ему насоветовал американский Белый дом.

В. Б.: Ныне в связи с кончиной Егора Гайдара вновь его славословят как “отца” рыночной реформы. Президент Медведев даже учредил в его честь премию. А ведь действительная, немифическая роль Егора Тимуровича в претворении провалившегося перехода к рынку была незавидной. Не так ли это?

С. Д.: Да, это так. Западные экономисты, с которыми мне доводилось беседовать, называют Гайдара Straw man. В буквальном переводе — соломенный человек. То бишь подставная фигура. Подлинным закоперщиком российских “реформ” был Ларри Саммерс, бывший заместитель министра финансов Соединенных Штатов, которого Клинтон назначил ответственным за российские реформы. Ныне он экономический советник Обамы. Что касается Гай-

дара, Чубайса и других, то они только выполняли то, что им предписывали их американские патроны, и проталкивали эти решения здесь. Так что если президент Медведев так доволен реформами и кого-то хочет чтить, то лучше главного, чем его подчиненного.

В. Б.: Между тем в масс-медиа России и Запада возобновилась патетическая версия российских реформ 90-х годов. Наглядный пример – толстенный опус американца Хоффмана под названием “Олигархи”. Оказывается, архаровцы-“младореформаторы” выполняли некую “провиденциальную” черную миссию. Неблагодарную работу по ликвидации тяжкого тоталитарного гнета, в котором якобы влачила экономика старой “сверхдержавы”. Эти люди (российские олигархи) отстаивали исключительно свои собственные интересы и совершили самую крупную кражу в истории – так отозвалась “Санди Таймс” об увлекательной саге Хоффмана. Но это, дескать, было ограбление во благое ограбленной страны, потому что в противном случае Россия бы “зачахла” в условиях пресловутой “административно-командной системы”. Нелепость и цинизм хоффмановской работы сопоставимы лишь с мерой его лицемерия. И все эти идеологические плутни неспроста. И “за бугром”, и в Белокаменной ныне заговорили, вкрадчиво, о Перестройке-II и о втором пришествии либерализма. Похоже, как ложка к обеду, – миф о “храбрых портняжках”-младореформаторах?

С. Д.: Я не знаком с писаниями упомянутого Вами Хоффмана, но после 20 лет развала российской экономики на путях рыночного развития рассуждения о “жалком существовании советской экономики” кажутся мне полным бредом. С точки зрения таких господ, когда страна наращивала свой валовой продукт, то это было плохо, а когда он уменьшился, то стало хорошо. Когда повышалось благосостояние народа, то это было плохо, а когда мы обнищали, то стало хорошо. Когда смертность населения на тысячу человек в год была 8–10, то это было плохо, а когда стало 15–16, то стало хорошо. А ведь всё это и многое другое подобное является результатом реформ.

Что касается самих реформ, то в своей книге “Столкновение и сговор” американская журналистка Джанин Уэдделл показала, что они были осуществленными по сговору между администрациями Клинтон и Ельцина американским проектом. Там же она приводит обличающие документы в отношении Саммерса и Чубайса. По своему служебному положению Чубайс был выше своего наставника на две ступени. Ведь Саммерс был заместителем министра финансов, а Чубайс и министром, и вице-премьером. А этот самый Саммерс обращался с Чубайсом как зависимым от него подчиненным, обязанным выполнять его указания. Американский автор без прикрас описывает шефство Белого дома над дилетантским правительством Гайдара. Под строгим началом Саммерса разрабатывались методологии и документы “реформаторов”. Чубайс получал американские “бумаги” и подсовывал их Ельцину. Ельцин подписывал, а Гайдар проворачивал практически. Публике медиа внушали, будто бы всю шокотерапию и придумал, и протачил Егор Тимурович. На самом деле “соломенный человек” был лишь исполнителем. Признаться, Егора Тимуровича я неплохо знал. Сам по себе он был неплохим человеком, из породы первых учеников. Когда он отвечал в университете на экзамене, ему нельзя было не поставить пятерку. От “А” до “Я” все знал назубок. Но по складу ума и личности он был из тех начетчиков, что пороку не изобретут. Познания в экономической теориигодились ему, когда он трудился консультантом в журнале “Коммунист”, а под венец горбачевской “перестройки” и редактором экономического отдела “Правды”. Он был сугубо книжным человеком, который наивно верил во всё написанное. В одно время он верил в марксистские догмы, иначе бы его в “Коммунист” и “Правду” не взяли. Когда ветер времени подул в другую сторону, он так же слепо поверил в прописные догматы монетаризма. Что из этого получилось, теперь ясно всем.

В. Б.: Пожалуй, Гайдар был дважды начетчиком. До перестройки обретался в безвестности, делая штудии на стезе экономической теории марксистской. А когда Горбачев сподобился открыть химерическое “новое мышление”, Егор Тимурович в одночасье превратился в записного либерала и упертого “монетариста”, верного последователя учения фон Хайека. В те годы я работал в экономическом отделе “Правды” и стал невольным свидетелем его внезапного воцарения. Редактор эконо-

мического отдела первой газеты страны прежде – всегда сильный профессионал-газетчик, политически весомая величина. Гайдар для этой роли никак не годился. Он был типичным назначенцем, которого навязала Старая площадь. Случилось это нелепое назначение антикоммуниста в редакцию “Правды” вскоре после смещения главного редактора академика Виктора Афанасьева, интеллектуала, личности самостоятельной и непокорной. Гайдара вовсе не волновало, что происходило в экономическом отделе “Правды”, который он разваливал словно нарочно. Время от времени он и вовсе таинственно исчезал, отправляясь на промывку мозгов в Америку. Его назначение в “Правду” было политической уловкой его покровителей. Не просто, дескать, бойкий автор экономических опусов, которых тогда пруд пруди, а голова, призванная в высшую партийную номенклатуру. Полагаю, это проделка кукловода и архитектора реформ хитреца Яковлева. Продвигая это “инородное тело” – Гайдара в “Правду”, люди Горбачева делали этикие изощренные шахматные ходы, расставляя, впрок, своих перевертышей на верхних этажах партноменклатуры. Всё затевалось исподволь, загодя и издалека. Партноменклатура, которая уже сама была на сносях, торопилась поспеть заключить закулисную унию с ельцинистами, рвавшимися к власти.

С. Д.: Насчет интриг Старой площади и действий загодя я не вполне согласен. Например, достоверно знаю, как выдвигался Чубайс. Как-то в Белом Доме у меня был разговор с Русланом Хасбулатовым. И он спросил моего совета, дескать, спешно надо создать при Верховном Совете экспертную группу. Чтобы ученые, в том числе экономисты, проводили компетентную экспертизу законодательным проектам по развитию рыночных реформ в РСФСР. Хасбулатов просил меня подумать, кого бы рекомендовать в экспертную группу. Я спустился с четвертого этажа и тут повстречал Петра Филиппова, с которым я сотрудничал в социал-демократической партии. Я ему и пересказал, что за разговор имел только что с Хасбулатовым. Через несколько дней он позвонил мне домой и попросил встречи с одним очень подходящим человеком. Я ответил: “Приходите”.

Оказалось, человек, с которым Филиппов пришел и хотел меня свести, это Анатолий Чубайс, брат Игоря Борисовича Чубайса, известного историка и философа. Анатолий рассказал о себе. Я его кое о чем расспросил, и мне он показался подходящим, да и Филиппов его хвалил. Скромный такой, даже застенчивый. С учётом своего возраста и положения я, можно сказать, прочитал своим молодым гостям микролекцию минут на пятнадцать о том, как, на мой взгляд, следует подступиться к экономическим реформам в России. По иронии судьбы я их убеждал в *постепенности действий*, то есть в обратном тому, что они впоследствии стали делать. Главным нашим учителем, говорил я, должен быть опыт, в соответствии с подсказками которого следует корректировать свои действия. Камнем преткновения будет утверждение частной собственности, говорил я, поскольку у нас нет традиции и культуры частного предпринимательства. К этому у нас существует предвзятое отношение. И надо убедить людей, что частное предпринимательство – не исчадие ада, а благо и необходимость в рыночной экономике при условии овладения западной культурой ведения хозяйства. Над моими наставлениями теперь можно смеяться, но тогда они воспринимались без возражений. Словом, Филиппов поручился, и я без оглядки сосватал Чубайса Р. И. Хасбулатову. Анатолий Борисович Чубайс был зачислен в экспертную группу Верховного Совета РФ. Если бы он был кем-то подобран ранее, то моя помощь ему не была бы нужна.

Однако потом произошло нечто, достойное большего внимания. Произошло много такого, что мне неизвестно, в результате чего Анатолий Борисович вскоре оказался во главе российского комитета по имуществу. В этой роли он съездил в США, откуда, видно, приехал уже другим. Об этом можно судить по статье, представленной им в существовавший тогда орган Совета Министров СССР “Правительственный Вестник”. Мне позвонил зам. главного редактора (фамилию забыл), которому моя позиция была известна, и говорит: “Ваш Чубайс – Федот, да не тот. Не хотите ли посмотреть его статью и написать о своем отношении к затронутым вопросам?”. Так и сделали, и газета поместила наши статьи с разными позициями на одной и той же полосе.

Теперь насчет Гайдара. Академик Станислав Шаталин находился в Кунцевской больнице, и я по телефону условился его провести в очередную пят-

ницу. Накануне, в четверг он звонит и говорит: “Завтра ты не приезжай”. “Почему?” – “Потому что ко мне приедет Ельцин, и мне будет не до тебя”. И я не поехал. Навестил его через два дня. Оказалось, Ельцин действительно наведался к нему, чтобы посоветоваться о том, кого бы ему взять экономическим советником. По словам Шаталина, из пяти названных им кандидатур Ельцин выбрал Гайдара. Скорее всего, фамилия, вернее псевдоним деда, автора “Тимура и его команды”, для провинциала Ельцина сыграла решающую роль.

Помнится мне, мы ещё дискутировали, что значит быть советником такой авторитарной личности, как Ельцин. “Вот ты был советником Горбачёва, и что ты значил?” – спрашивал я его. “Ровно ничего”, – отвечал он. Я тоже ему рассказал: “Как-то нас, человек тридцать ученых мужей, вызвали в ЦК и объявили нас советниками Горбачева, но лично я тогда ни разу не видел его иначе, как по телевизору”. Советник в наших условиях, говорил я, ничего не значащая декоративная фигура.

Но в данном случае мы ошиблись. Из скромного советника Гайдар вскорее превратился в много значащую политическую фигуру, в символ осуществлённых в России судьбоносных реформ. Его деятельность можно оценивать по-разному. Но при всех условиях его нельзя считать кем-то заранее подобранным для осуществления злых намерений. До поры до времени ни Гайдар, ни Чубайс американцам не были известны. Другое дело, когда они заняли должности и стали известны. Тогда американцы нашли в них своих людей и подобрали к ним ключи.

Какими бы трагическими ни были фигуры Ельцина, Гайдара, Черномырдина, Чубайса, Козырева и иже с ними, на мой взгляд, их надо рассматривать не отдельно, а вкуче с множеством других, имя которым легион, с лёгкостью отказавшихся от всего своего и услужливо склонивших головы перед теми, от кого ожидали милости себе. Причина здесь более глубокая, чем подкуп со стороны. Мне кажется, она заключена в кризисе нашей цивилизации. В поворотный момент нашей истории мы дрогнули, потеряли волю к борьбе за своё существование и бездумно вручили свою судьбу в руки тех, кто вместо отстаивания интересов своей страны оказался способным лишь к капитуляции перед внешними силами.

В. Б.: И впрямь, неисповедимыми путями делается история в окаянную годину. Смута, неразбериха 90-х годов давно позади, а морок всё никак не сгинет. И нет ощущения твердой почвы под ногами. “...Живётся сомнительно, без уверенности в завтрашнем дне, без уверенности в дне настоящего”, – читаем у Салтыкова-Щедрина. И дальше, примечательное: “Родилась язва холопства, принимающая вид смелости, а в основе ее наглость и ложь”. Это язвительное щедринское замечание как не примерить к новорусскому интеллектуальному сообществу! К тем ученым мужам, что “на ловле счастья и чинов”, угодничая, “кадят и кадят” “путиноике”. Присягнувших либеральному мейнстриму – не большинство ли и в академической среде?..

Был я свидетелем Вашего теоретического доклада в Академии наук о сокрушительных итогах либеральной реформы в России. Он оказался подобен притче о платье голого короля. Из всего услышанного на дискуссии я вынес убеждение, что официозная либеральная экономическая наука благолепно сложилась. Она затвердела, стала каким-то новым “истматом”, или как ее еще прозвать. Почему же так обернулось? Вот вы бываете в Кембридже, встречаетесь со своими зарубежными коллегами, людьми в научном истеблишменте известными за рубежом. Как-то они осмысливают, оценивают это грехопадение нашей экономической науки? Вернее, в той ее части, что перешла в услужение олигархии?

С. Д.: По-разному оценивают, потому что и Запад разнороден. Та среда, в которой я обретаюсь, оценивает нашу теперешнюю экономическую мысль, прямо скажем, не высоко. Я себя ощущаю на Западе как исследователь и соратник дискуссий гораздо свободнее, встречаю большее понимание, чем здесь. В том докладе, о котором вы завели разговор, шла речь о несоответствии принятой нами модели экономики нашим условиям, и утверждалось, что Россия с неотвратимостью вползает в кризис. Если помните, то некоторые из участников обсуждения (академик Глазьев, член-корреспондент Медведев, профессор МГУ Бузгалин и другие) отнеслись к положениям доклада с интересом и одобрением. Однако большинству, в особенности академику

Аганбегяну, доклад пришелся не по вкусу, потому что Аганбегян был в числе проводников реформ, несостоятельность которых много раз вскрывалась. Но ещё было то, чего Вы не знаете. Некоторые близкие мне по духу академики (Некипелов, Абалкин, Ивантер), которые сами способствовали постановке доклада, вообще не пришли на обсуждение. Наверное, не хотели ни соглашаться, ни критиковать меня. А ведь разбушевавшийся чрез три года кризис показал, что ситуация сложилась даже хуже, чем она оценивалась в докладе.

В. Б.: А выступали ли Вы ещё с этими идеями позже?

С. Д.: Много раз, и здесь и за рубежом. Опубликовал статью в журнале “Вопросы экономики”, а также отдельную брошюру на эту тему. В американском журнале “Посткейнсианская экономика”. Ещё одна работа на выходе в США.

В. Б.: И какова же реакция на Ваши выступления?

С. Д.: Смотря где. На Западе мои оценки реформ вызывают определенный интерес. У нас? Единомышленники поддерживают, а довольные своим положением и доходами игнорируют.

В. Б.: Выходит, посткейнсианцы на Западе порицают конформизм российской экономической науки, которая метнулась от марксизма к либерализму?

С. Д.: Посткейнсианцев этот вопрос особенно не занимает. Они черпают свои идеи и решения у Маркса, Кейнса и Калецкого, с опорой на которых многие выдающиеся представители этого направления экономической мысли разработали собственную концепцию развития, которую я считаю более подходящей для наших условий. У посткейнсианства есть собственный счёт к либеральной теории, принятой в России и имеющей название “неоклассической ортодоксии”. Посткейнсианцы рассматривают современный капитализм как далёкий от того, каким его рисует “неоклассическая ортодоксия”. Они утверждают, что капитализм не является тем общественно-экономическим строем, за который его выдают защитники. Однако я здесь не могу входить в рассмотрение того, какую альтернативу этой теории они противопоставляют. Более важно сказать о том, что наш двадцатилетний опыт построения капитализма является ярчайшей иллюстрацией и подтверждением, прежде всего, марксовской оценки капитализма как общества во имя обогащения одних за счёт обнищания других. Раньше мы об этом только читали, теперь пришлось испытать на собственной шкуре. Произвол хозяина над работником стал полным. Заработная плата устанавливается на недопустимо низком уровне, в то время как цены и тарифы непрерывно растут, а покорные работодателям профсоюзы молчат. Зато прибыли растут так, что миллиардеров становится всё больше и больше. Именно так и описывал капитализм Маркс.

В то же время власти кормят нас сказками о том, как хорошо якобы станет когда-то. Но каким образом догматы, приведшие нас к нашему нынешнему состоянию, начнут действовать иначе и поведут к лучшему? Ведь необходимость рынка доказывалась тем, что он содержит автоматически действующий механизм модернизации экономики, а потому никакого планирования не нужно. Надо, мол, дать этому механизму полную свободу, и всё пойдет по маслу. Дали, и что же? Ничего этого нет, и президенту пришлось выйти на сцену и призывать к модернизации. Но бизнес в ней не заинтересован, а остальных призывай не призывай – толку никакого. Сколько ни говори халва, халва, от этого сладко во рту не станет. Значение имеют только реальные факты. А они таковы, что вначале был дефолт 1998 года, а теперь имеем поразивший нас финансово-экономический кризис.

В. Б.: Сейчас накатывает новая волна мирового кризиса. Экономика ЕС трещат по швам. Уоррен Баффет предсказывает девальвацию доллара. Как России выстоять? Возможен ли по накатанной либеральной и коррупционной колее пошехонского грюндерства выход на парадигму развития?

С. Д.: Нет, невозможен. Самым пронизательным и откровенным западным политиком, оценивающим глубину кризиса, неожиданно для меня выступил президент Саркози. По существу, он призвал к регулированию капитализма и тем самым социалистическому в известном смысле преобразованию капитализма. Во всяком случае, оценка Саркози больше всего соответствует реальности. Мир капитала, как встарь говорили, на опасном распутье. Так же, как мы при Горбачеве оказались перед необходимостью принятия рыночных

способов ведения хозяйства, так теперь капитализм оказался перед необходимостью принятия методов планового регулирования экономики. Короче говоря, в ответ на капитализацию социализма теперь требуется, так сказать, нештучная социализация капитализма. И это осознает Саркози, имеющий репутацию политика правого толка.

Я очень удивлен идеологическими превращениями Саркози. Он первый из политиков такого масштаба заговорил о том, что нельзя выйти из кризиса иначе, как путем установления контроля за финансовым оборотом и регулирования капиталистической экономики. А это и есть признаки социалистической тенденции.

В. Б.: Вице-премьер Шувалов заявил о спешной приватизации 5000 предприятий. Идет вторая волна либерализации. Греф настаивает на распродаже акций Сбербанка частным акционерам. Государство все более сужает свое присутствие в экономике. Тем временем квазигосударственные корпорации показали, что являются лишь инструментом присвоения прибыли анонимными рыночными “агентами”. Вот контекст, о котором сейчас идут толки и во власти. Означает ли все это, что “путиномика” является завершённым проектом? В свое время вы издали книгу, в которой высказали взгляд, что ельцинизм 90-х годов, по своей глубинной сущности, анархо-либерализм. А как определить сущность “путиномики” – как отпрыска анархо-либерализма, но с другой морфологией?

С. Д.: Ни Путина, ни Медведева, при всех их амбициях, я не считаю решающими фигурами в экономике. Осознают они это или нет, хотят или нет, но они исполнители воли господствующего класса, каким в России является олигархический капитал. У кого богатства – у того и власть. Рыночная экономика подчиняется бизнесу, а не президентам.

Разве Вы забыли, как в выборах 1996 года при трёхпроцентном рейтинге олигархи всё равно сделали Ельцина президентом? Если бы Путин или Медведев вздумали что-либо серьёзно изменить в стране к лучшему для народа за счет ущемления интересов олигархов, то последние подняли бы такой вой в стране и мире, что руководители государства вынуждены были бы отступить.

Поэтому ни от них, как и ни от кого другого коренных перемен в пользу народа ожидать не следует. Никто не даст народу избавления, ни Бог, ни царь, ни герой, добиться улучшения он может только собственной рукой. Только народ может принудить власть поставить олигархов и вообще капитал под социальный контроль и предписать им такой образ действий, чтобы в выигрыше оказалось всё население. Пока этого нет, мы будем катиться по заданной наклонной к катастрофе, масштабы и характер которой представить заранее невозможно.

АЛЕКСАНДР БОЙКО

доктор юридических наук

ВСЕ БОЛЕЗНИ ОТ ДОКТОРОВ?

Размышления о борьбе с коррупцией

Стартовые мысли. Чуть более двух лет назад в стране объявлен поход против коррупции в органах власти; для реализации этой благой цели набирается ополчение в форме кадрового резерва. Через 16 лет после первого опереточного Указа первого Президента РФ, посвящённого названному Злу (№ 361 от 4 апреля 1992 г.), хорошим парням наконец-то удалось преодолеть сопротивление плохих парней и принять необходимое законодательство, составить национальные планы по очищению госаппарата от коррозии, нарядить комиссии, заставить чиновников посещать специальные курсы... Вспомнили и о нас – криминалистах, еженедельно зовут для выступлений в аудиториях, как во времена ликбеза. А перед выходом в зал главы администраций вполне искренне интересуются, что такое коррупция и как переводится данное слово, а попутно просят не говорить “лишнее” подчинённым. Не поздно ли? И почему раньше не звали, ведь российские криминологи давно кричали на симпозиумах и в публикациях о явном неблагополучии в сфере управления? Или только сейчас приспело то время, когда “обвинять, а не оправдывать надлежит” (М. Е. Салтыков-Щедрин), то есть завершился буйный процесс разгосударствления в пользу *избранных*, а в общем распоряжении *рядовых* налогоплательщиков осталось совсем ничего: Царь-пушка, Царь-колокол, Эрмитаж, Гохран, Кижы – и потому пора начинать санитарные мероприятия во власти?

Поскольку зэповы времена минули только внешне, а наушничанье и пердёргиванье позиций оппонентов не выводятся из арсенала обиженных людей, расставим акценты сразу. Поддержим действующего Президента, посмеявшегося публично засомневаться в святости своего окружения и пытающегося привести чиновничество во вменяемое состояние, то есть к пониманию того, что служилые люди есть всего лишь подрядчики, нанятые для решения специализированных задач, которые работодатель (суверен-народ) лично выполнять не должен и не сможет. В связи с этим ещё вопрос, кто больше рискует в плоскости рассуждений о коррупции – представители интеллигенции или Президент. Это ещё вопрос, кому больше нужны результаты санации власти – самому Президенту, который не бедствует, либо населению, замордованному наследственным невежеством и плотоядием властей. В обществе пока недооценена смелость Д. А. Медведева, выразившаяся в призывах к системной борьбе с коррупцией, к критическому обследованию и лечению государственного организма, на вершине которого он сам находится и который олицетворяет по должности в первую очередь. В политическом бомонде и самом го-

саппарате наблюдается настороженная и весьма неоднозначная реакция на его инициативы (что понятно, ибо многим лицам от власти это предприятие грозит не только отставлением от должности, но и утратой незаконно присвоенного казённого имущества). Пока высока вероятность того, что данное социально значимое начинание Центра завязнет в бюрократической тине, будет искажено и опорочено как традиционным противо- (либо без-)действием на местах, так и чрезмерно ретивой преданностью управленцев, то есть станет очередным печальным примером кампанейщины, не раз бывавшей в российской истории.

В этих условиях позволительно думать и писать, что глава государства нуждается в социально-психологической поддержке “снизу”. Ещё ценнее будут дельные предложения по совершенствованию Национального плана противодействия коррупции, дабы сделать его более рациональным и системным. Корректировать уже намеченные Президентом и осуществляемые на местах усилия придётся хотя бы потому, что в наследство Д. А. Медведеву досталась огромная государственная машина с искажённой системой восприятия своего социального назначения и своих обязанностей перед населением; под любым очищающим давлением она непременно будет коварно мимикрировать и сопротивляться различными способами. К сожалению, заменить госаппарат сразу и полностью невозможно — нужно работать с тем, что есть; придётся медленно мотивировать наличное чиновничество к порядочному отпращиванию его полномочий и обязанностей, а параллельно готовить ему масштабную замену (кадровый резерв).

Нижеследующие авторские мысли пылились на антресолях два десятка лет как залежалый товар, а тут начался такой ажиотажный спрос. Прямо-таки в воду глядел молодой К. Маркс, писавший, что именно преступник (и коррупционер — как его разновидность) производит на свет божий и судью, и полицейского, и тюремного надзирателя, и палача, и даже университетского профессора, который выносит на рынок свой опус для продажи. Спасибо ему. А вы читайте. Но вначале извинительная оговорка.

Quod licet Jovi, non licet Bovi? Великий бунтарь А. И. Герцен, оценивая общие условия для успешного духовного промысла, как-то тонко подметил: после 1812 года всё способствовало расцвету Московского университета — массовое воодушевление после победы над Наполеоном, историческое значение и выгодное географическое расположение города, а также... **отсутствие царя** (выделено нами. — **А. Б.**). Конечно, умные люди понимают, что первое лицо государства здесь почти ни при чём, что самым гнетущим образом на самочувствие народа воздействует другая сила — многочисленная челядь, скопившаяся около небожителя, намеренно искажающая его кругозор и мотивы его поведения в своих корыстных целях, душащая всё живое. Сразу скажу, что 8 лет назад, во время первого компьютерного братания с народом предыдущего Президента России я направил ему по электронной почте весьма скромный обывательский вопрос о том, обязательно ли моет он руки и каким именно моющим средством после встреч в Кремле с представителями так называемой российской элиты? Режиссёры, как и ожидалось, вопрос в эфир не пропустили, а с его автором никакие потусторонние организации не беседовали. И хорошо. Воистину вопрошатель оказался политически некорректным лицом: ведь в доме повешенного не говорят о верёвке. А вообще я это к тому, что несменяемые участники посиделок на ТВ исключительно из числа столичных жителей, напичканные, как им самим кажется, знаниями и потому якобы обречённые с обязанностью говорить народу, куда ему идти (в первую очередь имеются в виду современные политологи или знатоки партийных гениталий), могут что-то и пропустить в своих напыщенных разговорах с телеведущими, тем самым оставив маленький шанс для размышлений о коррупции и представителям провинции.

Ab ovo. В любопытное время мы живём: деятельное, залихватское, самодовольное заявление о себе состоятельного меньшинства и апатичное, безмолвное взирание на него, на его материальное преуспевание, на его финансовые преимущества и коммерческую прыть со стороны так называемых “социальных аутсайдеров” или большинства населения. На всех независимых от совести телеканалах бесятся гламурные паразиты, с помпой устраивают для себя публичные капустники в музеях, на сцене, на льду и так далее. Кажется, даже систематически возобновляемый вопрос о выносе тела бывшего

вождя из Мавзолея предстоит решить только для того, чтобы в освободившемся помещении начались съёмки сериала “Дом-3” – как очень полезного для нравственного и эстетического развития нации, а также архинужного для реализации творческих изысков гения режиссуры из Питера. Когда же наступает усталость от столичной роскоши, молодые бабуины с Рублёвки и других спецкварталов столицы и Подмоскovie требуют продолжения банкета – вывозят спецрейсами самок в куршевели и прочие офшоры, пробивают вопрос о строительстве федеральных публичных домов за 101-м километром, во всех округах. Ну, прямо нет сегодня в России более важных хлопот, чем обустройство казино в провинциях! Оставшиеся на бобах и без работы бывшие производители материальных благ смотрят на это мотовство знати вроде бы очумело, но про себя твёрдо ассоциируют его с прямым покровительством властей. Хорошо, что пока молча, но и эта безголовая безучастность опасна. Отсюда на социальной сцене противостоят друг другу азарт и ступор, огонь и холод. Бездеятельности, оторопи и апатии в народе больше, как больше и носителей отчаяния. Трудно в такой обстановке звать в очередное светлое будущее, к модернизации, эффективному управлению, искать наследников Левши для развития нанотехнологий, а ещё труднее – верить, что из призывов что-нибудь получится. Правящий ныне класс, дружно сгрудившийся около газонефтеносных скважин, денежного станка, казённого имущества, иностранных займов и бюджетных струй, изредка и с удивлением (особенно перед выборами) оглядывает холодное бесстрашие проигравших ему слоёв общества и в своём кругу, быть может, жалостливо и искренне вопрошает, почему в отсутствие чёрствого хлеба голодные не едят нежных французских булочек. Власть больна. Чем, почему, как вылечить её? Наиболее очевидная, наблюдаемая любым россиянином и потому “первая” причина её (власти) плохого самочувствия – ожирение.

Чудище огромно, обло, озорно, стозевно и лайяй (В. Третьяковский). В большой, недавно распавшейся стране под названием “СССР” было 660 тыс. управленцев, а в современной России – 1 350 тыс. Тогда в областях и краях функционировали УВД, ныне – ГУВД, тогда в их составе был только один генеральский чин – для начальника – и назывался он генерал-майор; теперь генералов в управлениях несколько, а руководитель имеет звание не ниже генерал-лейтенанта. Такая же картина в прокуратуре, таможне, наркоконтроле, юстиции, ФСБ и т. д. А ведь ещё появились федеральные округа с генералами более крупного калибра. А ещё приключилась славная мода присваивать подобные звания начальникам филиалов ведомственных вузов, имеющим в подчинении около 100 человек. И на этом фоне в конце 90-х годов из уст первого Президента РФ (не к ночи будет помянута его фамилия) вырвалось обидчивое суждение как бы не причастного к данному процессу человека: “уже поползло сверхнормативное количество генералов”. Ещё несколько лет такой настёрной эволюции – и пора учреждать для каждого субъекта РФ чин генералиссимуса.

Когда-то Салтыков-Щедрин живописал трудности пищевого содержания одним крестьянином всего-то двух генералов; в сегодняшней России подобная нагрузка на фермеров и прочих сельскохозяйственных жителей выросла многократно. Полтора века назад пересмешник России поразил соплеменников ещё одним откровением: эх, мечтал он, разогнать бы все министерства и оставить только два – **министерство оплодотворения и министерство отчаяния**. Усилия Центра по формированию и реализации Национальных проектов в области материнства и детства готовят базу для образования первого ведомства, а министерство отчаяния будет непременно создано после завершения строительства в Сочи олимпийских объектов.

Н. Бердяев сравнивал государство с **источником повышенной опасности** – для населения, конечно. Люди такого калибра в оценках и прогнозах социальной жизни обычно не ошибаются. В недавно прозвучавшем телеинтервью советского военачальника Д. Т. Язова сообщалось, что в СССР 80-х годов штат Министерства обороны составлял 3,5 млн человек. Ныне воинов меньше почти в 5 раз, и эта цифра сама по себе должна приветствоваться. Но ведь при этом численность МВД, напротив, выросла в два раза. А ещё стремительно развиваются вширь и вглубь, ему на подмогу, “внутренние войска”. Как прокомментирует это сравнение “дурно воспитанный” человек? Правильно: ныне ружьё власти повернуто внутрь страны, против собственного населения, а не за её пределы, то есть против потенциальных вооружённых при-

шельцев за “жизненным пространством” и природными богатствами России, что в её истории бывало часто. Дальнейший ход рассуждений обеспечен, и он неминуемо коснётся причин подобной метаморфозы – имущественного расслоения, социальной политики правящей элиты, справедливости общественного строя, качества государственного управления. . .

42 миллиардера: 42 миллиона нищих. Рассуждая о национальном характере русских, академик Лихачёв с горечью заметил: “Одна черта, замеченная давно, действительно составляет несчастье русских: это во всём доходить до крайностей, до пределов возможного. . . Хорошо это или плохо? Не берусь судить. Но что Россия благодаря этой черте всегда находилась на грани чрезвычайной опасности – это вне всякого сомнения, как и то, что в России (никогда. – **А. Б.**) не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем”¹.

Вот и очередной опасный рубеж достигнут. За весьма короткий исторический отрезок времени реформаторам удалось поляризовать российское население до размеров, не принятых в современном мире. Индекс имущественного расслоения зашкалил за ватерлинию. Проф. В. В. Лунеев, ссылаясь на предупреждение Платона о максимально возможном четырёхкратном имущественном расслоении общества, сообщает, что “разрыв в доходах самых бедных и самых богатых в России угрожающе растёт”. Если в 1991 г. он составлял 1:4,5, в 1994 г. – 1:15, то “по данным правительственной программы социальных реформ на 1996–2000 годы этот разрыв был двадцатичетырёхкратным”. И это при том, что в европейских странах данный показатель “близок к пятикратному, в США – к восьмикратному, а в Японии – к четырёхкратному. Социально опасным и наиболее криминогенным считается 1:10 и больше”². А в изуродованной очередными реформами России до тридцатикратного индекса тишь и благодать. Пока.

Имущественное расслоение произведено российскими реформаторами в 90-х годах прошлого века нахраписто и во многом незаконно, посредством бурного революционного натиска на оторопевшего обывателя, привыкшего к социальным гарантиям и патернализму; государство односторонне отказалось от своей многолетней опеки вопреки устойчивым надеждам и настроениям налогоплательщиков; последние теперь предоставлены самим себе, без каких-либо перспектив на обладание производственными мощностями и природными закромами, но зато обручены политическими агитаторами с прославленными (гипотетическими) правами и свободами. Случилось событие, отбрасывающее тень на будущие поколения и заказывающее их общественно опасное поведение. Миллионы привлекаемых к уголовной ответственности микрожуликов будут в ближайшем будущем параллельно свою судьбу с ненаказуемыми макропреступниками или олигархами и тем найдут если не активную поддержку, то хотя бы полное понимание со стороны своих товарищей, не овладевших искусством “поближе приютиться около (общественного. – **А. Б.**) пирога, чтоб не что урвать, утаить, ушить, укроить, усчитать и вообще, по силе возможности, накласть в загорбок любезному Отечеству” (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Может, перебарщиваем мы с воспроизводством давних саркастических высказываний известнейшего пересмешника России, не сочетаются они с сегодняшней реальностью? Да нет, всё повторяется под Луною. Екатерина Великая в 1766 году писала: “Ещё раз я обещаю вам среднее сословие, но зато же и трудно будет устроить его”. А нынешнее политическое руководство страны второе десятилетие сожалительно высказывается по поводу проблем с выращиванием “среднего класса”. Как же он мог приключиться, если “в стоимости производимого в России валового продукта 75% занимают природные ресурсы. За счёт труда создаётся только 5% национального богатства. Но эти проценты дают нам 2/3 всех собираемых налогов. Тогда как нефть, газ, лес, металл и т. д. дают лишь 13% налоговых поступлений. В результате этого государство ежегодно недополучает в бюджет 40–60 млрд долларов”³. За-

¹ Лихачёв Д. С. О национальном характере русских // Из истории гуманистической мысли. – М.: Просвещение, 1993. С. 279.

² Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. – М.: Изд-во НОРМА, 1999, С. 238.

³ Овчинский В. С. Преступление и наказание // Завтра. 2006. 6 декабря (цитируется академик Д. Львов).

нимательнейшая статистика: от 75% доходов сверхбогачей – всего 13% в общественную копилку, а от 5% грошовой зарплаты остальных – целых 75% отчислений в бюджет! Как при таких чудовищных распределительных диспропорциях, невинно допускаемых или специально организуемых так называемым “социальным” государством, не расти гигантскому имущественному неравенству!

М. Бакунин, возбуждавший в XIX веке анархические наклонности и в России, и в Европе, как бы специально предупреждал, что на Западе **чиновник и обыватель существуют сами по себе**. Сегодня мы копируем социальную инженерию стран, расположенных за нами по ходу Солнца. И бакунинские оценки зримо проявляют себя: теперь на входе в каждый РОВД стоит автоматчик – вероятно, для обеспечения более прочной связи с жалобщиками и с народом вообще; внутри зданий судов на каждом повороте маячат молодые ребята в чёрной одежде, совсем как в фильме о 17 мгновениях весны; на ТВ часты сюжеты о новых технических средствах подавления массовых выступлений населения; все госучреждения и коммерческие структуры пользуются услугами охранных подразделений и отгородились от населения турникетами, заборами. Хорошо упаковались. Руководители территорий кличутся теперь по-иностранному мэрами и префектами, что пока аукнулось лишь пышными инаугурациями. Бывшие народные судьи давно наречены федеральными, но положительно на юрисдикционной деятельности это тоже не сказалось. А теперь вот и милицию или народное ополчение для более нежного обслуживания россиян переименовали в полицию, что на задворках генной памяти вызывает совсем плохие ассоциации. Скоро будем пожинать результаты терминологических упражнений, завершающих полное дистанцирование власти от её хозяина или суверена. Какое тут обслуживание населения по правилу “одного окна”, какая тут борьба с коррупцией!

И. В. Гёте как-то сказал, что **деньги – это превосходный случай на чём-нибудь поставить точку**. Сколько стоит населению содержание непомерно раздутого аппарата власти и оправдывает ли он надежды заказчика услуг? Относительно недавно (2005 год) мы обсчитывали бюджет страны и оповестили тогда читателей, что на нужды управления Россия тратит треть своих финансов (расходной части бюджета), назвав данную пропорцию денежным распутством, самоедством, паразитизмом. К слову сказать, в Европе, а мы лезем со свинным рылом в эти калашные ряды под пропагандистские фанфары, расходы на содержание публичной администрации жёстко лимитируются, и они меньше отечественных в три раза.

Теперь будем говорить о том, что нам ближе всего – о правоохранительном секторе государства. Его руководители во всех странах мира обычно азартно эксплуатируют прыткий лозунг о том, что дешёвая юстиция в итоге дорого обходится обществу, намекают на опасные последствия экономии в сфере безопасности. Парламенты удовлетворяют запросы, перепуганный обыватель молчит, затраты растут непропорционально результатам... и общество всё-таки начинает считать расходы. Считают даже в самых сытых странах.

В США, например, эффективность предупредительно-карательных мер государства оценивается по специальной шкале, обязывающей сопоставлять затраты на уголовную юстицию с криминальными потерями, а зарплату полицейских и погибшие человеческие жизни – сравнивать в долларах. В результате подобных подсчётов обычно оказывалось, что расходы на правоохранительную систему в два раза меньше, чем сумма убытков от преступлений (четверть века назад 6 млрд 122 млн долларов – против 14 млрд 858 млн долларов)⁴. А в России ситуация прямо противоположная: содержание учреждений по борьбе с преступностью в 7 раз превышает фиксируемый властями совокупный криминальный ущерб⁵. В итоге общественности обеих стран при-

⁴ Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. – М.: Наука, 1986. С. 319.

⁵ Если годовой материальный ущерб от преступлений приблизился в денежном эквиваленте к 100 млрд руб. (Преступленность в России начала XXI века и реагирование на неё / Под ред. проф. А. И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004. С. 13), то общие расходы страны на национальную безопасность и правоохранительную деятельность (666 млрд 867 млн 227,2 тыс. руб.), а также судебную систему (43 млрд 138,7 млн руб.), то есть половина заложенных средств – на рассмотрение уголовных дел) составили 706 млрд руб., или 13% расходной части российского бюджета – “О государственном бюджете Российской Федерации на 2007 год” // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (часть II). Ст. 5504.

ходится гадать: дотировать карательные органы ещё в больших размерах либо отказывать в субсидиях со ссылкой на нерентабельность вложений; но главное – решать на ужесточение спроса с властей за итоги правоохранительной деятельности.

Посмотрим на вопрос и с другой стороны. Количество сотрудников спецслужб у нас в пересчёте на душу населения намного превосходит сопоставимые нормативы других стран⁶, а вот “выработка” на одного оперативника (количество раскрытых и доведённых до суда преступлений) в разы ниже. Вот данные: в 2005 году на каждого сотрудника правоохранительных органов Южного федерального округа в среднем пришлось 3,5 выявленного, пресечённого или доведённого до суда криминального деликта; в 2003 году аналогичная результативность спецслужб составила в Великобритании 28,9 деликта, в Израиле – 25, в ФРГ – 24, в США – 17,8, в Чехии – 12,1. Делайте выводы сами, но не забудьте суммировать “достижения” в сфере борьбы с преступностью: наше государство одновременно и больше берёт у общества, и меньше ему даёт.

Все болезни от докторов (Н. Амосов)? Общеизвестно, что лечению любого недуга предшествует его анамнез (изучение происхождения болезни). Суждений о причинах коррупции в научных исследованиях и публицистике тьма. Их классифицируют на общие и специальные, в их числе называют ошибки реформ, плохую нормативную базу, “взаимный обмен” должностями, кадрами и “горячей” информацией между бизнесом и госаппаратом в самых коррупциогенных сферах жизни, теневую экономику, большой объём полномочий и иммунитетов у власти, терпимость населения к взяткам, нравственную деградацию общества, криминализацию элиты и прочее. Всё верно. Но есть и другие обстоятельства, породившие разложение власти и затрудняющие процесс её санации, о которых либо вообще не упоминается, либо говорится вскользь. А мы акцентированно назовём именно их.

Но вначале сделаем три полезных отступления. *Первое:* коррупция не является сугубо российским явлением. Об особых требованиях к управленцам, запрете получать мзду за выполнение публичных обязанностей, недопустимости искать личную выгоду от должности заявлено в Ветхом завете и Коране, Моисеем, Мохаммедом и Буддой... В 1999 году Советом Европы приняты две специализированные конвенции (об уголовно-правовой и гражданско-правовой борьбе с коррупцией), 31 октября 2003 г. – Конвенция ООН против коррупции, в 2006 г. – Модельный закон об антикоррупционной политике стран СНГ. Этому злу посвящены многие иные международные документы, а также конгрессы, саммиты и прочее. Одновременно в ООН и других надгосударственных структурах множатся скандалы по взяткам, показывающие, что мировые и региональные лидеры недалеко ушли от национальных элит.

Второе: коррупция – заразное заболевание, распространяющееся в человеческой среде как вирус. Руководители международных финансовых институтов с горечью сообщают, что 40% их кредитов разворовывается высшими государственными чиновниками стран-заёмщиков. Что-то до боли знакомое проглядывает в этих цифрах. Ещё в 2001 году бывший политический соратник Ельцина сообщил, куда пропал последний заём МВФ накануне приснопамятного финансового облома 1998 года: **“235 млн долларов – на личный счёт дочери Ельцина Татьяны Дьяченко в Сиднейском банке (Австралия); 1 млрд 400 млн – в Нью-Йоркский банк на закрытый счёт Черномырдина – тогдашнего премьера России; 780 млн осели в “Креди-Сюисс” (Швейцария) на закрытом счёте А. Чубайса; 270 млн долларов – в “Кредитанштальт-Банкферейн” (Швейцария; лозаннское отделение) – на закрытом счёте Б. Березовского. 2 млрд 415 млн долларов США конвертированы в фунты стерлингов в Национальном Вестминстерском банке (Лондон, Великобритания) – на закрытый счёт Бориса Ельцина. Если на российские нужды и поступили средства, то в размере не более 100 млн долларов США”**⁷. Во как! И что: после данной пуб-

⁶ Руководители правоохранительных органов в Южном Федеральном округе прежде приводили такие расчёты: если выстроить по административной границе Чечни всех сотрудников силовых ведомств региона, то между телами борцов с терроризмом останется пространство в 10 см.

⁷ Афанасьев Ю. Опасная Россия. Традиции самовластья сегодня. – М., 2001, с. 234.

ликация, продублированной в центральных юридических журналах, последовали судебные иски названных выше и “невинно оскорблённых” лиц либо последователи Ельцина жёстко спросили у него и его поделльников, где казённые деньги? Да нет: именем первого Президента называют институт в Екатеринбурге, где он всего-то заочно обучался; Чубайса после того, как он славно похозяйничал в энергохозяйстве России, назначили расходовать бюджетные средства на развитие нанотехнологий. Кому – тюремная решётка, а кому – царская диадема.

Третье: коррупция – переходящий приз, канал обмена опытом управления на межгосударственном уровне, фрагмент “взаимного благородства”. Двенадцать лет назад автор настоящей статьи напроорочествовал профессору криминологии Нью-Йоркского университета, что вскоре и у них в стране станут реализовывать на АЗС ослиную мочу под видом высокооктанового бензина, строить финансовые пирамиды, продавать обноски и фальсификаты китайского и вьетнамского производства с брендовыми наклейками, посыплется хваленый госаппарат. Тогда мне не поверили. А в 2006 году, при очередной встрече посрамлённый зарубежный специалист поинтересовался, на чём базировался мой прогноз. Ответствовал не без гордости за национальную смекалку и проходимость: “Вы обучали нас рынку. Ученик оказался очень способным и сообразительным: понял в начале 90-х годов, что стоит втеряться в кремлёвские предбанники и предложить свои услуги по паевому расхищению общенационального достояния, как в одночасье станешь богатейшим человеком планеты. Западные ротшильды, копившие свои миллиарды несколько поколений, с удивлением наблюдали за тем, как российские олигархи или мажоранты входили в Кремль, будто к себе домой, и фактически управляли страной вместо того, чтобы оказаться на нарах. А в зарубежье они кутили как наследники “татарских крёзов”, наводя ужас на туземных бургеров, привыкших к благопристойности даже на отдыхе. А ещё представляли Россию за границей на всевозможных экономических форумах. Обидно. А ты, в США и вообще на Западе, плати налоги и веди себя почти как обычный гражданин. Невозможно удержаться от искушения повторить российский опыт экстренного обогащения. Решились. Помогай им Бог в этом деле!”

Нет слов, мздоимство давно стало визитной карточкой отечественной “культуры” управления. Как едко и точно сказано Ф. И. Тютчевым, до Петра Великого государственная история России есть **сплошная панихида**, а после шокового правления названного императора – **сплошное уголовное дело**. Однако сегодня положение стало просто угрожающим. Если в XIX веке директора департаментов самодовольно делили своих подчинённых на три разряда: одни пока брать не могут, другие уже могут брать, а третьи не могут не брать взятки, то в наше время победил остальных и активно размножается только последний сорт чиновничества. Если уж объявил борьбу с коррупцией сам Президент, которому истинная степень разложения госаппарата известна как никому более, то Тютчев был провидцем, а наше дело швах. И никакие “спасительные” меры типа *manus manum lavat*⁸ ситуацию не исправят. А они предпринимаются. Воспользуемся данными от первых лиц государства и произведём с ними простейшие арифметические манипуляции, которым учат в начальной школе. По информации первого зам. Генпрокурора РФ А. Э. Буксмана, объём рынка коррупции в России сопоставим по доходам с федеральным бюджетом и оценивается в \$ 240 млрд ежегодно. Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев сообщает, что средняя сумма взятки, за которую привлекаются к уголовной ответственности виновные, – 3 тыс. рублей. Переведём доллары в рубли по курсу Центробанка и поделим образовавшуюся сумму на типичный размер устанавливаемой правоохранителями в рамках уголовных дел мзды; получается, что ежегодно на скамье подсудимых в России должно находиться около 2 млрд 480 млн должностных лиц, а их на деле за 2009 г. (последний Обзор практики из Верховного Суда РФ) было осуждено 1 837 человек, или в 1 339 000 раз меньше, чем ожидалось по статистическим закономерностям. Сколько смыслов можно вложить в тютчевское “сплошное уголовное дело”! Что-то неладно в нашем королевстве. . .

О чём говорит приведённый математический расчёт: а) если бы уголовный закон употреблялся с неотвратимостью, Россией некому было бы управ-

⁸ Рука руку моет (лат.).

лять. Как тут не вспомнить отчаянный вопль американца Т. Джефферсона: “Всякий раз, когда я вспоминаю о том, что Господь справедлив, я дрожу за свою страну”; б) обществу и верховной власти придётся длительное время работать с тем прогнившим чиновничьим аппаратом, который есть и который враз не заменить – значит, нужно искать системные решения, сковывающие корыстное исполнение должностными лицами своих обязанностей по службе (о чём речь и пойдёт ниже); в) нельзя борьбу с коррупцией и вообще мероприятия по облагораживанию управленческой деятельности превращать в кампанию (хватит нам 1937 года), нельзя думать и говорить только о плохом, нужно решать проблему преимущественно с помощью демонстративной заботы о тех госслужащих, которые несут свой публичный крест чисто и долго.

Теперь о **коренных причинах** коррупции – плохо осознаваемых или специально умалчиваемых. *Первое.* Правящее в России с начала 90-х годов прошлого века сословие взяло на вооружение рыночную модель хозяйствования, для которой свойственны несколько важнейших черт. В частности, при рынке частный интерес (“могущественный чародей”, по слову Гельвеция) превращает в товар всё, в том числе и власть (заказываются под оплату законы, назначения, заключения под стражу, приговоры по уголовным делам etc.). Коррупция в таких координатах есть специфический (криминальный) вид услуг с соответствующим спросом и предложением. И ничего тут по-крупному не поделат. Но рыночная экономика олицетворяет ещё и риск; а там, где риск, нужны какие-то предупредительные гарантии. Рынок – это и расцвет страховых компаний или способ раскладки на всех граждан риска (в том числе с преступными целями) класса собственников и предпринимателей. Страхуется товар и капитал, здоровье и жизнь, пальцы и глаза, брак и развод, беда и радость. В этом русле скоро можно (нужно?) ожидать сверху инициатив по введению в оборот **обязательного страхования юридических и физических лиц от притеснений и некомпетентности чиновничества, а для уклоняющихся от заключения соответствующих договоров – уголовной ответственности.**

Второе. Разнузданному служебному поведению чиновников во многом способствуют привозные идеологические клише, либо по-туземному бездумно подхваченные, либо намеренно искажённые, либо односторонне понимаемые, но в итоге эксплуатируемые против интересов всего российского общества. Ставка только на “права и свободы человека и гражданина” при забвении обязанностей, пропаганда господства частного интереса (личность – общество – государство) и пр. не должны (да и не могут) затмить того обстоятельства, что любое государство есть *общесоциальная* организация (“для бедных”, как определяют его умные люди), обязанная блюсти преимущественно *публичные* интересы. В силу этого весьма наивными выглядят нормы специализированного закона 2008 года о “конflikте интересов” и его преодолении в специализированных комиссиях, функционирующих к тому же за счёт бюджета. Неужели на государственную службу принимают совсем несмышлёных боярских детей, которым нужно растолковывать такие азы, что казённые деньги и имущество принадлежат не им, что свои желания присвоить общее достояние нужно гасить обязанностями по его использованию в интересах всего социума, что для чиновников сама постановка вопроса о конфликте своего и общего интереса при исполнении обязанностей есть дикость?!

Третье. Главная причина разрастания негативных тенденций в государственном и муниципальном управлении, о чём стыдливо молчат, – прошедшая несколько лет назад приватизация по-русски. Начнём с того, что к концу 1995 года в онемевшей от разгула политического и экономического криминала и в силу этого ничего не производящей России было разгосударствлено 57% предприятий, однако общий удельный вес дохода от этих распродаж составил всего 0,13–0,16% от общих бюджетных поступлений⁹. Понемногу “тайна” раскрывается. “В 1992–1993 гг. по закрытому решению Правительства РФ частными лицами было приватизировано 60% акций “Газпрома” (1% акций стоил в те годы примерно около 1 млрд долл). Один из чиновников купил 210 млн акций по цене 10 обесцененных рублей за акцию. Назначенный в ноябре 1994 года председателем Комитета по управлению имуществом РФ

⁹ Лурье О. Приватизация: план перевыполнен на 101 чубайс // Совершенно секретно. 1998. № 12.

В. Поливанов подготовил Президенту записку о чисто коррупционной приватизации. Кроме распродажи “Газпрома”, в ней говорилось о покупке 51% акций “Уралмаша” одним лицом, о продаже автозавода им. Лихачёва в 250 раз дешевле его реальной стоимости, а Красноярского алюминиевого завода – по цене в 300 раз ниже стоимости. Докладная имела предсказуемые последствия: через три дня Поливанов был уволен с этой должности”¹⁰.

А какие иные последствия могли быть при правящей элите, нажившейся благодаря приватизации? В конце 90-х годов Комиссия Госдумы по проверке фактов коррупционного поведения высших должностных лиц страны установила таковые факты в исполнении Б. Ельцина, В. Черномырдина, С. Кириенко, Е. Гайдара, А. Чубайса, Б. Фёдорова, Б. Немцова, А. Лившица, А. Коха, Н. Аксёненко, П. Авена, О. Давыдова, А. Починка, А. Вавилова, А. Кудрина, И. Рыбкина, Б. Березовского, П. Бородин, П. Мостового и т. д., то есть в отношении всего правящего истеблишмента¹¹. И этой информации не был дан ход. **Дай покормить казённого воробья – за свой стол без гуся не сядем.** Инстинкты и повадки “верхов” повторялись “внизу” под копирку.

Наверное, в 90-е годы в стране не было территориального руководителя, который не украл бы в процессе приватизации хотя бы хилого свечного заводика в зоне своей ответственности. Но сделать это лично он не мог. Кому-то же надо было торжественно сидеть в кабинетах под портретом первого Президента РФ, проводить совещания, принимать избирателей, успокаивать людей на митингах. А в это время грязную работу по сопровождению составов беспешинно транспортируемого сырья за границу, обмену наличных и вывозу валюты в Швейцарию, расправе с неугодными, покупке поместий в оффшорах принял на себя легион бритоголовых качков с жвачными инстинктами, в малиновых пиджаках и с псовыми цепями жёлтого цвета на шеях. Как неминуемое следствие таковой аккомодации¹², и тогда, и теперь официальная власть вынуждена работать не только по указаниям Президента, но и под диктовку своих более наглых компаньонов начала реформ. После “закручивания гаек” В. В. Путиным и Д. А. Медведевым такой патронаж иногда встречает сопротивление. Как следствие, испуганное и наивное население наблюдает вооружённые разборки между криминалитетом и публичной администрацией за право распоряжаться бюджетными ресурсами (перманентные взаимные отстрелы бизнесменов и чиновников). Хорошо, если конкуренты относительно мирно поделают оставшиеся казённое имущество, бюджетные ресурсы и должности, а затем примутся за правительственные заказы; плохо, если в воронку насилия будут втянуты массы – тогда нам не миновать гражданской бойни.

А какое гениальное оправдание приватизационной преступности придумали её прорабы: взяточничество при рынке неизбежно (Г. Х. Попов – первый мэр Москвы); экономическая преступность и размен власти на собственность общественно полезны (Е. Т. Гайдар); в период реформ необходимо управлять по политическим, а не по юридическим правилам (А. Б. Чубайс); пришло время реализации принципа “кто платит, тот и заказывает музыку” (М. Ходорковский и Л. Невзлин). Эта “идеологическая” платформа породила невиданный прежде разврат власти и её героическую сплочённость при отражении попыток кого-либо (правозащитники, оппозиция, ПАСЕ, Президент) прекратить продажу должностей и “осветлить” практику государственного управления. Иногда кажется, что бескровный возврат к руководству страной и её отдельными территориями по легальным правилам уже невозможен. Новому поколению чиновников, в том числе обольщаемых зачислением в резерв, придётся начинать профессиональную карьеру в обстановке, когда маски сброшены, когда все духовные пороги (не)дозволенного опрокинуты, когда с высоких трибун кумирами произносится одно, а на практике они выдают подчинённым поштучно и без документального сопровождения совсем другие указания.

Чтобы что-то в России украсть, нужно вначале украсть власть. Эта в общем-то примитивная мысль была понята нарождающейся элитой быстро

¹⁰ Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд-е 2-е. – М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 523.

¹¹ Куликов А. Д. Коррупция: экономические и организационно-правовые проблемы // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы: Сборник материалов международной научно-практической конференции (Москва, 9–10 сентября 1999 года). – М., 1999. С. 57–60.

¹² Аккомодация по старинной лексике – это сговор (Ред.).

и реализовывалась безжалостно, чему свидетельством служат и расстрел парламента, представлявшего голос плебса до осени 1993 года, и череда фальсификаций на выборах¹³. В начале 1996 года известный политический сунёнёр Б. Березовский объявил, что “пиплы всё схавают”, что по его желанию “быдло выберет себе даже обезьяну”. И намерение олигарха сбылось, для чего, правда, пришлось убрать с высоких должностей только что назначенного Лебедея и до того всесильного Коржакова, а также собрать в общак деньги для манипуляций в избирательном процессе. Конечно, не из личных средств режиссёров “демократических” выборов! Как свидетельствовала одна из федеральных газет¹⁴, за шесть первых месяцев 1996 года, когда избирался Президент РФ, внешний долг России вырос на \$ 4 млрд, а внутренний – на 16 млрд; объём налоговых освобождений для пайщиков будущей победы только за январь-апрель достиг 21 трлн рублей, а ничем не обеспеченная рублёвая эмиссия с марта по апрель составила 25 трлн. На такой финансовой базе, вне сомнения, главой государства можно запросто выбрать и обезьяну, и марсианина, и дебила, и алкоголика. При такой огромной денежной подпитке коробка с полумиллионом долларов, изъятая при задержании членов предвыборного штаба Б. Ельцина, выглядит жалкой кассовой сдачей в супермаркете, и потому от неё талантливые менеджеры избирательного шоу легко отказались. **Как вы лодку назовёте, так она и поплывёт.** Мчимся в бездну.

Каков общий вывод и ожидания напрашиваются при ознакомлении с грязными механизмами первичного формирования и последующей легитимацией нашей политико-экономической олигархии? Правильно: плохие. Реализованная в 90-е годы прошлого века “счастливая” возможность стать в одночасье миллиардером только благодаря должности, позволяющей соучаствовать в перераспределении общественного богатства, напроочь атрофировала у “счастливиц” мотивы к порядочному отправлению своих обязанностей перед налогоплательщиками. Если же высказываться кратко, то лучше народных афоризмов ничего быть не может: **из хама не выйдет пана, чёрного кобеля не отмоешь добела.** Или, говоря словами нынешнего премьера России, “у нас есть категория людей, которые разбогатели и стали миллионерами... в одночасье. Их государство назначило миллиардерами; просто роздало государственное имущество практически бесплатно... Потом, по ходу пьесы, у них создалось впечатление, что на них Боженька заснул, что им всё можно. И, по сути, была предпринята попытка создать в России систему такого олигархического правления, когда за спиной видимых политических фигур вставали люди, которые на поверхности себя не показывали, но реально формировали политические решения общенационального значения”¹⁵.

Заметим: весьма специфичных лиц произвело в миллиардеры именно государство, а не общество, – но за счёт последнего. Славно приключилось. И большинство баловней судьбы продолжают вершить судьбы России, наивно полагая, что можно откупиться от преступного прошлого “царскими яйцами” от Фаберже и прочим антиквариатом. Воровская по происхождению знать бесплодна в экономическом и политическом отношениях, и это доказывается тем обстоятельством, что в структуре ВВП РФ только 5% падает на продукцию, запроектированную человеком и доведённую им до конечного потребителя (данные академика Д. Львова); остальное отрываем от природы в виде сырья и в необработанном виде, минуя или преодолевая за взятки таможенные кордоны, вывозим в Турцию, Китай, Финляндию и т. д. для обработки и последующего ввоза назад как ширпотреб. Но такая огромная страна, как Россия, не может долго прожить в состоянии гражданского мира, только “воюя” (Карамзин). Нельзя управлять с больной головой постоянно. Нужно что-то делать. Но как?

Критика легка – искусство мудрено (Буало). Даже после смерти близкого человека надо жить и вести себя деятельно, пусть и некоторое время спустя. Вся 140-миллионная Россия не может превратиться в монахов, юристов, затворников, только глухо скорбеть и молитвенно надеяться на Провидение. Два последних лидера нашей страны пытаются вывести её из состояния ане-

¹³ См.: Собянин А. А., Суховольский В. Г. Демократия, ограниченная фальсификациями. – М.: Проектная группа по правам человека, 1995.

¹⁴ Новая газета. 1996. 1 июля, 22–28 июля, 29 июля, 4 августа.

¹⁵ Цит. по: Попов В. И. Преступность, угрожающая национальной безопасности России. – М.: Изд-во СГУ, 2010. С. 166.

мии; первый – преимущественно с опорой на государство, второй – путём апелляции к общественности. Сделано много и в нужном направлении, но существенного результата пока нет. И не может быть, ибо не хватает системного подхода, а многие решения, даже законодательные, выглядят как судорожная перепуганная реакция на частные происшествия. Например, после стрельбы в торговом заведении начальника одного московского РОВД в УК срочно вводится поправка о повышенной уголовной ответственности за преступления сотрудников МВД. А если завтра отличится подобным же образом прокурор, оперативник ФСБ, таможенник?

Недавно объявлено о сокращении численности госаппарата, названы даже планируемые проценты понижения. Заманчиво. Однако тревожит то обстоятельство, что в нашей стране неоднократно проводились административные реформы, основной целью которых ставилось уменьшение госслужащих, но их результат непременно оказывался противоположным. Какая-то «курская аномалия», и всё! И потому действовать здесь нужно нестандартно. Как «уголовник» могу присоветовать: имело бы смысл «творчески» изучить опыт преступных сообществ: в составе ОПГ нет мест для племянников, любовниц и прочей синекуры, а поручения главаря исполняют немедленно. Есть чему поучиться в «искусстве управления», добывать большой результат малыми силами и затратами.

Если это предложение покажется банальной попыткой ёрничания, повторим ещё раз: инициативы Президента страны Д. А. Медведева по сокращению чиновничества и санитарной обработке госаппарата до некоего предела социальной терпимости, по крайней мере – до такого состояния, чтобы функционирование власти хотя бы не мешало живородящим прослойкам населения наполнять потребительскую корзину, бюджетные zakroma и духовную копилку Отечества, заслуживают всяческой поддержки. Но и развития. Теперь размышляем по существу. Вначале по-крупному.

Конечно, оздоровление и облагораживание государства есть **сложная задача**. Человечество давно приспособилось к окружающей природной среде, изуродовало её до такой степени, что началось попятное движение (экологов, «зелёных»). А вот приспособление людей друг к другу, создание достойной социальной организации, при которой каждый человек проходил бы дарованную ему жизненную дистанцию производительно и с наслаждением, нашей цивилизации никак не удаётся. В эпоху рабовладельческой тирании и средневекового абсолютизма власть практически не контролировалась обществом, её управленческая деятельность не обременялась какими-либо правилами (первые юридические жрецы держали в тайне даже время рассмотрения судебных споров). Однако *tempora mutantur*. Сегодня административные и правоприменительные инстанции обложены многочисленными процедурными нормами (в отношении последних именуемыми процессуальным правом), что весьма правильно и полезно. Но вот деятельность всего госаппарата, особенно его «верхушки», системной страховочной регламентации не имеет. Превжде дело ограничивалось лишь регламентами отдельных учреждений, а сегодня ещё и антикоррупционными ограничениями. На наш взгляд, юридическая общественность страны могла бы по поручению Президента заняться весьма нужной для будущего работой, которую никто кроме представителей науки умно и относительно быстро не выполнит. Имя ей – концептуальное осмысление и создание «*государственно-процессуального права*», охватывающего и сквозные стратегические идеи, и частные технологии управленческой деятельности для **всей** публичной администрации.

Но **какой бы хорошей ни была стратегия, время от времени нужно смотреть и на результаты** (У. Черчилль). Стратегия – это мечты о славном будущем, результаты – реальные показатели на пути к величественным целям. Борьба с коррупцией предполагает стремление к эффективности управленческой деятельности, в частности, перевод гигантской административной машины на некий **хозрасчёт**. Движение к «социальному, правовому, демократическому» и т. д. государству невозможно без сопоставления затрат с итогами, положительных результатов с ошибками, благосостояния населения с роскошью правительственных резиденций... Вероятно, денежное содержание Президента должно исчисляться в виде кратного отношения к МРОТ, а всех остальных чиновников – уже в процентах от его оклада, уровень прочего доверствия высших должностных лиц полезно ставить в зависимость от разме-

ра потребительской корзины рядового налогоплательщика, медицинское обслуживание — от возрастного порога смертности россиян, количество правительственных дач — от числа сиротских домов, и т. д.

Для правоохранительной системы похожие по направленности меры таковы: а) материальные издержки от правоприменительных ошибок должны покрываться из запланированных и обеспеченных бюджетом страны средств на ведомственное развитие (с обязательным распространением внутри министерства информации о том, на какой территории, кто из коллег и какое головопалство допустил, что влечёт отзыв части санаторных путёвок, снижение числа выделяемых квартир и т. д.); б) при пропуске сроков давности уголовного преследования или исполнения обвинительного приговора в отношении лиц, виновных в преступлениях против частных интересов, последние безальтернативно освобождаются от ответственности либо наказания (как это и предусмотрено действующим УК РФ), а вот их “законное” место на скамье подсудимых должны занять территориальные руководители правоохранительных органов; в) оценку деятельности силовых структур нужно переводить на европейские стандарты (отношение полицейских чинов к численности населения, “выработка” уголовных дел на одного оперативника в год, и пр.) — вместо давно “выгодно освоенных” или искажаемых нашими правоохранителями статистических данных о преступности; г) одновременно потребуются существенное ужесточение ответственности за манипуляции с новой отчётной информацией.

Этого, однако, недостаточно. Масштабность болезни нашего госаппарата предполагает по логике ставку на меры *общей*, но не *индивидуальной* профилактики. Банальность такова, что упиваться поимкой и осуждением очередного казнокрада нельзя, что следует предупреждать мздоимство широким фронтом, разрабатывать такие принципы управления и настырно поддерживать такую общественную атмосферу, при которой коррупционное поведение стало бы искренне порицаемым со стороны населения и потому затруднительным в принципе. Из сказанного вытекает, что настоящий (убедительный и долговременный) успех в борьбе с коррупцией возможен лишь при опоре на здоровые силы всего общества. Размер проблемы требует сообразного многоуровневого реагирования, построенного на твёрдой продуманной основе. Более вменяемым и более социально полезным штат российских чиновников станет, на наш взгляд, только при одновременном и безукоризненном соблюдении сразу **нескольких условий**. Назову их: а) максимально приближённая к современным условиям трактовка древнего “принципа разделения властей”; б) фактическое повышение ответственности не столько отдельных чиновников, сколько той мощной силы, которая называется правящей партией; в) организация самого тщательного присмотра за наиболее уязвимыми в плане коррупции областями управления (казённое имущество, природные ресурсы, бюджетные средства, избирательные процессы); г) дабы лечение не превратилось в “охоту на ведьм”, преследование коррупционеров должно сопровождаться параллельной и демонстративной заточиваемостью по отношению к порядочно исполняющим свои обязанности сотрудникам госаппарата, преимущественно из низовых звеньев (ибо азартными нападками на власть можно расшатать вертикаль и горизонталь управления, посеять хаос, плоды которого пожнёт опять-таки не лучшая часть общества); д) создание и сохранение конкурентных условий для оппозиции. Всё это вроде бы пропагандируется, но осуществляется как-то осторожно, неуверенно, не до конца, вяло.

Сегодня принято обуславливать порядочную и эффективную работу власти **контролем так называемого гражданского общества**. Возражать против данного тезиса невозможно. Только вот полнокровные “расшивки” его на грамотные управленческие решения не следуют ни в науке, ни с политического Олимпа. А они, на наш взгляд, достаточно простые, если ни сказать “примитивные”: а) государство — всего лишь нанятый обществом подрядчик для организации безопасной и полезной жизни разномастного, разбитого на враждебные кластерные единицы (классы, страты, прослойки) населения — потому общество должно иметь право на беспрепятственный контроль за публичной администрацией и упрощённые способы её замещения в случае неэффективного управления; б) *первичной властью* народ *непосредственно* (через прямые выборы) делится только с главой государства и высшим представительным учреждением (парламентом) — посему этим управленческим структурам должны быть отданы самые важные для выживания всего социума полномо-

чия (казна и производство юридических предписаний), а также право на абсолютный контроль за исполнительной властью; в) однако действенный при-смотр за нынешним гигантским госаппаратом (будем помнить ещё и о муниципальных чиновниках) никакой Президент или парламент, будь они хоть семи пядей во лбу, самостоятельно не обеспечат – значит, особое значение приобретают контрольно-надзорные инстанции. Они, конечно, не производят собственной (управленческой) продукции, но вполне могут стимулировать и корректировать деятельность исполнительно-распорядительных органов власти. Отсюда нужны особые (завышенные) требования к комплектованию именно этих структур. И тут без опоры на уточнение принципа разделения властей не обойтись; если надзорные, контролирующие, инспектирующие, проверяющие и прочие инстанции не отслоить от властвующей элиты, все надежды на борьбу с коррупцией не состоятельны. В многопартийной стране (а Россия таковой объявлена по Конституции) представителям правящей на данный момент партии (как бы она ни называлась и кто бы ни возглавлял её) не может принадлежать одновременно и исполнительная, и контрольная ветви власти.

Идём дальше. В нашем представлении **многоуровневое наступление** на коррупцию должно включать в себя следующие последовательные меры: 1) *вначале* нужен постоянный контроль населения над избираемой им представительной ветвью власти, для чего следует восстановить советскую практику наказов избирателей и право отзыва проштрафившихся депутатов, а также ввести упрощённую процедуру референдумов¹⁶; 2) само формирование центрального и местных парламентов должно быть безупречным, в связи с чем следует существенно ужесточить ответственность руководителей и членов избирательных комиссий по ст. 142 и 142 УК РФ с неременным отказом от сроков давности, обратной силы уголовного закона, амнистии и помилования в отношении виновных, совершивших преступления, закреплённые в этих статьях; 3) *затем* требуется абсолютный, ничем и никем не ограничиваемый контроль выборной власти над исполнительной, подвергающейся наибольшим искушениям в силу обязанностей по текущему управлению страной, где постоянно случаются непредвиденные обстоятельства и потому возникает нужда тратить казённые деньги не по установленной плановой бюджетной росписи (мёртвые души, откаты и прочие манипуляции); 4) *наконец*, в силу огромных размеров госаппарата и явной недостаточности контрольных усилий только парламента и Президента, особую важность для санации госуправления приобретает специализированные надзорные инстанции, образующие четвёртую ветвь власти; 5) в многопартийной стране высшие должностные посты в контрольно-надзорных инстанциях (Генеральная прокуратура, Счётная палата, Уполномоченный по правам человека) должны быть отданы представителям оппозиции – так надёжнее для чистоты управления; 6) наём же на рядовые должности в контрольно-ревизионные учреждения и службы внутренней безопасности следует практиковать по методу дореволюционного Монетного двора, когда требовались две рекомендации от ветеранов с безупречной репутацией, а в случае нарушения новичком должностных обязанностей место работы оставляли все трое; 7) работа в контрольно-надзорно-ревизионных учреждениях должна оплачиваться выше, чем труд в органах исполнительной власти, но и иметь дополнительные ограничения (даже на педагогическую, просветительскую и экспертную деятельность, на членство в партиях, раздачу интервью, съёмки в рекламных роликах и пр.); 8) лидер предыдущего политического режима (В. И. Ленин) уже через три года после приобретения го-

¹⁶ Есть и экзотическое средство расшевелить апатичного обывателя. Пока он ещё при памяти, ему можно предложить экстремальное занятие – составлять на досуге (из-за безработицы) всероссийскую сагу: кто, когда именно, как и что украл в годину приватизации. В почётный паноптикум обязательно попадёт и действующая пока административная знать. Вот будет подспорье для проверки собираемых официальных данных о нищете правящей российской элиты, в чём недавно публично засомневался Президент. Кстати, в 1509 году испанский еврей Ангиас составил и выпустил в свет “Зеленую книгу” (названа так по цвету кожаного переплёта), в которой описал воровское происхождение капиталов большинства знатных семей Арагона. В средневековой Испании разразился очищающий генеалогический скандал. Современным отечественным ротшильдам, к которым иногда адресуются вкрадчивые просьбы первых лиц государства нести социальную ответственность за будущее страны, можно было поручить субсидирование подобного издания.

сударственной власти “обнаружил”, что большевики воруют казённые деньги, и стал требовать “тройной кары коммунистам”. Нужно сделать конституционной нормой правило о повышенной юридической ответственности представителей правящей партии (кого бы она ни представляла и как бы она ни называлась). Если подобное политическое решение когда-либо приключится, большинство утомлённо обретающихся в ней прилипал немедленно разбежится в разные стороны, как легендарный Попандопуло из Одессы; 9) полезно категорическое отмежевание верховной власти от вкрадчивых попыток глумурных представителей элиты объявить подателей взятки главными виновниками коррупции в России – гнусными искусителями нашего целомудренного чиновничества, ибо **коррупция вымогательства** давно вытеснила (и должна была вытеснить по мере юридического закрепления собственности за отдельными субъектами!) **коррупцию предложения**; 10) малейшее умышленное отступление чиновника от правил обслуживания бюджета и управления казённым имуществом влечёт не только безусловное отставление от должности, но и запрет возврата во власть в принципе (люстрация), а также лишение права на пользование льготами по выслуге лет; 11) демонстративный и абсолютный запрет на сроки давности, обратную силу уголовного закона, амнистию и помилование в отношении коррупционеров; 12) поголовная проверка причин удивительного материального (коммерческого, имущественного, финансового) преуспевания семей руководителей субъектов Федерации (президентов, губернаторов) и мэров миллионных городов с обязательным оглашением её итогов управляемому населению; 13) запросы в зарубежные банки о счетах высших государственных чиновников (действующих во власти или недавно перебежавших в бизнес), что давно демонстрирует руководство США, например.

Не царское это дело... Д. А. Медведев своё дело сделал: открыто назвал страшную российскую язву и попытался произвести её первичную медицинскую обработку. Теперь черёд исполнителей, давно знавших о заболевании власти, но как-то “стеснявшихся” говорить об этом и делать что-либо значительное для излечения. Если руководители специализированных структур, парламента и судов по-прежнему будут входить в кабинет Президента для доклада об итогах борьбы с коррупцией на гнущихся ногах и заглядывать Главному чиновнику в рот на манер второгодника (вся страна потешается подобными сюжетами протокольных съёмок), а результаты будут оставаться плачевными, их нужно безжалостно менять.

Ростов-на-Дону

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ВОЗДУХ ЭЛЬБЫ

Девятого мая 1945 года несколько подростков из четвёртого класса калужской 13-ой школы спешили на уроки. На плечах у них висели матерчатые противогазные сумки, набитые учебниками и тетрадями.

Когда они подымались в горку по Пушкинской улице, то слышали стук многих открывающихся окон, из которых знаменитый баритон Левитана возвестил о безоговорочной капитуляции Германии и о нашей долгожданной победе...

Пушкинская улица в те времена состояла, в основном, из деревянных одноэтажных домов, почти ничем не отличающихся от деревенских изб, с замкнутыми дворами, дощатыми заборами, плотными воротами, калитками с железными коваными ручками, огородами на задах и палисадниками, примыкавшими к фасадам, в которых росла густая душистая сирень... В самоабвенной радости мы набросились на кусты сирени, наломали чуть ли не на глазах изумлённых хозяев несколько букетов и помчались в школу, к учителям, среди которых было трое израненных мужчин, пришедших с войны. Они приходили на уроки в гимнастёрках, в сапогах, с колодками на груди. Это были наши преподаватели – директор школы Анатолий Сергеевич Туликов, учитель физики Сергей Васильевич Инютин и военрук, которого по причине малого роста мы называли именем какого-то французского короля “Пипин Короткий”. Мы опоздали на целый урок, но охапки душистой сирени, вручённые фронтовикам, искупили в этот день все наши прегрешения.

Второй день Победы, который страна отпраздновала через 20 лет, в 1965 году я запомнил также во многих подробностях, поскольку он впервые в истории был объявлен нерабочим днём... До сих пор я сожалею, почему Иосиф Сталин не сделал этого в 1945 году. Ведь именно день Победы, наверное, был самым звёздным днём в его жизни. Почему же он не наградил народ, который всю войну днём и ночью работал на победу и за здоровье которого вождь произнёс знаменитую здравицу, ещё одним глотком свободы, ещё одним дополнительным праздником памяти, души и сердца?

Объяснение одно: Сталин помнил, что на освобождённой земле стоят руины 1700 больших и малых городов, 70 тысяч разорённых сёл и деревень, и в этих условиях даже один-единственный дополнительный праздничный день в году он не имел права подарить народу...

Во одной из встреч со Сталиным Мао Цзедун, боготворивший советского вождя, однажды задал ему вопрос – внешне простой, но для людей их масштаба основополагающий: как управлять народом? На что Сталин после короткого раздумья ответил: “Народ должен работать”. Суров был властитель полумира. Но, глядя на наше время, на вымирающие моногорода, на остовы заводов и фабрик с выбитыми окнами, на провалившиеся крыши пустых коровников, на заросшие кустарником пашни, понимаешь правоту сталинской

суровости, ибо не работающий народ спивается, деградирует и разрушается. Забвение библейской истины — “в поте лица своего будешь добывать хлеб свой”, свобода от уз долга и болтовня о правах человека, о том, что “свобода лучше несвободы” — путь гибельный. Именно о такой свободе писал во время разрухи 1919 года Сергей Есенин:

*Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.*

Но, как бы то ни было, в 1965 году время было совсем другим, нежели в году 1945-м. Страна отстроилась, раны войны, которые были бы смертельными для любого другого народа, кроме русского, были залечены, и нужда в мобилизационной эпохе почти миновала. Люди возжаждали нормальной жизни, стабильности, свободного времени, и брежневская власть пошла навстречу их желаниям.

*Калуга, как и вся страна,
Своих героев разыскала,
Восстановила имена
И привинтила ордена
Из разноцветного металла.*

*В Москве и в Киеве салют —
Да так, что слышно в целом мире
И ветераны водку пьют,
И песни старые поют.
Куда ни глянь, в любой квартире.*

*Не то чтобы работать лень,
Всю жизнь работаем — не ропщем.
Но смысл велик, что этот день
Навек объявлен нерабочим.*

*Наш праздник весел и тяжёл:
Он слава, но и он же тризна,
Недаром по стране прошёл
Девятый вал патриотизма.*

*Недаром синяя весна
В полях или в домашних стенах
Вновь высветляет имена
Забывших или незабвенных.*

День Победы... Однако случилось так, что с конца 30-х годов и до осени 1945-го на земном шаре шли, в сущности, две войны: наша Великая Отечественная и Вторая мировая. Цели их были во многом разными, а потому итоги войны понимались полководцами, политиками и историками по-разному.

Советский Союз как главный победитель в войне получил право на то, чтобы выстроить на западных границах “санитарный кордон” для своей безопасности из государства, бывших фашистских сателлитов восточной Европы, ставших по воле Сталина странами “народной демократии”. Мы получили Калининградскую область и Курильские острова, поскольку Япония была составной частью преступного триумvirата Рим—Берлин—Токио и поимела свой не столь шумный, но всё-таки Нюрнбергский процесс, о чём почему-то наши нынешние политики, видимо, из соображений толерантности “забывают напомнить” нынешним японским реваншистам... А Сталин, который, помимо прочих достоинств, был ещё и выдающимся дипломатом, добился того, что СССР за решающий вклад в победу над нацизмом получил в ООН целых три голоса...

Но, как показала дальнейшая история второй половины XX века, мировое зло в том легендарном мае побеждено не было, в том числе и потому, что по-

бедители думали не о высшем добре и не о всемирной справедливости, а о том, кто после страшной войны будет диктовать свою волю мировой истории.

Все великие люди той эпохи – президенты, генералиссимусы, премьер-министры, полководцы и дипломаты носили в самих себе противостояние двух цивилизаций – демократической западной и коммунистической восточной. Поэтому наша, на первый взгляд, общая победа сразу же обернулась трагедией Хиросимы, Фултонской речью Черчилля, расчленённой Германией, – одним словом, холодной войной с её берлинским, будапештским, а потом и карибским кризисами, с её кровопролитными войнами в Корее, во Вьетнаме, в Афганистане. И сегодня нам с горечью приходится признать, что во второй половине XX века страны-союзники праздновали каждая свою отдельную победу.

Однако весной 1945 года произошло событие, которое почти объединило и западное и наше понимание Победы. Это была встреча на Эльбе англо-американских и советских воинов, состоявшаяся 25 апреля. Именно тогда солдаты и офицеры союзных армий возле города Торгау, не ожидая приказов Сталина, Черчилля или Рузвельта, обнялись со слезами на глазах на берегах легендарной с тех пор реки, вспомнили своих погибших товарищей и налили друг другу по чарке водки или виски и перевернули в отношениях народов новую, чистую и бессмертную страницу мировой истории. Тогда на Эльбе они были “дипломатами” не правительств, но своих народов.

И потому я был рад, когда узнал, что об этой встрече и вообще о лучшем и самоотверженном мгновении нашего “союзничества” вспомнили не кто-нибудь, а именно русские люди в сегодняшней России.

Дело в том, что в прошлом году я получил приглашение на просмотр фильма “Союзники”, идея которого принадлежит моему другу, русскому интеллигенту и деловому человеку Александру Константиновичу Смолко.

Он не только задумал этот фильм, но и вложил в его создание много труда и немалые средства. И отличного режиссёра нашёл – известного в мире документального кино Сергея Зайцева.

Сюжет фильма предельно прост, правдив и по-человечески трогателен. Он представляет исторический фон, созданный из документальной хроники военных действий на европейской суше и на Северном море с потрясающими картинками борьбы кораблей Северного конвоя с фашистскими подводными лодками, с картинками гибели английских и американских моряков в ледяной пучине, со знаменитыми фото- и кинокадрами встречи союзников на Эльбе.

На этот исторический фон время от времени накладываются лики и фигуры двенадцати стариков (самому молодому из них 83 года). Каждый из них делится с нами воспоминаниями о войне. Эти слова дорогого стоят.

Шотландец Джок Демпстер, одетый в клетчатую шотландскую юбку, глядит с крутого скалистого берега в морскую даль и вспоминает свой первый конвой в зимний Мурманск. Его воспоминания заканчиваются словами:

“Не переставайте преклоняться перед русскими”.

Ныне американец, а в прошлом бывший советский офицер, Леонид Розенберг, встретивший на Западной границе первые налёты гитлеровской Люфтваффе, вспоминает дни отступления:

“Женщина у плетня стояла, четверо детей у неё, рыдала нам вслед: “На кого вы нас оставляете!”

Уильям Картер, лейтенант американского флота, обморозивший ноги в Северном море участник легендарного конвоя PQ-17, до сих пор носит в памяти благодарность “советским русским”:

“Они выиграли для нас время, чтобы мы опомнились после Пёрл-Харбора”. Он собирался приехать в Россию на 65-летие Победы, но заболел и умер.

Генерал в отставке Семён Ермаков, начинавший войну рядовым солдатом, ставший лейтенантом в апреле 1945 года, вспоминает:

“В нашем солдатском сознании жила мысль, что мы не одни... Мы высоко ценили помощь союзников – пищу, ботинки, шинели, студебекеры. Покрышкин летал на “Аэрокобре”.

В фильме сняты трое французских ветеранов. Один из них, Морис Кордые – переправлялся осенью 1944 года через Ла-Манш в составе отрядов де Голля:

“Увидели французский берег... Родина! Песню запели “Путь далёк до Типперери и до Англии родной”... С нетерпением ждали приказа идти на Париж, на помощь парижским повстанцам”. Он вошел в Париж на

французском танке, потом воевал под Страсбургом, штурмовал дачу Гитлера в Баварии.

В фильме говорят и немцы-антифашисты, воевавшие в Красной армии, и бывшие узники Бухенвальда, и немецкие солдаты, служившие в частях вермахта. **“Я их нашёл в Германии, — рассказывает режиссёр Сергей Зайцев, — один из них воевал на Украине, другой помнит Великие Луки... оба сражались в последние дни войны на Зееловских высотах, а сегодня эти старики приносят цветы к памятнику Советскому солдату, стоящему на тех же высотах”.**

А какова судьба Игоря Белоусовича! Потомок русских эмигрантов, родившийся в Шанхае, вырос в Америке, ушёл служить в американскую армию, был участником встречи на Эльбе.

В последующих кадрах фильма появляется длинная колонна пленных немцев, бредущая по Берлину, показан дом, где была подписана капитуляция, на экране скульптурное суровое лицо маршала Жукова, Кейтель нервно ставит свою подпись под историческим актом — и вокруг наши офицеры и генералы. Сколько же в их лицах, фигурах, движениях достоинства и величия победителей!

Когда на полях сражений погибали наши солдаты, они знали, что рискуют своими жизнями за свободу и независимость нашей Родины, за своих отцов и матерей, за жён и детей, за жизнь грядущих поколений.

Когда же в северных пучинах раскалывались поражённые немецкими торпедами корабли, когда американские и английские моряки погружались в ледяную воду — то они погибали не за родину (ни разу на землю Англии и Америки не ступала нога оккупанта) — они просто и честно выполняли “союзнический долг”. “Люди тёплые, живые шли на дно, на дно, на дно” — у Твардовского сказано о своих, но ведь и союзники были “люди тёплые, живые”. Они не знали двух секретных установок, которые впервые ввёл в научный обиход Вадим Кожин:

“В первой безоговорочно утверждалось, что Великобритания и США “не должны принимать никакого участия” в войне России и Германии; во второй, что именно Россия, а не Германия является истинным врагом Европы <...> во время Сталинградской битвы он (Черчилль. — Ст. К.) писал: “Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе... произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств, хотя и трудно говорить об этом сейчас, я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом, как единое целое... Я обращаю свои взоры к созданию объединённой Европы”.

Вот где таятся истоки холодной войны против СССР: в мечте о создании “объединённой Европы” под властью не гитлеровского рейха, но Англии и Соединённых Штатов Америки, о политике которой Вадим Кожин пишет так: **“Приведу заявление сенатора и будущего президента США Гарри Трумена, сделанное 23 июня 1941 года, то есть на следующий день после нападения гитлеровской Германии на СССР: “Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывает будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом пусть они убивают как можно больше”. <...> Сказано это не в узком кругу, а корреспонденту популярнейшей газеты “Нью-Йорк таймс”.**

Однако простым чернорабочим войны — американцам и англичанам не были известны эти коварные замыслы Черчилля и Трумена, которые, конечно же, разделяла и часть американской элиты, и потому спустя 65 лет после окончания Второй мировой её последние ветераны, дышавшие когда-то живительным воздухом Эльбы, герои и персонажи фильма “Союзники”, обратились к нынешним “наследникам мировых владык” со следующим письмом.

“Уважаемые господа!

Мы, участники Второй мировой войны, обращаемся к вам, лидерам крупнейших мировых держав. Бог дал нам выжить в страшной войне и прожить долгую жизнь. Наше участие в фильме “Союзники” и это письмо, может быть, последнее, что мы можем сделать в этой жизни. В этом фильме мы ещё раз рассказали нашу правду о войне. О войне глазами солдат. Мы рассказали о том, какая страшная штука война. Какую высокую цену пришлось заплатить, чтобы она закончилась. Миллионы людей отдали свои жизни за то, чтобы могли жить мы и наши потомки, и было бы оскорблением их памяти говорить

о том, что кто-то воевал хорошо, а кто-то воевал плохо. Мы честно воевали, мы знали, что конец войны означает начало новой жизни, жизни без воздушных налётов, артиллерийских обстрелов, без тысяч новых убитых и раненых.

Война закончилась. Конца войны хотели все – и победители, и побеждённые. Мы хорошо помним эти дни, их забыть нельзя. Не будет преувеличением сказать, что эта первая послевоенная весна была праздником для всех, для кого-то, может быть, со слезами на глазах, но праздником. Для нас, рядовых солдат, апогеем этом праздника была встреча союзных войск на Эльбе 25 апреля. Этот день был поистине всенародным праздником. Мы верили тогда, что дух военного братства, веры друг в друга, “дух Эльбы” сохранится навсегда, что никогда мы больше не будем воевать друг против друга. И вот уже более 70 лет мы не знаем мировых войн. Бог дал нашим лидерам разума уметь договариваться, спасибо вам за это, но дух послевоенной весны 1945 года, “дух Эльбы” утрачен. Утрачено то, за что заплачено десятками миллионов жизней – и нам, живым свидетелям того времени, очень обидно за происшедшее. За более чем 70 послевоенных лет в мире многое изменилось – закончилось противостояние двух систем, упал “железный занавес”, открылись границы, у людей появилась возможность лучше узнать друг друга, и, слава Богу, ещё живы люди (их всё меньше и меньше), которые помнят “дух Эльбы”, которые понимают, как важно сохранить его для потомков.

Уважаемые господа, ваши предшественники вошли в историю как лидеры антигитлеровской коалиции, как лидеры, сумевшие сохранить мир на планете в период холодной войны, вы имеете шанс войти в историю как лидеры, сумевшие возродить дух военного братства, дух дружбы и доверия, “дух Эльбы”. День встречи на Эльбе, 25 апреля, должен быть объявлен праздником в стране, лидерами которых вы являетесь. Помните, что для простых людей в войне нет победителей и побеждённых, есть десятки миллионов убитых и искалеченных, и есть те, кому суждено было остаться в живых, и наш долг перед Богом и людьми сказать ещё раз, что самое дорогое в жизни – это жизнь, а дух Эльбы – это гимн жизни”.

Далее идут подписи всех героев фильма “Союзники”

* * *

Ни Черчилль, ни Рузвельт, ни Трумен, ни Сталин не были воплощением духа Эльбы, и это вполне естественно. По-иному и быть не могло. Страны Европы, добровольно сложившие в конце 30-х годов свои суверенитеты к ногам Гитлера, вошедшие в его “тысячелетний Рейх” и отправившие своих сыновей в “Дранг нах Остен”, после поражения неизбежно должны были сложить тот же суверенитет к ногам Сталина. За нашу победу над абсолютным злом это было умеренной и естественной платой. Как бы сейчас ни взвизгивали отдельные голоса прибалтов, венгров, поляков, румын, японцев... (Кстати, Сталин, в отличие от Черчилля, не затянул наш “второй фронт” против Японии, но выполнил, как честный политик, все свои обязательства в назначенные сроки.) Такой поворот европейской истории был неизбежен... Оккупация? Да, на первых порах неизбежная оккупация. Но нет худа без добра. Русская пословица об этой диалектике истории говорит убедительнее, нежели вся философия Гегеля. Добро это было, конечно, не абсолютным, а временным, историческим, принесённым в Восточную Европу на советских штыках.

Дух Эльбы не мог в те времена повлиять на мировую политику, потому что ни Черчилль, ни Рузвельт, ни Трумен никогда бы не поняли американского офицера Жозефа Половского, участника встречи на Эльбе, который в послевоенное время мечтал не о холодной войне, а о “сближении Востока и Запада”; всю послевоенную жизнь он выпускал самиздатовские брошюры и журналы, в которых в котором доказывал необходимость этого сближения и объяснял политикам, что 25 апреля 1945 года должно стать международным днём памяти.

В юбилейном 1955 году, в разгар холодной войны, он приехал в Москву и сказал: “Моя мама велела мне – поезжай к русским с открытым сердцем и скажи, что мы никогда друг с другом не будем воевать”. А ещё он завещал: “Когда умру, пусть меня похоронят около Торгау”; “Похороны на Эльбе пусть поспособствуют делу мира”...

Он умер в 1983 году, но если бы дожил до наших времён, его подпись под воззванием ветеранов Второй мировой должна была бы стоять первой.

ВАЛЕНТИН НИКИТИН

доктор философии, академик РАН

КУЛЬТ И КУЛЬТУРА В ДЕЛЕ СОХРАНЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

Кульť является сущностью религии, совокупностью обрядов, молитвословий и таинств, благодаря которым верующие люди воздают честь, поклоняются и славят Бога. Воплощаясь в тех или иных исторических формах человеческой деятельности, кульť является ядром культуры (о. Павел Флоренский). Кульť и культура, особенно национальная культура, органически взаимосвязаны. Не случайно слова, обозначающие национальность человека и его религиозную принадлежность, долгое время в России употреблялись как синонимы: вместо “русский” говорили “православный”, вместо “татарин” – “мусульманин”, вместо “еврей” – “иудей”. Это явление наглядно отражает исторически сложившуюся сопряжённость между кульťом и культурой, между религией и характером нации. Как замечательно сказал архимандрит Тихон (Шевкунов), перефразируя Н. А. Некрасова, “культура призвана культивировать человеческие души для разумного, доброго, вечного”. Отрываясь от кульťа, культура деградирует. Задача Церкви, не отождествляя себя с культурой, нести о ней материнское попечение. Отсюда так называемая инкультурация – воплощение христианства в той или иной конкретной культуре, внутренне очищающее и преобразующее саму культуру. В святоотеческий период происходило плодотворное взаимодействие христианства с основными культурами Средиземноморья, прежде всего с греко-римской и византийской. Это взаимодействие нашло выражение в богословии и богослужении, в церковном искусстве и аскетической практике. Труды миссионеров принесли христианскую культуру германским и славянским, балтийским и угро-финским народам, результатом чего стало создание европейской культуры Средневековья, вдохновляемой высокими духовными идеалами. Русские православные миссионеры донесли благовест до народов Поволжья, Урала и Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока. Благодаря их подвигу многие народы, не имевшие письменности, получили её, обрели грамотность и культуру, приобщились к цивилизации. Патриархи Российские и наше священноначалие всегда видели в Русской Церкви не Церковь одной нации, а единую, святую, соборную и апостольскую Церковь на все времена и страны. Церковь воплощала всё лучшее, что можно представить себе в христианской культуре, традиции, быту и благочестии; она, безусловно, олицетворяла соборную душу русского народа. Киевская Русь стала европейским государством, приняв крещение. Христианство способствовало формированию единого государства и сплочен-

нию разных народов на основе общих религиозных ценностей. И в течение многих столетий, вплоть до начала XX века, Православие оставалось доминантой отечественной культуры, ему принадлежит историческая заслуга в формировании русской нации, в сохранении межнационального согласия в России. Это стало возможным прежде всего потому, что русский человек, исповедующий Православие, был свободен от стремления к господству над другими народами, умел проникать в сокровищницы общехристианской и всечеловеческой культуры. Церковь помогла русскому и другим славянским народам сохранить их исконные черты – доброту, спокойствие, уверенность в своих силах, открытость и приветливость, трудолюбие и готовность к испытаниям. История нашей Церкви свидетельствует о её веротерпимости, которая была и остаётся характерной особенностью Российского Православия. *Всё лучшее, вечное и истинное, что создано русским народом в области культуры, родилось под сенью Вселенского Православия, которое свято хранит верность Преданию и в то же время устремлено к чаемому грядущему, – и именно поэтому является достоянием всего человечества.* В статье “Национальное строительство” (Энциклопедический словарь русской цивилизации), под которым подразумевается объединение народов, народностей и племён вокруг русского народа в едином государстве, подчёркивается, что за более чем 1000-летнюю историю России в её состав вошли свыше 100 больших и малых народов, различных по языку, культуре, религиозным верованиям и особенностям быта. *Такого интенсивного национального строительства не знала ни одна другая страна в мире.* Чтобы понять главный его принцип, надлежит прежде всего обратиться к словам благоверного великого князя Александра Невского: “Не в силе Бог, а в правде”. Эти слова, ставшие народной пословицей, вдохновляли на ратный подвиг русских воинов перед лицом превосходящего по силе врага, эти слова давали импульс проповедникам обличать нечестие светских властителей, когда те отступали от заповедей Христовых... “Россия, – писал Иван Ильин, – есть не случайное нагромождение территорий и племён и не искусственный слаженный “механизм” “областей”, но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопониманием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национальными младшими братьями духовным взаимопониманием; он есть государственное и стратегическое единство, показавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия” (И. А. Ильин. “Что сулит миру расчленение России”). Величие русского духа заключалось в том, что русские давали другим народам равные права, Россия становилась как бы “нянькой для инородцев” (выражение Ивана Солоневича в статье “Национальный вопрос”). Русское государство не уничтожало правящей иерархии малых народов, а давало ей привилегии и включало в состав своего правящего класса. Великая русская культура духовно подчиняла себе, побуждая служить не за страх, а за совесть. “Русский человек всегда наслаждается естественной свободой своего пространства, вольностью безгосударственного быта и расселения и нестеснённой своей внутренней индивидуализации; он всегда “удивлялся” другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся поработителей; он ценил свободу духа выше формальной правовой свободы, – и если бы другие народы и народцы его не тревожили, не мешали ему жить, то он не брался бы за оружие и не добивался бы власти над ними” (И. А. Ильин. “Против России”). Коренное отличие Русской державы от всех империй – Римской, Византийской, Британской, Германской – состояло в том, что русский “имперский” народ не эксплуатировал нерусские народы, как раз наоборот: они жили за счёт щедрости русских, имея равный с ними доступ ко всем благам цивилизации, ограждённые мощным русским щитом, выражаясь словами поэта, – “за гранью дружеских штыков” (М. Ю. Лермонтов. “Мцыри”). Если сегодня на географической карте есть такие государства, как Грузия, Армения, Азербайджан, Молдова, то лишь потому, что Россия спасла их от разгрома Османской империи. Если в роли государств выступают ныне Эстония и Латвия, то лишь потому, что русские остановили продвижение немцев на восток, их “Drang nach Osten”. Обладая высоким чувством национального достоинства, русские люди не превозноси-

лись, они с большой благожелательностью и пониманием относились к проявлению национальных чувств у других народов. “История русского народа есть единственная во всём мире история народа христианского не только по исповеданию, но по жизни своей, по крайней мере, по стремлению своей жизни” (К. С. Аксаков. “О русской истории”). Русские цари проводили политику гармонизации отношений между народами, отрицая типично имперскую политику “разделяй и властвуй”. В этом аспекте к Российскому государству неприменимо название “империя”. Тенденционно его использующий историк видит лишь некоторые формальные признаки (объединение народов при одном центре), но не понимает существа дела (отсутствие эксплуатации центром народов периферии). Присоединение к Руси новых земель происходило почти всегда мирно и бескровно. Главным аргументом здесь было не оружие, а осознание народами преимуществ существования в составе державы как залога порядка и стабильности. Карелия и часть Прибалтики стали частью Русской земли ещё в IX–X веках, а с XV века идёт массовое заселение этих земель русскими крестьянами. Земли Коми вошли в Русское государство в XI–XV веках. Гибель разбойничьего Казанского ханства предопределила переход к России земель башкиров, марийцев, татар, удмуртов, чувашей. Присоединение Сибири началось после победных походов Ермака и завершилось к XVII веку. “Россия, – писал лорд Джордж Керзон, – бесспорно обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила. Русский братается в полном смысле слова. Он совершенно свободен от того преднамеренного вида превосходства и мрачного высокомерия, который в большей степени воспламеняет злобу, чем сама жестокость”. Сформированная под определяющим влиянием Церкви, производная от православного культа, русская культура таким образом стала основой всей российской цивилизации, то есть государствообразующей культурой. В процессе самостоятельного цивилизационного развития на протяжении многих веков она активно впитывала в себя не только европейскую, христианскую культуру, но и культуру сопредельных азиатских народов. В этом процессе огромное положительное значение имели национальные особенности русского народа, его общительность и дружелюбие, его готовность прийти на помощь другим народам. Другие народы, в свою очередь, внесли свой вклад в развитие русской культуры, дополняя её уникальностью своих собственных культурных форм, развиваясь как часть российской культуры, благодаря чему русский народ стал носителем и хранителем уникальной российской цивилизации со множеством национальных оттенков. Патриарх Алексей I (Симанский) в своей исторической речи полувековой давности подчеркнул, что Церковь ещё на заре русской государственности “содействовала устройению гражданского порядка на Руси, укрепляла христианским назиданием правовые основы семьи, утверждала гражданскую правоспособность женщины, осуждала ростовщичество и рабовладение, воспитывала в людях чувство ответственности и долга, а своим законодательством нередко восполняла пробелы государственного права. Это та самая Церковь, которая создала замечательные памятники, обогатившие русскую культуру и доныне являющиеся национальной гордостью нашего народа. . . Это она служила опорой Русскому государству в борьбе против иноземных захватчиков. . .” (Журнал Московской Патриархии. 1960. № 3. С. 34–35). Это она веками формировала и сохраняла межнациональное согласие, – добавим мы. Именно Церковь исправляла известные “перекосы” в национальной политике государства, в частности, проявления излишней русификации. Вот почему в Российской империи не было религиозных войн, хотя в ней жили многие иноверные народы. Замечательно, с какой чуткостью и доброжелательностью гений русского языка именует иудеев и мусульман *иноверными*, то есть иным образом верными Богу. Иван Ильин в своём очерке “О России” хорошо раскрыл то историческое бремя, которое на себя взяла и с честью его неслла Российская империя, бремя 180 различных племён и наречий: “Мы должны были принять и это бремя: не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, не задушить иноплемённую и инославную жизнь, а дать всем жизнь, дыхание и великую родину. Найти ту духовную глубину, и ширину, и гибкость творческого акта, в лоне которых каждое включаемое племя нашло бы себе место и свободу посылить цветы, – одни доцветая, другие расцветая. Надо было создать духовную, культурную и правовую родину для всего этого разноголосого человеческого моря; всех соблюсти, всех

примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему, и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство. Но для этого мы должны были – прежде всего – сами расти, молиться, творить и петь. И вот Россия подъяла и бремя своих народностей, подъяла и понесла его – единственное в мире явление” (“О России: Три речи”). Исключительная доброта и открытость, терпимость и веротерпимость русских – именно эти национальные качества помогли создать великую державу, как уникальное государство, в составе которого под скипетром Белого царя объединились вокруг русского народа многие народы. Все они добровольно вошли в состав нашей державы и присягали на верность русским государям. Дух Русской Православной Церкви был искони исключительно миролюбивым, в отличие, например, от воинствующего духа Католичества, инспирировавшего крестовые походы для освобождения Гроба Господня. Этот именно православный дух благотворно действовал и вносил свои “коррективы” даже в завоевания царя Иоанна IV Грозного. Вот что написал он по поводу покорения Астрахани: “Как взяли мы Астрахань, то астраханским князьям своё жалованное слово молвили, чтобы они от нас разводу и убийства не боялись. Так, чтобы в других землях не стали говорить: вера вере недруг, и для того христианский государь мусульман изводит. А у нас в книгах христианских писано: *не велено силой приводить к нашей вере. Бог судит в будущем веке, кто верует право или неправо, а людям того судить не дано*”. Так в России из века в век создавались необходимые условия для обеспечения национальной идентичности и сохранения культурной самобытности разных народов. Это предохраняло от конфликтов на национальной почве, гарантировало сохранение межнационального согласия и взаимопомощи. Достаточно вспомнить добровольно вставших под русские знамена в 1812 году поляков и немцев, казанских и крымских татар, калмыков и башкир. Или знаменитую своей отвагой “туземную” дивизию. В ней под командованием великого князя Михаила Александровича (брата царя Николая II) неуязвимой славой покрыли себя чеченцы, ингуши, дагестанцы, кабардинцы и представители других народов Северного Кавказа, вышедшие на бой за царя и отечество по призыву своих старейшин. Говоря о значении православного культа и культуры в формировании и сохранении межнационального согласия, необходимо уяснить само понимание нации, коснуться вопроса об отношении христианской мысли и Церкви к идее нации и национальной обособленности. Бог, разделивший народы во время возведения Вавилонской башни, призвал всех к единству веры в день Святой Пятидесятницы. Именно в Церкви Христовой, утверждённой на земле в тот день, дано преодоление межнационального разделения – через сошествие Духа Святого на апостолов (см.: Деян. 2: 3–11). С самого своего рождения Церковь Христова является таким образом Церковью вселенской. Можно сказать и по-другому, что она *сверхнациональна*. Господь искупил не какой-либо избранный народ, но весь род человеческий, все народы. Об этом свидетельствует заповедь Спасителя, преподанная апостолам: “Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам” (Мф. 28: 19). Апостол Павел высказал мысль об органическом взаимодействии членов Церкви, подобно разным органам одного тела, “дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге” (1 Кор. 12: 25). Владимир Соловьёв применил эту мысль к национальным взаимоотношениям, убедительно показав, что точно так же, как органы одного тела, должны тесно и солидарно взаимодействовать и различные народы. Общность родовых и семейных установлений, укоренённость в одном отечестве и общность исторической судьбы, один язык и одни религиозные верования – вот наиболее существенные признаки народа, нации. В отличие от толпы и группы, в отличие от коллектива, церковная община и нация воплощают в себе соборное начало; и мы можем говорить о соборной душе народа, а для России это синоним Православия. Членам одной Церкви, укоренённой в истории, практически так же присущи все эти качества. “Работа мысли над проблемой национальности, – писал Н. А. Бердяев, – должна прежде всего установить, что невозможно и бессмысленно противопоставление национальности и человечества, национальной множественности и всечеловеческого единства. Между тем как это ложное противопоставление делается с двух сторон, со стороны национализма и со стороны космополитизма” (“Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности”). Сталин в

своей работе “Марксизм и национальный вопрос” дал неполное определение нации, без религиозной составляющей: “Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры”. Здесь трижды употреблено слово “общность”, но ни разу – “единство”. И это не случайно. Без религии любая общность – под вопросом, а национальное единство недостижимо. Сделав оговорку, что “ни один из указанных им признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации”, Сталин пытался развенчать мистическое понятие о русском духе, нивелировать сам этот термин. Но человеку, наделённому “русским духом”, можно, действительно, усвоить такие замечательные черты характера, как духовность, соборность, коллективизм. Тогда и татар, и чеченцев, и грузин можно считать русскими татарами, русскими чеченцами, русскими грузинами, одним словом – россиянами. И слава Богу, Владимир Даль был датчанином, но на предложение остзейских немцев вступить в их национально-культурную общину ответил: “Я мыслю и говорю по-русски – значит, принадлежу русской культуре и русскому миру”. Надо признать, что до конца своей жизни Сталин укреплял интернационализм в многонациональном государстве как идейную платформу “дружбы народов”. Но он был не прав в сугубо материалистической интерпретации понятия “русский дух”. Ленинско-сталинская интернациональная политика являлась антирелигиозной и антinationальной. Большевистский террор нанёс сокрушительный удар прежде всего по Русской Церкви. Коммунисты с их интернациональной доктриной более 70 лет подавляли “русскую идею”. Но и христианство отвергает всякую претензию на национальную исключительность, саму её психологию: “Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему” (Деян. 10: 34); во Христе нет и не может быть никаких разделений – “ни еллина, ни иудея... варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос” (Кол. 3: 11). И в советский период, и сегодня в России мирно сосуществуют разные народы, для которых общим свидетельством веры является Библия. И еврейская, и христианская, и в значительной степени исламская культуры – все они, безусловно, основаны на Книге книг или восходят к ней, питаются её неоскудевающими духовными родниками. Созданные по образу и подобию Небесного Отца от прародителей Адама и Евы, все мы, согласно Библии – братья и сёстры. “Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас” (Еф. 4: 6) – эти слова апостола Павла не только свидетельствуют о всеобщем усыновлении рода человеческого Богу, но и подчёркивают нашу общую вовлечённость в тайну Божественного Домостроительства. Несмотря на догматические и обрядовые расхождения, миллионы верующих иудеев, христиан и мусульман, живших и живущих в России, объединяет именно вера в Единого Бога, стремление жить согласно Его предписаниям и заповедям, творя молитву и милостыню, соблюдая пост, совершая паломничества и различные другие богоугодные дела. Бытие Бога, действительность сверхъестественного мира и личного бессмертия – непреложные истины всех трёх авраамических религий. Доктринальная близость мировых религий проявляется в общих вероучительных принципах и эсхатологических представлениях: учении о благом и справедливом Боге, о существовании иерархии благих ангелов и злых духов, о Промысле Божиим, о потусторонней жизни и загробном воздаянии за содеянное, о рае и аде, о воскресении мёртвых. Я уже отмечал, с какой чуткостью и доброжелательностью гений русского языка именуется иудеев и мусульман *ино-верными*, то есть иным образом верными Богу. Чего нет по отношению к русским у народов, именующих нас гоями и гяурами... И всё же, несмотря на такую недоброжелательность, русские православные христиане, о чём свидетельствует вся история нашего отечества, являют достойный подражания пример веротерпимости. Каждая из мировых религий призвана быть проводником примирения по отношению к другой, но в реальной жизни лишь Православие следует этому призванию. Мы твердим о толерантности, заменяя этим иностранным словом прекрасные русские слова – терпимость и веротерпимость. Невольно из поля сознания исчезает антоним “нетерпимость” и весь огромный смысловой спектр значений, связанных с принципиальностью, с отстаиванием своей духовной и религиозной идентичности. Помню, как мой старший друг – архиепископ Михаил (Мудьюгин), при всей широте его убеждений, настаивал на том, что христианам необходима

миссионерская нетерпимость. А всем людям доброй воли жизненно необходима нетерпимость ко всякого рода злу и насилию, нетерпимость к разжиганию национальной розни и вражды. Лишь у такой хорошей нетерпимости обратной стороной медали будет толерантность, которая вовсе не означает потворство насилию и несправедливости, нарушению прав и свобод личности. Идеологический вакуум, образовавшийся после крушения коммунизма, породил беспрецедентную тягу к религии и религиозной культуре. Заметно возросла роль религиозных лидеров в жизни своих народов, их удельный вес в сохранении межнационального согласия. Особенно роль Предстоятеля Русской Православной Церкви. В новой социальной доктрине Русской Православной Церкви, утверждённой на Архиерейском Соборе 2000 года, вопрос о Церкви и нации стоит на почётном 3-м месте. Определяется бинарная оппозиция вселенского и национального, но не сказано о приоритете того или другого, сопоставление двух категорий осуществляется через союз “и”. В документе содержатся предостережения против ксенофобии и национализма. Сегодня всем здравомыслящим людям ясно, что межнациональное согласие – главное условие сохранения целостности многонациональной Российской Федерации как единого государства. “Где лад – там и клад”, – гласит мудрая русская пословица. Враги России, стремящиеся её дестабилизировать и расчленивать, пытаются прежде всего разжечь межнациональные конфликты. Не случайно зоной наибольшего напряжения у нас является Северный Кавказ. Но распад Российской Федерации может вызвать катастрофу планетарного масштаба, учитывая геополитическое положение нашей страны и существующие у нас арсеналы ядерного, химического, биологического и другого оружия, а также наш пока ещё достаточно мощный ракетный потенциал. Для сохранения межнационального и межконфессионального согласия следует принять и усвоить благословенный исторический опыт Русской Церкви, её благожелательность по отношению ко всем народам, жившим и живущим в России. Нам есть чему поучиться на историческом примере Российской империи и её правопреемницы – Советского Союза. Оба великих государства отнюдь не были пресловутой “тюрьмой народов” или “империей зла”, а олицетворяли собой мирное и благотворное сосуществование и сотрудничество различных наций. В Советском Союзе несколько десятилетий это была одна семья, когда складывалась уникальная историческая общность – советский народ. Роль религиозных деятелей в поддержании межнационального согласия и мира (в особенности священноначалия Русской Православной Церкви) тогда была весьма существенна и велика, хотя казалась незаметной и не афишировалась. Честь имею засвидетельствовать это на своём личном опыте, так как в качестве церковного журналиста, редактора и автора различных пресс-релизов мне довелось участвовать в работе нескольких миротворческих религиозных форумов, начиная от международного конгресса “Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами” в Москве (1977) и кончая подобным форумом в Базеле, Швейцария (1989). С распадом Советского Союза, возможно, был взят “последний удерживающий”, мир вступил в эсхатологическую эпоху, и дестабилизация из года в год нарастает... Согласно недавнему отчёту неправительственной организации “Кирхе-ин-Нот” (“Помощь Церкви в беде”), сегодня на каждые 100 жертв, погибших от проявлений религиозной нетерпимости, приходится более 75 христиан. Эта вопиющая статистика свидетельствует о геноциде христиан. Прискорбно и очень настораживает, что гонения на христиан воздвигнуты в тех регионах, где представители разных религий веками мирно сосуществовали, например на Ближнем Востоке. Ясно, что мы должны мирно взаимодействовать с тем исламом, который не декларирует, а действительно является в своём внутреннем существе *религией мира*. Но не с тем экстремистским флангом, на котором взрываются бомбы и где люди превращаются в действующие живые снаряды, как это произошло в аэропорту Домодедово. Ислам не должен оправдывать самоубийство, мусульмане обязаны ясно понимать, что любой так называемый шахид – это не герой, а самоубийца, действующий по наущению шайтана: ведь он убивает не только себя, он убивает невинных младенцев, детей и стариков! Идеологии воинствующего ислама, для которого все иноверные – гауры, надо дать надлежащий отпор! Государству следует решительно встать на защиту тех русских людей, которым наносят удары ножом в спину. Эти удары наносятся не только в странах ближнего зарубежья, где

налицо проявления национальной нетерпимости, где дефилируют нацисты и бывшие эсэсовцы (например, в Латвии). Эти удары сегодня наносятся и в первопрестольном граде Москве, вызывая ответную реакцию, как мы видели недавно на Манежной площади. Россия — наш отчий дом, но Москва не прихожая в этом доме и не проходная комната! Под крышей отчего дома не место пришельцам, которые готовы этот дом взорвать. Нам кажется, что Русской Православной Церкви необходимо учредить специальный синодальный отдел, помогающий урегулированию межнациональных конфликтов, возникающих на религиозной почве. Заявлять, что подобные конфликты не имеют никакой религиозной подоплёки, означает закрывать глаза на реальную проблему. (Отметим, что существование подобной проблемы не отрицается, например, в арабо-израильском конфликте.) 20 января сего года Европейский Парламент принял резолюцию “О положении христиан в свете защиты свободы религии”, осуждающую убийства и дискриминацию христиан в разных странах (Египте, Нигерии, Пакистане, Иране, Ираке, на Филиппинах). Знаменательно, что за эту беспрецедентную резолюцию проголосовали представители всех политических партий, представленных в Европарламенте. Последней каплей, переполнившей чашу их терпения, был новогодний террористический акт, жертвой которого стали десятки убитых христиан в коптском храме в Александрии. Знаковым совпадением является то, что в тот же день встрече с членами Общественной палаты Российской Федерации президент Дмитрий Медведев обратил внимание на “крайне сложный и исключительно важный для нашей страны” вопрос о поддержании гражданского мира, межнационального и межконфессионального согласия. “Это не только обязательное условие сохранения нашего государства, — подчёркнул президент. — Это просто обязательное условие сохранения нашего государства... Нам необходимо предпринять очень серьёзные меры для предотвращения распространения этнического экстремизма, — экстремизма, который основан на лжи, на искажении культурных традиций, зачастую на передёргивании истории. Для этого мы обязаны беречь и продвигать подлинные, а не мнимые ценности всех народов, входящих в нашу многонациональную страну, всех культур этих народов, особенно культуру русского народа, потому что эта культура всегда была системообразующей в нашем государстве”. К сожалению, последний, постсоветский период в истории России связан с попранием русской национальной культуры, с нарастанием русофобии, с ущемлением прав, унижением и дискриминацией русского народа. В эти годы слово “русский” заменялось на “российский”; так или иначе отрицалось право русского народа быть хозяином на своей земле. Земля наша подверглась нашествию со стороны мигрирующих среднеазиатских и кавказских народов. Дискриминация русских на окраинах федерации колеблет и расшатывает и без того хрупкое межнациональное согласие. Огромную угрозу для национальной безопасности России представляет доктрина так называемого *цивилизационного конфликта* и якобы неразрешимых противоречий между православными и мусульманами. Враги России пытаются сделать её главной мишенью для международного терроризма. Обнадёживает тот факт, что служители ислама и других нехристианских культов Российской Федерации признают не только самостоятельную ценность государственного единства для любой нации в России, но и ведущую историческую роль русского народа и Русской Православной Церкви в межнациональном согласии, в его обеспечении и сохранении. Иначе и быть не может. Более 1000 лет русский народ, народ-страстотерпец, создавший огромное государство и великую культуру, являлся примером согласия и мира, построенного на заповедях Божиих. Всем ясно, что русские в России должны иметь отнюдь не меньше, а вполне достаточно прав по сравнению с другими народами, поскольку именно они несут основную ответственность за судьбу страны, составляя около 80% населения. Это скажется благотворно на положении всех других народов, ведь русский народ не утратил своего редкого бескорыстия, своей исключительной духовной самоотверженности. От этого выиграют вся страна и все народы, в ней проживающие. Необходимо всемерное усиление русского народа и Русской Православной Церкви как некоего верховного арбитра, третейского судьи, облечённого доверием с разных сторон. Необходимо и соответствующее законодательство, обеспечивающее приоритет Православия. На этом пути впереди нас оказались Грузия и Болгария. Нам не следует отставать! Согласно Конституции, единственным

источником власти в Российской Федерации является многонациональный народ, в котором большинство составляют русские. Это подавляющее большинство (около 80%) отнюдь не “подавляющее”, а страдающее, а с недавних пор и возмущённое. Оно пробудилось, оно начинает действовать, и его гнев может быть страшен, если не принять превентивных врачующих мер, если не привести в соответствие с реальной жизнью наши конституционные нормы. Пора, наконец, сформулировать и принять конституционное положение, признающее Православие доминирующей религией, а Русскую Православную Церковь – национальной Церковью русского народа и соборной Церковью других православных народов, историческим оплотом их духовной, культурной и государственной самобытности. Упорная и напряжённая работа по созданию межнационального согласия в общероссийском доме должна быть бесспорным приоритетом. И мы, русские и нерусские люди, россияне, должны быть уверены, что в этой созидательной работе плечом к плечу окажутся служители культа и работники культуры. Роль служителей культа, прежде всего православного духовенства, в сохранении межнационального согласия в России была исключительно велика и 100, 200, 300 лет назад. Сегодня она должна не снижаться, а возрастать! Служители алтаря призваны научить нас думать о вечности и о всечеловечности, которые существенно отличаются от интернационализма и космополитизма. “Всецеловечность есть высшая полнота всего национального”, – писал Н. А. Бердяев (“Судьба России”). Просвещённый патриотизм (ещё лучше “освящённый”), сознающий свою укоренённость в русской национальной традиции и свою органическую связь со всеми народами России, может послужить на благо нашей великой страны. Работники культуры призваны внедрять повсеместно культуру жизнеобеспечения. Эта сфера культуры включает в себя экологическую и репродуктивную культуру, её задача – сохранить народонаселение России. *Духовное возрождение есть условие выживания нашего общества*, – подчеркнул митрополит Кирилл, ныне Святейший Патриарх, на II Всемирном Соборе в 1995 году. “Возвращение в нашу жизнь христианского нравственного идеала есть непременно условие возрождения и национального самосознания, условие ограждения этого самосознания от тех крайностей и опасностей, через которые оно уже прошло, а иногда и сегодня ещё проходит” (Журнал Московской Патриархии. 1995. № 1. С. 41). Путь к спасению лежит не через нигилистическое отрицание национальной истории и культуры, тысячелетних традиций русской государственности и не через возврат к догмам богоборческого режима, но через консолидацию духовно здоровых сил народа, через реализацию программы национального спасения, глубоко укоренённой в духовном и историческом опыте и в то же время устремлённой в будущее – к образу великой и процветающей России. В универсальности русской культуры, в её православной вселенскости, способной объять все народы без малейшего ущемления их национальных особенностей – секрет той межнациональной стабильности, которой отличалась Россия в прошлом. Как единая страна и единое государство. И только в этом – залог нашего доброго будущего, надежда на которое не должна умереть, ибо надежда умирает последней. Культ и культура в их согласии и взаимодействии – вот наша национальная идея, спасительная для народа, общества и государства. Мир и согласие через культ и культуру – таков наш призыв.

ГЕОРГИЙ ПОЛЯЧЕНКО

“НЕ НАВРЕДИ”

Музыка на протяжении всей истории человечества играла особую роль в его судьбах, выделяясь из всех искусств своей силой стремительно проникающего, подсознательного воздействия как на избранных ценителей, так и на людские толпы; силой, влияющей на поступь исторических событий в мире — “в его минуты роковые”; силой, порою куда более мощной, чем запечатленное писательское слово и “мысль изреченная”, лукаво разнотолкуемая, блуждающая в зарослях сомнений и преодолевающая мировоззренческие преграды упрямого ума. Музыка — своеобразный нравственный барометр: по музыкальному мироощущению можно судить о состоянии духовного здоровья отдельной личности и общества в целом. По справедливости её часто образно именуют “проповедью в звуках”. В конце II и начале III века нашей эры пресвитер Александрийской Церкви Климент, основатель богословской школы, боровшийся с язычеством и ересями, изложил в своих трудах (“Строматы” и “Педагог”) поучения, получившие впоследствии каноническое закрепление на вечные времена в правилах VI Вселенского Собора (680–681 гг.): “К музыке должно прибегать для украшения и преобразования нравов — должна быть отвергнута музыка чрезмерная, надламывающая душу, впадающая в разнообразие, то плачущая, то неудержимая и страстная, то неистовая и безумная...”. Такую музыку Учитель церковного песнотворчества предоставлял “беззастенчивым попойкам и музыке гетер с букетами...” Прежде Климента Александрийского, ещё в древние дохристианские времена, за многие, многие и долгие века до того, когда были изобретены электроинструменты, сверхмощные звукоусилители, а вместе с тем разработаны “методики и технологии психофизического воздействия и программирования личности”, когда музыка стала “оружием массового поражения”, один мудрый восточный философ изрёк: “Чтобы изменить нравы и обычаи людей, нет ничего сильнее музыки”. Спустя тысячелетия данная мысль нашла своё мироохватывающее претворение в идеологии глобализма. Массовое “звуковое зомбирование” стало значительной частью осуществляемого плана манипулирования общественным сознанием. В эпоху “торжества” безудержного технического прогресса “цивилизованное сообщество”, оглушаемое потоком всевозможных промышленных шумов и бытовых скрежетов, контуженное душераздирающим ором “звукофабрикан-

---

ПОЛЯЧЕНКО Георгий Георгиевич родился в Риге в 1950 году. Окончил Московскую государственную консерваторию им. П. И. Чайковского и Литературный институт им. Горького. Постоянный художественный руководитель и главный директор ежегодных Международных фестивалей православной музыки в Москве. Председатель Православно-церковного певческого общества. Живёт в Москве.

тов” и грохотом без умолку палящих “музыкальных орудий”, утрачивает естественную способность слышать, – прочувствовать и осознать успокоительную тишину. Современный потребитель продукции “звуковой индустрии развлечений” уже не в состоянии задумываться, в промежутках между суетными телодвижениями, о том, что каждый звук имеет сакральный, мистический, самостийный смысл, что мелодии и созвучия, образующие музыкальный язык, влияют на духовный строй человека, чисто или фальшиво настроивая его на тот или иной жизненный лад. “Музыка подобна Церкви, – она есть молитва души, язык, на котором ведётся беседа человека с Богом... Она есть Божественный язык, данный для общения с Богом. С помощью музыки душа познаёт Творца” (Блаженный Августин. IV–V век от Р. Х.).

Ещё эпоха гуманизма – “просвещённого человеколюбия” и прославления личности, гордо и величественно именуемая Возрождением, “сбрасывая гнёт схоластики и церковности и освобождаясь от идейного застоя феодализма” (согласно некоторым энциклопедическим формулировкам), наметила в светском западноевропейском искусстве поступенную нисходящую еретическую последовательность: от богоподобия к самовозвеличиванию, а затем стремительно от самовозвеличивания к безбожию и от безбожия к бесподобию, достигшему к началу XXI столетия критической стадии вырожденческого самодомыслия и безграничного вседозволенного своенравия. Распростёртые до разнузданности нормы общественной морали, переставшей быть синонимом богоданной нравственности, вопиющие беззакония, “узаконенные” грехозащитными “правами человека”, не могли не отозваться эхом в храме искусства. Религиозно выхолощенные, интернационализированные, “общечеловеческие ценности” широкого потребления вначале заполнили культурное пространство Нового Света и Западного мира, а затем перекочевали в духовные просторы России, змиелазно проникнув даже во святая святых – в сокровенные пределы церковной ограды, доселе хранящей в чистоте и неприкосновенности сосуд Веры и целомудрие в православном делании. “О тех, кто сняли с себя платье веры и стали как дикие звери, – о них я рыдаю. Знайте же, что для таких пришествие Иисуса обращается великим Судом” (из послания прп. Антония Великого, III–IV век от Р. Х.).

Для врачей священна древнейшая заповедь Гиппократова: “*Не навреди*”. Она справедлива для всех специалистов и других профессий, а в особенности для духовных врачей. К прискорбию, мудрый совет греческого учёного из далёкой античности не всегда востребован во времени.

Музыкальная речь, как и речь словесная, будучи языком человеческого общения и миропознания, одновременно подвержена неизбывным искушениям от лукавого. Музыка может являть собой звуковую Правду и звучащую ложь, быть просветлённым отзвуком ангельской Первопесни и сумрачным отголоском дьявольского первообмана. Музыкальное слово может быть льстивым и соблазнительным орудием падшего ангела и сеять сорные злаки в невозделанном поле неискушённых душ. И только праведная направленность и смиренная избирательность языка общения определяет его духовную высотность. “Кроткий язык – древо жизни, но необузданный – сокрушение духа” (Книга Притчей Соломоновых. 15. 4.).

Музыкальная природа подспудно влияет на созидание личности человека, – на образование его чувственно-восприимчивой сферы и воспитание национального самосознания. И как грамматический и фонетический строй является основой национального языка, так лад мелодический выражает душевные тонкости характера того или иного народа. Подобно тому, как искусственные внедрения – варваризмы, жаргон и сленг разрушают языковую гармонию, а матерные ругательные выражения неприемлемы в культурном общении, также противоестественен, дисгармоничен и “музыкальный сленг”, а “музыкальный мат” столь же неприличен, как и речевой. Казалось бы, существуют писанные и само собой разумеющиеся неписанные законы, не требующие дополнительных доказательств. Но в нынешнее переворотное время новоиспечёнными радетелями русской словесности, имеющими прямое отношение к управлению российской культурой, предпринимаются усиленные реформаторские попытки устранить цензурные ограничения (как “советский атавизм”), – узаконить разговорный и литературный мат и, “нормируя” речевые непристойности, соответственно внедрить в обиходный музыкальный лексикон столь же бесстыжую звуковую скверну. “Музыка есть сильное воз-

буждающее оружие, подобно медикаментам. Она может и отравлять, и исцелять. Как медикаменты должны быть во власти специалистов, так и музыка” (К. Э. Циолковский).

Особое и очень важное место в государственной и церковно-общественной просветительской работе должно занимать наравне с *речевым и писательским словом* – *слово музыкальное*. Воспитание тонкого музыкального, *сердечного слуха* столь же важно, как и изучение в школе основ православной культуры. А вернее сказать, православное музыкальное образование является естественной его составляющей, если же, конечно, носит сущностный, а не назывательный характер. Обучение музыке должно начинаться сызмальства, с постижения мелодики слов родного языка, с освоения предмета “родная речь”, с уроков пения, мистически раскрывающих в музыкальном прочтении поэтического текста смысловые двери слова. Музыкальная невоспитанность и, как болезненное следствие, *музыкальная глухота* имеет и дальнейшие серьёзные осложнения, проявляющиеся в признаках духовного дальтонизма, – в неумении (или в толерантном нежелании) чётко различать *белое и чёрное*, независимо (как показывает жизнь) от степени начитанности и занимаемого в общественной иерархии положения. “Есть только одно истинное “счастье” на земле – пение человеческого сердца. ... Сердце поёт, когда оно любит; оно поёт от любви, которая струится живым потоком из некой таинственной глубины и не иссыкает; не иссыкает и тогда, когда приходят страдания и муки, когда человека постигает несчастье, или когда близится смерть, или когда злое начало в мире празднует победу за победой и кажется, что сила добра иссыкла и что добру суждена гибель. И если сердце всё-таки поёт, тогда человек владеет истинным “счастьем”... Тогда всё остальное в жизни является не столь существенным: тогда солнце не заходит, тогда Божий луч не покидает душу, тогда Царство Божие вступает в земную жизнь, а земная жизнь оказывается освящённой и преображённой. А это означает, что началась новая жизнь и что человек приобщился новому бытию... Сердце поёт не от влюблённости, а от любви; и пение его льётся подобно бесконечной мелодии, с вечно живым ритмом, в вечно новых гармониях и модуляциях. Сердце приобретает эту способность только тогда, когда оно открывает себе доступ к божественным содержаниям жизни и приводит свою глубину в живую связь с этими не разочаровывающими драгоценностями неба и земли... прекраснее всего то пение, которое льётся из человеческого сердца навстречу Господу. Его благодати. Его мудрости и Его великолепию. И это пение, полное предчувствия, блаженного созерцания и безмолвного, благодарного трепета, есть начало нового бытия и проявление новой жизни...” (И. А. Ильин. “Поющее сердце. Книга тихих созерцаний”).

По существу, великий русский религиозный философ Иван Александрович Ильин, живший в не столь отдалённое от нас время, с поразительной нравоучительной поэтической силой подтверждает сказанное его предшественником – выдающимся богословом и проповедником, святителем Тихоном Задонским: “Для спасения жизни нужно петь Господу не голосом, а самой жизнью своей. В Священном Писании жизнь во Христе называется пением (“Крепость моя и пение мое Господь и бысть мне мне во спасение)... Спасайся о Христе, любезный брате. Законы духа и плоти противны друг другу. Между ними всегда брань. Что плоть хочет, того дух не хочет – это различные мудрования. Плотское мудрование есть вражда на Бога, смерть...”

Следует также признать, что ныне убеждённо противопоставлять поп-музыке академическую музыку надо с большой осторожностью. Бесподобный “поп-рок”, совершив роковую революцию в эстрадной музыке, столь же революционно переключался и “справил новоселье” и в классических жанрах, к которым относился до сей поры жанр оперы. Как грибы из-под земли, стали появляться “на свет софитовый” рок-оперы, вначале на всеядном Западе, а затем и в целомудренно-разборчивой России, где их количество в процентах год от году возрастает в большей степени, чем добыча угля. Но композиторы “выдают на-гора” и другие оперы, вроде как и якобы в классическом “классическом” стиле с “опорой” на признанные музыкальные образцы своих именитых предшественников и разве что с эксцентричными действующими лицами в модерновом либретто. За примерами далеко идти не нужно. Когда для достижения тщеславно-эпатажной и коммерческой цели все средства хороши, то в результате являются (даже на самые престижные сцены мира, при мощ-

ной государственной (!) поддержке) такие сомнительно “любезные народу шедевры новорусской классики”, как “Дети Розенталя” – нашумевшая опера, несколько лет тому назад поставленная в Государственном академическом Большом театре России (!), по возмутительности, пошлости и циничности своей соперничающая разве что с “Целующимися милиционерами” нетрадиционной ориентации, – “фотошедевром”, закупленным и представляемым аж Государственной Третьяковской галереей (!) в качестве выдающегося произведения современного искусства (достойного представлять Россию на зарубежных выставках). То, что на протяжении тысячелетнего становления Святой Руси считалось богомерзким и не могло даже вообразиться в самых изощрённых фантазиях, вторглось в нашу повседневную жизнь и стало реальностью, с которой нельзя не считаться, но и мириться, говоря словами юродивого из пушкинского “Бориса Годунова”, “Богородица не велит”. Тысячу раз был прав Фёдор Иванович Тютчев, когда с болью выдохнул ставшие крылатыми строки:

*Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Её спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!*

Но, пожалуй, самое опасное кроется не в том, что откровенно беззащитно, пошло, бездарно или малодаровито. Особенно опасна для духовного, душевного, да и телесного здоровья творцов искусства, как и для исполнителей, так и для доверчивых слушателей и зрителей талантливая поэтизация людских пороков. Светскому (но именующему себя православным) творческому человеку, как, впрочем, и “духовному композитору” – захожанину храмов (на “премьеры” своих сочинений, просочившихся на модернизированный клирос) очень трудно взять в толк, что мастерство и яркий талант не являются наивысшим духовным достоинством личности без присутствия в душе благочестивого Страха Божия, трепетной сердечной Молитвы и Любви о Господе. “Молитва – единственный руководитель ко спасению” (свт. Игнатий Брянчанинов).

В наше высвободившееся от вековых моральных устоев время, когда “новая мораль” перестаёт быть синонимом богоданной нравственности, только высокое искусство способно действительно противостоять варварскому натиску глобалистской космополитической околокультуры. Русская музыка включает в себя и богослужебные песнопения, и авторские произведения композиторов, и народные песни, в которых живёт душа народа. “Но если и музыка нас оставит, что будет тогда с нашим миром?” – ещё в XIX “золотом веке поэзии и искусства” предостерегающе вопрошал Николай Васильевич Гоголь. А Модест Петрович Мусоргский с пророческой печалью удостоверял: “Канкан нас забьёт”. Что, собственно говоря, и произошло (с той только разницей, что канкан – это лёгкий жанр, а “hard rock” – тяжёлый). Но если с одной стороны нас бесчеловечно “забывает” масскульт, то с другой стороны той же наднациональной “палки о двух концах” – отрицается искусство вообще как таковое. При этом создаются новые произведения в этом “погребальном жанре”, предполагающем самую широкую жанровую использованность (от рок-музыки до духовной и обратно, или в какую-либо другую сторону). Эта модная постмодернистская и вообще “postpostovая” тема “паникиды по искусству” заслуживает отдельного рассмотрения. Тема “закрытия темы искусства” не нова и даже не относится к “хорошо забытому старому”, а взята напрокат у Гегеля, Шпенглера, Ницше, Гессе и Набокова. Но современное её идейное обоснование комфортно вписывается своим эффектным парадоксализмом (“отрицания каких-либо отрицаний”) в общий контекст творческого вольнодумия и дезориентации в искусстве. Анатомио-патологический взгляд на искусство надёжно гарантирует существенные преимущества: во-первых, художник, автоматически освобождаясь от религиозно-национальной зависимости и снимая с себя какую-либо моральную ответственность за содеянное, не подлежит притеснению со стороны “заказывающих музыку” русофобов, к тому же управляющих и финансовыми потоками. А во-вторых, автор а priori ограждает себя от каких-либо критических оценочных критериев, кроме оценки мастерства игры по установленным автором же правилам “игры без правил”. На сей

раз предлагается некий модернизированный вариант высокоумной (но всё-таки набившей оскомину) “игры в бисер”, где художнику отводится роль искусного иллюзиониста. Весьма оригинально и показательно само надменное отношение художника-концептуалиста к потенциально неискущённому, непосвящённому слушателю-зрителю-читателю, перед которыми по жизненным обстоятельствам автор вынужден “метать бисер”, проявляя свою сиятельную снисходительность. Справедливости ради следует отметить, что среди апологетов сознательно мертворождённого искусства есть художники, чьи мастерские композиции заслуживают не только внимания, но и достойны подлинного уважения, если, конечно же, не вполне доверять искренности эпатажной декларации и с радостью обнаружить в творчестве “неувязочки”, – когда непроизвольной силой своего таланта автор входит в противоречие с самим собой – с собственной концепцией предлагаемой игры в художественно-интеллектуальный “кубик Рубика” – и создаёт действительно жизнеспособное, живоносное произведение. И этим неожиданно для себя и окружающей публики вновь приоткрывает тему неумирающего искусства.

НИКОДИМ

митрополит Харьковский и Богодуховский

ЖРЕБИЙ БОЖИЙ

Фрагменты памятного и пережитого

Посвящается моим предкам — буковинским крестьянам из рода Матейковых и всем ревнителям правды Божией, с которыми мне судилось встречаться на житейских перепутьях и трудиться на ниве Господней ради вечной славы Его.

Недавно мои земляки — ученики и учителя школы села Давидовцы Кицманского района Черновицкой области — прислали мне бесценный дар: снятый ими видеофильм “Хай святиться твое ім'я, людино”. В нем рассказывает о моем жизненном пути, пастырском и архипастырском служении, моих богословских и литературных трудах.

Я всматривался в экран, узнавал улицы и окрестности родного села, где я появился на свет, где моими босыми детскими ножонками истоптана каждая тропка, где в лесу мне были ведомы самые заповедные грибные и ягодные места, где мои губы припадали к такой вкусной родниковой воде, какой после мне не довелось пить нигде. Там я пас овец, пахал землю на волах, впервые перешагнул школьный порог. Там остались могилы моих предков, там, на родной земле, продолжают трудиться дети, внуки и правнуки моих сверстников. Там звучит неповторимая буковинская речь, там на праздники люди наряжаются в такие вышиванки, каких не сыскать во всем белом свете, там задорно играют музыканты, а красавицы-девчата поют такие щемящие душу песни, что слезы наворачиваются на глаза.

В кадрах фильма несколько раз появляется маленький мальчик, шести-семи лет от роду, с широко распахнутыми глазенками, которые пылливо всматриваются в простирающийся пред ними мир. Чем-то он напомнил мне самого меня в уже очень далекие детские годы. И неудивительно, — ведь этот мальчик оживил в моей памяти полузабытые события и многие образы прошлого и побудил взяться за давно задуманную, но не раз откладывавшуюся “на потом” из-за хронической нехватки времени работу надписанием воспоминаний о былом.

И сейчас, когда затихает дневной шум, прерывается поток больших и малых дел и забот и сгущаются вечерние сумерки, я мысленно переносюсь в прошлое.

*Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно.
(А. С. Пушкин. “Борис Годунов”)*

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

О моих предках по отцовской линии я могу сообщить лишь самые отрывочные сведения. Мой отец лишился своих родителей в детстве. Я помню, что у него был старший брат Макарий и сестра Евфимия, которая вышла замуж за Георгия Оливевского из села Гавриловцы. Но никто из этих близких родственников не заботился о моем отце в его детские годы, и он рос, как трава при дороге, не согретаемый ни лаской, ни любовью. Фамилия моего отца — Руснак. Эта фамилия широко распространена в моей родной Буковине. В именном указателе тома “История городов и сел Украинской ССР”, посвященного Черновицкой области, значатся 18 моих именитых земляков с такой фамилией. Имя и отчество отца — Степан Георгиевич. Ни одной фотографии его у меня не сохранилось. Впрочем, их, скорее всего, и не было. От матери остались только две фотографии, сделанные незадолго до ее смерти. Да и я сфотографировался в первый раз в 17 лет. Уже одно это говорит о той беспросветной нужде, в которой мы жили. Ведь с конца XIX века в богатых семьях было принято заводить фотоальбомы, которые часами разглядывали гости дома.

О своей родословной по материнской линии я знаю со слов моей матери — Параскевы Георгиевны Кавьюк. Дед ее отца Матей (Матфей) был незаурядной личностью, храбрым воином, участником Русско-турецкой войны. О какой войне — 1768–1774 или же 1787–1791 годов — шла речь в семейном предании, мать не уточняла. Но, скорее всего, это была вторая из упомянутых войн, в которой русские одержали ряд блестящих побед над Османской империей в морских сражениях под руководством талантливого флотоводца Ф. Ф. Ушакова и в сухопутных сражениях под руководством знаменитого полководца А. В. Суворова. Однако результаты войны не соответствовали ни военным успехам России, ни понесенным ею жертвам. Правда, Ясский мирный договор зафиксировал присоединение к России территории между Бугом и Днестром. Но Бессарабия, Молдавия и Валахия были возвращены туркам-османам.

Так вот, во время Русско-турецкой войны мой прапрадед Матей, по всей вероятности, командовал воинским отрядом и героически сражался с турками. Вполне возможно, он был в рядах тех, кто под командованием А. В. Суворова в 1790 году штурмовал Измаил. Но затем воинское счастье изменило ему, и в одном из сражений он попал в плен. С пленными, отрекавшимися от Православия и переходившими в мусульманскую веру, турки обходились милосердно. Остальных они отправляли на каторжные работы в придунайские земли. Среди этих остальных оказался и мой прапрадед Матей — ревностный христианин, не пожелавший променять свою святоотеческую православную веру на объедки от трапез тех, с кем он еще недавно доблестно сражался.

На турецкой каторге многие пленные быстро обессиливали. Этих несчастных людей турки убивали и затем кормили их мясом тех, кто еще в состоянии был работать. Пленные удостоверились в этом, обнаружив однажды в пище человеческий палец. Но ни непосильный труд, ни побои и издевательства тюремщиков не сломили моего прапрадеда. Обладая незаурядными организаторскими способностями, он склонил группу пленников к побегу. Более того, он уговорил повариху — православную женщину, угнанную в турецкую неволю, открыть ночью ворота лагеря, где содержались пленные. Она согласилась на это при условии, что беглецы-каторжане возьмут ее с собою.

Побег удался. Мой прапрадед возвратился в родное село. Его имя пользовалось среди земляков чрезвычайной популярностью. Всех членов его семьи стали называть “Матейковы”. Затем это славное имя, как бесценное наследство, закрепилось за всеми последующими поколениями нашего рода. Моего прадеда, деда, маму и ее сестру в селе также называли “Матейковыми”. А меня, когда я подрос, односельчане ласково звали “Русначок”. И поскольку в селе были, кроме нас, семьи, которые носили фамилию Руснак, то,

идя по улице, я иногда слышал за своей спиной такой разговор сельских кумушек: “А чий то Русначок?” – “Та то син Параски Матейковой”.

Мой прадед Стефан и дед, Георгий Степанович Кавьюк, жили в те времена, когда Буковина находилась под австро-венгерским владычеством. Им довелось претерпеть немало невзгод, связанных с жесточайшим преследованием в нашем крае православных за их веру. Мой дед, о котором я вспоминаю с глубокой любовью, рано овдовел и остался с пятью детьми: двумя сыновьями (Иоанном и Николаем) и тремя дочерьми. Старшей из них была Екатерина, средней – моя мать Параскева и младшей – Мария.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ МОЕЙ МАТЕРИ

Из-за неопишуемой бедности Иоанн и Николай навсегда покинули отчий дом и уехали искать лучшей доли в далекую Канаду. Мой дед со своими дочками остался вековать в родном селе. Старшая дочь Екатерина жила вместе с отцом, а моей матери и ее младшей сестре Марии довелось идти “в люди”: матери – в служанки к сельскому священнику, отцу Иоанну Карпьюку, а Марии – в служанки к сельскому дьяку Цуркановичу.

Священник отец Иоанн, в доме которого на протяжении четырех лет служила моя мать, был вдовцом. Его младшие дети (их имен я не помню) учились в университете, а старшая дочь Ефросиния ведала домашним хозяйством отца. Она сильно подружилась с моей матерью. В задушевных беседах, которые велись между ними, они постепенно, с помощью Божией, определили главную цель своей жизни: остаться в безбрачии, посвятить свою жизнь Богу и вступить в один из буковинских женских монастырей.

Но эти планы разрушила начавшаяся в 1914 году Первая мировая война. Буковина стала ареной ожесточенных сражений российских и австро-венгерских войск. Власть в крае трижды переходила из рук в руки. Людям, населявшим его, довелось переживать невероятные трудности. Священник отец Иоанн Карпьюк с дочерью Ефросинией перебрался в Черновцы, а моя мать возвратилась в отчий дом. К тому времени ее старшая сестра Екатерина вышла замуж. На плечи моей матери легли все домашние заботы. Поэтому ей пришлось на долгие годы отложить осуществление своей девичьей мечты о вступлении в монастырь.

После окончания Первой мировой войны из-за крайней нищеты, царившей в родительском доме, мою мать выдали замуж за 18-летнего сироту Степана Георгиевича Руснака, которому по наследству досталась полуразрушенная, крытая соломой, хатенка.

Сиротство наложило заметный отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Он так и не смог стать самостоятельным хозяином. Да и возможностей для того, чтобы обзавестись собственным хозяйством, у него не было. Всю свою жизнь он работал на чужих людей и перебивался случайными заработками, которые не приносили в дом достатка. А все заботы о домашнем очаге легли на плечи моей матери. В 1921 году, 5 апреля по старому стилю (18 апреля по новому стилю) на свет появился я. Ни о каких роддомах тогда в наших краях и помину не было. Принимала роды бабка-повитуха.

ЖРЕБИЙ БОЖИЙ И МАТЕРИНСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

В те времена в Буковине бытовал такой обычай. После первой купели перед младенцем раскладывали разные предметы. Считалось, что то, до чего он дотронется ручонкой, является предзнаменованием его будущей судьбы. Дотронется до уздечки – быть ему конюхом, до рубанка – столяром, до кошелюка – богачом-купцом. Дальше этого мечты моих земляков не шли. Моя мать обшарила взглядом нашу убогую горенку и положила передо мною самое дорогое, что в ней было – старинную Библию... И я дотронулся до нее!

Эта история, рассказанная мне позже матерью, произвела на меня глубокое впечатление. Но вместе с тем в детские годы я еще полностью не осознал значения этого события, только позже ко мне пришло понимание того, что Библия, к которой я прикоснулся своей младенческой ручонкой, была Знамением Божиим, символом жребия, предначертанного мне Богом. Вспо-

миная сейчас об этом событии, я воспринимаю его и как святое материнское благословение: жить по слову Божьему. И позже мать не раз повторяла мне: “С неправдой, сынок, и до края земли дойти можно, да вот только назад воротиться трудно будет”. Значение этих слов я также осознал не сразу. Назад возвратиться трудно будет не только потому, что люди обличат тебя как лжеца, а и потому, что ты потеряешь самого себя, предашь попранию жребий Божий – то, ради чего ты призван в этот мир.

Святые материнские слова я хранил и буду хранить в душе моей до последнего вздоха. И хотя моей матери уже давно нет среди живых, ее образ никогда не изгладится из моей памяти. И вряд ли у меня, да, наверное, и у любого другого человека найдутся такие слова, которыми можно было бы в полной мере оценить самозабвенное подвижничество наших матерей. С каждым прожитым нами годом мы все глубже осознаем, какой надежной твердыней, каким убежищем, спасавшим ото всех житейских невзгод, было для нас материнское сердце.

Из рассказов матери о моих младенческих и ранних детских годах мне вспоминается такой эпизод. Когда мне было три годика, в один из дней, я, взгромоздившись на лавку, перелистывал Святое Евангелие с картинками. Мое внимание привлекла иллюстрация, на которой было изображено, как римские воины избивают плетью Иисуса Христа, привязанного к столбу. Мне стало несказанно жалко страдальца Христа. Не долго думая, я взял в руки ножницы и вырезал изображения воинов, чтобы они не мучили Христа. Конечно же, когда мать возвратилась домой, мне от нее здорово влетело за то, что я не только испортил иллюстрацию, но и искромсал напечатанный на обороте листа с картинкой евангельский текст. Благодаря этому маминому уроку я через всю свою дальнейшую жизнь пронес бережное, даже можно сказать трепетное, отношение к книгам. А Евангелие стало и осталось для меня Книгой книг, величайшей Святыней.

Этим эпизодом я хочу закончить ту часть моих воспоминаний, в основе которых лежат рассказы моей матери. Дальнейшие события запечатлелись в моей цепкой детской памяти. Попытаюсь поведать о них.

К СТЕЗЕ, ПРЕДНАЧЕРТАННОЙ БОГОМ

Ранее я рассказывал о Знамени Божием, ниспосланном мне в первые часы после моего появления на свет. Когда я размышляю об этом, мне приходят на ум слова святого Оригена о том, что человеческая природа не способна найти Бога без помощи Его Самого. Но вместе с тем этот великий религиозный мыслитель подчеркивал, что действия благодати Божией находят отклик не во всех человеческих сердцах. По словам Оригена, дождь одинаково орошает землю, но есть земля, которая впитывает его для того, чтобы взрастить полезные растения, и есть земля, которая, впитав небесную влагу, производит тернии и волчцы. Одно и то же солнце размягчает воск, но делает твердой глину. Бог всегда хочет и всегда может утешать нашу душу, но и нам надлежит сделать усилие для того, чтобы распахнуть ее навстречу Врачевателю.

Как я уже вспоминал, моя младенческая душа бессознательно распахнулась перед врачующим Словом Божиим, а моя младенческая ручонка интуитивно дотронулась до Святой Библии.

Не раз вспоминал я об этой книге и о моей матери, благословившей меня на жизнь по Слову Божьему. Но вполне осознанно на стезю, предначертанную мне Богом и приведшую меня в монастырь, я ступил в 17 лет.

Как же я пришел к этому судьбоносному решению, означавшему разрыв со всем тем, что осталось за монастырскими стенами? Что повлияло на мой выбор? Попробую ответить на эти вопросы.

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ВЗРОСЛЕНИЕ

Внешне моя жизнь до 17 лет мало чем отличалась от жизни моих сверстников из бедняцких семей. Хатка, в которой я родился, находилась на восточной окраине села, в долине под горой, которую в народе называли “Зозули-

ною горою”. За ручьем, протекавшим мимо нашего дома, жила семья Дионисия Константиновича Бевцика – самая богатая в нашем селе. Дальнейший рассказ о моей судьбе будет не раз переплетаться с рассказом о судьбе этой семьи и, прежде всего, ее главы. Мои родители добывали скудный кусок хлеба поденной работой в хозяйствах помещиков и сельских богатеев. Они часто ходили на заработки к помещикам Эгелесам и Гардерам в село Веренчанка, ежедневно преодолевая пешком путь в 7 километров до места работы и 7 километров обратно. Кроме того, мои родители трудились за пропитание в хозяйстве Дионисия Бевцика. Совсем маленьким довелось начать трудовую деятельность и мне.

Правда, первый в моей жизни заработок не был связан с приложением особых трудовых усилий. Мне тогда было три или четыре годика. И вот однажды дети нашего богатого соседа Дионисия Бевцика позвали меня поиграть вместе с ними. Мне очень хотелось того же самого, так как сидеть одному дома, когда родители ушли на работу, было скучно. Но еще больше мне хотелось есть. И поэтому я пустился на маленькую хитрость. “Дадите белого хлеба с салом, – крикнул я им, – то буду играть с вами, а не дадите – не буду!” Детям Дионисия Бевцика ничего не стоило выполнить мое условие. А мне, которому не каждый день выпадал и кусочек кукурузного хлеба, принесенный ими за игру “гонорар” доставил не сравнимое ни с чем удовольствие. И впоследствии, чем больше был приносимый детьми нашего богатого соседа ломоть хлеба с салом, тем азартнее я играл с ними. Так было положено начало моему “трудовому стажу”.

Но мои детские игры продолжались недолго. Вскоре я уже пас овец Дионисия Бевцика, а когда немного подрос и окреп, то стал выполнять и более тяжелые работы.

Продолжал я ходить на поденную работу и в свои школьные годы. Преподавание в нашей школе велось на румынском языке. Да и в других буковинских школах тоже. Ведь в результате школьной реформы в 1927–1928 учебном году в Буковине не осталось ни одной украинской школы. Правда, на протяжении одного года нам преподавал украинский язык учитель Олексюк, который приходил в нашу школу из села Ставчаны.

Самыми любимыми моими школьными предметами были математика и история. Я восхищался богатейшим духовным наследием Киевской Руси и Галицко-Волынского княжества, героической борьбой наших далеких предков с монголо-татарским нашествием, подвигами запорожских казаков, которые мужественно защищали свои дома, алтари и погосты, а также буковинскими народными вожаками Олексой Довбушем и Лукьяном Кобылицей. Но с особым интересом я читал исторические очерки о доблестном ратоборце и ревностном защитнике Православия Стефане III Великом (1457–1504), господаре Молдавии. Замок этого правителя в городе Сучава сохранился до наших дней. А сам господарь во время празднования 2000-летия Рождества Христова был причислен к лику святых.

...Вспоминая о своих молодых годах, мне не хотелось бы, чтобы у читателя сложилось впечатление, будто в моей жизни и жизни моих сверстников не было ничего, кроме хронической бедности, тяжкого крестьянского труда и школьных занятий. Ведь мы быстро выросли. А разве может молодость, ощущающая с каждым новым днем прилив новых сил, обходиться без шуток, веселья, песен и всяческих, с моей теперешней точки зрения, легкомысленных и не всегда безобидных забав? Было все это и в нашей, не слишком щедрой на радости молодости. Когда мы шли на работу на помещичьи поля, в котомке у каждого из нас лежал только черствый ломоть кукурузного хлеба. Но, возвращаясь после утомительного трудового дня домой, мы на все село распевали наши любимые украинские песни. Люди, сидевшие вечером на скамейках возле своих калиток, с удовольствием слушали наше пение, вспоминали свою молодость и украдкой вздыхали. Правда, были и такие, особенно из числа зажиточных односельчан, которые вслед нам брюзжали: “И с чего бы этой голытьбе так петь!” А мы пели, потому что песен просили наши молодые души. Умывшись и наскоро перекусив, мы снова собирались вместе и снова пели и танцевали под аккомпанемент задорной сопилки. И далеко за полночь над селом звучали наши звонкие голоса.

Из-за наших шумных развлечений у нас постоянно возникали конфликты с румынскими жандармами (в те годы Буковина входила в Румынию). Они до-

вольно часто разгоняли нас, но и мы не упускали случая для того, чтобы лишний раз позлить их. Однажды сентябрьским вечером мы учинили над румынскими жандармами такую далеко не безобидную потеху. В центре нашего села, вдоль огорода хозяина, по фамилии Дженехай, тянулась маленькая улочка. Из-за многих родничков на ней образовалось болотце, поверх которого струился поток воды, стекающей с обрыва. И нам, в наши неразумные молодые головушки, пришла мысль протянуть в десяти местах поперек этого потока, на уровне чуть пониже колен, куски проволоки и закрутить их концы на растущих над водой ивах. Задумано – сделано. После этого мы стали громко шуметь. На наши разудалые крики сбежались жандармы и пустились за нами в погоню. Наши шустрые молодые ноги лихо перепрыгивали через устроенные нами ловушки, а жандармам довелось не раз полоскать свои носы в болоте. Мы же под аккомпанемент звучащей вслед нам жандармской ругани успели разбежаться по домам.

Дома я быстренько разделся, вспрыгнул на печку и укрылся вереней (домотканым одеялом из волокон конопли). Вскоре раздался стук в дверь. В хатку вошли жандармы и попросили разрешения обсушиться у нас после своего вынужденного купания. Они обратились к нам потому, что у нас, несмотря на позднее время, горел свет. Один из них беспрестанно повторял: “Если бы я поймал хоть одного из этих злоумышленников, то разорвал бы его на куски!” В это время его потенциальная жертва, то есть я, лежала на печке и тихонько прыскала в кулак. А моя мать, поливая на руки воду отмывавшимся от грязи жандармам, украдкой укоризненно посматривала в мою сторону, словно говоря: “Допрыгаешься ты когда-нибудь!”

В другой раз для изымательства над жандармами мы воспользовались “техническими средствами” – фонариками. Мы разделились на четыре группы по два хлопца в каждой и заняли “боевые позиции” среди верб в четырех концах села. После этого первая группа вдохновенно начала “кошачий концерт”. Когда жандармы помчались к источнику шума, в небо устремились лучи света от фонариков лихих артистов. Это было сигналом к продолжению концерта на другом конце села. Бедные жандармы носились вдоль и поперек села до трех часов ночи. Как они выражали свое возмущение, осталось для нас тайной. Но, несмотря на это, мы получили от своего “геройства” высшее удовлетворение.

Зимней порой, в середине декабря, в нашем селе устраивались вечерницы. Девчата и вдовье молодичицы, собравшись в доме одной из них, пряли пряжу из конопли и льна, а хлопцы плели себе из ржаной соломы шляпы. Я был непременно участником всех вечерниц.

У своей матери и тети я перенял прекрасные украинские песни, был завзятым танцором и заводилой во всех наших потехах. В хате, где проходили вечерницы, немолчно звучали шутки, смех и песни. Особенно мы любили петь песню “Ой, не ходи, Грицю”. Я до сих пор помню ее от строчки до строчки...

Впрочем, “чорнобровым дивчатам и молодыцям”, с которыми мы дружно распевали эту и другие песни, также иногда было несладко от наших проделок. Особенно мы подтрунивали над их гаданиями. Потешались мы и над суеверными людьми, перешагнувшими порог молодости. Как-то, когда все наше село побелело от только что выпавшего снега, мы подшутили над одной нашей очень суеверной сельчанкой. Вечером набрали из печной трубы полную сумку сажи и рассыпали ее вокруг дома этой хозяйки. Увидев утром на иссиня-белом снегу черную сажу, она страшно испугалась, так как подумала, что кто-то наслал на нее порчу. Она суетливо захопотала, принесла ворох соломы, обрызгала ее каким-то заранее припасенным зельем и сожгла все это на четырех углах своего дома. К тому же, падая на колени и, то воздевая к небу руки, то опуская их, она шептала слова отговора порчи от своего дома.

К заговорам и отговорам от всяческих напастей в нашем селе прибегали довольно часто. Приведу слова одного из запомнившихся мне отговоров:

*В далеких лесах стоит черная гора,
на черной горе — черный лес,
в черном лесу стоит черный человек
с черным топором в руках.
Он черный лес рубит, в ряды складывает.*

— *Лышай, чоловиче, лис рубаты, дрова складаты,
прыдды до мэнэ, хрэцэной и нарэченой,
И допоможи мэни насланя видрубаты.
Нэхай вси святы всю наслану порчу видсекуць
и на чорный потик виднесуць,
щоб вона в чорну ричку поплывла
и в Чорному мори потонула до дна,
а мий дом в спокои залишила.*

Произнеся заговор, суеверная женщина истолкла чеснок и посыпала им места, обезображенные черной сажой. Наблюдая из-за укрытия за этими обрядами, мы хохотали до слез.

Вспоминая об этом сейчас, я нахожу большие литературные достоинства в словах приведенного мною заговора и с восхищением думаю о том, каким великим словотворцем был и остается наш народ. Правда, при этом я и сейчас не могу мириться с суевериями, распространители которых тщатся поставить их выше апостольского и святоотеческого учения и святых молитв. Мне жалко тех, кто, только начав посещать храм Божий и, имея весьма отдаленное представление о вероучении Святой Православной Церкви, прельщается умоблудием суеверных кликуш.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ И БЕСПОВОРОТНЫЙ ВЫБОР

Вот так, с описанием некоторых частных и с отступлениями, я приблизился к кульминационному пункту рассказа о моих юных годах. В августе 1938 года, вскоре после того, как мне исполнилось 17 лет, я работал на уборке урожая у помещика Эгелеса. И вдруг, в разгар рабочего дня, я неожиданно для себя самого прервал работу, застыл как вкопанный и воскликнул: “Все, хватит, я ухожу в монастырь!”

И уже в следующее воскресенье я отправился к нашему сельскому священнику, отцу Онуфрию Иванюку. До назначения в наше село он был настоятелем храма в селе Звеняче, которое граничило со Свято-Иоанно-Богословским Крещатинским монастырем. Отец Онуфрий был в хороших отношениях с настоятелем этого монастыря. Так вот, я пришел к отцу Онуфрию Иванюку просить его ходатайства перед настоятелем о том, чтобы меня приняли в число насельников святой обители. Отец Онуфрий Иванюк знал меня как усердного прихожанина и поэтому отнесся к моей просьбе с пониманием. Но присутствовавшая при этом разговоре матушка, которая была наслышана о многих моих проделках, громко расхохоталась и, обращаясь ко мне, сказала: “Ды-высь-ко, хто зибрався у монастир! Та ти ж там иі двох тыжнив не вытрымаеш!” Как знать, может быть, я не выдержал бы не только двух, но и одной недели монашеской жизни, если бы на мое монашеское послушание не было воли Божией!

Кроме священника, отца Онуфрия Иванюка, о своем решении уйти в монастырь я сообщил только моей матери. Отец об этом ничего не знал. Мать вначале пригорюнилась. Да и как ей было не горевать? Ведь я был у нее единственным сыном, который мог бы в ее старости стать ее кормильцем и утешителем. Но потом мать вспомнила о своем девичьем желании вступить в монастырь, об обстоятельствах, которые помешали ей осуществить это желание, всплакнула и дала мне свое материнское благословение на иноческое житие.

И вот, в конце августа 1938 года, в воскресенье, на рассвете, потихоньку, чтобы не разбудить отца, мать собрала мне узелок с чистым бельем и хлебом и проводила меня до конца нашего огорода. Мы немного постояли. Мать заплакала. А у меня и сейчас выступают слезы на глазах, когда я слышу песню на слова нашего известного украинского поэта Андрея Малышко:

*Ридна маты моя, ты ночей нэ доспала,
И водыла мэнэ у поля край сэла,
И в дорогу далэку ты мене на зори проводжала,
И рушнык вышиваны на щастя, на долю дала.*

Расставаясь, я расцеловал свою мать, закинул за плечи котомку и пошел по дороге, которая вела меня в монастырь и в простирающуюся за ним, неведомую никому, кроме Бога, даль.

Безрелигиозному человеку или человеку, чья религиозность ограничивается посещением храма по большим церковным праздникам, трудно понять причины, побудившие меня к вступлению в монастырь. Возможно, некоторые скажут, что за монастырские стены меня толкнула беспросветная нужда. Но ведь как раз одним из главных монашеских обетов является обет добровольной бедности, нестяжания земных благ. Может быть, кто-то заметит, что мне надоела бесконечная, однообразная, изнурительная крестьянская работа. Но ведь и удел монаха – это такой же, а может быть, и более тяжкий, чем в миру, физический труд и не прерывающееся ни на миг молитвенное служение Богу.

Нет, причины моего ухода в монастырь были намного глубже. Благодаря влиянию моей глубоко религиозной матери и немногих встреченных мною в молодые годы, выделявшихся из общей массы, людей, которые ощущали затхлость окружавшего их стоячего болота обывательского существования, мое влечение к монашеской жизни проявлялось в неуспокоенности моего духа, в его устремленности к высшим ценностям, в моей приверженности к религиозной жизни и любви к православному храму, где я ощущал тоску по иной, прекрасной действительности, по своему истинному Небесному Отечеству.

Мои отроческие и юношеские чувства во время богослужения поразительным образом совпадают с прекрасно переданными Святым Иеронимом чувствами монахов, слушающих проповедь своего настоятеля: “Тихо катятся по щекам слезы, и скорбь не прерывается даже стоном. Когда же он начинает вещать о царстве Христовом, о будущем блаженстве и о славе, ты увидишь, как все слушающие сдерживают дыхание, и поднятые к небу их глаза как бы говорят про себя: “Кто дал бы мне крылья, как у голубя, я улетел бы и успокоился!”. Каждое воскресенье и по всем церковным праздникам я вместе со своей матерью ходил в храм Божий. Особенно запомнилась мне служба пятой недели Великого поста – чтение Покаянного Канона преподобного Андрея Критского. Это прекраснейшее церковно-богослужбное произведение до сего дня потрясает мою душу. Глубокий след в ней оставили также паломничества по окрестным монастырям, в которые моя мать непременно брала с собою меня.

Несколько раз вместе со своими тетями, родными сестрами моей матери, я совершал паломничества в Сучаву для поклонения мощам Святого великомученика Иоанна Сучавского. До сегодняшнего дня мне помнится запах восковых свечей, ладана, смирны и святые богослужения в Святынях нашей буковинской земли.

Более чем через полвека, в 1988 году, меня пригласили в Румынию на форум “Люди и религии”. Во время пребывания в этой стране мне выпало духовное счастье вместе с Предстоятелями всех Православных Церквей служить Божественную Литургию в знакомом мне с детских лет монастыре Святого Иоанна. Со слезами на глазах вспоминал я те далекие годы, когда Ангел Господень водил меня по этим дорогам, утверждая мою юную душу в любви ко Господу и Его Святым угодникам, приготавливая меня к моей будущей монашеской жизни, пастырскому и архипастырскому служению.

Конечно, читая в детские годы Святую Библию, я понимал в ней далеко не все. Да и сейчас я не смею утверждать, что полностью постиг ее. Погружаясь в глубины премудрости этой Книги книг, я каждый раз открываю в ней что-то новое, недоступное моему разумению раньше, черпаю из нее утешение и вдохновение.

Начальные знания вероучительных основ Святого Канонического Православия мне и моим сверстникам ревностно прививал наш сельский священник, отец Иоанн Смеречанский, которого очень уважали все сельчане. В предпасхальные дни парубки и девчата, и я в том числе, украшали иконы нашего святого храма барвинковыми венками. Каждое воскресенье отец Иоанн проводил с молодежью занятия по Православному Катехизису. В младших классах я дружил с сыном отца Иоанна Ромчиком (Романом). Иногда он приглашал меня к себе. Истинное, не показное благочестие и благонаравие, царившие в доме священника, восхищали меня и служили мне надежным ориентиром в моих духовных поисках.

Таким образом, мое вступление в монастырь было предопределено как многими внешними влияниями, так и напряженными духовными поисками мятущейся юношеской души, которая искала ответ на “вечные” вопросы. Но непосредственным толчком для моего вступления в святую обитель послужили для меня встречи и разговоры с моим соседом Дионисием Константиновичем Бевциком и мои размышления об извилистом и трагическом жизненном пути этого человека, который пренебрег предначертанным ему жребием Божиим ради суетных, преходящих благ. В дальнейшем, с высоты моего теперешнего возраста, я буду называть его просто по имени – Дионисием.

НЕ ПРЕНЕБРЕГАТЬ ВЕЧНЫМ РАДИ СУЕТНОГО И ПРЕХОДЯЩЕГО!

С детства Дионисий отличался глубоким христианским благочестием. А 18-летним юношей он вместе со своим отцом и группой односельчан совершил паломничество ко святым местам: в Палестину и на Святую гору Афон, которая расположена на глубоко врезающемся в Эгейское море полуострове Халкидики, на северо-востоке Греции.

Это паломничество длилось более двух месяцев. В Палестине паломники посетили Святую Гроб Господень, Святую Голгофу, град Вифлеем, где родился Иисус Христос, град Назарет, где Спаситель мира провел Свои детские и юношеские годы со Своей Пречистой Матерью и Праведным Иосифом, а также град Сихар, колодец Иакова и другие святые места, в том числе святую реку Иордан, где они с благоговением погрузились в воды Иорданские и набрали в заранее припасенные сосуды святую воду, дабы привезти ее домой.

После святой Пятидесятницы женщины-паломницы стали возвращаться домой, а мужчины направились на Святую гору Афон. На ее лесистых холмах, среди 20 православных монастырей – греческих, болгарских, сербских, грузинских – возвышались строения древнего, получившего самостоятельный статус в 1169 году, русского Свято-Пантелеимонова монастыря. В конце XIX – начале XX вв. он переживал период наивысшего расцвета. В нем пребывало около двух тысяч российских монахов. Площадь, которую занимали монастырские строения, намного превышала площадь Ватикана. Российские православные владения на Афоне в 1913 году оценивались в 80 миллионов золотых рублей. Российские суда раз в неделю прибывали в Афонский порт Дафни. Кроме того, у монастыря было два собственных судна, которые совершали регулярные рейсы в Одессу, Батум и Константинополь.

На Святой горе Афон паломники из моего родного села посетили множество храмов и скитов и, пребывая в посте и молитве, с глубоким благоговением укрепляли себя в святой благодатной православной вере. Духовная жизнь подвижников Святой горы произвела такое громадное впечатление на юношу Дионисия, что он, посоветовавшись с отцом и получив его родительское благословение, решил, что во время следующего паломничества он навсегда останется на Святой горе Афон и посвятит всю свою дальнейшую жизнь монашескому подвигу в уделе Божией Матери, Которая считается Игуменьей Святой горы.

Через некоторое время Дионисий, его отец и группа паломников из нашего села вновь отправились на поклонение Святыням в Палестину и на Святую гору Афон. Дионисий пустился в путь с твердым намерением остаться до конца дней своих на Святой горе Афон, дабы вдали от суетного мира свершать свой молитвенный подвиг вместе с другими подвижниками, взыскающими града Небесного. Прибыв на Святую гору Афон, Дионисий получил благословение настоятеля русского Свято-Пантелеимоновского монастыря (который с XVIII века назывался “Новый Руссик”) на то, чтобы навсегда остаться на иноческом послушании в этом монастыре.

Наступила последняя ночь пребывания паломников на Святой горе Афон. Закончилось ночное богослужение. Паломники, в том числе и отец Дионисия, пошли отдохнуть перед дальней дорогой. Дионисий остался один. Он сел на камень и погрузился в раздумья о своей дальнейшей судьбе. И тут, среди окружавшей его Божественной красоты, Дионисия подстерег враг рода человеческого, который вознамерился отвратить юношу от предначертанного ему Богом пути.

Предостерегая от соблазнов диавольских, Святой Иероним писал: “Не будем, проходя по путям этого мира, облекаться двумя туниками, т. е. двоев-

рием, не станем отягощаться кожаной обувью, т. е. заботами о смертном, пусть нас не давит к земле ноша богатства, не будем опираться на тростник, т. е. на мирское могущество; не пожелаем почитать одинаково и Христа, и мир. Место скоропреходящего и тленного пусть займет вечное; и ежедневно умирая (я говорю о теле), не будем считать себя вечными в остальном, чтобы иметь возможность стать действительно вечными”.

Но разве мог хлопец из далекого буковинского села знать эти слова Святого Иеронима? Да если бы он их и знал, то вряд ли смог бы противостоять доводам лукавого искушителя, которые, подобно змеям, вползали в его мозг и сердце и оставляли в них ядовитую отраву. “Я останусь здесь нищим монахом, — думал Дионисий, — здесь в труде и изнурении будет протекать моя однообразная жизнь, в которой один день ничем не будет отличаться от другого, а в это время мой старший брат Димитрий приберет к своим рукам все богатства нашего отца, будет жить в холе и неге и потихоньку посмеиваться над жалким афонским монахом”. Наконец, не устояв перед коварным искушителем, Дионисий решил: “Нет, я не останусь здесь, на Афоне, а возвращусь вместе с отцом домой!”

Услышав впервые об этом решении Дионисия, я не нашел в душе моей слов, осуждающих его. Не напишу их и сейчас. Ведь даже многие мои соотечественники, на которых в последние годы обрушились неимоверные трудности, не могут представить себе ту нищету, которая царил в Буковине в 20—30-х годах XX века. Безземелье и малоземелье, голод и безысходность ожесточали сердца, толкали людей на такие поступки и преступления, которые в благополучные времена не могут привидеться даже в самом страшном сне. Пожилые люди, живущие в Кицманском районе, до сих пор вспоминают, как в 1935 году один крестьянин из села Киселив (фамилия его по этическим соображениям я не буду называть, хотя и помню ее) вместе со своим братом Иваном и со своей женой убили ее родного сына от первого брака, чтобы поделить между собой землю, которая досталась ему по наследству от отца.

Не осуждаю я Дионисия и потому, что монашеский подвиг во все времена был уделом немногих; его тяжелая ноша по плечу лишь тому, кто находит в себе силы для того, чтобы умереть для мира и вместе с тем ежедневно, ежечасно, ежеминутно сораспинаться за этот самый, лежащий во грехе мир.

Продолжу прерванный рассказ. Когда отец Дионисия стал собираться в дорогу, последний, прискорбно удивив его и настоятеля Свято-Пантелеимоновского монастыря, заявил, что он также решил возвратиться домой. Объясняя это решение, он скрыл подлинную причину — желание завладеть наследством своего отца — и солгал, будто бы его страшит то, что он не сможет выдержать тяжести монашеского подвига. Уговоры отца и настоятеля монастыря оказались напрасными. Дионисий пренебрег предначертанным ему свыше жребием, возвратился домой и с рвением приступил к стяжанию благ мира сего.

Следует заметить, что после возвращения Дионисия в село все в его жизни складывалось в полном соответствии с тем, о чем ему во время ночного бдения на Святой горе Афон нашептывал лукавый искушитель рода человеческого. Дионисий стал самым богатым среди наших односельчан. Повезло ему и в семейной жизни. У него и его жены Домны Крикливей родилось четверо детей: два сына — Константин и Димитрий, и две дочки — Зиновия и Евфимия. Зиновию Дионисий со временем выдал замуж за сына нашего зажиточного односельчанина Матвея Андросчука. Другую дочку, Евфимию, Дионисий, опасаясь потерять богатого зятя, еще несовершеннолетней, пятнадцати лет от роду, выдал замуж за Михаила Кошмана. Сын Дионисия Константин женился на одной из самых богатых девушек из села Ставчаны по имени Марфа, которую все у нас ласково называли Тусей (имя, производное от “Марфуси”). Младший сын Дионисия Димитрий был еще мальчишкой и жил в доме отца. Старший брат Дионисия Димитрий умер совсем молодым. Его вдова, оставшаяся с четырьмя детьми, иногда ради пропитания трудилась на поле своего богатого родственника.

Как я уже упоминал, на поле Дионисия нередко доводилось также трудиться моим родителям и мне. Дионисий не был чванливым человеком, и работники питались вместе с его семьей. Во время таких трапез Дионисий, которого явно мучила совесть из-за погрязшего им жребия Божьего, часто рассказывал нам о святой жизни насельников Свято-Пантелеимоновского монастыря и подвижников других монастырей Афона, а также о ревнителях строгого благочес-

тия – исихастах, проповедовавших идею о существовании Божественного Света, который во время Преображения Христа просиял на горе Фавор. Особенно запал мне в душу рассказ Дионисия о дивном строительстве на Святой горе Афон Свято-Симоновского монастыря в честь Рождества Христова.

Перескажу историю этого строительства, поведанную Дионисием. На западной стороне Святой горы Афон в одной из пещер в стародавние времена поселился отшельник Симон со своим послушником. И вот однажды, в Рождественскую ночь, Симон вышел из своей пещеры, присел на камень, лежащий у входа в нее, и погрузился в раздумья. Но вдруг над возвышавшимся пред ним утесом воссиял свет, подобный свету яркой звезды, и отшельник услышал громopodobный глас, который повелел ему: “Симоне, построй здесь Мне Храм!” После этого видение исчезло.

Симон, не медля, пригласил из Греции искусных строителей и обратился к ним с просьбой воздвигнуть на указанном Небесным гласом месте храм в честь Рождества Христова. Осмотрев это место, мастера сказали старцу Симону: “Здесь, на страшной крутизне, нависающей над морем, невозможно какое бы то ни было строительство”. Огорченный старец молвил: “На все воля Божия” – и попросил строителей побыть немного с ним.

Затем Симон послал послушника в пещеру за вином, которым он хотел потчевать гостей. Возвращаясь из пещеры с кувшином вина, послушник поскользнулся и полетел вниз с 200-метровой крутизны. Старец Симон и мастера-строители стали горько скорбеть о случившемся. Но вдруг они умолкли и оцепенели. Из росших возле входа в пещеру кустов в промокшей до нитки одежде, но целый и невредимый, появился послушник. В руках он держал даже не треснувший при падении кувшин, в котором плескалось вино.

Когда старец Симон и мастера-строители вновь обрели дар речи, они стали наперебой расспрашивать послушника о случившемся с ним. Послушник сообщил, что в момент падения, когда он уже погружался в волны морские, его подхватил какой-то юноша, взмыл вместе с ним вверх и поставил его перед пещерой. Слушатели сразу же сообразили, что это был Ангел Господень. Греческие мастера осенили себя крестным знамением и сказали: “Богу содействующу, мы приступаем к строительству святого храма на этом скалистом обрыве!” Так на горе Афон возник Свято-Симоновский монастырь.

Этот, а также другие рассказы Дионисия о дивной жизни на Святой горе Афон все глубже и глубже западали в мою душу. Частым гостем у Дионисия был бывший афонский монах Герман из села Дорошивцы Заставнянского района Черновицкой области. Его яркие воспоминания об иноческом подвиге афонских подвижников еще больше укрепляли меня в моем намерении вступить в монастырь.

А на превосходного рассказчика, несостоявшегося монаха и самого богатого человека нашего села Дионисия внезапно обрушились страшные беды и невзгоды, сравнимые разве что с бедами библейского праведного Иова. Первым ударом для него стала смерть при родах его старшей дочери Зиновии. Ее богатое приданое, т. е. значительная часть движимого и недвижимого имущества Дионисия, досталась вдовцу – Матвею Андрощуку.

Пришла беда – отворяй ворота. Мужа второй дочери Дионисия Михаила Кошмана призвали в румынскую армию на железнодорожные работы. Как-то один из его сослуживцев уезжал в отпуск на родину. Михаил решил передать с ним письмо своей молодой жене Евфимии. Но случилось так, что он немного опоздал к поезду. Догоняя его с письмом в руке, Михаил поскользнулся на гравии и попал под колеса, которые перерезали его пополам. Изувеченное тело Михаила привезли домой. Скорь 18-летней вдовы, ее отца, родственников и близких невозможно передать словами. Через несколько лет Евфимия вышла замуж за разведенного мужчину по имени Илия из села Суховерхое. Ее дальнейшая судьба мне неизвестна. . .

Но Бог поругаем не бывает. И всеблагая Десница Божия, видимо, решила исполнение того, от чего отрекся Дионисий, мне – сыну его батрака, пасшему в детстве овец у этого богатого человека с трагической судьбой.

Однако Богу было угодно проверить твердость моего намерения посвятить себя монашескому подвигу. Не прошло и нескольких часов после моего ухода из этого дома в монастырь, как весть об этом разнеслась по всему селу. Было воскресенье. В центре села толпились люди. Когда мой отец по какой-то надобности оказался там, его обступили богачи нашего села, которые

втайне мечтали выдать за меня замуж своих дочерей. Они стали укорять отца в том, что он якобы довел сына до того, что тот решил бежать из отчего дома, куда глаза глядят. Осыпаемый укорами отец поспешил домой и устроил там страшный скандал. “Это ты, — кричал он матери, — домолилась до того, что наш сын ушел в монастырь, а все село обвиняет в этом меня. Если ты не приведешь его обратно, то я убью тебя!”

Покрытая синяками от побоев отца, мать примчалась в монастырь и стала слезно умолять меня возвратиться домой. Опасаясь за ее жизнь, я ушел из монастыря вместе с ней, а затем на протяжении двух недель вел крайне болезненные переговоры с отцом. Я подчеркивал, что в моем уходе из родительского дома нет его вины, и убеждал в серьезности моего намерения посвятить свою жизнь Богу. Наконец отец смирился, и я навсегда покинул родительский дом. Моим домом стал Свято-Иоанно-Богословский Крещатинский монастырь, а моей семьей — его боголюбивая братия.

Праведен и велик Ты, Господи, в Своих предначертаниях!

В апреле владыке Никодиму (Руснаку) исполнилось 90 лет. Сотрудники редакции от всего сердца поздравляют маститого архипастыря со славным юбилеем и желают здоровья и благих трудов на церковной и литературной ниве!

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

МЕТЕОР, ВЗЛЕТЕВШИЙ В НЕБО

К 125-летию со дня гибели Н. С. Гумилёва

“Где небом кончилась Земля” – так названа вышедшая в 2010 году книга-биография и одновременно сборник избранных стихов Гумилёва (“составитель и автор сквозного комментария И. Осипов” – сказано в выходных данных). На обложку вынесена репродукция портрета молодого Поэта кисти Ольги Делла-Вос-Кардовской. Художница в соответствии с собственной экзотической фамилией создала такой же образ Николая Гумилёва с цветком в петлице среди тропических деревьев. Цветок придерживает изящная рука с ухоженными пальцами. Всё это великолепие венчает голова красавца с напомаженными волосами и раскосыми глазами – в полном смысле слова “изысканный жираф” где-то в Африке – персонаж знаменитого стихотворения. Этот талантливый портрет Гумилёва образца 1909 года, когда поэту было 23, написан рукой женщины, явно в него влюблённой. Что ж, молодой человек с изнеженными руками уже в ту пору был известен не только красивыми стихами и франтоватостью, но как отважный путешественник, побывавший в Африке, где охотился на львов и леопардов. Такой не мог не нравиться женщинам. И, как выяснилось позже, совсем не нравился себе. О чём впоследствии и написал в “Памяти” – стихотворном автопортрете. В “Памяти” развернута вся жизнь Поэта, всё становление его от “некрасивого” мальчика и манерного артиста до героической личности, до Мастера, заговорившего глаголами Откровения.

*Память, ты рукою великаниш
Жизнь ведёшь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, что раньше
В этом теле жили до меня.*

*Самый первый: некрасив и тонок,
Полюбивший только сумрак роц,
Лист опавший, колдовской ребенок,
Словом останавливавший дождь.*

*Дерево да рыжая собака,
Вот кого он взял себе в друзья,
Память, Память, ты не съешь знака,
Не уверишь мир, что то был я.*

*И второй... любил он ветер с юга,
В каждом шуме слышал звоны лир,
Говорил, что жизнь — его подруга,
Коврик под его ногами — мир.*

*Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать богом и царём,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.*

*Я люблю избранника свободы,
Мореплавателя и стрелка,
Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака.*

Портрет Кардовской и создан в тот период, когда душа Гумилёва в своём духовном росте переходила от второго этапа к третьему – к “избраннику свободы”, которому “пели воды” и “завидовали облака”. Отметим также, что художница как раз этого-то не уловила, не смогла передать ни могучей воли, ни огненного трудолюбия, которое всегда жило в Гумилёве, начиная с детских лет, и помогало ему “менять души”. Упрёк, разумеется, запоздалый. Очень многие современники Поэта не предвидели, во что выльется его дар, как и не понимали особенности его мировоззрения. Понять “перемену душ” в Гумилёве действительно трудно, ибо он весь соткан из противоречий. Даже знаток буддизма может возразить словам: “только змеи сбрасывают кожу, мы меняем души, не тела”, скажет: меняем то и другое. Но дело не в словах, тонкости идеи реинкарнации были, конечно, ведомы Поэту – суть в том пути, которым он прошёл в мучительных поисках Истины. Гениальные по ёмкости строчки соседствуют у него с явным многословием. Христианская доминанта мировоззрения уживается с языческой стихией и даже с тем, что иной ортодокс назовёт сатанизмом. Это отмечали разные писавшие о Гумилёве его современники.

В гумилёвском православии, например, такой тонкий мыслитель и поэт, как Владислав Ходасевич, видел полную безрелигиозность. Как, впрочем, и в мистицизме Блока. Сравнивая двух поэтов, безапелляционно утверждал: “Блок был мистик, поклонник Прекрасной Дамы – и писал кощунственные стихи не только о ней. Гумилёв не забывал креститься на все церкви, но я редко видел людей, до такой степени не подозревавших о том, что такое религия”. Что тут скажешь? По части знания того, “что такое религия”, наверняка сам Ходасевич не был силён. Если он и считал себя эрудитом в бого-словии и в мастерстве стихо-сложения, то мог претендовать лишь на знание второй части этих двух составных слов. Тогда как Гумилёв (и Блок тоже) пóтом и кровью, наконец, мученическими венцами подтвердили своё причастие и к подлинной религии, и к великой Поэзии. Путь к Истине невозможен без трагических ошибок и очень часто без уклонов в “неправедность”, в “ересь”. Главное, не как человек шёл, но насколько искренен был во внутреннем Пути – и к чему пришёл. “Я есмь Путь, Истина и Жизнь” – сказал некогда Иисус Христос, имея в виду, прежде всего, большое Я каждого человека, то есть его внутреннего Христа.

Рубеж XIX–XX веков был очень плодотворным, небывало интересным и вместе с тем весьма рискованным в истории созревания русского Духа. Лозунг Фридриха Ницше “Бог умер”, произнесённый на Западе, в России был принят тогдашней элитой общества, как нигде в мире. В декадентской поэзии слово “Люцифер” звучало гораздо чаще, чем “Христос”. Врубелевский “Демон сидящий” чаровал интеллигентную публику роскошью красок. Музыка Скрябина, который мечтал в Гималаях организовать грандиозное цвето-музыкальное шоу, говоря сегодняшним языком, и разрушить с помощью такого шоу заблудшую европейскую цивилизацию, ту же публику завораживала. Оплот православной религии – церковь, какой она была когда-то в России, в начале XX века, в какой-то своей части зашаталась и затрещала под напором распутищины.

Эти дьявольские игры вели страну к неминуемому распаду, что потом и произошло. Власть захватили люди, которые очистили общество от всякой декадентщины и чертовщины, с одной стороны, но с другой – “выплеснули ребёнка”, то есть почитание Бога. А поскольку такое не может быть, потому что такое не может быть никогда, культ Бога сменился культом вождей; упованием на рай небесный, куда звала церковь, поменялось на стремление построить рай земной, к чему призывали большевики. Тяжкая форма культа и не лучшая перспектива рая были, как говорится “пущены” Творцом, то

есть временно допущены в соответствии с пожеланиями основной массы народа. Отметим в этой связи, что навязанный России культ золотого тельца сегодня 90 процентов населения “этой страны”, согласно официальной статистике и телевизионным дебатам “Суда времени”, терпеть не могут и не хотят. Что же касается Творца, то разного рода катастрофами, погодными и человеческими аномалиями он всё больше и больше показывает полный тупик подобного культа.

Но вернёмся к эпохе Гумилёва. К счастью для России, не только в церковной среде, но и во всей русской культурной элите начала XX века оставались те, кто сохранил и подлинную религиозность, и настоящие искания Бога. На правом фланге этой элиты чётко обозначились такие представители церкви, причисленные позднее к лику святых, как Иоанн Кронштадтский, патриарх Тихон, многие другие известные и безвестные мученики веры, на левом — немногочисленные представители русской интеллигенции, к числу которой принадлежали те же Блок и Гумилёв, для кого Христос и Божья Матерь явились в облике распятой России.

Напрасно Ходасевич иронизирует по поводу Блока — поклонника Прекрасной Дамы, над которой тот якобы кощунствовал. Блок действительно отрёкся от фантома “незнакомки”, явившегося ему в алкогольном опьянении. Поэт увидел в ней “подставу” из Тонкого мира, голубоглазую дьяволицу, которая выпивает из него силы. Прекрасной Дамой и предметом веры для Александра Блока стала Россия народная.

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слёзы первые любви.*

*Тебя жалеть я не умею,
И крест свой бережно несу.
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу.*

*Пуškai заманит и обманет,
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота туманит
Твои прекрасные черты.*

Та же трансформация произошла с Николаем Гумилёвым. Он расстался со своими теософскими грёзами, с Черубиной де Габриаек и другими “прекрасными дамами” артистического прошлого ради России, которую защищал сначала на первой войне с Германией, а потом в борьбе с большевиками. И сформировался, как великий Поэт в литературном и в пророческом смысле, именно тогда. Не военная даже, и не политическая составляющая важна здесь. В сражениях, которые вёл Гумилёв, оформилась духовная основа Поэта, его “Столп и утверждение Истины”, используя название книги П. Флоренского, и был также написан сборник стихов “Огненный столп”, напечатанный в год смерти Поэта.

*Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда будут видны
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.*

Я вынужден сделать это “нелирическое отступление” — уйти с литературных полей России на поля исторические и политические. Потому что начало XXI века повторяет картину событий, случившихся веком раньше. Тот же полный разброд в политике, в идеологии, в искусстве. То же острое ощущение грядущих катастроф и пир во время чумы власть имеющих и имущих. С одной разницей. Тогда в недрах агонизирующего режима вызрела политическая сила, способная вывести страну из тупика. Нашёлся человек, бросивший всеобщей безнадёге слова: “Есть такая партия!” Ныне недостаток в авторах политических проектов, конечно, нет, но пассионарных партий не видно, а главное,

пока не подул попутный ветер в паруса зрелых перемен... Вспомним известную картину забытого художника. Возбуждённый Ленин шагает по мосту над Невой. Распахнутое пальто, дерзновенный взгляд и подпись под картиной “Свежий ветер”. Сегодня “Новый Иерусалим” в России видят одни пророки и визионеры, провозглашающие квантовый переход России на новый этап её космического развития... Кроме того, интернет переполнен всевозможными предположениями о завоевании нашей планеты враждебными инопланетными цивилизациями и тому подобными страшилками.

Молодой Гумилёв в полной мере отдал дань поветриям своего времени и немало послужил им. Эта была смесь служения “Аполлону” и “Люциферу” в метафизике, идеям Ницше и Штейнера – в философии, рыцарскому и алхимическому Средневековью – в жизни, Верлену и Верхарну – в литературе.

Это был театр масок, под которыми скрывались личности малозначительные, но иногда незаурядные. Как разглядеть? Когда вышел первый сборник Гумилёва “Путь конквистадоров”, встречен он был прохладно. Более или менее тёплый отзыв дал Валерий Брюсов, остальные рецензенты вылили на новичка ушат холодной критики за явное подражание модным символистам, за литературные штампы и т. д. Впрочем, оценка дебютанта была в ту пору, в общем-то, заслуженной. Это теперь в стихотворении, открывающем сборник, мы чувствуем кредо, которому Гумилёв следовал всю жизнь, а тогда в нём виделась только молодая, лишённая всякой оригинальности бравада, не более.

*Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду.
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.*

*Как смутно в небе диком и беззвездном!
Растёт туман... но я молчу и жду
И верю, я любовь свою найду...
Я конквистадор в панцире железном.*

*И если нет полдневных слов звездам,
Тогда я сам мечту мою создам.
И песней битв любовно зачарую.*

*Я пропастям и бурям вечный брат,
Но я вpletу в таинственный наряд
Звезду долин, лилею голубую.*

Таким верховодом и завоевателем он был с детства. “Я хотел всё делать лучше других, всегда быть первым. Во всём. Мне это, при моей слабости, было нелегко. И всё-таки я ухитрялся забраться на самую верхушку ели, на что ни брат, ни дворовые мальчишки не решались. Я был очень смелый. Смелость заменяла мне силу и ловкость. Но учился я скверно. Почему-то не помещал своего самолюбия в ученье. Я даже удивляюсь, как мне удалось кончить гимназию. Я ничего не смыслю в математике, да и писать грамотно не научился. И горжусь этим. Своими недостатками следует гордиться. Это их превращает в достоинства”, – вспоминал зрелый Гумилёв. И частично наговаривал на себя лишнее. Вся жизнь он упорно учился, если хотел овладеть каким-то делом. Плохо владея французским языком, добился того, что отлично перевёл Теофила Готье и других символистов Франции. Научился отлично стрелять, хорошо и подолгу держаться в седле. Своими недостатками не только гордился, но умел превращать их в достоинства путём больших волевых усилий. В юном возрасте, по воспоминаниям современников, выглядел неказисто, шепелявил, глотал звуки “р” и “л”, отчего над ним посмеивались и нередко отвергали ухаживания юные особы женского пола. Увлёкся Оскаром Уайльдом (“Портрет Дориана Грея”) и стал по методике английского романиста вращать в образ красавца лорда Генри путём напряжённых медитаций. И результат – портрет Делла-Вос Кардовской. Даже губы подкрашивал, ещё не понимая, что такое “вращение в образ” привело Оскара Уайльда в тюрьму.

Но в женоподобные красавцы совершенно не годился, мужское начало в нём было слишком сильно. В тюрьму едва не попал по иному поводу. Юно-

шей в годы, предшествующие первой русской революции, увлёкся политикой, штудировал “Капитал”, занимался революционной агитацией среди рабочих.

Обладал редким хладнокровием, сплавом слова и дела, что резко выделяло его среди даже крупных художников Серебряного века. В выше цитированном стихотворении “Память” назвал себя колдовским ребёнком, “словом останавливающим дождь”. Это не просто литературный образ, это свидетельство его усердных занятий магией в молодые годы. Использовал не только опыт медитаций Уайльда, но и “Практическую магию” Папюса, этого в некотором смысле предшественника Кастанеды.

Кстати сказать, оккультизмом увлекались многие коллеги Гумилёва по поэтическому цеху. Например, М. Волошин, Андрей Белый, В. Брюсов. Однако неизвестно, как далеко они заходили в своих оккультных опытах. О Гумилёве мы знаем, что он не один год экспериментировал с разными снадобьями, вплоть до наркотиков, в поисках “божественных” ощущений, которые наркоманы в наше время называют “глюками”. А в ту пору иные “мастера оккультизма” всерьёз полагали, что Тонкий мир и его иллюзии равновелики картинам Божественным. Что годы подвижничества можно заменить “серебряной пылью” кокаина и предстать в раю перед престолом Всевышнего. Никуда не вычеркнешь такие “искания” Поэта из его биографии. Но он справился со своими опасными завихрениями, поставил крест на наркотиках, принял на себя крест Первой мировой войны.

О мужестве, проявленном добровольцем солдатом, а затем унтер-офицером Гумилёвым написано и сказано много. Повторяться не стану. Замечу лишь, что на фронте поэт воевал рядовым кавалеристом в тех же местах, что и Георгий Жуков. Подобно будущему маршалу заслужил два солдатских Георгиевских креста. Эту ступень своего духовного роста отметил в том же стихотворении “Память” такими строками:

*Память, ты слабее год от году,
Тот ли это или кто другой
Променял весёлую свободу
На священный долгожданный бой.*

*Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь.*

После награждения вторым Георгиевским крестом Гумилёв некоторое время проучился в школе прапорщиков, получил первое офицерское звание, а также выпустил сборник “Колчан”, составленный из стихов, написанных главным образом во время войны. Здесь, в этой книге он предстаёт уже не просто талантливым стихотворцем, Россия приобрела в его лице большого Поэта.

Продолжая сопоставление Поэта и Маршала, вспомним интервью, которое дал в своё время Г. К. Жуков Константину Симонову: “Кто знает, как вышло бы, если бы я оказался не солдатом, а офицером, кончил бы школу прапорщиков... Может быть, доживал где-нибудь свой век в эмиграции”. Можно с уверенностью сказать: этого с будущим Маршалом никогда бы не случилось. Судьбой гения распоряжается не личность его, но именно Судьба. Подобным, не зависимым от личности Гумилёва образом выстраивалась его дальнейшая жизненная траектория. Революция застала офицера Гумилёва в Европе. Он не торопился в революционную Россию, намеревался вместе с другими русскими legionерами в составе войск Антанты отправиться в обожаемую им Африку. Не получилось. Когда возвратился уже в большевистскую Россию, имел полную возможность эмигрировать, но за кордон так и не уехал.

Судьба уготовила Поэту возвращение в Питер, чекистскую Голгофу и посмертную публикацию сборника “Огненный столп”, который открывается стихотворением “Память”. Этот сборник обессмертил имя Поэта.

В “Огненном столпе” поэт поместил не просто стихи, но настоящие библейские притчи, орнаментированные, словно персидские миниатюры, которые Гумилёв обожал. Вот концовка той же “Памяти”:

*Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо; но всё пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему.*

*Крикну я... но разве кто поможет,
Чтоб моя душа не умерла?
Только змеи сбрасывают кожи,
Мы меняем души, не тела.*

Кто же он, неведомый путник, скрывший лицо, за которым гонится лев, а навстречу летит орёл? Кто Наблюдатель перемен души?

Здесь на память приходят таинственные образы Апокалипсиса, а также их пушкинские расшифровки. “Напрасно я бегу к сионским высотам, Грех алчный гонится за мною по пятам... Так ноздри пыльные, уткнув в песок сыпучий, Голодный лев следит оленя бег пахучий”. Это не переключка литературных метафор, это консонанс двух Пророков. “Но чуть божественный Глагол до слуха чуткого коснётся, Душа поэта вострепнётся, Как пробудившийся орёл”. Раздвоенность Духа и души, души и тела, льва и орла – вот загадка, над которой бьётся Поэт. Не только бьётся – решает. Как решает? Смертью смерть поправ. Пушкин это делал, играя со смертью на многочисленных дуэлях, а потом, подытожив свои игры странными, казалось бы, словами.

*Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог.*

Гумилёв искал такие наслажденья на африканских охотах, на войне, наконец, на допросах в ЧК. Причём оба Поэта, гениально проигрывая расставанье с земной жизнью в стихах, столь же прекрасно ушли из неё в действительности. Видевшие Пушкина накануне смерти были восхищены его великодушием по отношению к обидчику, а в гробу – поражены его просветлённым, торжественным выражением лица. Смерть Гумилёва никто из его друзей не видел, о ней дошли только легенды. И стихи, где Поэт осмысливал конец пути.

*Когда я кончу наконец
Игру в саше-саше со смертью хмурой,
То сделает меня Творец
Персидскою миниатюрой.*

*...А на обратной стороне,
Как облака Тибета чистой,
Носить отрадно будет мне
Значок великого артиста.*

*...И вот когда я утолю
Без упоенья, без страданья
Старинную мечту мою
Будить повсюду обожанье.*

Как настоящий Художник, он своего добился, – и прекрасной смерти и всеобщего обожания. Стихи последнего периода лишены красотой, в них нет многоречия, в чём раньше упрекали Поэта критики. Даже в таких непривычно длинных для Гумилёва последнего периода стихотворениях, как “Память”, “Заблудившийся трамвай” или “Звёздный ужас”, всё пригнано, ни одного лишнего слова.

В “Шестом чувстве” он выразил ещё одну свою заветную мечту, которая реализуется сегодня в так называемых “детях индиго” – генерации следующей человеческой расы.

*Так век за веком — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства*

*Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.*

Поэт сам был предтечей этой генерации, формируя себя не только с помощью скальпеля природы и искусства, но во всевозможных испытаниях жизни, на которые шёл всегда с открытым забралом, как рыцарь и добровольно.

Подобно средневековому рыцарю имел свою Прекрасную Даму, жену — Анну Горенко, позднее ставшую Анной Ахматовой. Отношения двух больших поэтов как мужа и жены были весьма сложными. Руки её он добивался не один год, встречая неизменный отказ. Наконец, с четвёртой или пятой попытки получил согласие. Несколько лет пожил вместе, чаще в конфликтах, чем в мире. Расстались, оба имея при совместном проживании многочисленные любовные романы, после развода — тоже, оставив богатый и спорный материал для биографов. В. Срезневская, свидетельница первых месяцев замужества молодой Ахматовой, вспоминает:

“Она читала стихи, гораздо более женские и глубокие, чем раньше. В них я не нашла образа Коли. Как и в последующей лирике, где скупое и мимолётно можно найти намёки о муже, в отличие от его лирики, где властно и неотступно, до самых последних дней его жизни сквозь все его увлечения и разнообразнейшие темы маячит образ жены. То русалка, то колдунья, то просто женщина, таящая “злое торжество”...”

Впрочем, предоставим слово самой Ахматовой.

В “Поэме без героя” (1940—1962 гг.) Анна Андреевна написала пронзительные стихи о видении, посетившем её в 1940 году. 1913 год. Царское Село. Бал теней, “гофманиана”, говоря словами поэтессы, или “дьяволиада”, выражаясь словами её друга М. А. Булгакова, где собрались “краснобаи и лжепророки”, “козлонogie”, “дылды” “без лица и названья”. И вот...

Крик:

“Героя на авансцену!”

*Не волнуйтесь: дылде на смену
Неприменно выйдет сейчас
И споёт о священной мести...
Что ж вы все убегаете влесте,
Словно каждый нашёл по невесте,
Оставляя с глазу на глаз
Меня в сумраке с чёрной рамой,
Из которой глядит тот самый,
Ставший наигорчайшей драмой
И ещё не оплаканный час?*

*Это всё наплывает не сразу.
Как одну музыкальную фразу,
Слышу шёпот: “Прощай! Пора!
Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь моей вдовою,
Ты — Голубка, солнце, сестра!”
На площадке две слитые тени...
После — лестницы плоской ступени,
Вопль: “Не надо!” и в отдаленье
Чистый голос:*

“Я к смерти готов”.

Повторю: в “Поэме без героя”, которая писалась и переписывалась неоднократно с 1940-го по 1962-й, Ахматова не обозначила чётко ни одной тени, кроме мужа своего, Николая Степановича Гумилёва. Она осталась навсегда его Прекрасной Дамой, а он её Паладином во всей разнообразной чертовщине, которая окружала при жизни обоих.

Уход Поэта описан и прокомментирован во многих исследованиях с момента открытия архивов КГБ на эту тему. Последнее — прекрасная книга Юрия Зобнина “Казнь Николая Гумилёва”.

Как встретил революцию Поэт? Прежде всего, в трудах творческих и просветительских. С 1917-го по 1921 год, как уже говорилось, написаны лучшие его стихи, Гумилёв также заявляет себя как деятельный организатор и пропагандист отечественной и всемирной литературы, руководит Союзом поэтов Петрограда, инициирует различные культурные начинания. Как офицер, Гумилёв поначалу не примкнул ни к красным, ни к белым. Даже увлёкся одним из героев “красного террора”, о чём написал в стихотворении “Мои читатели”, где:

*Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подойшёл пожать мне руку,
Поблагодарить меня за мои стихи.*

Этот “читатель” не только пожал благодарно руку Поэту, он ходил в петроградском “Союзе поэтов” буквально по пятам Гумилёва, бормоча его стихи. Этот человек слыл покровителем Есенина, этому человеку дарил свои сборники Маяковский. Далее передаю слово Юрию Зобнину: “Этим человеком был Яков Григорьевич Блюмкин, левый эсер, заведовавший в 1918 году секретным отделом по борьбе с контрреволюцией ВЧК, в прошлом – убийца германского посла графа Мирбаха (что послужило сигналом к началу восстания левых эсеров), а в недалёком будущем – невольный соучастник убийства Есенина в гостинице “Англетер”.

Блюмкин буквально очаровал поначалу Гумилёва-поэта. Ещё бы, знаменитый террорист не из-за угла, а принародно “застрелил императорского посла”. Кроме того, был организатором компартии Ирана – страны персидских миниатюр, обожаемых поэтом, куда рвались также Есенин и Хлебников, страны, планировавшейся в качестве плацдарма для экспорта революции в Индию – “страну духа” – так называл Индию Гумилёв. Какую роль сыграл Блюмкин в судьбе Гумилёва, неизвестно. Зато хорошо известна роль другого чекиста, следователя по особо важным делам Якова Сауловича Агранова, которому поручили дело Гумилёва по обвинению его в контрреволюционном заговоре.

Участие поэта в заговоре, в так называемом “деле Таганцева” до сих пор остаётся предметом споров. Был ли он активным участником “Дела” или резервировался для культурного строительства будущей России, когда заговор увенчается успехом – об этом написано много. Но одно ясно – чем дальше развивались события, тем больше развеивались иллюзии поэта и патриота в отношении воцарившегося режима.

Русская история во все периоды её была предметом всевозможных “научных” спекуляций, начиная с Ломоносова, когда её писали преимущественно “люди заезжие” или преклонившиеся пред ними, и до наших дней, когда в исторической науке доминируют те же фигуранты. По сию пору в учебниках бытует мнение, что 1917 год начался ничтожной, по мнению советских историков, Февральской революцией (по мнению “либеральных” – подлинно освободительной). А продолжился этот роковой год Октябрьским переворотом большевиков, которые установили свою национальную, отвечающую интересам народа (советский взгляд) власть и безжалостную, принесшую России неисчислимыя беды (взгляд “либералов”) диктатуру. Как выясняется теперь, та и другая модель управления Россией (как, впрочем, и третья – горбачёвско-ельцинская) были инспирированы извне. Об этом также много сказано в последние годы: о “пломбированном” вагоне Ленина, о деньгах Парвуса, об американских миллионерах – вдохновителях Троцкого и тех же вдохновителях “перестройки” и ельцинской “суверенной” России.

В трескучей пропаганде СМИ совершенно тонут факты, гласящие о том, что, выйдя из plombированного вагона, Ленин распрощался и с немецким Генштабом, и с Парвусом. Что касается Сталина, то он вообще для партии большевиков ни у кого денег не брал, добывал их сам своими “эксами”. И самое главное, к организации ЧК никакого отношения не имел, к убийству царя Николая – тоже. После окончания Гражданской войны, когда навестил в Грузии религиозную мать и та спросила: “Правда, что ты убил царя?”, ответил: “Нет, мама, я в это время воевал”.

Миф о захвате большевиками власти в октябре 1917-го нуждается в уточнении – какими большевиками и сколько в них было большевистского, если понимать под словом “большевизм” “национальную болезнь” России – диагноз,

поставленный ей современными “либералами”. Именно их отцы поначалу захватили власть в России, не позвав даже Ленина, которому ночью через весь Петроград пешком пришлось добираться в Смольный. Весь остальной период жизни с 17-го по 22-й год, когда он тяжело заболел, Ленин одновременно с тем, что руководил Гражданской войной, воевал со своими соратниками по партии и надорвался, ведя борьбу на два фронта. Сталин, непосредственный участник обеих войн, изучая их своими жёлтыми тигриными глазами, всё понял и начал действовать с “ленинской гвардией” её же изощёрными приёмами. Он лечил “детскую болезнь левизны” не только уговорами и партийными дискуссиями, но главным образом хирургическими операциями, используя инструмент, не им созданный. Но это будет позднее. Во времена же Гумилёва еще царил произвол революционеров пришедших, приехавших из-за границы и пытавшихся навязать России интернационализм по Троцкому. С двухмиллионным голодом донских казаков, с многотысячными расстрелами врангелевских офицеров, добровольно сложивших оружие в обмен на помилование.

Как ко всему этому мог относиться Гумилёв? Так, как это описано в “Заблудившемся трамвае”, “Пьяном дервише”, “Звёздном ужасе”, в написанном за несколько лет до смерти стихотворении “Рабочий” – мужественно, стойчески, с верой в Россию “Нового Иерусалима”. Кто-то в такой вере может увидеть неоправданный романтизм, кто-то восхождение в иную, светлую реальность, которая доступна самым главным мудрецам – детям, видящим в грозном небе не горе, не ужас, но “просто золотые пальцы”, которые “показывают, что случилось, что случается и что случится” (“Звёздный ужас”).

Допрашивал Николая Степановича следователь Яков Агранов, подписывавший протоколы допросов фамилией Якобсон*. Этот человек, в отличие от Дантеса, отлично понимал, “на что он руку поднимал”, так же, как и Блюмкин, знал наизусть стихи Гумилёва, цитировал их во время допросов. Понимая патристический настрой поэта, рисовал ему радужные картины будущей России, во имя которой действуют большевики, добиваясь покаяния и выдачи сообщников. В картины Гумилёв не поверил, друзей не сдал, говорил о себе сдержанно, но в то же время не хитрил, взглядов не скрывал, умер как человек чести, оставив посмертные легенды. Согласно им, расстрел участников ПБО (Петроградской боевой организации), так назывался в чекистской отчётности заговор Таганцева, был произведён на Ржевском артиллерийском полигоне, недалеко от Петрограда. Арестованных привезли на рассвете, заставили вырыть яму, потом раздеться. Ни того, ни другого Гумилёв делать не стал, остальные вырыли яму лишь наполовину, их быстро постреляли, убитых и раненых столкнули в яму, засыпали землёй. Что касается поведения Гумилёва, то поэт Георгий Иванов зафиксировал разговор с человеком, близким к чекистским кругам в своих воспоминаниях “Петербургские зимы”.

“Да... Этот ваш Гумилёв... Нам, большевикам, это смешно. Но, знаете, шикарно умер. Я слышал из первых рук. Улыбался, выкурил папиросу...”

* Ключевую роль в расстреле Н.С. Гумилёва сыграл следователь Яков Агранов, присланный из Москвы для надзора за ведением “дела Таганцева”. Поскольку Гумилёв был слишком крупной фигурой, замешанной в этом деле, и у поэта были такие “заступники”, как А.М. Горький, даже председатель Петроградской ЧК И. П. Бакаев, требовалась слишком солидная доказательная база вины, которую рядовые следователи Петроградской ЧК обеспечить не смогли. За дело взялся сам Агранов. Свидетели тех лет указывают, что допросы Гумилёва вёл “какой-то необыкновенно гениальный следователь”. В. И. Немирович-Данченко называет его “правоведом” и замечает, что он выгодно отличался от обычных чекистских “эскимосов”.

Г. В. Иванов рассказывает о “чудо-следователе” подробнее: “Допросы Гумилёва более походили на диспуты, где обсуждались самые разнообразные вопросы – от “Принца” Макиавелли до “красоты православия”. Следователь Якобсон был... настоящим инквизитором, соединявшим ум и блестящее образование с убеждённо маньяком. Более опасного следователя нельзя было выбрать, чтобы подвести под расстрел Гумилёва. Если бы следователь испытывал его мужество или честь Гумилёва, он, конечно, ничего бы не добился. Но Якобсон Гумилёва чаровал и льстил ему. Называл его лучшим русским поэтом, читал наизусть гумилевские стихи, изощёренно спорил и потом уступал в споре, сдаваясь или притворяясь, что сдался перед умственным превосходством противника”.

Другой исследователь “дела Таганцева” В. Радзишевский в этой связи замечает: “Следователь Якобсон – по-видимому, кличка Якова Агранова”. Следы других “гениев следствия”, по крайней мере, в материалах дела не обнаруживаются” (цит. по: Ю.В. Зобнин. Казнь Николая Гумилёва. М., 2010, с.188-189).

Фанфаронство, конечно. Но даже на ребят из особого отдела произвёл впечатление. Пустое молодечество, но всё-таки крепкий тип. Мало кто так умирает. Что ж — сваял дурака. Не лез бы в контру, шёл бы к нам, сделал бы большую карьеру. Нам такие люди нужны”.

Следователь Агранов, который подвёл Гумилёва под “вышку”, такую карьеру впоследствии сделал, дорос до заместителя главы НКВД, но в 1939 году его расстреляли те же чекисты. Скорой гибелью или мученической жизнью отмечена судьба ряда других людей, так или иначе связанных с судьбой Гумилёва. Смертью в сталинском лагере закончил жизнь один из последующих мужей Анны Ахматовой Николай Пунин. Рано ушла из жизни Лариса Рейснер, кратковременная любовница Николая Степановича, а затем жена Фёдора Раскольниковца, прототип героической комиссарши “Оптимистической трагедии” Всеволода Вишневского. Сам Фёдор Раскольников в 1939 году, оказавшись в ранге посла СССР в Болгарии и отказавшись вернуться в Союз, как лицо, подозреваемое в измене, погиб при невыясненных обстоятельствах. “Гофманиану” можно продолжать долго, целиком обвинив в ней сталинский режим, если бы не одно обстоятельство. Все указанные реальные персонажи революционной мистерии, как и многие другие главные и второстепенные действующие лица её, а также статисты, получили законное евангельское воздаяние — “какой мерой вы мерили людям, такой и вам отмерялось”. Некоторые из них, кстати, были в той или иной степени повинны в трагедии Поэта. Сегодня все они фигурируют, как жертвы коммунистического террора. Разница с Гумилёвым лишь в поведении, в памяти, в легендах...

Остановимся ещё на одной, малоизученной странице жизни Н. С. Гумилёва — его взаимоотношениях с Н. К. Рерихом, позднее продолженных довольно тесным сотрудничеством их сыновей Льва Николаевича и Юрия Николаевича. В 1912 году, будучи в Париже, Николай Гумилев писал об открывшейся тогда в Париже выставке картин Н. К. Рериха: “... На фоне северного закатного неба и чернеющих елей застыло сидят некрасивые коренастые люди в звериных шкурах; широкие носы, торчащие скулы — очевидно, финны, Белоглазая Чудь” (речь идёт о картине “Поморяне. Вечер”). На другом полотне (“Поморяне. Утро”) — “тоже северный пейзаж, но уже восход солнца, и вместо финнов — славяне. Великая сказка истории, смена двух рас, рассказана Рерихом так же просто и задумчиво, как она совершилась давным-давно среди жалобно шелестящих болотных трав”. Письма с выставки были опубликованы в журнале “Весы”, редактируемом Брюсовым. И далее: “Не принимая современную Россию за нечто самоценное, законченное, он (Н. К. Рерих) обращается к тому времени, когда она ещё создавалась, ищет влияния скандинавских, византийских и индийских; но всех — преображенных в русской душе”.

За этими вроде бы чисто эстетическими оценками кроются напряжённые поиски доисторических корней славянства, предпринятые Гумилёвым. Кому, кроме специалистов, известно, что наряду со своими африканскими путешествиями поэт совершил экспедицию на русский Север в поисках легендарной Голубиной Книги, хранящей, согласно легенде, таинственные космические знания о прошлом и будущем Земли? Эту книгу, начертанную литерами праславянской азбуки на многометровой скальной поверхности, Поэт нашёл и пробовал расшифровать. Вот откуда его интерес к Н. К. Рериху.

Сохранились глухие намёки на возможные встречи двух художников — кисти и пера. А вот тесное сотрудничество сыновей обоих — Льва Гумилёва и Юрия Рериха документировано довольно обстоятельно. Опубликован в печати и выставлен в интернете большой очерк Л. Н. Гумилёва, посвящённый памяти Ю. Н. Рериха. Здесь уже без всяких намёков говорится о совпадении творческих интересов, а также духовных устремлений отцов и детей, об их преимущественной ориентации на Восток, на “Степь”. Кстати, слово “ориентация” содержит безоговорочно “восточную” основу. Из этого очерка становится более понятной созданная Львом Гумилевым теория пассионарных толчков, управляющих мировой историей. Откуда эти толчки, кто их посылает? Отец и сын Рерихи отвечали на вопрос недвусмысленно — Небесный Логос, имеющий на земле своё представительство, которое на Востоке называли — Сакральным Центром, Шамбалой, Твердыней Духа, Обителью Знания. И даже указали её географическое расположение — Гималаи и горы Алтая. Ту Шамбалу, союз с которой, по мысли Н. Рериха и Л. Гумилёва — залог грядущего торжества и процветания России, а также всей планеты.

Но это уже тема отдельного и особого разговора. Скорее даже не разговора. Болтовни о *Высоком Понятии*, с попыткой придать Ему привкус экзотики в наших и в мировых СМИ хватает. Очередь за делом, за искренней любовью к людям, к родине, к живому, а не мёртвому Христу, к какой бы партии, религии или национальности человек ни принадлежал. Иными словами, очередь за воспитанием в себе качеств, которыми в высшей степени обладал Николай Степанович Гумилёв.

Как воин, как поэт, как человек, он состоялся в начале XX века. Его время одни называют страшным, другие, например, Борис Пастернак — “великолепной хирургией” и “небывальщиной под открытым Небом”. Странные, казалось бы, слова восторга из уст человека, исповедовавшего миролюбие. Но вспомним Анну Ахматову. Когда её спросили, какой она считает судьбу Мандельштама, Анна Андреевна — *Поэт* — ответила: “Идеальной для поэта”. Таковой считала и судьбу Гумилёва, которую, в отличие от своего друга Мандельштама, *Поэт* долго готовил и выбрал сам.

Так что вряд ли ответ Ахматовой поймут многие исследователи Серебряного и всего XX века. Большинство из них будут продолжать лить слёзы. . .

Я же позволю себе закончить эти заметки о великом русском Поэте собственным стихотворным подношением к его ногам и к ногам его века.

XX ВЕК

Памяти Н. С. Гумилёва

*Я люблю этот век,
потому что он начат стихами,
карнавалами масок,
игрой коломбин и пьеро.
А ещё потому,
что срывал наши маски штыками,
что на кровь и на вес
измерял нашу суть и перо.*

*Я люблю этот век,
потому что ласкал нас свирепю,
и надежду таил
среди самых свирепых угроз.
А ещё потому,
что на прочность проверил в нас
Небо —
нашу верность Ему
и связующий с Вечностью трос.*

*Я люблю этот век
за его чёрно-белые страсти,
потому, что размазал
по стенке все полутона.
А ещё потому,
что любое ничтожество власти
долго терпит, но быстро
смывает со стенок страна.*

*Я люблю этот век,
потому что в нём жизнь свою прожил
и не мог не влюбиться
в его восхитительный лик.
А ещё потому,
что был сыном его, не прохожим,
что родное болото
всегда обожает кулик.*

МИХАИЛ ЛОБАНОВ

ОПЛОТ РУССКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Наши враги торжествуют, считая, что народ не может уже сопротивляться, что в происходящей духовно-психологической войне не обеспечен защитой со стороны своей неорганизованной, нестойкой “элиты”, и вот при таком нагнетании безнадежности нашего русского положения, вопреки всему – налицо удивительные примеры нашей же национальной несокрушимости в борьбе. Такова, например, патриотическая деятельность известного ученого и писателя Олега Анатольевича Платонова, создателя “Института русской цивилизации”, издателя “Большой энциклопедии русского народа” с такими сериями, как “Русская цивилизация”, “Русское сопротивление”, “Терновый венец России”. Вышло уже больше сотни книг, “отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения” (как сказано в предисловии “Русской цивилизации”); героический, жертвенный путь России в борьбе за свою независимость, православную веру. Поражает объемность работы – то, что может сделать один человек с коллективом единомышленников, воодушевленный великой идеей, кровно причастный к судьбе Родины, оказавшейся в невыносимой беде. Опубликовано собрание трудов самого Олега Платонова, в том числе и его “Русская цивилизация. История и идеология русского народа” (М., 2010).

В свое время выдающийся русский критик, мыслитель, поэт, идеолог почвенничества Аполлон Григорьев именовал человечество человечиною, подчеркивая приоритет народа, народов, без которых человечество есть не что иное, как некое отвлеченное понятие. Тогда же, в XIX веке социолог и естествоиспытатель Н. Я. Данилевский в своей книге “Россия и Европа” (1871) развил теорию культурно-исторических типов со свойственной каждому типу самобытной цивилизацией. Отмечая агрессивный, враждебный России характер западной цивилизации, автор книги противопоставляет ей формирующуюся со своими духовными ценностями славянскую цивилизацию (при несовместимости, как в случае с Польшей, славянства и латинства). И ядром русской цивилизации всегда называлась нашими церковными деятелями, выдающимися мыслителями, писателями Святая Русь. Так и по признанию создателя “Института русской цивилизации”, вдохновляющим толчком для него послужили беседы с митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном, которому и принадлежит идея создания энциклопедии “Святая Русь”.

Наивысший религиозно-культурный подъем Святой Руси (русской цивилизации) О. Платонов относит ко второй половине XIV века до первой половины XVII века – от Сергия Радонежского, Рублева до эпохи Алексея Михайло-

веча. Приезжавших в Москву иностранцев поражала глубокая набожность ее жителей, самого царя. В книге “Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским” говорится: “Усердие всех московитов, больших и малых, к посещению церкви весьма велико, и любовь их к непрерывным большим поклонам и иконам свыше всякого описания, множеством своих молитв они превосходят, быть может, самих святых, и не только простолюдины, бедняки, крестьяне, девицы и малые дети, но и визири, государственные сановники и их жены”. О царе Алексее Михайловиче: “Он стоит от начала обедни до конца с непокрытой головой, как всякий другой человек, и непрестанно кладет поклоны перед иконой святого того дня, ударяя челом о землю с плачем и рыданием”. Восточные гости приняли участие в богослужении и, не видевшие, не испытывавшие ничего подобного у себя на родине, закончили полным удивления выводом: “Мы вышли от обедни в этот день незадолго до заката солнца. Нам не верилось, что мы добрались до своего монастыря, до своих теплых келий; мы умирали от усталости и стояния на ногах в сильный холод, бывший в тот день. Но за всё нас утешило виденное нами в этот день, воскресенье Сыропуста, постоянство этого народа в выстаивании на железном полу с утра до вечера”.

Но такая молитвенная стойкость не превращала государство в монастырь. При великой созидательной роли Православной Церкви государство Российское крепло и расширялось. “Тишайший царь” отправляется отвоевывать у поляков Смоленск. Поход на шведов. Воссоединение Малороссии с Россией (1653). Экспедиция Дежнева к Северному Ледовитому океану. Поход отряда Хабарова по Амуру. Строительство великолепных храмов, палат, знаменитого царского дворца в Коломенском, под Москвой. Со второй половины XVII века, по словам О. Платонова, намечается кризис этого высшего религиозного подъема русской цивилизации. Церковный раскол. Разин. При Петре московское царство с выходом на европейскую арену преобразовывается в империю, хотя и с ослабленной после утраты патриаршества Церковью, но с неизменной опорой на православие. Катастрофичность русской жизни с ее взлетами и падениями не разрушает живущей в ней Святой Руси. Даже в разгромное для Церкви время она свидетельствует о себе. Когда умер (1925) патриарх Тихон и когда мимо его гроба тек поток людей, художник Корин был поражен духовной силой, красотой многих лиц и потом, встретившись с этими людьми, изобразил их на своей картине “Уходящая Русь”. Поразили эти русские православные люди силою своего духовного характера и американцев, когда в Америке была выставлена картина Корина. Но, как показало время, та казавшаяся уходящей Русь не ушла, извечно взывала она и взывает к себе в нашем народе, как Богом данная религиозная, жизненная задача. И разве не говорит об этом неприятие русским народом всего того несправедливого, попирающего правду, справедливость, “душу живу”, неприятие всего того, что навязывают нам жестокосердые силы, поменявшие Бога на золотого тельца и власть тьмы?

Однако что же такое русская цивилизация в сопоставлении с цивилизацией европейской? Славянофил Юрий Самарин в статье “По поводу мнения “Русского вестника” о занятиях философией, о народных началах и об отношении их к цивилизации” приводит красноречивый пример того, как русский человек, оказавшись за границей, очаровывается увиденным: шоссе, деревенские дома, крытые черепицей, каждый клочок земли обработан, тщательно огорожен; попутчики учтивы, полиция предупредительна; гостиницы изобилуют комфортом; улицы ярко освещены; в каждом городе много музеев и т. д. “Так вот она цивилизация! И в представлении его в один миг проносятся дорожные ухабы, топкие гати, душные лачуги, грязные гостиницы, необтесанные станочные приставы и вся эта внешняя, знакомая обстановка русской земли. При этом впечатлении он остается и закрепляет его навсегда подсказанным ему словом цивилизация. Очевидно, в этой сфере не может быть и места для противопоставления России как самостоятельной исторической среды Западной Европе. Здесь Россия не является чем-либо по себе, а определяется только по отсутствию в ней или по низшей степени развития этой так называемой общей цивилизации. Но, спрашиваете вы: отчего же русский человек останавливается на первом выводе из внешних впечатлений? Почему бы ему не всмотреться глубже в условия религиозного, политического и семейного быта западных народов? Может быть, тогда бы он открыл вну-

тренние противоречия и неразрешимые вопросы, которыми подтачивается цельность их внутренней жизни и обуславливаются периодические потрясения их основ. Может быть, обратившись к России, он почувствовал бы в ней присутствие других, более широких начал и биение жизни, хотя и не вполне развитой, но живой и крепкой? – Почему? А потому, что русский человек не может углубляться в вопросы и основательно изучать предмет; потому что его к этому не приучают; мало того, потому что на него за это сердятся и советуют ему думать, чувствовать и жить, как так называемые живые люди. И русский человек остается при одном смутном представлении о цивилизации, то есть о какой-то нестройной совокупности всякого рода условий житейского комфорта, накопленных фактических знаний и внешних форм общежития”. В заключение Ю. Самарин спрашивает: “Неужели в чьих-либо глазах Россия действительно имеет значение и силу только как великая европейская держава? Неужели не имеет ни силы, ни значения земля Русская, Святая Русь?” (Юрий Самарин, кн. “Православие и народность”. М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 496–497, с. 500).

В книгах, изданных “Институтом русской цивилизации”, приводятся забытые высказывания отечественных мыслителей о русском народе. Так, в статье “Страсть к поруганию и самоуничтожению”, защищая народ от унижения в “общественной среде”, от обвинения его в “незрелости”, “бессилии народной жизни” и т. д., – стойкий государственный М. Катков, далековатый во многом от славянофилов, здесь по-славянофильски ревностно вступает за народ. “Наш народ из всех известных народов преимущественно отличается силой упора; мы забываем всю нашу историю, мы забываем, каких страшных усилий и какой крови стоили у нас всякие вынужденные повороты в народной жизни. Ни один народ так крепко не отстаивал своей страны, ни один народ не оказывал такого упорства в хранении своего обычая; ни один народ не содержит в себе такой силы охранительного начала, как русский. Менее всего можно упрекнуть русского человека в излишней уступчивости или в излишней податливости. Об этом свидетельствуют миллионы русского люда, подвергавшегося в продолжение веков всевозможным гонениям и козням”. (См. Михаил Катков. “Идеология охранительства”. М.: Институт русской цивилизации, 2009, с. 392.)

Нынешняя “сила упора” русского народа против своих врагов тем более удивительна, что, казалось бы, это уже не тот, не прежний народ, а понесший колоссальные потери в ХХ–ХХI вв. – в войнах, революциях, всякого рода “поворотах народной жизни”, и, несмотря на это, не дает покоя захватчикам. Мыслимое ли дело: его приговорили к смерти, планомерно уничтожают, а у него что-то вроде жалости к своим мучителям. Один из ученых ценителей такой жалостливости даже призвал создавать отряды миссионеров по облегчению страданий, спасению душ несчастных кровососов, приходиться к ним и утешать, дабы не терзались бременем награбленного у народа богатства, у них такая сверхнапряженная жизнь, такие стрессы... Но, как говорил Достоевский (в “Дневнике писателя” за декабрь 1877 года), “за страдание сожалеют, а сожаление так часто идет рядом с презрением”. И не больше ли в русском народе именно презрения, чем даже ненависти, к своим грабителям-безбожникам?

Органичное отвержение культа золотого тельца, маммоны и есть знак непрекращающегося в сознании русского народа бытия Святой Руси. Эта тема разветвляется в объемной книге Олега Платонова “Русское сопротивление. Война с антихристом” (2006), охватывающей полувековой период русской истории через призму личной биографии, в контексте социально-исторических событий, идеологической, духовной борьбы. Автобиографическая канва по ходу повествования вплетается в канву истории русского сознания с “созреванием национального чувства” в юности, в шестидесятые годы; тогда же – осознанием духовной брани двух начал – русского и нерусского”, представленных в журнале “Молодая гвардия”, с одной стороны, и, с другой – “Юность”, “Новый мир”. Сам автор в качестве стимула своего духовного развития называет “увлечение историей”, “тягу к Святой Руси”. Посещение литературных вечеров, дискуссий, где ему доводилось быть свидетелем агрессии русофобов в схватках с патриотами. После защиты диссертации, работая в ЦСУ (Центральном статистическом управлении), затем в Институте труда (70-е – начало 80-х годов), общаясь по долгу службы с сотрудниками акаде-

мических институтов (Институт США и Канады, Институт мировой экономики и международных отношений), Олег Платонов имел возможность составить реальное представление об этих академических институтах с их “системой паразитизма”, “профанацией науки”, с подбором кадров почти исключительно из евреев, с уровнем “корифеев-академиков”, “не превышающим планку бойких журналистов-международников, из среды которых они все поголовно вышли”. Но то было не только сборище бесталанных для науки типов. “В годы перестройки эти институты дали самое большое количество агентов влияния, да и просто шпионов”.

После ядовитых испарений той среды, в которой орудовал “избранный” люд, свежим ветром беспредельных просторов России дохнуло на автора книги, когда он начал свои “восхитительные путешествия” по стране. Сам он пишет об этом так: “Со второй половины 70-х годов мое сознание постоянно будоражило стремление познать Россию. Хотелось сделать это не просто по историческим книгам, которых я к 25 годам проштудировал множество, а наяву, практически самому увидеть и оценить результаты ее духовной и материальной культуры, поклониться православным святыням и достопамятным местам. Еще живы были люди, родившиеся в конце XIX века, часть из которых сохраняла в себе дух русского православного царства”. Ежегодно в течение десяти лет отправлялся он в путешествие (на 2–2,5 месяца), предварительно составив маршрут по старым книгам и путеводителям. “В общей сложности прошел более 3 тысяч километров пешком и 200 тысяч (по счетчику) на машине, сидя за рулем. Чтобы описать все мои путешествия по России, понадобилось бы несколько больших книг, а в этой книге я рассказываю только о некоторых впечатлениях, о моих исканиях и встречах”. И сколько же было открытий в этих хождениях, поездках по России, по ее краям, областям, республикам Советского Союза... Особенно плодотворными, волнующими были первые путешествия в течение четырех лет на Север. “Первое ощущение — чувство тяжелого ранения и в теле, и в душе. По старым картам начала XX века здесь значились густонаселенные села и деревни, стояли прекрасные деревянные храмы. Мы проходили через давно заросшие пепелища с остатками разобранных фундаментов”. Руины церквей, монастырей, масса безымянных могил вокруг, заброшенных лагерей, сотни покинутых деревень и заглохших дорог... Утешает автора то, что осталось здесь, на Севере, “от мировоззрения Святой Руси — в лице православных бабушек”.

Наш путешественник не замыкается в некоей стилизованной Святой Руси, не эстетизирует ее, уходя в старину. Вовсе нет. “Чувство ранения” задевает его и в актуальных вопросах государственного значения.

“Мы вышли из Архангельска и двинулись по дороге, проходившей рядом с заброшенным путем, который в конце 40-х — начале 50-х годов строили по воле Сталина, мечтавшего оживить эту ледяную окраину России. По его мысли, железные дороги должны были связать Архангельск с Норильском, а в дальнейшем пройти через Якутию на Чукотку. Строились большие планы освоить богатейшие ресурсы окраины. После смерти Сталина лысый преемник великого вождя выступил против гигантского имперского проекта, сулившего для России огромные выгоды. Мы двигались вдоль пути несбывшихся мечтаний, проклиная партийных пигмеев, похоронивших этот край”.

Говоря об итоге своих десятилетних путешествий по России, Олег Платонов заключает: “Именно эти путешествия окончательно определили мой путь. Не будь их, я был бы иным и вряд ли написал свои главные книги о русской цивилизации. Путешествия вдохнули в мое исследование “Россия во времени и пространстве” настоящую жизнь, наполнив его богатым фактическим материалом”.

С “перестройкой-революцией”, объявленной иудой Горбачевым, продолженной погромщиком и расстрельщиком Ельциным, последующими назначаемыми временщиками, Россия вступает в тяжелейший период своей истории. Автор глубоко и точно определяет происходящее, как агрессию сатанинских сил “против народа, сохранившего в XX веке хоть какие-то остатки христианской духовности”. Что касается внешних событий, то никакой “перестройки” не было, ее название было ширмой, за которой скрывалась государственная измена и предательство. В реальной жизни не существовало и “реформ”, а их название было камуфляжем, прикрывающим преступные деяния по расхищению народного богатства.

Автор приводит черный список фамилий преступников, врагов русского народа, сыгравших руководящую роль в разрушении нашего государства*. Большинство из них были, разумеется, те самые “избранные”... Но справедливости ради нужно сказать — не только они. Как поведали бабушки на Севере нашему путешественнику, говоря о разрушенной некогда местной церкви, “евреев они не знают, но своих антихристов хватают”.

Митрополит Иоанн (Снычев) в своей статье “Великая лож демократии” писал, что вопреки яростным усилиям “пламенных революционеров-интернационалистов в стране начался неотвратимый возврат в традиционным принципам русской державности. На протяжении всех 75 лет советской власти это, пожалуй, больше всего пугало наших зарубежных недругов... Для того чтобы остановить процесс возвращения России на естественный путь своего исторического развития, и была запущена “перестройка”, настоящая цель которой — заменить исчерпавшую свои разрушительные силы интернационал-коммунистическую доктрину на новую интернационал-демократическую, которая должна довершить разгром исторической России, начатый еще под “доблестным” руководством Троцкого... (Митрополит Иоанн (Снычев), “Самодержавие духа”. Институт русской цивилизации, М., 2007, с. 496). К этому можно добавить, что тот же Троцкий, когда задрожали его колени перед Сталиным, завопил об “отсутствии внутрипартийной демократии”, так что нынешние “демократы” продолжают дело ненавистника, разрушителя России Льва Бронштейна.

И вот в этих смертельных объятиях-тисках “демократии” — троцкистской, “суверенной” и мировой, в объятиях врагов России — внутренних и внешних — наше русское сопротивление призвано выдвигать людей, способных подняться на мировой уровень борьбы со злом. Этому требованию времени отвечает Олег Платонов. То, что он отмечал в себе еще в юности как “тягу к знаниям”, пытливость, обратилось в его дальнейшей жизни в подвижническую многолетнюю работу по исследованию в отечественных и иностранных архивах истории “тайной войны Запада против России”. В зарубежных поездках — по США, странам Латинской Америки, Европы знания его накапливались, углублялись, общались от общения со множеством людей — русскими эмигрантами, общественными деятелями из русских патриотических кругов, со священниками, антиглобалистами, известными борцами против агрессивного американизма, сионизма, за национальную независимость народов.

Из путешествия по Америке Олег Платонов вынес “свое понимание” этой страны как “истинной империи зла с ее духом насилия и культом денег, с традиционной (со времен истребления коренных индейских племен и работорговли) жестокостью и насилием, ставшими “главной чертой национального менталитета американцев”. Вера в универсальную эффективность насилия выражается в систематических войнах против неугодных государств, в образе жизни, в массовой культуре, в физическом, духовном растлении молодежи, в распространении сатанизма, который автор называет “государственной идеологией Америки”. Следуя своему правилу по возможности всё видеть своими глазами, в целях “изучения церкви антихриста” автор с помощью знакомых “конспиративно проникает” в сатанинский храм, где наблюдает ритуал служения сатане с имитацией полового акта жреца с проституткой. Известно, что церковь сатаны в марте 1970 года была принята в Национальный совет церкви США. Посетил автор и другое “сатанинское собрание” в Сан-Франциско под названием “Организация Объединенных Религий”, цель которой создание мировой религии, в которую кроме традиционных религий — христианства, ислама, иудаизма, индуизма, буддизма — включаются различные секты с шаманами, заклинателями духов, ведьмами, колдунами, сатанистами и т. д. Автор пишет: “По замыслу мировой закулисы Организация Объединенных Религий направлена прежде всего против Православия, единственной христианской религии, сумевшей в значительной степени сохранить чистоту Заповедей Христа и активно противостоящей духовному разложению, которое несет иудейско-масонская цивилизация западного мира”. Проект создания этой ми-

---

* Подробно об этом — книга Олега Платонова “Государственная измена”, М., 2009, в которой автор использует уникальные источники информации и свои личные наблюдения. Известно, чем кончили в 1937–1938 годах отцы и деды нынешних “перестройщиков”, но ведь тогда был Сталин...

ровой церкви антихриста был подготовлен в американской резиденции Фонда Горбачева, располагавшейся в Сан-Франциско. Именно здесь в сентябре 1995 года собрался первый Всемирный форум Фонда Горбачева, на котором иуда-предатель выступил с идеей “глобального мозгового треста” для обеспечения руководства человечеством. На форуме, где были представлены Джордж Буш, Маргарет Тэтчер, Джордж Шульц, другие ратоборцы “за свободу и права человека”, обсуждались проблемы народонаселения, его регулирования, сокращения с помощью религиозных организаций. В резюме форума отмечалось: “Сократите число живущих на 90%, и некому будет наносить серьезный вред экологии”. Главная тема второго форума – “контроль над мировыми религиями – контроль над человечеством”. Так, по словам автора, “мистический смысл разрушительной миссии Горбачева в России получил всемирное продолжение”.

В условиях поразившей мир глобализации с ее антихристианским духом что может значить “Святая Русь” и не архаично ли это звучит для нас в наше время? Когда-то Достоевский писал: “Могуча Русь, и не то еще выносила. Да и не таково назначение и цель ее, чтоб зря повернулась она с вековой своей дороги... Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она все решительно, даже и вопросы, и останется в сути своей такою же прежнею, святою нашей Русью... Сколь ни изменился бы, пожалуй, облик ее... Ее назначение столь высоко...” (Достоевский, “Дневник писателя”. М., Институт русской цивилизации, с. 623.) На это можно было бы ответить, что нынешнее время особенное, небывало катастрофическое для народа, с резким сокращением населения, с растлевающим молодежь разгулом идеологии “бери от жизни все, что можешь”, со свободой разврата, с официальным очернением нашего славного исторического периода советской эпохи. И еще то, чему трудно найти прецедент в русской истории (исключение разве лишь – в ереси жидовствующих в конце XV века) – это курс на создание условий не только для физического, морального, духовного деградирования народа, но и для разрушения, изменения самого его менталитета. Так, помощники наших правителей Дворкович и Юргенс, обвиняя русский народ в неспособности включаться в объявленную либералами модернизацию, дают нам пятнадцать лет на исправление, а дальше уж будут решать, что с нами, непутевыми, делать. Упомянутая модернизация, судя по всему, ничего дельного не сулит, а говорильня о ней заставляет вспомнить забавную историю, рассказанную в свое время автором “Писем из Москвы в Нижний Новгород” (начало XIX века) А. И. Муравьевым-Апостолом, отцом декабриста. “Когда в малороссийском шинке прохожий напьетса допьяна, то шинкарь, чтобы заставить своего гостя заплатить вдвое против того, что он выпил, употребляет обыкновенно следующую хитрость: он ставит у изголовья усталого и пьяного козака мальчика, сына своего, который беспрерывно над ухом засыпающего напевает: **полтина! полтина!** – и до того твердит **полтина**, что козак и во сне слышит ее, и, проснувшись, чувствует, что она еще дрожит в ушах его. Он сбирается в путь, спрашивает, сколько должен; ответ шинкаря, разумеется, **полтина**; и так, хотя козак уверен в душе своей, что не мог на столько выпить, но сын шинкаря до того накричал ему голову **полтиною**, что не веря собственному своему убеждению, он платит **полтину** вместо четверти рубля”.

Так по-шинкарски напевают либералы в наши уши (видимо, считая нас за пьяных, за дураков), твердят “модернизация”, “модернизация”, что мы сами уже начинаем принимать эти заклинания за полтину, и, стало быть, готовы переделываться из трудящихся в шинкарей. Игроки в полтину полагают, что все дело в технологии, компьютеризации, инновациях, финансовых операциях, конкурентоспособности – решительно во всем, даже в культуре. Все это и должно, по-ихнему, определять самосознание, мироощущение русского человека, менять его “архаичную, отсталую” психологию на “современную, цивилизованную”, менять сам тип мышления, сам образ жизни народа. Одним словом, сделать иным “человеческий материал”; приспособить его к “современному стандарту” – конечно же, американскому.

Но вот что писал Юрий Самарин: “Вера несравненно глубже прохватывает всю внутреннюю жизнь человека, чем, например, его политико-экономические убеждения, и гораздо сильнее воздействует на его сознание о себе самом и об отношениях его к ближним, в пределах семьи, общества и государства. Эти, так сказать, жизненные выводы из вероучения переходят в быт,

обращаются в предания, проникают в плоть и кровь народа, делаются как бы нравственной атмосферой его, которой он дышит, которая сопровождает его повсюду” (Юрий Самарин. “Православие и народность”. М., Институт русской цивилизации, 2008, с. 345).

Такой верой для нас, русских, является православие, от него-то подспудно и заставляют нас отказаться, отречься от того, что составляет основу нашего русского национального характера – от богоданной нам веры, которая несовместима с торжествующим в стране культом маммоны, от той веры, без которой не было бы нашей великой культуры, нашего великого, уникального в братстве народов государства.

Православная вера – оплот “нашего русского сопротивления” (Олег Платонов) тем силам, которые угрожают нам денационализацией, убийством исторической жизни народа.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации:

БОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОГО НАРОДА “СВЯТАЯ РУСЬ” (в 30-ти томах)

Главный редактор О. А. Платонов

Вышло 12 томов:

Русская цивилизация
Русское Православие (в трех томах)
Русское государство
Русский патриотизм
Русское мировоззрение
Русский образ жизни
Русское хозяйство
Русская литература
Русская икона и религиозная живопись (в двух томах)

СЕРИЯ “РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ”

Митрополит Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев А. п. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Святитель Филарет, митрополит Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская панславизма, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.

Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.

СЕРИЯ “РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ”

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста “Близ есть при дверех...”, 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские! 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России, 1344 с.

СЕРИЯ “ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ”

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.

СЕРИЯ “ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ”

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
Платонов О. История царевубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ЮРИЙ ПАВЛОВ

“НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕВОЛЮЦИЯ” ИЛИ НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ОТКРЫТИЕ

Думаю, разговор о книге Татьяны и Валерия Соловей “Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма” (М., 2009) есть смысл начать с важной особенности методологии, избранной авторами исследования. Многие их основополагающие взгляды вырастают из работ зарубежных учёных, прежде всего Ицхака Брудного, доктора политологических наук Иерусалимского Еврейского университета. При этом израильский исследователь очень редко цитируется. Как правило, делаются ссылки на его книгу и периодически кратко излагаются некоторые её положения.

На мой взгляд, такое отношение к первоисточнику научно непродуктивно и некорректно. Книга Ицхака Брудного, изданная на английском языке, недоступна для большинства читателей, которым остаётся верить или не верить её московским интерпретаторам. Они же израильскому учёному не просто верят: подавляющая часть суждений Брудного для Татьяны и Валерия Соловей — это и аксиомы, и своеобразный трамплин в их исследовательских “инновациях”. При этом неточность и первоначального посыла профессора Еврейского университета, и его дальнейшего — в никуда — преломления профессорами МГУ и МГИМО не вызывают сомнений.

Например, корни явления, которое в “Несостоявшейся революции” называется национализмом 60–80-х годов XX века, авторы книги видят, в частности, в социальном происхождении многих идеологов данного движения. Вслед за Брудным Татьяна и Валерий Соловей, отталкиваясь от места рождения “большинства видных националистов”, делают следующий вывод: “Деревня и провинциальный городок были материнским лоном значительной части русского националистического истеблишмента, тем идеализированным прошлым, откуда они черпали своё творческое вдохновение и где искали рецепты переустройства современной им жизни” (с. 214).

“Идеализация прошлого”, “идеализация деревни” — эти оценки Соловьёв, неоднократно встречающиеся в их книге, совпадают с теми обвинениями, которые звучали в адрес “деревенской прозы” со стороны официозных и “левых” авторов в 60–80-е годы XX века. И то, что в рецензируемой книге реанимируются подобные взгляды, свидетельствует, в частности, о мировоззренческой родословной Татьяны и Валерия Соловей. Во многом поэтому они не понимают очевидное.

Особое отношение к деревне “правых” или, как они называются в книге, “русских националистов”, социальным происхождением не только не исчерпывается, но даже не измеряется. Напомню, что Юрий Казаков, родившийся на Арбате, состоялся как русский человек и русский писатель благодаря Поморью, и его восприятие деревни было сродни восприятию Василия Шукшина, Василия Белова, Валентина Распутина и других представителей “деревенской прозы”. Ещё один “арбатовец” Вадим Кожинов, который называется в книге “Несостоявшаяся революция” “асфальтовым” националистом, в статье 1967 года “Ценности истинные и мнимые” высказал ряд принципиальных суждений, точно определяющих позицию “правых” в данном вопросе: “Для В. Белова его герой (Иван Африканович Дрынов. — Ю. П.) выступает не как “тоже человек”, но как человек в наиболее полном, целостном значении слова”; “В повести нет, в частности, превосходства человека, живущего на земле, землёй, над людьми, ведущими иной образ жизни, нет идеализации “патриархальности” и т. п. Герой Белова нисколько не “лучше” людей, сформированных иными условиями: он только — в силу самого своего образа жизни — обладает единством бытия и сознания — единством практической, мыслительской, нравственной и эстетической жизнедеятельности”; “Человек, живущий на земле, вросший в неё корнями, сохраняет полноту восприятия мира; в нём — пусть в зачатках, но цельно, органически, полнокровно — живёт вся цивилизация, вся культура — труд, мысль, нравственность, искусство” (Кожинов В. Статьи о современной литературе. — М., 1982).

Пик фактических ошибок и фальсификаций в книге “Несостоявшаяся революция” приходится на главу девятую “Национальные идеи и русское общество”, в которой речь идёт о так называемой “русской партии” 60–80-х годов XX века. В этой главе содержатся многочисленные свидетельства того, что авторы книги плохо разбираются в данном вопросе. Приведу несколько характерных примеров.

На странице 244-й давление цензуры на “писателей-деревенщиков”, зачисленных в националисты, доказывается очень своеобразно: “По крайней мере, на рубеже 70–80-х годов XX века “деревенщики” постоянно жаловались (разрядка моя. — Ю. П.) на удушающую цензуру”. Ссылка на жалобы звучит, конечно же, необоснованно, а иных “доказательств” цензурного давления в книге нет. Более того, такая “аргументация” ставит под сомнение саму идею притеснения авторов “деревенской прозы” и русских националистов вообще.

Трудно сказать, почему Татьяна и Валерий Соловей не приводят факты, известные любому профессиональному и добросовестному исследователю проблемы. Например, письмо Начальника Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР П. К. Романова в ЦК КПСС от 6 мая 1982 года. В этом письме называются публикации в журнале “Наш современник” за 1980–1982 годы, вызвавшие нарекания и вмешательство цензуры: “Живая нива”, “В верховьях Ловати и Великой”, “Земля русская” Ивана Васильева, “Лад” Василия Белова, “Вова, т-сс-с” Владимира Солоухина, “Несчастье”, “Русские городки” Юрия Бондарева, “Драчуны” Михаила Алексева, “Сороковой день” Владимира Крупина, “Репортаж” Николая Рубцова.

Протицирую отрывок из письма Романова, в котором говорится о “Драчунах” М. Алексева: “В эту (последнюю. — Ю. П.) часть писатель включил материал о голоде 1933 года, причём утверждал, что этот голод (страшнее, чем в 1921 году) распространился на Поволжье, Северный Кавказ, Украину, Западную Сибирь, Северный Казахстан, Нижний Урал. Причиной голода, по мнению автора, был не урожай, а самоуправство властей, роковой просчёт, допущенный сверху <...>.”

Поскольку в историко-партийной литературе и официальных документах о голоде 1933 года ничего не говорится, нами были высказаны соображения о нецелесообразности публикации материала в представленном виде. Автор, приглашённый в Главлит, с этим не согласился и исключил из произведения лишь указание на широкое распространение голода в стране и некоторые натуралистические описания его проявлений в селе Монастырском”.

Для понимания роли “деревенской прозы” и “русской партии” в отечественной истории необходимо иметь в виду то, о чём у авторов “Несостоявшейся революции” не говорится ни слова. Михаил Алексеев первым в нашей стране

в подцензурной печати сказал правду о голоде 1933 года, а Михаил Лобанов в статье “Освобождение” (“Волга”, 1982, № 10), посвящённой “Драчунам”, пошёл дальше... Эта статья была воспринята Юрием Андроповым, Альбертом Беляевым и многими другими – от работников ЦК КПСС до официальных и либеральных критиков – как великая крамола, как ревизия советской версии коллективизации в жизни и литературе. Хотя ревизия, конечно, началась раньше – в “Плотницких рассказах” и “Канунах” Василия Белова...

Итоговая реакция со стороны власти на деятельность “русской партии” по возрождению исторической памяти – постановление ЦК КПСС “О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства” от 30 мая 1982 года. В нём, в частности, говорилось: “...События отечественной истории, социалистической революции, коллективизации изображены с серьёзными отступлениями от жизненной правды. Отдельные публикации содержат предвзятые, поверхностные суждения о современности...”.

В книге, подчеркну, историков Татьяны и Валерия Соловей и этот документ отсутствует. Как отсутствует и многое другое, что не позволяет всерьёз, полноценно говорить о “русской партии”: ссылки на дискуссию “Классика и мы”, на работы М. Лобанова, В. Кожина, П. Палиевского, О. Михайлова, Ю. Селезнёва, Ю. Лошица, А. Ланщикова, С. Семанова, опора на произведение В. Белова, В. Шукшина, Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина, Вл. Солоухина, Е. Носова и т. д. Поэтому большинство оценок, данных авторами “Несостоявшейся революции” русским националистами, воспринимаются лишь как наукообразная паутина, словоблудие, не имеющее никакого отношения к объекту исследования.

Правда, ситуация принципиально не меняется, когда необходимая конкретика появляется. Так, на странице 228-й 1962 год называется годом создания ВСХСОН. На самом деле эта организация появилась в 1964 году, о чём, в частности, говорится в статье члена ВСХСОН Леонида Бородина “По поводу одного юбилея” (“Москва”, 1994, № 2). Или на странице 245-й всего одним абзацем характеризуется “Русский клуб”, однако профессор МГУ и профессор МГИМО умудряются на таком “пяточке” допустить несколько фактических ошибок. “Русский клуб” функционировал не два года, как утверждают авторы книги, а пять лет – с 1967 по 1972 годы. Петр Паламарчук не мог быть его участником, ибо ему в 1968–1969 годах (называемых Т. и В. Соловей) было 13–14 лет. Инициалы известного критика, литературоведа, писателя Михайлова – О. Н., а не О. М. Что же касается Ильи Глазунова, упоминаемого авторами книги, то, видимо, есть больше оснований доверять Сергею Семанову, который утверждает, что “такие известные тогда деятели русской культуры, как Илья Глазунов или Владимир Солоухин, в работе клуба не участвовали. Во всяком случае, я о том не могу вспомнить” (Семанов С. “Русский клуб” // Семанов С. Русско-еврейские разборы. – М., 2004. – С. 182).

Ещё на одну особенность “Несостоявшейся революции” первым справедливо указал Илья Кукулин: “Вообще, русских авторов Т. и В. Соловей цитируют в основном по иностранным научным трудам, так что национализм двух московских профессоров приобретает какой-то подозрительно импортный вид: мысли П. Киреевского и К. Аксакова приводятся по реферату книги польского историка Анджея Валицкого, а цитаты из П. Пестеля и М. Каткова – по работе британского историка-русиста Джеффри Хоскинга, и такого рода примеры можно продолжать” (<http://www.openspace.ru/literature/projects/9533/details/11085>).

Другая “ветвь” русских националистов, по классификации Т. и В. Соловей – это городские рафинированные интеллигенты, представленные в главе восьмой “Возрождение национализма” Вадимом Кожинным и Петром Палиевским. Появление этих, по выражению авторов книги, “асфальтовых” националистов было вызвано “разочарованием в хрущёвском правлении и коммунистической политике вообще” (с. 214).

Свидетельства, подтверждающие данную версию, историками не приводятся и не могут быть приведены, так как объективно не существуют. Их нет и быть не может прежде всего потому, что для разочарования в Хрущёве первоначально нужно было им очароваться, а это к Кожиннову и Палиевскому не имеет никакого отношения. Вот, например, сталинистом Вадим Валерианович в молодости был, но хрущёвофилом – никогда. Тезис о разочаровании

в коммунизме неизвестно из каких работ, высказываний произрастает, но известные статьи и интервью Кожина иной направленности (правда, более позднего времени): “Коммунизм неизбежен?..”, “О революции и социализме – всерьёз”, “Социализм в России – это неизбежность”...

В числе других причин, вызвавших появление “асфальтовых” националистов, называются “экологическое варварство” (строительство гидроэлектростанций и ЦБК на Байкале), “разрушение традиционно-культурной среды”, “мощная антирелигиозная пропаганда” (с. 215). И с такой версией событий трудно согласиться по следующим причинам.

Во-первых, в годы правления Хрущёва сооружение ГЭС воспринималось восторженно представителями разных направлений. Во-вторых, решение о строительстве ЦБК на Байкале было принято ещё в 1953 году. Само же сопротивление строительству, а затем и эксплуатации комбината объединило людей разных мировоззрений и национальностей, которые экологическое преступление власти воспринимали без какого-либо национального окраса. Подробно об этом сопротивлении повествует В. Распутин в книге “Земля у Байкала” (Иркутск, 2008, с. 73–129). В-третьих, в хрущёвские времена националистической реакции со стороны Кожина и Палиевского на антирелигиозную пропаганду и разрушение традиционной культурной среды не было и в принципе быть ещё не могло в силу широко известного факта биографии Вадима Валериановича и Петра Васильевича...

Вопросы и несогласие вызывает практически каждая страница “Несостоявшейся революции”, где речь идёт о русских писателях и мыслителях. И хотя московские профессора, как уже говорилось, не утруждают себя доказательствами, примерами, любому человеку, знающему историю русской словесности и отечественной мысли, думаю, очевидны и мертворождённость частных утверждений авторов “Несостоявшейся революции”, и несостоятельность общей концепции их книги. Иными словами, наполнение конкретным содержанием сотен фактологических лакун “Несостоявшейся революции” выявляет отсутствие в книге обратной связи между “теорией” и “практикой”.

Например, на 242-й странице Т. и В. Соловей относят к либеральным националистам “либеральное крыло деревенщиков и журнал “Новый мир” и характеризуют их, в частности, так: “Они признавали необходимость радикальных (разрядка моя. – Ю. П.) политических и экономических реформ”.

Во-первых, вызывает удивление, что Александр Дементьев, Игорь Сац, Владимир Лакшин, Ефим Дорош, Александр Твардовский и другие “новомировцы” попадают в разряд националистов, пусть и либеральных. Советскость была всеопределяющим началом в их мировоззрении и творчестве (об этом я подробно говорю в статьях “Александр Твардовский: мифы и реальность, или Заметки о заметках В. А. и О. А. Твардовских”, “Владимир Лакшин: привычный и неожиданный”, “Михаил Лобанов: русский критик “на передовой” // Павлов Ю. Критика XX–XXI веков: литературные портреты, статьи, рецензии. М., 2010). Уже поэтому любой национализм “новомировцев”, как и идеи “радикальных политических и экономических реформ”, исключаются. Можно говорить лишь о редкой, эпизодически проявляющейся русскости у Твардовского и Лакшина.

Во-вторых, непонятно, кого из “деревенщиков” Т. и В. Соловей относят к либеральному крылу (фамилии не названы). Видимо, тех писателей, кто в 60-е годы публиковался в “Новом мире”. Однако эти авторы, о чём неоднократно говорилось, в 70-е годы без какой-либо смены вех – мировоззренческих и творческих – стали “лицом” “Нашего современника”, журнала, по классификации Т. и В. Соловей, консервативных националистов. Не вызывает сомнений, что факт публикации названных писателей в “Новом мире” не свидетельствует об их национальной и иной ориентации, а либеральное крыло “деревенщиков” – это миф, порождённый элементарным невежеством московских профессоров.

Создаётся впечатление, что авторы книги часто просто не понимают того, о чём пишут. Так, на 243-й странице утверждается, что в годы правления Брежнева “русофилы контролировали” и журнал “Кубань”. Если бы Т. и В. Соловей хотя бы открыли альманах (а не журнал) “Кубань” 70-х – начала 80-х годов, то легко бы убедились, что русский дух в нём отсутствует вообще. Это было серенькое, советски-правоверное издание. Ситуация резко изменилась лишь в 1987 году, когда главным редактором “Кубани” стал Виталий Канаш-

кин. Или на той же 243-й странице сообщается, что “деревенщики” были “при Хрущёве лишь одной из групп интеллектуальной элиты”. Этого не было уже потому, что “деревенская проза” как явление, как идейно-эстетическая общность писателей в реальности и в восприятии окружающих — от читателей и критиков до партийных верхов — ещё не существовала. Это произойдёт на рубеже 60–70-х годов, чему, в частности, будет способствовать публикация таких классических произведений “деревенской прозы”, как “Привычное дело” (1966) Василия Белова, “Деньги для Марии” (1967) Валентина Распутина, “Письма из Русского музея” (1966) Владимира Солоухина.

И вот на таком уровне на протяжении большей части книги размышляют Т. и В. Соловей о русских националистах, среди идеологов которых преобладали писатели, философы, критики, публицисты. Этот уровень не повышается, когда речь заходит о “собственно” истории. Например, в главе десятой “На переломе (вторая половина 80-х — начало 90-х годов XX века)” при характеристике событий декабря 1991 года проводится следующая параллель: “В 1917 г. московским юнкерам, генералу Корнилову и тысячам офицеров не требовались ничьи распоряжения и приказы, чтобы выполнить свой долг. Но курсанты советских военных училищ не уподобились московским юнкерам, ни одна (!) воинская часть не выступила под знаменем “единого и неделимого СССР”, никто не уходил на Волгу к генералу Макашову, как уходили на Дон к генералу Краснову” (с. 279).

Такое видение переломных событий в истории России XX века можно объяснить только очень сильной понятийной мешаниной и плохим знанием истории периода революции и гражданской войны.

Во-первых, о какой верности долгу многих генералов и офицеров царской армии, Корнилова и Краснова в том числе, может идти речь, если в марте 1917-го они нарушили присягу?..

Во-вторых, авторы книги многократно преувеличивают число офицеров, воевавших в армии Корнилова. С нехарактерной для историков “точностью” они утверждают, что “тысячи и тысячи”. На самом деле, по свидетельству Станислава Ауского, в Добровольческой армии при Корнилове были 3 полных генерала, 8 генерал-поручиков, 25 генерал-майоров, 199 полковников, 50 подполковников, 215 капитанов, 251 штабс-капитан, 394 поручика, 535 корнетов, 688 прапорщиков, 364 унтер-офицера (Ауский Ст. Казаки. Особое сословие. — М., 2002. — С. 288). Юнкеров же было 437 человек, а какая часть из них — москвичи, неизвестно...

В-третьих, само движение на Юг, на что делают упор авторы книги, далеко не всегда было обусловлено чувством долга. Так, в момент первых боёв за Ростов-на-Дону в городе находилось около 16 тысяч офицеров, в Добровольческой же армии служили 2732 человека. Однако сие не означает, что все “недобровольцы” были трусы, шкурники, люди без чести и т. д. Руководство Белого движения, заявившее о республиканском будущем России, отпугнуло часть офицеров-монархистов. Ещё меньше оснований было у них идти к “самостийнику” Петру Краснову, ратовавшему за появление новых государственных образований на юге России. Краснов же у Т. и В. Соловей — символ борца за “единую и неделимую Россию”...

Вызывает возражения и “кровавый” подход Т. и В. Соловей к национализму, подход, называемый ими “толерантным расизмом”. Более же широко национализм определяется авторами книги как “интерес к русской этничности” (с. 218). “Интерес” этот объясняется авторами книги прежде всего вышеназванными причинами. Но, на наш взгляд, любовь (“интерес” — слово в данном случае явно неудачное) к своему народу, Родине — не есть результат воздействия на человека социально-исторических и иных — внешних — факторов. Такая любовь — естество личности, данность, которая сильнее любых обстоятельств и самого человека, это чувство — “наоборот голове” (В. Розанов) и исчезающее вместе с головой. То есть в размышлениях Т. и В. Соловей о национальном не хватает метафизической высоты в понимании проблемы. Уровень большинства суждений авторов книги — это уровень крови и социальных, личностных, национальных комплексов. Важнейшая составляющая последних — проблема антисемитизма, неоднократно возникающая в книге.

Сия проблема применительно к Кожиннову и Палиевскому трактуется так: “...Для “асфальтовых” националистов <...> антисемитизм служил компенсацией предшествующей интеллектуальной и культурной зависимости от еврей-

кой среды. По откровенному признанию самого Кожина, до знакомства с Бахтиным он пребывал в уверенности, что русских интеллигентов-гуманитариев попросту не существует, что все интеллигенты — исключительно этнические евреи или с еврейской примесью. В этом ракурсе бунт против авторитетов и наставников, коими были евреи, неизбежно приобретал антисемитские черты, а антисемитизм оказался рядоположен стремлению к культурной и интеллектуальной эмансипации” (с. 217).

Нельзя согласиться с Т. и В. Соловей на уровне и “теории”, и “истории” вопроса. Так, непонятно, почему “бунт” против учёных-евреев есть антисемитизм? Тогда получается, что “бунт” против этнически русских авторов (В. Белинского, Н. Добролюбова, Д. Писарева, Н. Чернышевского, И. Волкова, Н. Гуляева, М. Голубкова и т. д.) — это русофобия? Нет, конечно.

Обвиняя Кожина и Палиевского в ненависти к евреям, Т. и В. Соловей, люди вроде бы науки, должны были хотя бы назвать работы Вадима Валериановича и Петра Васильевича, в которых проявился антисемитизм как стремление к освобождению от еврейских наставников и авторитетов. Я таких работ не знаю. Но для меня очевидно другое: антисемитизм Кожину и Палиевскому, конечно, не был присущ.

Для Вадима Валериановича, например, заядлого полемиста, борца с мифами, национальная принадлежность его многочисленных оппонентов не имела никакого значения. Так, ими были и евреи Б. Сарнов, Л. Робинсон, и русские М. Лобанов, А. Казинцев. Думаю, показательны и то, что Кожин в протяжении жизни неоднократно очень высоко оценивал работы евреев (называю вслед за Т. и В. Соловей евреев по крови, хотя этот критерий для меня и не приемлем) Н. Берковского, В. Непомнящего, Г. Гачева, Л. Аннинского (а с двумя последними и дружил), уважительно относился к сионисту М. Агурскому, был женат на Е. Ермиловой и т. д. К тому же Кожин неоднократно заявлял, что сам “кровяной” подход ему чужд: “Это перенесение из мира животных”. И главное: несмотря на то, что Кожин довольно часто в своих работах обращался к еврейской теме, антисемитизм в них отсутствует, что я на многих примерах показываю в своей статье “Вадим Кожин: штрихи к портрету на фоне эпохи” (Павлов Ю. Критика XX—XXI веков: литературные портреты, статьи, рецензии. — М., 2010).

По схожей “методологии” в разряд антисемитов попадают очень многие достойные русские писатели, мыслители, Ф. Достоевский, в частности. В главе четвёртой “Националистический дискурс в конце XIX — начале XX в.” он так характеризует Т. и В. Соловей: “Утверждение о национализме Достоевского нередко пытаются опровергнуть его знаменитой Пушкинской речью и характерными для него оговорками (это слово употреблено явно ошибочно, что свидетельствует о предвзятости авторов либо об их проблемах с русским языком. — Ю. П.) об общечеловеческой миссии России, всемирной отзывчивости русских, братской любви к человечеству. Но, как говорил один из героев Александра Дюма-старшего, Писание нам завещало любить ближних своих, однако в нём нигде не сказано, что англичане — наши ближние. Невозможно поверить, что Достоевский видел в поляках и “жидах” братьев русского народа. Его ненависть к ним была вполне реальной, хотя во многом иррациональной, и даже призывы к “братской любви” не способны закамуфлировать подлинность этого чувства” (с. 96).

Да, оригинальную версию выдвинули историки: Пушкинская речь Достоевского — лишь дымовая завеса, призванная скрыть подлинную сущность писателя, его ненависть к евреям и полякам. Только если логика “оригинального человека” из одноимённого рассказа Леонида Андреева понятна, то оригинальную логику московских учёных понять невозможно. Прежде всего потому, что о евреях и поляках в речи Достоевского даже не упоминается. К тому же чувство писателя к названным народам (в данном случае не имеет значения, верно или неверно оно определяется) — это одно, и совсем другое — идея всемирной, братской любви как выражение христианского идеала русского народа, о чём, собственно, и идёт речь у Достоевского. И, наконец, доказательствами фобий писателя доктора наук себя не утруждают.

Понятно, что в своих голословных обвинениях в антисемитизме Достоевского, Кожина, Палиевского и т. д. Т. и В. Соловей не оригинальны. Не оригинальны они и тогда, когда в главе девятой, с подачи А. Самоварова, транслируют мысль, что антисемитизм был основой для консолидации “русской

партии” в 60–80-е годы XX века, вновь, конечно, не приводя никаких доказательств. Оригинальность авторов “Несостоявшейся революции” видится в том, что они вслед за Самоваровым утверждают: у русских патриотов не было своей положительной программы и действовали они наперекор евреям: “Если евреи против социализма, то мы будем за социализм. Если евреи за демократию и рынок, то мы будем против” (с. 241). В очередной раз мне трудно сказать, на какие источники в своих фантазиях опираются Самоваров и согласные с ним Т. и В. Соловей. Приведённое высказывание, по сути, совпадает с тем, что говорит Моисеев, герой повести Л. Бородина “Правила игры”. Вполне очевидно, что автор произведения, “русист” Бородин, эти взгляды не разделяет. Как не разделяли и не разделяют их И. Шафаревич и В. Кожин, С. Семанов и О. Михайлов, Ю. Селезнёв и В. Бондаренко и другие националисты. В очередной раз не могу не задать детский вопрос: откуда у профессиональных историков такое непрофессиональное нежелание работать с первоисточниками и болезненная постоянная потребность примитивизировать взгляды оппонентов?

Ещё одна особенность книги “Несостоявшаяся революция” – в ней довольно часто происходят “жанровые сбои”: живое чувство открыто пульсирует в тексте. Это чувство весьма красноречиво и недвусмысленно выражает отношение Т. и В. Соловей к националистам.

Приведу характерные примеры из главы десятой “На переломе (вторая половина 80-х – начало 90-х годов XX в.)”. Версия Т. и В. Соловей о том, что телевидение при Ненасе и Кравченко, якобы “разделявших с националистами часть символа веры” (умеют же крепко выражаться учёные. – Ю. П.), проиграло борьбу за аудиторию менее тиражным, либеральным печатным СМИ, сопровождается таким оригинальным “комментарием”: “Ну и что, сынку, помогли тебе твои ляхи?” (с. 262). Или на той же странице “родовая черта русского национализма, начиная со славянофилов”, определяется как “слюнявая (разрядка моя. – Ю. П.) народофилия в сочетании с незнанием <...> родного русского народа”.

Трудно спокойно комментировать такое “открытие”, но попробую. Итак, братья Аксаковы и Ю. Самарин, Н. Гоголь и Ф. Достоевский, В. Розанов и М. Меньшиков, А. Блок и И. Шмелёв, В. Белов и В. Распутин, В. Шукшин и Ст. Куняев, В. Кожин и М. Лобанов и многие другие националисты XIX–XX веков русский народ не знали и не знают, а вот Татьяна и Валерий Соловей – знают...

Не думаю, что московские учёные осознают анекдотичность своего “открытия”, ибо оно не просто лейтмотивом проходит через всю книгу, но повторяется многократно и с каким-то болезненным наслаждением. Вот как, например, характеризуются представители “русской партии” в главе девятой: “Подобно славянофилам, они выдумали <...> такую Россию и такой русский народ, которых никогда не существовало в помине. Подобно славянофилам, они опирались на культурно-идеологические мифы и предлагали двигаться вперёд с головой, обёрнутой (да, с русским языком у профессоров проблемы. – Ю. П.) назад, в прошлое” (с. 247). И в этом контексте вполне ожидаем тот окончательный приговор “русской партии”, который неоднократно звучит в книге: идеология русских националистов разрушила СССР.

Напомню, что примерно в одно время с Т. и В. Соловей подобное “открытие” сделал в своей работе “Кризис и другие” Сергей Кургинян, о которой мне уже приходилось писать (“Наш современник”, 2010, № 1). Не знаю, своим ли умом названные авторы дошли до такого абсурда, или выполняли чей-то заказ... Знаю другое: чувство реальности, научной объективности должны быть превыше всего в работе любого исследователя. В книге же Т. и В. Соловей преобладают явно выраженная предвзятость, партийность, голословность в трактовке разных лиц и событий. Как можно всерьёз Михаила Горбачёва (пусть и связан Валерий Соловей “родовой пуповиной” с его фондом) называть “прорусски ориентированным лидером” (с. 258), а Александра Солженицына – “знаменем русского национализма” (с. 232)? На основании чего можно делать заявления, подобные следующему: “То, что у Вадима Кожина и Василия Белова было на уме (интересно, как об этом узнали Т. и В. Соловей? – Ю. П.) или звучало в кухонных разговорах, у Дмитрия Васильева и Игоря Сычёва появилось на языке и стало главной темой публичных выступлений” (с. 265)?

Непрофессионализм, научная, человеческая слабость авторов книги “Несостоявшаяся революция” проявляется и в том, что они ссылаются только на тех исследователей вопроса, с кем согласны или с кем легко полемизировать, и не замечают работы тех авторов, у которых данная проблема трактуется принципиально иначе. Назову только некоторые имена: И. Шафаревич, М. Назаров, О. Платонов, С. Семанов, А. Степанов, А. Чеботарёв, А. Кожевников, В. Карпец, В. Жиров.

Видимо, по той же причине не “задействованы” в “Несостоявшейся революции” мемуары Ст. Куняева “Поэзия. Судьба. Россия”, М. Лобанова “В сражении и любви”, Л. Бородина “Без выбора”, С. Викулова “Что написано пером...”, без которых полноценный разговор о русских националистах 60–80-х годов XX века невозможен.

Такие же концептуальные идеи книги Т. и В. Соловей, как “имперское государство всегда было враждебно русским”, “революционная динамика начала XX в. фактически была национально-освободительной борьбой русского народа против чуждого ему <...> правящего слоя и угнетающей империи” (с. 166–167), октябрьский переворот 1917 года – это “русский этнический бунт” (с. 167), “антисемитизм, разжигаемый “чёрной сотней”, после 1917 года бумерангом вернулся обратно в виде русофобии” (с. 164–165), “слабость интеллекта, дефицит воли и организационная импотенция <...> – вот три порока русского национализма, обусловившие его политическое поражение и роковую неспособность сыграть важную роль в отечественной истории” (с. 435) и другие, убедительно уже опровергнуты в статьях Вячеслава Румянцева (<http://www.hrono.ru/text/2009/rum1109.php>), Сергея Семанова (“Наш современник”, 2010, № 1), Ильи Колодяжного (“Литературная Россия”, 2009, № 50–51) и в выступлении Александра Казинцева на Кожинской конференции 28 октября 2010 года. Я приведу только одно высказывание В. Румянцева, которое напрямую связано с названием книги Т. и В. Соловей. Историк обращает внимание на то, что авторы “Несостоявшейся революции” странно не замечают современных изменений исторических смыслов русского национализма, и справедливо утверждает: “За минувшие два десятилетия усилиями государственных структур, начиная от Администрации Президента до завербованных агентов ФСБ, русское националистическое движение было выпотрошено – как в кадровом, так и в идейном содержаниях – и наполнено новыми кадрами и смыслами. Всё самобытно русское из него было удалено, а взамен интегрировано то, что соответствует глобалистским стандартам: против “чужих” шуметь можно, но ни о какой подлинной национальной и цивилизационной особенности своей страны и своего народа не может быть и речи. А те националистические организации, которые “разъяснениям” свыше не вняли, подвергаются уничтожающей “критике”: их руководителей арестовывают и отправляют за решётку, литературу изымают и запрещают судебными решениями” (<http://www.hrono.ru/text/2009/rum1109.php>).

Всё сказанное и неслуханное позволяет оценить книгу Валерия и Татьяны Соловей “Несостоявшаяся революция” как творческую неудачу, как несостоявшееся открытие, как книгу, написанную людьми, слывшими в определённых кругах русскими националистами, а на самом деле не знающими и ненавидящими лучших представителей русской мысли XIX–XX веков.

Р. С. Велико было моё удивление, когда я узнал, что книга “Несостоявшаяся революция” – лауреат премии “Лучшие книги и издательства – 2009”, более того, – в номинации “Философия”. И что ещё удивительнее – подзаголовок книги вдруг стал называться “Исторические смыслы русской нации” (“Литературная газета”, 2010, № 6–7). Не знаю, на какой стадии и кем “русский национализм” в названии книги был заменён “русской нацией”, но гадаваюсь, почему...

СТАНИСЛАВ ХАТУНЦЕВ

ХРОНИКА ПРИБЛИЖЕНИЯ К МАЛЬСТРИМУ*

Дневник Л. А. Тихомирова. 1915—1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М., РОССПЭН, 2008.

Лев Александрович Тихомиров — фигура оригинальная и даже экстравагантная. Сначала это — “публицистический рупор” пропахшей динамитом “Народной воли”, впоследствии — “кающийся радикал”, крупнейший теоретик монархической государственности, главный соратник и опора П. А. Столыпина в русской прессе. Его дневники и письма богаты самыми различными материалами и являются интереснейшими свидетельствами своего времени.

В этом отношении особенно ценен дневник Л. А. Тихомирова за 1915—1917 гг. — период участия России в Мировой войне, ставшей для неё роковой. Широкому читателю до настоящего времени известен он не был, выборочно печатались только небольшие его фрагменты. Следует отметить, что публикация полного текста данного документа явилась венцом многолетней целенаправленной работы с ним доктора исторических наук, главного специалиста Российского государственного архива социально-политической истории А. В. Репникова.

Страницы “Дневника...” показывают Тихомирова “простым смертным”, со всеми его страхами и болячками. Но прежде всего “Дневник...” любопытен тем, что даёт картину движения России к крутому перелому своей истории, к революции. Движения сначала подспудного и неявного, которое по ходу времени и войны становится всё более недвусмысленным — движения, угаданного умом острым и пронизательным, хотя и окрашенным в густые тона онтологического пессимизма. Поэтому “Дневник...”, без всякого преувеличения, можно назвать “хроникой приближения к Мальстриму”. Во всяком случае, именно такое впечатление складывается в процессе ознакомления с этим историческим документом.

Так, ещё 10 февраля 1915 года, то есть до начала Великого отступления Русской армии, создания “Прогрессивного блока” в Думе и тому подобных событий, указавших вектор дальнейшего внутривнутриполитического движения России, убеждённый монархист Тихомиров пишет: “...видно, не судьба нам иметь с таким правительством ничего, кроме позора, проигрыша всех интересов России — и, вероятно, революций, от которых, конечно, ни на грош пользы не прибавится”. А 31 августа 1915 года автор “Дневника...” отмечает: “Династия не имеет ни одного (годного к управлению империей. — С. Х.) человека. О бедном больном мальчике, Цесаревиче, — ...трудно и говорить”. И задаётся вопросом: “Суждено ли ему даже быть Царём?”

Очень интересны страницы “Дневника...”, касающиеся мало известных неисторикам немецких погромов в Москве 28—29 мая того же года. В этих масштабных акциях профессиональный некогда революционер Л. А. Тихомиров чутко уловил революционные обертоны — даже предположил участие в них

* Морской водоворот у берегов Норвегии.

радикалов, которые, по его мнению, одни могли “двинуть” рабочих, являвшихся “организованной силой” московских событий.

В июле же 1915-го Тихомиров констатирует исчезновение авторитета Царя – не как личности, а как правителя, и пишет, что если во время Смуты, в 1612 году, “тяжкая война привела к воскресению монархии”, то война, начавшаяся 1 августа 1914 года, “по-видимому, ...приведёт к падению Самодержавия”. 9 сентября он выводит: “Что **монархия** погибла – это вне сомнения”, а 5 октября замечает: “Не знаю, чем кончится война, но *после неё* революция кажется совершенно неизбежной. Дело идет быстрыми шагами к тому, что преданными династии останутся только лично заинтересованные люди, но эти продажные лица, конечно, сделаются первыми изменниками в случае наступления грозного часа”.

Пишет он о деморализации, о внутреннем разрыхлении, о “распадании” тогдашнего российского общества и его сегментов, в частности – о деморализации “новомобилизованной” Русской армии – армии “военного” набора, солдаты которой порою целыми ротами сдавались в плен неприятелю.

Интересны и весьма нередкие размышления Л. А. Тихомирова о Г. Е. Распутине.

Отметим также часть “Дневника...”, посвящённую воспоминаниям о Петре Николаевиче Дурново (1842/3 –1915) – крупном государственном деятеле самодержавной России, директоре Департамента полиции, товарище (заместителе) министра внутренних дел Д. С. Сипягина, управляющем МВД и министра внутренних дел в кабинете С. Ю. Витте (то есть во время Первой русской революции), члене Госсовета, сенаторе, которого Тихомиров прекрасно знал лично. Он приводит крайне любопытные сведения, нередко – достаточно пикантного свойства, об этом видном сановнике, характеризующие фигуру П. Н. Дурново с самых разнообразных сторон, – сведения, заметно отличающиеся от тех, которыми оперируют осведомленные историки-профессионалы. Так, Л. М. Искра, касаясь увольнения П. Н. Дурново с поста директора Департамента полиции в 1893 году, пишет: “Заподозрив любовницу в связи с секретарём бразильского посольства, Дурново приказал своему агенту найти улики, и тот нашёл её письма в письменном столе дипломата. Однако разоблаченная дама пожаловалась возлюбленному, а тот – императору Александру II. В итоге Дурново был отстранён от должности и назначен сенатором с сохранением содержания”*. Тихомиров же говорит не о секретаре бразильского посольства, а о бразильском посланнике, то есть дипломате гораздо более высокого ранга, которого Дурново “накрыл” во время визита к вышеупомянутой “даме” и по-молодецки “исколотил”.

Но “славен” П. Н. Дурново отнюдь не этим эпизодом, наполненным “бульварной” романтикой и достойным авантюрных романов, а мастерской борьбой с отечественным радикализмом – и с разгулявшейся революционной стихией 1905–1906 гг. и, ранее, всё с той же “Народной волей”, в связи с чем, кстати, и состоялось знакомство с ним Л. А. Тихомирова. Партии, которые по ходу этих кампаний разыгрывал П. Н. Дурново, достойны гениального шахматиста...

Знатокам же русской общественно-политической мысли известен он обширно запискою-меморандумом, отправленной в феврале 1914 года Николаю II, в которой очень ярко и точно прогнозировались последствия тогда ещё не начавшейся Мировой войны для России с Германией и для монархических режимов обеих стран. Этот документ местами чрезвычайно близко перекликается с рассматриваемым нами дневником Л. А. Тихомирова, однако автор его с “Запиской” Дурново, предназначенной императору конфиденциально, знаком, конечно же, не был.

Упомянем и мемории Тихомирова о прокуроре Московской Синодальной конторы А. А. Нейдгардте и П. А. Столыпине, особенно – в контексте ещё довоенных (1913–1914 гг.) высказываний А. А. Нейдгардта об ожидании им “страшной катастрофы”, в результате которой Россия “рухнет”.

“Дневник...” Л. А. Тихомирова, с его архивную паутину-“патиной”, представляет собой не только исторический интерес. Так, на удивление актуально, как фраза из сегодняшнего интервью, звучат слова, записанные его автором 26 января 1916 года: “Россия меня убивает. Ну каждый день – какая-нибудь чепуха в государственной и общественной жизни. Разнузданная алчность appetитов становится всё наглее и своим видом развращает всех. Уже, кажется, лучше бы газеты молчали, а то все привикают к мысли мошенничать

* Искра Л. М. Дурново П. Н. // Русский консерватизм середины XVII – начала XX века: энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2010.

и грабить. Из разоблачений не получается ничего, кроме доказательства безнаказанности спекуляций. Расправа судебная — медленная, вялая — не имеет никакого оздоровляющего воздействия. Распоряжения администрации постоянно неудачны, часто глупы”.

Или вот замечание от 27 февраля того же года: “Весь наш верхний класс, дворянский и промышленный — ловкий на всякое хищничество, — лишён идеи, самосознания, идеалов. Энергии нигде нет. Бороться энергично не может ни с кем. При опасности каждый будет спасаться сам, не заботясь о гибели других, а потому все составляют легкую добычу каждого свирепого и энергичного врага. Авторитета не существует. Духовный провален и опозорен, и всё больше падает в глазах народа”. Только замени “дворянский класс” на “класс политический”, и всё окажется поразительно современным! А также: “Всех обуряла одна мысль — *драть* с живого и с мёртвого... Это превращается в какую-то вахханалию, и чем это кончится — представить невозможно”.

Конечно, весьма нередко Тихомиров “пересаливает”, сгущает краски чрезмерно. Настроения его близки к пораженчеству и достаточно типичны как настроения тогдашнего представителя русской интеллигенции. Так, он постоянно пишет о том, что немцы могут занять Москву, тогда как те более двух лет топтались почти что в тысяче вёрст от Первопрестольной и даже в критическом 1918-м, после развала нашей стороны фронта, не добрались и до форпоста её, Смоленска.

Тема будущего занятия Москвы “бронированными” германцами звучит в “Дневнике...” автора “Монархической государственности” едва ли не навязчивым лейтмотивом. Никакие “благие вести” с театра военных действий до него не доходят принципиально: даже победы главкома Юго-Западного фронта генерала А. А. Брусилова в крупнейшей за Великую войну наступательной операции Русской армии Тихомирова почти что не радуют, и их он комментирует в весьма скептическом и отрицательном духе. Ещё худшее и явно незаслуженное мнение высказывает автор “Дневника...” о Русской армии и её войнах в XIX — начале XX веков.

Однако в целом Тихомиров скорее объективен, чем субъективен — даже в том, что касается предметов заведомо субъективных. К примеру, он очень точно передает состояние умов и общественного мнения предреволюционной России, России в войне, в том числе всяческие слухи, исходящие из разных, в частности — достаточно высоких кругов. Так, крайне интересно и показательное свидетельство об “общем ожидании” “внутреннего разгрома в форме некоторой пугачевщины”, приведённое Тихомировым. А 16 ноября 1916 года он, говоря о действиях власти, рассуждает на тему: “Идиотство ли это, или — преднамеренная измена?”, повторяя таким образом “формулу-рефрен” знаменитой речи П. Н. Милюкова в Думе: “Что это — глупость или измена”. Но сам Л. А. Тихомиров с этой “зубодробительной” речью познакомился позже.

5 декабря 1916 года автор “Дневника...” оценивает ситуацию, сложившуюся в России, используя такие метафоры: “Мы находимся в положении рыбацкой лодки, попавшей в водоворот Мальштрома: медленное опускание к горлу страшной воронки, которая должна нас поглотить”. 9-го же пронизательно добавляет: “. . . революция созревает и надвигается. Теперь её проводят в жизнь высшие классы и чины, а потом поведут уже на свой лад рабочие и крестьяне”.

9 января 1917-го, за полтора месяца до начала Февральской революции, Тихомиров запишет, что найдена новая прислуга: “Временно... да теперь всё временное”, предвосхищая тем самым целую историческую эпоху, эпоху крушения и слома многовекового государства Российского — опять-таки интуитивно и подсознательно.

И вот — 300-летняя монархия пала. “Мальштром” ослабил и распахнул России объятия. Пока это водоворот “жёлтый”, либеральный, поначалу кажущийся Тихомирову скорее спасительным, чем ведущим к гибели. В его течениях и противотоках творец “Дневника...” за три с лишним месяца до Октябрьского переворота даёт интересную оценку А. Ф. Керенскому, на которого какое-то время надеется, но которому немного позже весьма прозорливо прочит политический крах.

Ведение записей обрывается почти перед самой пастью Мальштрима “красного” — 16 октября 1917 года, что само по себе весьма символично. . .

Нельзя не сказать о комментариях и о примечаниях, составленных всё тем же А. В. Репниковым. Они энциклопедичны по содержанию, очень полны в плане охвата лиц, на страницах “Дневника...” упомянутых, и сообщают рассматриваемому изданию академическую законченность и фундаментальность.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“ЗА БАЗАР ОТВЕЧАТЬ НАДО...”

В ясный мартовский день 2010 года, жадно глотая весенний воздух, я прошёлся от метро “Цветной бульвар” до нашего скромного особнячка и, поднимаясь на второй этаж услышал за приоткрытой дверью голос Наталии Сергеевны, завредакцией – не просто возбуждённый, но дрожащий от негодования:

– Что случилось, Наталия Сергеевна? – бросил я на ходу и шагнул к своему кабинету.

– Станислав Юрьевич! Ну поглядите, что Личутин наговорил в газете “Завтра”!

Я сбросил куртку, взял свою любимую газету и погрузился в чтение беседы Александра Проханова и Владимира Личутина, посвящённой 70-летию последнего.

“Когда я написал роман “Раскол”, – жаловался Личутин Проханову, – не встретил никакой благодарности человеческой. Печатать никто не печатал. Время тогда было, сам помнишь, какое дикое. Получалось, что я написал роман в стол. Когда опубликовали – тоже никаких впечатлений. Было только ёрничанье, что два романа есть – Леонова “Пирамида” и Личутина “Раскол”, которые никто никогда не прочитает”.

Не веря своим глазам, посмотрел на Наталью Сергеевну с немым вопросом: неужели Личутин забыл, что его роман печатался в “Нашем современнике”? Конечно же, не забыл, но, поскольку мы с ним в спорах о судьбе переделкинских дач находимся по разные стороны баррикады, то язык у него не повернулся, чтобы сказать правду, где же был впервые опубликован “Раскол”.

А Наталия Сергеевна, словно прочитав мои мысли, протянула листок бумаги с какими-то цифирками: – Я уже все подшивки за двадцать лет пролистала, вот, поглядите...

Из подсчётов следовало, что в октябре-ноябре 1993 года мы начали публикацию “Раскола”; в 1994-м году продолжили печатать с первого по шестой номер, а потом четыре номера были пропущены (автор просто не успел написать очередные главы).

Продолжение “Раскола” появилось лишь в одиннадцатом и двенадцатом номерах 1994 года, после чего я понял, что ввязался в мучительную и для журнала, и для автора и, главное, для читателей авантюру: надо было, конечно, дожидаться, пока Личутин закончит роман полностью и лишь после этого печатать его из номера в номер до самого эпилога.

Но мы легкомысленно поверили автору, поклявшемуся приносить нам очередные главы в каждый номер, прямо, как говорится, с колёс.

1994-й год начался благоприятно, “Раскол” был опубликован в первых шести номерах, но потом роман опять исчез со страниц на целых четыре месяца и появился лишь в одиннадцатом и двенадцатом номерах. Бедные наши читатели! За несколько месяцев перерыва в чтении они забывали о сюжете (весьма сложном), о судьбах героев (весьма непростых), о своих собственных впечатлениях. Валентин Распутин, которому я в отчаянье рассказал о катастрофе с “Расколом”, как мог утешал меня: “Ну что делать, Стас, это же не просто роман, это эпопея! Терпи...” Я терпел, но в 1995 году не получил от Личутина ни одной главы. Та же самая картина обозначилась в начале 1996 года. Потеряв терпение, мы решили извиниться перед читателями и на этом закончить публикацию “Раскола”. Но Личутин взмолился (“Лев Толстой собирался написать роман о расколе, но отступил, а я не отступлю!”), и с марта по июнь 1996 года несколько глав появились на страницах журнала. Печатали “с колёс”, и однажды в полной суматохе, когда запутавшийся в своих рукописях автор принёс главу, ранее напечатанную в журнале, сотрудники, опупевшие от эпопеи, опубликовали её во второй раз...

1997-й год для несчастных читателей стал предельно издевательским: полгода без “Раскола”.

После июльского и августовского номеров – опять пустота на 2 месяца и – наконец-то! – в ноябре-декабре мы завершили этот самоубийственный подвиг, осуществившийся в двадцати номерах журнала и растянувшийся аж на четыре года! Так что Личутин лукавит в беседе с Прохановым, когда говорит: **“Получилось, что я написал роман в стол... печатать никто не печатал”**. Неправда, роман создавался на протяжении четырёх лет и одновременно печатался в “Нашем современнике”

Начинали мы публикацию эпопеи, когда у “Нашего современника” тираж был более чем 60 тысяч, а закончили при 14-ти тысячах.

Но всё равно – эти 14 тысяч в то время проходили через несколько десятков тысяч читателей. Для сравнения вспомню, что полностью отдельным изданием “Раскол” вышел лишь трёхтысячным тиражом. А ещё вспомню, что счастливый и благодарный в те времена Личутин подарил мне книжное издание “Раскола” с трогательной надписью: “Станиславу Куняеву, дорогому человеку, с поклоном”.

В наш разговор с Наталией Сергеевной вмешался мой заместитель Геннадий Михайлович Гусев:

– Начиная с 1993 года Личутин не печатался ни в одном журнале, кроме нашего. Вот что мы опубликовали после “Раскола”. В 1999 году в четырёх номерах книгу его очерков “Душа неизъяснимая”, в 2001 году роман “Миледи Ротман” – тоже в четырёх номерах, в 2002 году повесть “Сукин сын”, в 2008 году очерк об октябрьских событиях 1993 года. А уж о хвалебных статьях к его юбилеям, рецензиях, поздравлениях с портретами на обложках и говорить нечего. Из них целую книгу составить можно!

Я сам в первом номере журнала за 1995 год писал в статье “Читатели и надзиратели”:

“Мы верим, что читатель “Нашего современника” поймёт напряжённость историософских исканий Владимира Личутина, обратившегося к первому надлому русской истории – церковному расколу XVII века. Удивителен язык личутинского романа – северный, заповедный, настоящий на аромате столетий... Мы верим – нашему читателю придётся по душе древняя красота северных речений”.

...Наталья Сергеевна в это время нажимала кнопки калькулятора и объявила:

– За десять лет, с 1993-го по 2003 год, мы издали 120 номеров журнала, из которых в тридцати одном были напечатаны все произведения Личутина, написанные за десятилетие, общим объёмом 80 печатных листов. Трижды он был лауреатом премии “Нашего современника” – в 1994 и 1997 годах за “Раскол”, а в 1999 году за “Душу неизъяснимую”.

Так что не прав лучший друг Владимира Личутина и неутомимый пропагандист его творчества Владимир Бондаренко, который пишет в статье “10 книг десятилетия” (“Завтра № 1, 2011 г.) что **“Личутин – явно недооценённый писатель”**, **“Личутина как-то осознанно вываливали из литературного гнезда то справа, то слева. Такой одинокий, тоскующий**

странник”, “Искренне жалею, что так и не прозвучала личутинская “Миледи Ротман”. “Миледи Ротман” мы, повторяю, напечатали — а это значит, что она “прозвучала”. Напечатали! — и это для писателя главное. А что ты, Володя, хотел, чтобы “Наш современник” ещё сделал для Личутина? Выдвинуть его на Нобелевскую премию? — Бесплезно. Заставить каждого читателя России прочесть роман “Раскол” и все 80 печатных листов, что печатались в “Нашем современном”? — Невозможно. Включить его произведения в школьные хрестоматии? — Мы не в силах. Воздвигнуть ему памятник в Мезени? При жизни — неуместно. А там как земляки решат... Согласись, что мы для нашего классика в самое трудное для русской литературы двадцатилетие сделали всё, что могли.

Однако, если говорить всю правду, отношения Личутина с журналом испортились до его семидесятилетия. Это случилось, когда он принёс в редакцию новый роман “Беглец из рая”. Все, кто прочитали роман — Александр Сегень, Андрей Воронцов, Геннадий Гусев, пришли к единому мнению: это неудача писателя, и высказались против публикации романа. В романе множество страниц из московской жизни, недостойных личутинского таланта, уместных лишь в каком-нибудь криминально-сексуальном детективе.

Но, не желая терять любимого автора, я тогда сказал ему: “Володя! Ты, избалованный нами, принёс роман в 500 страниц, а это — четыре журнальных номера. Но в романе есть немало глав надуманных, многословных, их надо убрать или сократить. Давай сделаем журнальный вариант. Не доверяешь нам — пусть эту работу сделает твой друг и знаток твоего творчества Володя Бондаренко. И в двух номерах опубликуем, а в книге печатай целиком, если хочешь. Но не советую”.

Однако Личутин, закосневший в своей гордыне, разругался с нами и написал заявление о выходе из Общественного совета журнала. Вслед за ним из солидарности покинул его и Александр Проханов. Но Бондаренко, как самый расчётливый из друзей, остался. Ну что делать? Мы пережили этот “патриотический шантаж”, но в долгу не остались и сочинили хлесткую эпиграмму, в которой высмеяли нашего классика, автора романа “Бегство из рая”.

*Личутин! Ты бежишь из рая?
Куда бежишь? В конце концов
тебя настигнет волчья стая —
Куняев, Сегень, Воронцов.*

Володенька нашей шутки не понял и в марте 2009 г. на VIII съезде писателей России взял реванш, обрушившись на “Наш современник”, обвинив главного редактора в том, что он **“превратил журнал в частную лавочку”**, что он **“стар и не может руководить журналом”**, что он возглавил **“рейдерский захват Литфонда”** и т. д. Но этого мезеньскому правдолюбу показалось мало, он настроил статью “Вниз по склону под фанфары” и стал предлагать её разным изданиям. Статья была плаксивой и коварной:

“Станислав Куняев присвоил журнал “Наш современник”, мягко говоря, утащил из Союза писателей воровски <...> но зачем было у нищего Союза писателей уводить последнее, чем гордились патриоты, его исторический бренд? Да и то, братцы мои, почему плуты растащили заводы, банки, приислы и земли, а тут какой-то жалкий домишко на Цветном бульваре”; “Я не раз приступал к Станиславу: “Стасик, передай журнал молодому. Вспомни, когда уступил тебе Сергей Викулов “Наш современник”, ему едва было за шестьдесят... не затирай пути молодой поросли”.

Ну что на это ответить. артистическому лгунишке? Разве только то, что на обложке “Нашего современника” стоят три слова: “журнал писателей России”, а на следующей странице сказано, что учредителем журнала является “Союз писателей России”, а ещё добавить, что **“домишко на Цветном бульваре”** принадлежит не Станиславу Куняеву и не коллективу редакции, а Московскому имуществу, с которым редакция раз в пять лет не без хлопот и тревог заключает финансовый договор на аренду.

А что касается вопроса о том, кто и чего “увёл” у “нищего Союза писателей”, то лучше бы Личутин полюбостовствовал, каким образом его дружки по Переделкино Ю. Поляков и В. Ерёмченко акционировали и приватизировали,

то есть “утащили” у Союза писателей “воровски”, один – “Литературную газету”, а другой “Литературную Россию”. Пусть он поинтересуется, какой пакет акций принадлежит каждому из них и сколько он стоит по сегодняшней рыночной цене. Но смотри, Володя, во многом познании много скорби, как бы тебе при этом не заболеть от зависти.

А твой Юра Поляков помимо “литгазетовских” акций прихватил у Литфонда переделкинский дачный участок, о чём сегодня мечтает и Ерёменко, и Феликс Кузнецов, и все они тебя, мезеньского несмышлёныша, на этот же путь толкают. А Станиславу Юрьевичу Куняеву в “Нашем современнике” ничего не принадлежит, кроме писем, приходящих на его имя, кроме книг с дарственными надписями от друзей, нескольких почётных грамот, висящих на стенах, да фотографий в ящике стола, где мы все выглядим молодыми и бескорыстными.

А что касается моего почтенного возраста, то он мне не помеха в руководстве журналом. Опираясь на свой опыт, я поставил дело так, что подписной тираж “Нашего современника” сейчас вдвое больше, чем у “Нового мира”, втрое больше, чем у “Москвы”, “Знамени”, и “Октября”, в пять раз больше, нежели у “Молодой гвардии” и “Дружбы народов”. А ведь всеми этими журналами руководят люди куда моложе меня, иные из них мне в сыновья годятся. К тому же “Наш современник” за эти 20 лет всегда был кузницей молодых кадров, в его стенах прошли хорошую школу журнальной работы Александр Сегень, Андрей Воронцов, Евгений Шишкин, Сергей Куняев, Андрей Писарев, Вячеслав Огрызко, Алексей Кожевников, Сергей Фомин, Дмитрий Галковский, Вячеслав Морозов, Алексей Широпаев, Марина Белянчикова и многие другие. Я никогда не боялся приглашать молодых литераторов в журнал – и как авторов, и как сотрудников. Я до сих пор, когда пишу что-либо для журнала, по-своему соревнуюсь с ними. И, по-моему, ни в чём им не проигрываю – к нашему общему удовлетворению. Так что “играющий тренер” или “старый конь” борозды пока не портит. Между прочим, думая о том, кто будет во главе журнала после меня, я уговорил Юрия Поликарповича Кузнецова войти в состав сотрудников “Нашего современника”. Но судьба перечеркнула все мои планы.

А ты, Володя, злобствуешь ещё и потому, что сам никогда не умел работать на ответственных должностях. Не умел и боялся. Такие закомплексованные люди могут разрушать, но созидать – никогда. Когда с трибуны VIII-го съезда писателей России ты страстно доказывал, что Куняев и Ганичев по старости уже не могут руководить – один журналом, а другой Союзом писателей, я вспомнил, как точно так же Личутин ниспровергал в начале 90-х годов с поста руководителя Союза писателей СССР Владимира Васильевича Карпова. Довёл его, Героя Советского Союза, боевого разведчика, талантливого писателя, своими злыми насмешками до отчаяния, и Карпов подал в отставку, не выдержав клеветнических унижений. И что в итоге? Через несколько месяцев, в августе 1991 года Союз писателей, не имея твёрдого руководства, развалился, и власть перешла в руки Оскоцкого и Евтушенко. Вот чего добился Личутин, никогда и нигде серьёзно не работавший, ни за что не отвечавший, ничего не умеющий, кроме как с истерическим кликушеством предавать анафеме с трибуны неугодных ему писателей.

Помнится, позже Александр Крутов взял его в журнал “Русский дом”, но и там он из-за своего склочного характера продержался не более двух-трёх месяцев. Однако обвинять всех и вся с болтливой развязностью не отучился.

В бондаренковском “Дне литературы” № 2 за 2011 год опубликована его статья “Раскол сознания”, в которой он, как профессиональная плачеха, оплакивает прозу журнала “Наш современник” последних двух десятилетий:

“Многие писатели туда не ходоки; отошьют. Унынием несёт с его страниц, где если и чувствуется почва, то неродящая, какие-то мхи и супесь. Давно всё пережито, пережёвано на десятки раз, вяло, пустомясо и безъязыко, и это в наши дни, когда русская деревня особенно, как никогда прежде, упала в печаль и разор, вопит о себе и не находит помощи. Редко когда проклянется рассказ, родной по национальному чувству, отзывистый, полнокровный, энергический, где всё при месте, не ампутировано штампом. Давно не печатались романы и повести, когда, читая, хотелось бы заплакать, по-коровьи зареветь, удариться в слёзы, когда бы сердце зашло от последней явленной правды, когда образы во всей полноте открывали бы всю красоту и мятежность природы и русского человека.

С редактором у меня не раз зачинался разговор о литературе, десятка, захихнули её на задворки за ненадобностью. Куняев же отвечал мне с непонятной обидой: “А зачем романы? Только место занимают... Нам не нужны художественные вещи”. Это прозвучало так неожиданно, что меня взял столбняк, и отнялся язык”.

Думаю, что самовлюблённый Личутин на протяжении этих двадцати лет просто не читал журнала и поэтому “не заметил” на его страницах не только романов, повестей и рассказов многих талантливых русских писателей, но даже своей собственной прозы. От злости, что ли, ему так отшибло память? Я, который якобы когда-то сказал Личутину, что “нам не нужны художественные вещи”, напому ему, какую художественную прозу он “проглядел” за это двадцатилетие. Пусть он задумается, почему многие известные прозаики России всё лучшее, что было написано ими в гильотину для русской литературы время с 1990-го по 2010-й год, печатали **ТОЛЬКО** в журнале “Наш современник”? Может быть, потому, что не могли или не хотели публиковаться в других журналах? Или потому, что понимали особое значение журнала для русской литературы? Или потому, что атмосфера в журнале была для них родной и желанной, и они знали, что их здесь поймут и оценят? Перечислю их. Это Ирина Головкина (Римская-Корсакова) – роман “Побеждённые”. Это заветный роман Леонида Леонова “Пирамида”. Это романы Юрия Бондарева “Искушение” и “Бермудский треугольник”, а также его “Мгновения”. Это ты сам, Володенька, но о тебе всё сказано выше. Это Владимир Солоухин с повестями “Солёное озеро”, “Чаша”, с “Камешками на ладони”. Это Валентин Распутин со знаменитой повестью “Дочь Ивана – мать Ивана”, с рассказами “Изба”, “В ту же землю”, “Нежданно-негаданно”, “В больнице”, “Новая профессия”, “На родине”. Это Василий Белов с романами “Год Великого Перелома” и “Час шестый”, с повестью “Родная кровь”, с книгой “Воспоминаний”. Это твой любимый Александр Проханов с шестью (!) романами: “Ангел пролетел”, “Дворец”, “Красно-коричневый”, “Последний солдат Империи”, “Экстремист”, “Стеклодув”, с повестями “Чеченский блюз” и “Идущие в ночи”. Это Альберт Лиханов с повестями “Никто”, “Сломанная кукла”, “Слётки”, “Ложачих не бьют”... Это романы Леонида Бородина “Третья правда” и “Божеполье”. Это все до единой страницы разножанровой прозы, написанной за два десятилетия Виктором Лихоносовым. Это повести Крупина “Великорецкая купель”, “Прощай, Россия, встретимся в раю” – и многие другие, всего около десятка.

Это пять повестей Юрия Убогого, три романа Бориса Шишаева, все романы, повести и рассказы Юрия Лощица, почти все повести Михаила Тарковского и Веры Галактионовой...

Я перечислил “однолюбов”, для которых лишь один свет в окошке – “Наш современник”. А кроме них сколько незаурядных авторов в эту эпоху побывало в журнале! Эдуард Лимонов, Михаил Чванов, Олег Волков, Михаил Ворфоломеев – все с лучшими своими рассказами, Виктор Астафьев с “Затесями”, Дмитрий Балашов с очерками и романом “Похвала Сергию”, Сергей Есин с повестью “Стоящая в дверях”, Юрий Козлов с “Геополитическим романсом” и Юрий Поляков, на которого Личутин молится, с повестью “Грибной царь”... Не забыть бы ещё прозу Глеба Горышина, Михаила Попова, Евгения Шишкина, Александра Трапезникова, ещё одного Михаила Попова – архангельского, земляка Владимира Личутина, рассказы Вячеслава Дёгтева, повести Сергея Михеенкова...

А если вспомнить чисто “деревенскую прозу”, в полном отсутствии которой обвиняет наш журнал Владимир Личутин, то я напому ему о романе покойного Ивана Васильева “Крестьянский сын”, о повестях и рассказах Анатолия Байбородина с языком не хуже личутинского, о Борисе Екимове с рассказами из деревенской жизни, о повести “Затёски к дому своему” Леонида Кокоулина, рассказах и очерках Александра Арцыбашева... Любопытнейшей была публикация неоконченного романа Владимира Богомолова “Жизнь моя, иль ты приснилась мне?...”

Постыдился бы наш мезеньский сочинитель выдумывать, будто я сказал ему, что “нам не нужны художественные вещи”... Нам не нужны романы, публикация которых растягивается на четыре года. Что правда – то правда.

Понимают ли Личутин с Бондаренко, сколько талантливых писателей они оскорбили “по-чёрному”, когда один написал, а другой напечатал о прозе

журнала, что **“унынием несёт с его страниц... давно всё пережито, пережёвано на десятки раз** (так в оригинале. – Ст. К.), вяло, пустомясо и безъязыко”? Это что – Проханов пишет “вяло”? Вера Галактионова “пустомясо”? Василий Белов и Валентин Распутин “безъязыко”? Простите меня, но “за базар отвечать надо”.

Когда Личутин надумал выйти из редколлегии журнала, он написал заявление со словами о причинах своего решительного поступка:

“Я никоим образом не могу воздействовать и влиять на политику и качество журнала, которые меня не удовлетворяют”. Но единственное произведение, которое за истекшие двадцатилетие настоятельно попросили меня опубликовать в журнале трое членов Общественного совета журнала – Проханов, Бондаренко и Личутин, – был детективный роман их друга по компании “сорокалетних” Анатолия Афанасьева “Зона номер три”. Я уступил им и напечатал этот детектив: как говорится, дружба требует жертв.

Понимая, на что иду, я написал предисловие к той публикации. Вот оно. **“Роман Анатолия Афанасьева “Зона номер три” вызвал у сотрудников редакции немало сомнений... Он, конечно, написан мастерски, но... по канонам голливудских боевиков с их безмерным и всегда бутафорским изображением убийств, крови, противостояния добра и зла, упрощённого, как правило, до схемы “преступник – полицейский”... Декоративное, и потому шаблонное, изображение злых и добрых суперменов, кинематографическое обилие коллективных и индивидуальных схваток, плакатное разделение “чёрного” и “белого” – конечно же, выводит это произведение из основной прозаической традиции нашего журнала с её психологизмом, многомерностью и сложностью характеров, с неизменным, пусть иногда “за кадром” присутствующим религиозным ощущением человеческой и народной судьбы... Однако члены редколлегии и постоянные авторы журнала Александр Проханов, Владимир Личутин и Владимир Бондаренко без колебаний стали уверять нас, что наши опасения напрасны, что роман, бросающий вызов сегодняшнему режиму и образу жизни, будет понят и принят читателями. И мы решили пойти на этот риск – с одной оговоркой: коль вы уверены в своей правоте, то попробуйте и сами убедить в ней нашего читателя, напишите свои отзывы о романе, а мы опубликуем их в виде “рекламных пауз”, которые так естественны для произведения, написанного в необычном для журнала жанре... А кто уж из нас прав – наша уважаемая тройца, с мнением которой мы не можем не считаться, или мы с нашими осторожными опасениями, – судить тебе, наш верный подписчик и друг.**

Итак, публикуем роман и ждём на него ваших отзывов, уважаемые читатели “Нашего современника”.

Роман появился на страницах “Нашего современника” вместе с тремя хвалебными “рекламными паузами”, “вмонтированными в текст”, но они не помогли – нашим читателям эта проза была неинтересна. Полторы сотни драгоценных журнальных полос были использованы и выброшены, как одноразовая посуда.

Личутин до сих пор требует от меня: “Стасик! – передай журнал молодому”. Да я бы, Володя, давно тебе передал, если бы не помнил одну некрасивую историю. В конце восьмидесятых годов прошлого века съезд Союза писателей России утвердил тебя в должности главного редактора журнала “Октябрь”, предварительно сняв с этой должности Анатолия Ананьева за публикацию гнусного пасквиля Андрея Синявского “Прогулки с Пушкиным”. Тебе тогда было всего-то сорок с лишним лет. Но ниспровергатель Карпова, Куняева и Ганичева оказался храбрым лишь на словах, струсил войти в кабинет Ананьева и сесть на его место. А если бы осмелился на этот мужской поступок, то, глядишь, одним патриотическим журналом у русских писателей было бы больше. Нет, Личутин, выступать с трибуны скандально ты можешь, а как ближе к делу, так у тебя кишка тонка...

... Весной 2010 года, когда приближалось 70-летие Владимира Владимировича, мои сотрудники стали убеждать меня, что нам не следует поздравлять Личутину с юбилеем. За немужское кликушество, за неблагодарность по отношению к журналу, за человеческую склочность...

Но я вспомнил все молодые замечательные повести Личутина: “Обработано – время свадеб”, “Крылатая Серафима” и особенно “Дивись-гора” о жиз-

ни на поморской реке Сояне, где я бывал не раз и с женой, и с сыном. Вспомнил, как вместе с Володей Личутиным мы были на легендарной Мегре, куда я взял своего друга по его настоятельной просьбе. После трудового дня, намахавшись спиннингами, мы, бывало, сидели возле костра, на котором закипала уха. Улов наш в тот день был скромным, всего две семужки – одна небольшая, которая пошла в уху, другая, килограмм на шесть, лежала поодаль в кустах. Её надо было разделать и засолить. В тёмном высоком небе над туманными болотами стелились рыдающие крики гусей. Их извилистые клинья тянулись к югу, и когда попадали в зеленоватую полосу северного сиянья, мы видели их в чёрном небе, пока они не погружались в сентябрьскую тьму...

К берегу на костерок причалила моторка, в которой сидели незнакомые нам геологи. Мы пригласили их к костру, открыли бутылку, выпили, разговорились. Они сплавлялись в деревню, целый день на сплаве рыбачили, но ничего не поймали. Я заметил в их лодке ладную железную печурку.

– Мужики! Давайте меняться. Вы нам печку – мы вам рыбу. Мы ещё поймаем, а вам завтра надо к вертолёту.

Ещё выпили и ударили по рукам. На рассвете ребята столкнули лодку на глубину и рванули стартёр. “Буржуйка” осталась с нами, и мы с Володей решили спрятать её понадежней, чтобы на следующий год поставить в глубине сосняка зимовьюшку с настоящей печкой. Мы вырубил жердину, насадили на неё тяжёлую “буржуйку” и потащили в глубь соснового бора, где нашли вывернутую листовницу, под корневищем которой и закопали наше драгоценное приобретение.

Володя пошёл обратно к лагерю, а я побрёл на Север вдоль ручья, вытекавшего из озера, которое должно было находиться в двух-трёх километрах. Захотелось мне поглядеть на него.

Озеро было в зарослях ивняка и ольхи, из-за которых неслись звонкие голоса лебедей. Раздвигая кусты, кое-как я пробрался в броднях к воде и увидел несколько белоснежных лебединых пар, оглашающих нежным курлыканием озёрную гладь... Я сел на поваленный на берегу ствол и долго смотрел на птиц, слушая трубные звуки их серебряных, протяжных, стенающих голосов...

К вечеру я возвратился на стоянку. Недовольный Личутин хотел “разогнать” меня, но я прочитал ему стихотворенье, которое само собой написалось на берегу безымянного озера.

*Тишина. Ни собак, ни людей
здесь не видно со дня сотворенья.
Только свадебный стон лебедей,
только царственный блеск оперенья.*

*Только ягель да зубчатый лес,
да в безмолвные белые ночи
тусклый пламень полярных небес
отражают озёра, как очи.*

*Если есть в человеке душа,
да придёт она после разлуки
под струящийся шум камыша
на озёрные эти излуки,*

*пусть останется с миром вдвоём
без меня на закате багряном
и бормочет о чём-то своём,
безымянная над Безымянным.*

*Пусть витает в пустынном краю,
о прошедшей судьбе забывая,
и да встретит её, как свою,
лебединая белая стая.*

Личутин, хотевший растерзать меня за то, что я так долго не возвращался к ночлегу, услышав стихотворенье, налил по стопке, мы выпили, и он, шмыгнув носом, смахнул со своей рыжей бородёнки то ли сопелюжку, то ли

нечаянную слезу... Мы залезли в палатку и заснули под нежный свист ночного ветра, а когда проснулись, то наше кострище и полог палатки были покрыты тонким слоем белого снега...

К полудню за нами пришёл на моторке Самсон Кулаков из деревни Мегра, а к вечеру он доставил нас вдоль высокого торфянистого берега Белого моря в деревню Ручьи, откуда мы должны были на “аннушке” вылететь на другой день в Архангельск.

Вечером мы сидели на крыльце громадного поморского дома у приютившей нас старенькой вдовы-солдатки Евлампии Вячеславовны и глядели, как во время отлива вода “заживала” и, шипя, скатывалась с песчаной плотной кромки, а тяжёлые рыбацкие лодки грузно ложились на плотное дно. А на холме справа стояла разорённая деревянная церковь, словно бы врезанная в алый закат.

Я вспомнил все эти дни и печально сказал своим молодым “волчатам”:

— Человечишко он, конечно, мелкий, но писатель замечательный. Зря мы, что ли, так обильно его печатали, как никого другого! Поставьте на вторую полосу обложки красивый портрет молодого Личутина, а под ним вот это поздравление:

“Редакция журнала поздравляет известного русского писателя Владимира Личутина, публиковавшего свои лучшие произведения 90-х годов прошлого века в “Нашем современнике”, с семидесятилетием и желает ему дальнейших достижений в жизни и творчестве”...

Зимовьё в сосняке мы, конечно, не срубили, а где и под каким корневищем закопана наша железная печка — я уже и не вспомню...

Господи! Сколько воды утекло с той поры в Мировой океан из чёрной Мегры, из светлой Сояны, из многоводной Мезени...

ВЕНОК ПУКАЮ

*Подборка произведений писателей
Республики Татарстан, подготовленная
к 125-летию Габдуллы Тукая*

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ

ДУМАЙ О НАРОДНОМ БЛАГЕ

РОДНОЙ ЯЗЫК

О язык родной, певучий! О родительская речь!
Что еще на свете знал я, что сумел я уберечь?

Колыбель мою качая, тихо-тихо пела мать,
Подрастая, сказки бабушки я начал понимать...

О язык мой, мы навечно неразлучные друзья,
С детства стала мне понятна радость и печаль твоя.

О язык мой! как сердечно я молился в первый раз:
Помоги, — шептал, — помилуй мать с отцом, помилуй нас...

1909

Перевод Р. Бухараева

ШАКИРД, ИЛИ ОДНА ВСТРЕЧА

Бродил я по улицам в посвисте вьюг,
И в белой поземке заметил я вдруг:

Какой-то школяр на учебу идет,
Слегка отдохнет на снегу — и вперед;

Шагнет, остановится, снова шагнет,
Мороз его жжет, и метель его гнет.

Он в валенках старых, продрался бешмет;
А все-таки в школу бредет — не одет.

Дрожит он в лохмотьях пальто своего,
А ветер насквозь продувает его.

Мне стало несчастного мальчика жаль,
Вскипели в душе моей гнев и печаль.

Желая хоть чем-то его ободрить,
Таковыми стихами я стал говорить:

“О маленький праведник, ангел земной,
Для нации ставший надеждой одной,

Ты, рваный, своей нищеты не стыдись,
И стоптанных валенок ты не стыдись.

О ласке забудь и о детстве забудь, —
В упорном ученье твой истинный путь.

А бедность пусть гордостью станет твоей,
Не стоит ни плакать, ни думать о ней;

Шли умные люди еще и до нас
Дорогой, которой идешь ты сейчас.

Ты знай: этот мир — это мир нищеты,
Неправды, насилия и темноты.

Но счастье в грядущем его озарит,
И путь тебе к этому счастьем открыт.

Здесь, в этом же мире, средь рабства росли
Писатели — гордость и слава земли.

И может быть, станешь и ты знаменит,
И слово твое на весь мир прогремит.

О юные, — радость родителей вы,
Надежды и чести хранители вы.

Единства народа спасители вы,
Религии чистой носители вы.

Вы ключ, отпирающий знания сундук,
Вы лестница в ясное небо наук!

Откроются вам просвещения сады,
Пусть сердце не стонет, что мало еды...

Беднее богатых себя не считай,
Средь жрущих голодной слюны не глотай.

Пусть черная зависть не жжет твою грудь —
Борись, стрекозой-попрыгуньей не будь.

Наука и сытость не могут дружить,
А жадный лишь чреву способен служить.

О том, что ты голоден, знай про себя, —
Скупой все равно не накормит тебя;

Ты просьбой пред ним свою честь не унизь,
Надейся на бога, учись и трудись.

Запомни, что жадность — презренный порок,
Стремящихся к знанию питает сам бог!

Будь горд, унижаться не смей пред скупым,
Во всем согласишься с поученьем моим”.

Ушел я. Но мне и сейчас его жаль,
Жаль сто раз и тысячу раз его жаль!

И шел я в метель по пути своему,
Лишь доброе слово оставив ему...

1906

Перевод П. Шубина

О ПЕРО!

О перо! Пусть горе сгинет, светом радости свети!
Помоги, пойдем с тобою мы по верному пути!

Нас, в невежестве погрязших, нас, лентяев с давних пор,
Поведи к разумной цели — тяжек долгий наш позор!

Ты возвысило Европу до небесной высоты,
Отчего же нас, злосчастных, опустило низко ты?

Неужели быть такими мы навек обречены
И в постылом униженьи жизнь свою влачить должны?

Призови народ к ученью, пусть лучи твои горят!
Объясни глупцам, как вреден беспросветья черный яд!

Сделай так, чтобы считали черным черное у нас!
Чтобы белое признали только белым — без прикрас!

Презирай обиды глупых, презирай проклятья их!
Думай о народном благе, думай о друзьях своих!

Слава наших дней грядущих, о перо, — подарок твой.
И, удвоив силу зренья, мы вперед пойдем с тобой.

Пусть не длятся наши годы в царстве косности и тьмы!
Пусть из мрака преисподней в царство света выйдем мы!

Всех краев магометане охают из года в год —
“О, за что судьбою черной был наказан наш народ?!”.

О перо, опорой нашей и величьем нашим будь!
Пусть исчезнет безвозвратно нищеты и горя путь!

1906

Перевод А. Ахматовой

ПАРА ЛОШАДЕЙ

Лошадей в упряжке пара, на Казань лежит мой путь,
И готов рукою крепкой кучер вожжи натянуть.

Свет вечерний тих и ласков, под луною все блестит,
Ветерок прохладный веет и ветвями шевелит.

Тишина кругом, и только мысли что-то шепчут мне,
Дрема мне глаза смыкает, сны витают в тишине.

Вдруг, открыв глаза, я вижу незнакомые поля —
И разлуку с отчим краем всей душой почуял я.

Край родной, не будь в обиде, край любимый, о, прости,
Место, где я жил надеждой людям пользу принести!

О, прощай, родимый город, город детства моего!
Милый дом во мгле растаял — словно не было его.

Скучно мне, тоскует сердце, горько думать о своем.
Нет друзей моих со мною, я и дума — мы вдвоем.

Как на грех, еще и кучер призадумался, притих,
Ни красавиц он не славит, ни колечек золотых...

Мне недостает чего-то иль я что-то потерял?
Всем богат я, нет лишь близких, сиротой я нынче стал.

Здесь чужие все: кто эти Мингали и Бикмулла?
Биктимир, кому известны их поступки и дела?

Я с родными разлучился, жить несносно стало мне,
И по милым я скучаю, как по солнцу, по луне.

И от этих дум тяжелых головою я поник,
И невольно слезы льются — горя горького родник.

Вдруг ушей моих коснулся голос звонкий, молодой:
— Эй, шакирд, вставай скорее! Вот Казань перед тобой!

Вздрогнул я, услышав это, и на сердце веселей.
— Ну, айда быстрее, кучер! Погоняй своих коней!

Слышу я: призыв к намазу будит утреннюю рань,
О Казань, ты грусть и бодрость! Светозарная Казань!

Здесь деянья дедов наших, здесь священные места,
Здесь счастливица ожидают милой гурии уста.

Здесь науки, здесь искусства, просвещения очаг,
Здесь живет моя подруга, райский свет в ее очах.

1907

Пер. А. Ахматовой

МАДИНА МАЛИКОВА

КОГДА ЛУНА НА УЩЕРБЕ

РАССКАЗ

Почему все время вспоминается он? Вначале Дания не думала о причинах. В тихие часы жизни, когда размышляешь о прошлом и будущем — бывают же такие минуты в нашей быстротекущей жизни! — особенно когда слушаешь песни или читаешь стихи, во время легкой грусти, вдруг перед глазами встает он. Его печальное лицо, осанка, манера говорить, чуть выгнув шею, дрожание век вырисовываются настолько четко, что Дании кажется, точно она видела его только вчера, нет, даже сегодня, всего несколько часов назад. Его глаза смотрят, словно требуют ответа, и год от года выдерживать этот взгляд становится все тяжелее. В душе поднимается раскаяние, сожаление, и тогда Дании кажется, что между ними много общего. И это чувство с годами усиливается.

Но разве виновата Дания перед ним? Что общего может быть в их судьбах? К тому же столько времени прошло, столько новых встреч, что он давно должен был забыть.

Нет, не забывается, а при каждом воспоминании заставляет сжиматься сердце. Порой Дания думает о нем как о родном. Окажись возможность, она съездила бы к нему, несмотря на расстояние, или уж в крайнем случае написала бы. Увы! Он там, куда не доходят письма и провозажают лишь в последний раз...

МАЛИКОВА Мадина родилась в 1935 году. В 1959 году окончила историко-филологический факультет Казанского педагогического института, более 20 лет работала в женском журнале "Азат хатын". Прозаик, драматург. Член Союза писателей с 1972 года. Автор 25 книг, 4 из них изданы на русском языке в Москве. Заслуженный работник культуры России и Татарстана.

По роду службы Дании часто приходится ездить, встречаться со многими людьми: она работает в научно-исследовательском институте, собирает несметные богатства народного языка.

Однажды зимой она очутилась в городе Уральске, где прошла юность Тукая, где поэт написал свои первые стихотворения. Хотя это и не относилось непосредственно к ее научной работе, Дания не могла уехать, не побывав в местах, связанных с именем поэта. На тихой улочке, занесенной снегом, отыскала дом Усмановых, где жил молодой поэт, — первый этаж каменный, второй деревянный. Зашла в типографию, которой присвоили имя Тукая. Директор — миловидная русская женщина в летах — с гордостью показала печатный станок начала века. Станок до сих пор работает, печатает сочинения наших современников — внуков Тукая. Ох, коротка, оказывается, жизнь человека, одна машина скольким поколениям людей служит! Служит, но рассказать ничего не может — языка-то нет.

Дания побывала в доме Мутыгулла-хазрета* — первого учителя Тукая, в двухэтажном здании из красного кирпича. По узкой лестнице поднялась на второй этаж и остановилась в темном коридоре, не зная, в какую из дверей толкнуться: видно, здесь живет несколько семей. Прошла вглубь коридора и постучалась. Дверь открыл татарин старших лет. Но он впервые узнал от нее, что в начале жизни у хозяина дома великий поэт брал уроки...

Дании хотелось встретиться с людьми, видевшими поэта, знавшими его. Казалось, что тут невозможного? Разве мало семидесяти-восьмидесятилетних стариков?

Наконец в одной организаций ей посоветовали:

— Поговорите с Адамом Соломоновичем! Он очень любит поэзию, все время вспоминает поэта по имени Тукай. Он знает, знает! Нет такого, чего б он не знал!

В этих словах наряду с уважением и восхищением Адамом Соломоновичем сквозила насмешка, намек на его причуды. Эта двойственность еще больше разожгла любопытство Дании. Адам Соломонович? Кто он? Русский, еврей? Почему увлекается Тукаем? Видно, неспроста все это.

Спросить прямо о его национальности Дания сочла неудобным. Но из разговоров узнала: всю жизнь Адам Соломонович проработал в этой организации; и хотя ему было уже к восьмидесяти, его не хотели отпускать, и только после настойчивых просьб его недавно проводили с почетом на пенсию, или, мягко говоря, на заслуженный отдых.

Бумажка с адресом привела Данию на старую тихую улицу.

Она, казалось, осталась в стороне от современной кипучей жизни. По обе стороны за крепкими заборами прятались добротные дома, серые столбы дыма из труб поднимались в бледно-голубое небо, по два ряда деревьев с каждой стороны улицы, сизые тени на белом снегу, казалось, из века в век не менялись. Слово эта улочка была такой, когда по ней быстрым шагом проходил поэт; снег, скрипевший под его ногами, был чист, точно окна, вымытые прилежными молодухами; звенел прозрачный зимний воздух. Возможно, глядя на такие дома, поэт и написал: “Что ты спишь, мужичок?”

Медленно, как и тогда, бледная ущербная луна, не считаясь со временем, восходила на небосклоне, не дожидаясь, пока солнце уйдет на покой...

Кирпичный дом Адама Соломоновича выходил фасадом на улицу. Дания постучала в ворота — никто не отозвался, постучала в окно, но и в доме стояла тишина. Растерянная, она вошла во двор.

— Что вы тут делаете? Кто вам нужен? — раздалось за спиной.

Дания вздрогнула и оглянулась.

К ней шел человек высокого роста, прямой и стройный. Ушанка низко опущена на лоб, руки глубоко заправлены в карманы короткой черной шубы.

— Ищу Адама Соломоновича, — ответила Дания, от неожиданности несколько смутившись.

— Это я.

---

* Хазрет — преосвященство, преподобие — титул, прибавляемый к вменам священнослужителей.

— Вы?

Незнакомец показался ей мужчиной средних лет. Не очень поверив, что перед ней восьмидесятилетний старик, она изложила цель визита.

— Идемте, — произнес старик так, как говорит учитель с учеником. Дания прошла через сени и вошла в темную переднюю. Старик открыл дверь комнаты и на чистом татарском языке пригласил:

— Добро пожаловать!

— А я удивляюсь: почему Адам, почему Соломонович?

— Меня зовут Адхэм-абый.

— Сулейманович?

— Да, сын Сулеймана. Снимайте пальто. Давайте я повешу на вешалку. Дания обрадовалась: значит, ее поиски не напрасны. Она взглядом обвела комнату.

Только что на улице, несмотря на приближение вечера, было светло, весь мир был чист и уютен. В темной передней Дания словно перешагнула через то место, где день соприкасался с ночью, свет — с тьмой; здесь царил беспорядок, неуют, запущенность. Печь давно не белили, обои местами свисали полотенцами, пол черный, в углах паутина. Со всех сторон выглядывала безнадежность, желтая тоска...

Дания удивленно оглянулась и... не узнала Адхэм-абый. Вместо симпатичного мужчины средних лет теперь на нее смотрел голубыми глазами из-под красных век, с редкими и белыми, как гусиный пух, волосами худой дед. Миловидность, крепость, решительность он будто снял вместе с ушанкой и шубой и повесил у двери.

— Проходите, садитесь, — кивнул он на табурет у стола. Сам сел напротив Дании, сложив тяжелые костлявые руки на клеенке, покрывавшей стол, вытянул шею. — Мне не пришлось видеть Тукая, — произнес он тихо, но твердо, не оставляя места для сомнений. — Мы учились в разных медресе*. Не могу утверждать того, чего не было. Не видел, значит, не видел.

Дания сделала движение, чтоб встать. Других вопросов к этому человеку у нее не было. Адхэм-абый, подняв голову, потянулся к ней и как-то тихо, доверительно произнес:

— Но я его очень люблю. Жить не могу без его стихов.

Очень хорошо, но какой смысл приезжать в Уральск, чтобы найти человека, любящего Тукая? Дания сама и ее мать любят Тукая. И вообще, есть ли на свете татарин, который не любил бы Тукая?

Адхэм-абый тоже шевельнулся и твердым голосом, каким разговаривал во дворе, сказал:

— Погодите, не спешите! Сейчас поставлю чай. Разве можно отпустить без чая гостью, приехавшую из самой Казани!

Дания не хотела засиживаться. Она собиралась сегодня вечером в театр. Однако голос Адхэм-абый был так искренен, и вдобавок чувствовалось, что он хотел сказать что-то очень важное. Дания не могла противиться.

Он прошел на кухню, отгороженную досками, зажег керосинку, поставил чайник. Встав на табурет, с платяного шкафа снял трехлитровую банку с вареньем.

— Из собственной клубники. Сам варил, — сказал он. Потом из кухни вынес кусок пирога, завернутый в газету. — А это позавчера племянница принесла. Счастливой вы оказались, пришли, когда у меня достаток.

Пирог был черствым, варенье — несколько прокисшим. Но Дания не сетовала.

Адхэм-абый сел за стол, взял книгу и тихим голосом стал читать:

*Я теперь цвета предметов по-иному видеть стал.
Где ты, жизни половина? Юности цветок увял.
Если я теперь на небо жизни горестно смотрю,
Больше месяца не вижу, светит полная луна.
И с каким бы я порывом ни водил пером теперь,
Искры страсти не сверкают, и душа не зажжена.*

* Медресе — мусульманское духовное училище.

Дойдя до этого места, Адхэм-абый остановился, вытянул шею, испытующе и неловко посмотрел на Данию, будто вопрошая: не сердитесь ли за то, что читаю столь грустные стихи?

— Адхэм-абый, извините... Вы давно так... одиноко живете?

Сама не ведая, этим вопросом Дания разом открыла все створы души старика. Да, именно этот вопрос она должна была задать ему после строк Тукая. Поэт, ушедший в двадцать семь лет из жизни, написал свое стихотворение, обмакнув свое гениальное перо в горе, тоску, душевные чувства человека, состарившегося через долгие годы после его ухода...

В нескольких словах Адхэм-абый поведал историю своей жизни: два года тому назад его жена ушла в мир иной. А единственная дочь живет в Сибири с мужем и двумя детьми. Старик погладил книгу, словно говоря: про остальное можно прочесть здесь.

Дания вновь обвела комнату взглядом: в каждом углу гнездились сиротство и безнадежность. Чем темнее становилось за окном, тем сильнее чувствовалась заброшенность в доме...

— Вам надо жениться, Адхэм-абый. Покойницу не вернешь. Живой человек должен думать о жизни. Вдвоем вам будет жить легче.

Красные веки Адхэм-абия раскрылись настолько, насколько могли, и глаза уставились на Данию, словно желая проникнуть в ее душу. Она не поняла его, но видела: старика что-то угнетало.

— Или вы не можете найти по душе?

Адхэм-абый сделал движение, словно проглотил ком, опустил голову и тихо заговорил:

— Да я многого и не требую. Сам бы все делал: убирать в доме, вскипятить чай. В саду есть виноградник, сам ухаживаю за ним. Лишь бы было с кем словом перемолвиться, да и чаевничать вместе... Мне и этого достаточно. Будь рядом просто человек, теплее было б на душе.

— Ну так женитесь!

— Вот вы так говорите... А моя дочь думает иначе. Она передала через родных: мол, в моем возрасте и думать об этом неприлично. Возможно, и правда, неприлично...

— Старому человеку подруга очень нужна, Адхэм-абый! Заболеете, кто будет ухаживать, а расстроитесь, кто утешит? Зачем спрашивать у дочери?

— Так нельзя. Нельзя... Она ведь моя дочь. Если она против, это же ужасно!

Адхэм-абый посмотрел на нее с такой печалью и благородством, Дания даже вздрогнула.

— Ну что вы! Разве вы — первый?

— Вот вы вроде одного возраста с моей дочерью. Что бы вы сказали на ее месте?

Дания уже открыла рот: мол, скажу то же самое. Однако, взглянув в честные глаза Адхэм-абия, опустила голову.

Несколько лет тому назад умер отец Дании, мать осталась вдовой. Живет она с младшим сыном, помогает растить внуков. Если вдруг она заявит: “Выхожу замуж”, — разве это не покажется Дании смешным, странным, даже глупым? Дания даже представить не может, чтобы ее мать жила с чужим человеком! Нет, это невозможно, ее мать не изменит памяти отца!.. Да-да, многим такой поступок родителей может показаться изменой. Если Адхэм-абый приведет чужую старушку в свой дом, где родилась и выросла его дочь, — разве для нее не будет это изменой отца?

В молодости мы своей меркой измеряем и глубину чувств, и горечь печали. Но, старея, видим, что мерки-то совсем иные. Самые тяжкие невзгоды молодости нельзя сравнить с горем старости. Молодость считает себя вправе требовать любви, счастья, но лишает этого права старости, а старость, оказывается, бывает и стеснительной, и благородной.

— Может быть, мне написать вашей дочери и все объяснить? — спросила Дания.

— Нет-нет. Я с вами откровенен, потому что мы не знаем друг друга. А моя дочь может обидеться.

Адхэм-абый отвернулся, чтоб скрыть слезы. Потом он показал книгу в голубом переплете, которую все еще держал в руке:

— Не читают Тукая, не знают. Я ей послал книгу, в некоторых местах подчеркнул. А она, возможно, даже не открывала ее.

— Должна понять... Возможно, поймет еще, — проговорила Дания.

Когда она простилась со стариком, темнота уже окутала все вокруг. Ущербная луна пыталась светить, но навевала лишь печаль, ясней на душе не стало.

Дании вспомнились строки:

*Если я теперь на небо жизни горестно смотрю,
Больше месяца не вижу, светит полная луна.*

Конечно, это — не полная луна, а бледнолицая, ущербная, поблекшая луна на небосклоне Адхэм-абья!

Видит ли эту луну женщина в далеком сибирском городе, дочь Адхэм-абья?

Двое детей, муж, да, наверно, еще и работает. Когда ей интересоваться лунной? Ну вот, скажем, что она делает в эти минуты? После работы настоялась в очередях в магазинах и вернулась домой. Возможно, в детский сад за ребенком заходила. Впопыхах готовит ужин, ласкает детей, жалуется, что дел невпроворот. Но отними ты у нее эти заботы, освободи ее от этой кабалы, и дни для нее превратятся в желтую тоску. Однако найдется ли у нее время сесть, подумать об отце, прочесть книгу стихов, посланную отцом? Хватит ли у неё чуткости понять из подчеркнутого то, что хотел сказать ее бедный отец? Нет, наверно. Зря, видно, ждет Адхэм-абый...

Дания больше не видела Адхэм-абья. Примерно через месяц молодой ученый остановил ее в коридоре:

— Вам привет от Адхэм-абья!

— Вы его знаете?

— У меня родственники живут в Уральске.

— Он не женился?

— Я этим как-то не интересовался. Можно разузнать.

— Передайте от меня привет, пожалуйста!

Через несколько месяцев коллега вновь подошел к ней:

— Знаете, ведь Адхэм-абый умер.

— Что вы говорите! Вы не знаете, не женился ли он?

— Родные ответили: нет.

— От чего же он умер? Крепкий же еще был. Виноград выращивал. Выходит, не дождался в этом году ягод...

Ученый пожал плечами. Он не знал, от чего умер старик. Но Дания была уверена: не вынес одиночества. И она представила тот сиротливый дом, где из каждого угла выползала тоска. Был ли кто рядом, чтоб подать последний глоток воды?

С течением времени Дании стало казаться, что Адхэм-абый, сам того не сознавая, открыл ей тайну поэзии. Слушает ли она песни, читает ли стихи, душа ее веколыхнется, становится чуткой и восприимчивой. Словно в песне или стихотворении прячется человек, нуждающийся в помощи Дании, а возможно, просто в теплом слове, будто в них кроется тайна чьей-то души, которую так трудно поведать другим.

*Перевод с татарского Розы Фаткуллиной.
Стихи в переводе Анны Ахматовой.*

АЛМАЗНЫЙ БЛЕСК ТАТАРСКОГО СТИХА

ГАРАЙ РАХИМ

У ПАМЯТНИКА ТУКАЮ

В канун ухода, в траурные дни,
щемяще распускает листья ива...
Тукай, Тукай, на город свой взгляни!
Не правда ли, Казань теперь красива?

Весною вдохновение и страсть
угасли, и застлала небо туча...
Угас твой гений, не воспевший всласть
серебряные росы Кушлауча...

Ты горевал, когда народ родной
стонал в ярме, — и жаловались строки,
но против черных сил вставал стеной
и с гневной страстью бичевал пороки...

Людская чернь и глупость, хохоча,
глумилась над твоим волшебным сазом*,
но тотчас вдохновенная камча
взвивалась вверх, клеймя всю нечисть разом!

В апрельские ты нас покинул дни...
Щемяще распускает листья ива...
Тукай, Тукай, на город свой взгляни!
Не правда ли, твоя Казань красива?

Ты заслужил свой вечный пьедестал.
Ты песней на устах народа стал.

Перевод Равиля Бухараева

---

* Саз — струнный музыкальный инструмент.

НА УЛИЦЕ ТУКАЯ

В один из дней ненастных февраля
Я вновь ступил на улицу Тукая.
Метель метет, метет не утихая,
Но в мыслях ясность голубого дня,

Колес трамвайных бойкий перестук,
Неугомонность в голосах заводов, —
Я песню жизни слушаю вокруг,
Вплетенную в метельный вой природы...

Бывал я в разных уголках земли,
В Сибири, на Кавказе, на Урале...
Где только мои мысли не бывали.
Но пробил час — на родину пришли.

Перевод Розы Кожевниковой

МУХАММАТ МИРЗА

СОДРОГНУЛАСЬ ЗЕМЛЯ

*...продолжались сильные
землетрясения.*

Из газет

Плоть земли сотряслась до корней,
Напряглась — кровь вот-вот потечет.
В новостях, как итог черных дней,
Мир ведет на экранах подсчет.

В новостях, как итог скорбных дней,
У флагштоков всесветный поклон,
Монотонные цифры смертей
Овеваются крепом знамен.

Содрогнулась земля от стыда
За людского распутства века,
Захотев улететь навсегда,
Но узда у орбиты крепка.

Горе катится с разных сторон,
Рвутся струны планетной души,
И в объятиях вечности звон
Не стихает в межзвездной тиши.

ШАУКАТ ГАЛИЕВ

ТЕПЛО ЗЕМЛИ

Блестит тяжелым зеркалом лемех.
Босым ногам тепло в земле прогретой.
Пусть нелегко, но я — счастливей всех,
навек запомнилось мне чувство это.

За бороздой ложится борозда.
Спешат крикливые грачи за мною...
Я устал, но именно тогда
мне стало дорого тепло земное.

Имею право написать сейчас,
что мне земля моя близка до боли.
Его я заработал — и не раз,
идя за плугом по родному полю.

Перевод С. Мальшева

САЛИСЭ ГАРАЕВА

* * *

Имя твое — солнце во мне.
Шепчут его листья в окне.
Шепчут дожди. Шепчут снега.
Шепчут зеленые берега.

В звонком ручье имя журчит.
В вешней воде имя блестит.
Имя — на крыльях кочующих птиц,
Не забывающих милых границ.

Имя твое
хмурый Урал
В клинопись скальную зарифмовал.
Пишут березы листвою на ветру
Имя, с которым живу и умру.

Перевод М. Аввакумовой

РОБЕРТ МИННУЛЛИН

* * *

Как удивительно, как странно:
Я по ночам пишу стихи...
В душе — кипение бурана,
Лесов летящие верхи.

И в ней же — синева без края,
Сияющая тишина,
Печаль высокая такая,
Что поневоле не до сна.

Влюбленность это или старость, —
Но я свободен до утра...
В мои года и боль, и радость
Рассудку бы смягчать пора.

Днем демонстрирую разумность,
Во всем покорствую врачам.
А ночью возвращаюсь в юность
И сочиняю по ночам.

Перевод С. Малышева

ФАЙРУЗА МУСЛИМОВА

ЗИМНИЙ РОДНИК

На белом снегу голубую тенью
Еловых ветвей кружевная шаль.
Опять беспокойна моя душа —
Журчит ручейком под морозной сенью
Зимы. А дело уже к весне. —
По белым сугробам я вновь бреду
Вдоль тонкого русла, что точит снег
И стынет узором на синем льду,
Теря в изломах холодный блик,
Мгновенный и тихий прощальный свет.
Зима, не спеши уходить! Мой родник,
Быть может, пробьется еще сквозь снег.

Перевод А. Гайсиной

ФАВЗИЯ СОЛТАН

ВЕРА

Все меньше верю людям.
Я не могу понять:
Да сколько еще будем
Смотреть в глаза и лгать?

Я не любила с детства
Фальшивые слова.
Куда могла я деться
От слез, когда права?

Ах, сколько лжи вмещает
Обычный человек!
Опора веры тает.
Доверчивость — как снег!

Да врите как хотите,
Коль правда вам смешна...
Но мне не говорите,
Что верить я должна!

Перевод Л. Газизовой

МАРЗИЯ ФАЙЗУЛЛИНА

ФОТОГРАФИЯ

Сарба-апа сундук свой открывает,
Выкладывает скарб и достает
Со дна святыню и над ней вздыхает,
Ведет с ней разговор который год.

Качает этот снимок, как младенца,
И к сердцу прижимает, и опять
Не может на заветный наглядеться
И слезы не старается унять.

На фронт ушли два сына в день погожий,
Неся в огонь мальчишеский запал.
Один пал смертью храбрых, о другом же
Известно только — “без вести пропал”.

На снимок женщина глядит в печали,
С ним говорит и видит как сейчас:
Враз в две щеки ее поцеловали
Кровинки две — уже в последний раз...

Ей улыбаются они в минуты эти,
Живые — и войне их не отнять.
Да разве с жизнью расстанутся дети,
Пока на свете остается мать?

Перевод С. Малышева

МУХАММЕТ МАГДЕЕВ

“ПУТНИК! ВОЗВЕСТИ НАШИМ ГРАЖДАНАМ В СПАРТЕ...”

РАССКАЗ

В тот год экзаменов в школе почему-то стало больше. При окончании пятого класса дополнительно к русскому, татарскому и арифметике ввели экзамен по истории древнего мира. Это был интересный предмет, но трудный.

У Хамитуллы как раз был на носу экзамен по истории, и оставалось повторить последнюю тему — “Греко-персидские войны”. Он сидел на крыльце и читал самый интересный эпизод — о неравной схватке возле горного прохода Фермопилы, где погибли все греческие патриоты. На месте их гибели был установлен камень, на котором от имени тех, кто отдал жизнь за свободу своей родины, были выбиты слова:

*Путник! Возвести нашим гражданам в Спарте,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костями погели.*

Хамитулла читал, и ему казалось, что сражение у Фермопил — это древний братишка или сестренка войны нынешней, утопившей в крови весь мир... В это время калитка распахнулась, и во двор с обеспокоенным видом вошла Сюмбеля. Она была самой красивой девушкой в деревне, а теперь, когда всех мужчин забрали на фронт, стала еще и бригадиром.

МАГДЕЕВ Мухаммет Сунгатович (1929—1995) — народный писатель Татарстана, лауреат Государственной премии Республики Татарстан им. Г. Тукая. Автор около десятка романов, повестей. Произведения М. Магдеева до сих пор одни из самых читаемых среди татар. На русский язык переводился мало. Предлагаемый рассказ переведен дочерью писателя Гаухар Хасановой (Магдеевой).

— Как дела? — Она присела на камень рядом с мальчиком. — Готовишься?

— Да, тетя Сюмбеля, завтра в восемь утра экзамен. Уже темнеет, а дома ни капли керосина. Я дочитать не успел...

Сюмбеля тяжело вздохнула. Видно было, что она хочет что-то сказать, но не решается. Помолчав немного, девушка вдруг уткнулась лицом в колени и заплакала. Хамитулла испугался.

— Хамитулла, — сказала она, — что мне делать? Что делать?..

— Пришла похоронка на дядю Зарифа? — с детской непосредственностью предположил Хамитулла.

Сюмбеля вытерла глаза кончиком косынки и бросила на мальчика умоляющий взгляд.

— Хамитулла, родной! Сегодня в ночное послать некого! У меня ни одного человека! Завтра начинаем сажать картошку... На сегодняшнюю ночь у меня никого нет! Ни-ко-го! Вчера выходили мы с сестренкой Гульзадой. Уже вторые сутки глаз не смыкаю...

Хамитулла для себя решил сразу: завтра экзамен, значит, он не может. На рассвете он обязательно должен дочитать. Мама обещала разбудить в четыре, у него в запасе будет три часа, и он обязательно успеет все повторить. Но Сюмбеля с такой мольбой посмотрела на него мокрыми глазами...

Погоди, что же изменилось? Почему Хамитулла не может произнести заготовленную заранее фразу? Ах, да! Она сказала: "Гульзада"... Гульзада учится в шестом, в их школе нет другой девочки с такими красивыми косами...

— Ну что, как быть? Завтра начинаем сажать картошку. Если лошади заночуют голодными, им будет очень тяжело...

Хамитулла уже знал, что делать. Книжку можно почитать и там, на залежном поле, где будет пастись табун! Ведь в три утра совсем рассветет!

— Я всегда готов, — сказал Хамитулла, вставая со ступеньки. — Всегда готов! — Ему вдруг захотелось отдать салют, но он испугался: а если тетя Сюмбеля рассмеется? А потом еще расскажет Гульзаде! Ему стало стыдно оттого, что он смешался и ответил не так, как следовало. Такие слова говорят только на пионерских сборах. Разве можно отдавать салют, стоя на травке возле собственного крыльца?

...Сорвав лист конского щавеля, росшего вплотную к крыльцу, Хамитулла заложил страницу и закрыл "Историю древнего мира"

...Ровное залежное поле, начинавшееся сразу за конюшней и уходившее прямо к лесу, было густо пропитано вечерними сумерками. Лошади с шумом выбрались из загонов и, кажется, даже не заметив присутствия Хамитуллы, двинулись к полю, толкая друг друга худыми боками. Они шли неровной рысцой, то и дело спотыкаясь, у двух-трех в брюхе от тряски раздавались хрумкающие звуки; земля, покрытая росой и источающая легкий пар, чуть дрожала от их топота.

Хамитулла ехал верхом на колхозной лошади по кличке Армия. Держась за ее густую гриву, мальчик ощущал себя очень маленьким и беспомощным. Лошадь была худой, крупнокостной и длинноногой, а еще она была довольно старой, а потому спокойно рысила в середине табуна, не стараясь вырваться вперед. Лишь когда за пеленой тумана сплошной стеной обозначился лес, лошади внезапно все разом повернули вправо, остановились, зафыркали, потоптались на месте и начали лениво щипать росистую траву.

Хамитулла с немалым трудом спустился со спины высоченной Армии. Лошади с фырканьем растворились в вечернем тумане, половина из них была каурой масти, и их Хамитулла вскоре перестал видеть вообще. Его спину приятно согрел хлеб, только что испеченный матерью из муки вперемешку с лебедой. А еще Хамитулла всю дорогу с удовольствием вспоминал, что в его маленьком заплочном мешке лежит "История древнего мира". На обложке учебника было написано: "Под редакцией проф. Мишулина". Мальчик пока не понимал, что такое "проф.", но твердо знал: как только рассветет, он обязательно должен прочитать один раздел этого учебника и, как сын солдата, получить "пять" и в тот же день написать отцу на адрес полевой почты.

Лошади, держась плотной группой, совсем исчезли в сером тумане, Хамитулла остался стоять один. Он помнил, о чем тетя Сюмбеля предупредила его на прощание.

— Ради бога, не пускай их в рожь, — сказала она. — Сейчас рожь начала стеблеваться, если лошади объедятся, то погибнут.

Нет, Хамитулла, конечно, не пустит их туда. Поэтому он сел на меже возле ржаного поля. От росистой травы пахло алтеем, осотом, подорожником; этот запах щекотал ноздри, от него почему-то клонило в сон и голову тянуло к коленям... Приложив некоторые усилия, Хамитулла встал. Придется провести ночь стоя. Тетя Сюмбеля сказала, что если лошадь или корова хотя бы пятнадцать минут поедят мокрую озимь, то спасти их будет уже нельзя. И потому Хамитулла встал прямо около межи.

Совсем рядом пофыркивали лошади, воздух вокруг был наполнен монотонным хрумканьем, и этот звук имел какое-то свое усыпляющее воздействие. Ритмичные звуки словно убаюкивали Хамитуллу, его колени то и дело подкашивались, и он с трудом удерживался на ногах. Перед глазами вдруг расплылась какая-то белая, словно молоко, масса... Ах, нет, это не молоко, а синевато-белое облако спустилось с неба и льнет к лицу и глазам мальчика, тянет вниз веки и подгибает колени. Между тем общее хрумканье становится ближе, в синевато-белом облаке начинает угадываться большая серая тень, и Хамитулла до рези в глазах вглядывается в нее.

Большая серая тень оказалась Армией... За нею показались еще две-три серые тени, затем их стало еще больше — это табун приближался к ржаному полю. Хамитулла щелкнул веревочным кнутом, и этот звук словно вырвал его из объятий сладкого сна. Однако лошади неудержимо двигались в сторону поля — от росистой озими тянуло чудесным и пьянящим запахом, от которого в горле саднило, — пахло солодом и хлебной коркой — значит, лошади шли на запах.

Хамитулла завернул одну лошадь, потом другую, но вскоре уже едва успевал перебежать от одной лошади к другой; на росистой меже его лапты разбухли, шерстяные носки насквозь промокли, разбухшие оборы лаптей начали больно сдавливать ноги. Серые тени продолжали скользить в эту сторону. Хамитулла горько пожалел, что не взял кожаный кнут, оставшийся от отца. Если бы сейчас у него был кожаный кнут, достаточно было бы щелкнуть им разок возле лошадиного уха...

А серые тени словно почувствовали бессилие мальчика: для лошадиной шкуры удар веревочным кнутом — все равно что мушиный укус. Хамитулле приходилось уже не только бегать и щелкать кнутом, но и покрикивать. В густом облаке тумана его голос звучал слабо, а потому серые тени, не обращая на него внимания, начали теснить и толкать его к меже...

Хамитулла с новой силой начал бегать вдоль межи, пощелкивая кнутом перед мордой то одной лошади, то другой. Несколько раз он упал, зацепившись лаптем за стебли полевого вьюнка, обильно покрывавшего межу. Отчаянный бег, крик и удары кнутом сделали свое дело: некоторые лошади наконец поняли, что с мальчиком придется считаться. Упрямыца Армия, настырно пробивавшаяся к меже, вдруг испугалась мальчика, бесстрашно щелкавшего кнутом прямо перед ее мордой, встала на дыбы и одним махом грузно перекинула свое длинное тело назад.

Эта победа окрылила Хамитуллу. Однако вскоре он обнаружил, что охрип от крика и пропотел так, что хоть одежду выжимай. Хотелось то ли пить, то ли есть — мальчик уже не был в состоянии это понять. А до рассвета было далеко, слишком далеко. Может, немного посидеть? Передохнуть? Пускай себе идут на это поле, минут пять попасутся во ржи! Может, наедятся? Но что сказала тетя Сюмбеля? И о чем обязательно будет доложено на пионерском сборе? В ушах будто зазвучал голос отца, воевавшего сейчас в далеких украинских степях: “Сынок Хамитулла! Держись! Судьба велит нам быть стойкими!” (В своем последнем письме отец написал именно так.)

Вдруг... Вдруг Армия оглушительно заржала. К ее голосу присоединилась вторая, третья, четвертая... Сердце у Хамитуллы разом упало: лес совсем рядом, неужели, как это рассказывалось в сказках, приползла огромная

змея и ужалила лошадь? Не успел мальчик додумать эту мысль до конца, как в общий кошмар вплелся тонкий жалобный голосок:

— Ми-хи-хи-хи-и-и-и!

Это кричал жеребенок желтой кобылы. Сколько ни старались они в коюшне отогнать жеребенка от матери, им так и не удалось это сделать. Между тем из серых теней вдруг образовалась большая волна: лошади разом резко перекинули тела назад и, ударяясь друг о друга боками, мордами, копытами, сгрудились в единое сплошное облако и замерли. Теперь слышны были только непрерывное фыркание и мощное дыхание, от которого содрогалась земля.

Внезапно все вокруг пронизал запах конского пота, и этот горячий сладковатый запах словно растворил густой туман. Установилась тревожная тишина. Но не надолго: лошади снова зафыркали, и вновь послышался жалобный плач жеребенка. Его голос почему-то доносился откуда-то издалека — словно из-под стога сена. Хамитулла понял — лошади спрятали малыша в самом центре круга.

В то же мгновение что-то случилось: маленькая лошадь, отделившись от табуна, тенью промелькнула мимо Хамитуллы; в тумане было видно, как необычайно высоко вскидывала она при беге заднюю часть тела. Но когда тень остановилась чуть в стороне и замерла, Хамитулла оцепенел от ужаса — глаза у странной тени горели, как огонь. Лошади снова шумно задвигались, ударяясь друг о друга боками, нервно перебирая ногами и дрожа. Хамитулла, не успев ни о чем подумать, бросился к ним и, расталкивая конские животы, протиснулся внутрь круга. Малыш-жеребенок оказался там. Из конских ноздрей валил пар, раздавалось оглушительное фыркание. А в центре, под двенадцатью фыркающими лошадиными головами, стояли месячный жеребенок и двенадцатилетний мальчик.

Хамитулла в детстве не раз слышал, что при нападении волка лошади берут жеребенка в кольцо. Так вот как это бывает! Что же теперь делать? Если бы у него были спички, то можно было бы попытаться разжечь огонь. Остаться в этом положении было очень опасно: если волк резким движением напугает лошадей и они разбегутся, то жеребенок может погибнуть. Тогда Хамитулла решил кричать: может, в деревне услышат, ведь расстояние небольшое, всего-то с километр.

— Во-ол-ки-и-и! — крикнул он и удивился. Голоса не было — точь-в-точь как во сне.

— Во-ол-ки-и-и! — прошептал он, уцепившись за гриву Армии. Несмотря на туман, Хамитулла отыскал ее сразу, потому что только она была взнуздана. Лошади снова затоптались на месте, Армия ткнулась губами в землю и глубоко выдохнула, в ту же секунду Хамитулла животом лег на ее густую гриву. Когда лошадь подняла свою мощную шею, мальчик взлетел вверх и тут же сел ей на спину.

Усевшись верхом, Хамитулла огляделся и даже застонал от огорчения: два огонька безостановочно кружили вокруг табуна, выжидая удобный момент, чтобы разогнать лошадей. Значит, его цель — жеребенок! Только теперь Хамитулла понял, какая злая участь ему выпала. Если он потеряет жеребенка, то вместе с ним он навсегда потеряет свое доброе имя и будет опозорен до конца жизни. Надо было спасать малыша!

Наподдав пятками по лошадиным ребрам, Хамитулла что было силы натянул поводья. Лошадь нехотя вышла из круга. Дрожа от страха и напряжения, Хамитулла подвел ее к табуну сзади и заставил грудью толкать других лошадей. Нужно было ухитриться, оставив жеребенка внутри, двигать это кольцо по направлению к деревне. Кажется, это было вполне возможно: непрерывно фыркая, лошади двинулись вперед, а два огонька вдруг исчезли.

Однако вскоре огоньки неожиданно появились прямо перед табуном, и лошади чуть не бросились врассыпную. Тогда Хамитулла заставил Армию выйти вперед табуна. Над лошадьми поднимался горячий пар. Армия, оказавшись впереди, сначала испугалась, шумно и протяжно выдохнула, затем подняла голову и нервно переступила передними копытами, словно ошупывая землю. Страшные огоньки несколько раз перебежали дорогу, но не приблизились.

Туман тем временем немного рассеялся, и Хамитулла заметил, что уши Армии стояли торчком, как острые ножи, и словно чуть покачивались в такт дрожанию лошади. В нос ударил ветер со стороны деревни — ноздри защекогал запах хлева и домашнего хозяйства. Значит, уже близко. Но невидимый враг тоже это почувствовал, и его поведение изменилось.

Один раз он резко вынырнул прямо под носом у Армии; лошадь встала на дыбы, чуть не скинув с себя Хамитуллу, и отчаянно заржала, к ней присоединились другие лошади. Атака волка повторилась трижды, и с каждым разом Хамитулла все крепче припадал к лошадиной холке. Волк ждал момента, чтобы вцепиться лошади в горло! Еще полкилометра, еще хотя бы пять минут!

Но и волк торопился, а потому изменил тактику. Исчезнув на некоторое время, так что Хамитулла уже решил, что избавился от него, волк вдруг с огромной скоростью появился откуда-то сбоку и промчался прямо под горлом у Армии. Лошадь, страшно захрипев, сначала встала на дыбы, а потом жалобно застонала. Волку маневр явно понравился, и вскоре он его повторил. Во время третьей или четвертой атаки, не в силах более справляться с ужасом, лошадь с диким ржанием бросилась вперед и поскакала галопом. Следом понесся табун; Хамитулла слышал хрип и шумное дыхание скачущих сзади лошадей...

Наверно, деревня была уже близко: туман словно потеплел — он всегда бывает таким рядом с деревней. Армия шла ходко, но два огонька, подрезав сбоку, снова кинулись к ней. На этот раз лошадь испугалась настолько, что, встав на дыбы и содрогнувшись всем телом, сама бросилась на волка. В это мгновение большой серой стеной впереди показался силуэт деревни. Значит, лошади остались целы! Но во время последнего прыжка лошади Хамитулла сорвался с ее спины. Взъерившийся табун ураганом пронесся над мальчиком.

...Хамитулла открыл глаза. Открыл — и увидел солнце между круглыми листьями герани. Открыл — а рядом кто-то сидит с чашкой в руке. Он смежил веки. Открыл снова... Узнал: та, что держит чашку, — его мама. От этого стало хорошо. Но веки почему-то снова отяжелели. Когда сознание стало подчиняться ему, он подумал: вот открою глаза и все пойму. Открывал он их долго; на краю сакэ сидела Гульзада с заплаканными глазами. Обрадовавшись, Хамитулла облизнул губы и с трудом проговорил:

— Передай тете Сюмбеле: лошадей кормить до рассвета не получилось. — Снова проведя языком по сухим губам, добавил: — Как же я сегодня сдам экзамен? Я не успел дочитать... — И он обессиленно улыбнулся.

Гульзада, глядя на него сквозь слезы, улыбнулась в ответ. Затем, словно сообщая большую тайну, протянула какой-то сверток:

— Вот, велели передать от имени дружины. — Развернув бумагу, она достала оттуда яркий пионерский галстук из саржи. Такого галстука ни у кого в школе еще не было. Хамитулла свой галстук носил уже два года, он совсем износился, концы пообрывались, а цвет выгорел и превратился в желтый. От радости Хамитулла хотел было вскочить, но что-то будто острым ножом полоснуло его по поясище... Гульзада схватила его за руку:

— Что ты! Не двигайся! Экзамен уже позавчера все сдали! Тебя освободили. Твоему папе от имени дружины написали письмо! А тебе десять дней нельзя вставать с постели!

— Не-ет! Не-ет! — застонал Хамитулла. — Я сам хочу сдать экзамен! У меня есть учебник! Скажи учителю истории: меня попросила тетя Сюмбеля! А на озимую рожь я ни одну лошадь не пустил! Экзамен я сам сдам. Скажи тете Сюмбеле...

Он снова потерял сознание. Рядом с его подушкой лежала помятая “История древнего мира” в растерзанной обложке. Гульзада взяла в руки книгу, заправила выпавшие страницы. Открыла ту, что была заложена листом конского щавеля. Страница начиналась словами: “Путник! Возвести нашим гражданам в Спарте...”

“РАДОСТЬЮ ТОЙ ЖЕ ОТМЕЧЕН”

ЛЕНАР ШАЕХ

* * *

Из синевы небес — большой воронки
Душа поет, как жаворонок звонкий.
Не спрашивайте: “Где сегодня он?” —
Я на вершину счастья вознесен!

В грудную клетку сердце птицей бьется —
К любви душа неудержимо рвется.
Не думайте, мол, где-то он пропал —
Любви седьмое небо я познал!

Я рядом с вами, близко — но вперед
Игривый конь мечты меня несет.
Не отставайте! Победим бескрылость —
Мечты седьмое небо мне открылось!

Белее облаков мои мечтанья,
Стою на перекрестке мироздания.
Не спрашивайте: “Где? Куда ушел?” —
Седьмое небо жизни я нашел!

Перевод А. Каримовой

РУСТАМ МИНГАЛИМ

ЗАПАХ ЯБЛОКА

Я счастливым таким давно уже не был —
словно стали подвластны мне дали и шири.
Улыбаюсь, гляжу в просторное небо,
удивляюсь: как яблоком пахнет в мире!

Слышу — кто-то меня окликает сзади,
а другой с улыбкой шагает навстречу,
и любой, кого я увидел за день,
мне родной — он радостью той же отмечен.

Старик
                    золотую рыбку зовет,
а та — ни гугу...
                    Ах, седины, седины!
Играет река,
                    что-то шепчет свое,
сливая весь мир воедино.

Перевод Рустема Кутуя

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

“В начале было Слово...”
Евангелие от Иоанна

...и вдруг приснился Юрий Кузнецов,
и был он тих, задумчив и печален:
— Мне дела нет до подвигов отцов,
я слышу отзвук Слова, что в Начале
вдохнуло жизнь, с землей связало высь.
В мирских грехах я перед ним не каюсь,
но нити, что в веках оборвались,
я вновь связать на небесах пытаюсь.

РКАИЛЬ ЗАЙДУЛЛА

* * *

Слова свой вес теряют,
Как марево легки...
Туберкулез Тукая —
Вот плата за стихи.

Что будет после смерти?
Как прорастут слова?
Цена стихов Джалиля —
Его же голова.

Иной поэт горстями
Несет стишки свои.
Взгляд ссыльного Туфана —
Вот плата за стихи.

Бессмысленно стучатся
В бессмертия врата.
Бродягу Мударриса
Вела своя звезда.

Когда же оборвется
И на бумаге след,
Из пелены забвения
Рождается поэт.

Перевод Л. Газизовой

ОЛЬГА ЛЕВАДНАЯ

ИЗ КРИКА ПТИЦ РАСТУТ ВОСПОМИНАНЬЯ

Я люблю белоликую Казань,
ноги которой
омываются живительными водами,
зацелованный снегом Кремль,
еще благоухающий осенней листвой,
и разъятая площадей,
подобные страстному прощанию,
и веснушчатые дома
под гривой серебристых тополей,
и набожное свечение
городских фонарей,
и людей,
величественно несущих свое прошлое,
и крик птиц,
из которого растут наши воспоминания.

ЛИЛИЯ ГАЗИЗОВА

* * *

Двойная нагрузка на сердце —
На русском писать языке.
А бабка моя по-татарски
Молилась, сжав чётки в руке.

Я часто с ней рядом сидела.
Земные поклоны клала.
И помню я бабкино тело
Стройное, словно стрела.

Татарские, русские мысли —
Вы, в сущности, все об одном.
Хотя никогда не сойдутся
Земной полумесяц с крестом.

Поверьте, великое счастье —
На русском писать языке!
Но в памяти — всё-таки чётки
В упрямой и тёплой руке.

ТУФАН МИННУЛИН

ПРОКЛЯТЫЙ

РАССКАЗ

“3 января 1891 года казанский купец Шамсутдин Сагадеев поехал гласным в Думу. Встретившись со мной перед отъездом, купец в конце разговора как бы мимоходом заметил:

— Говорят, Евфимий Александрович, что Гарай Ахмеров крестился. Только я недавно на вашей даче был, виделся с Гараем. Не крещеный он еще; говорил, что деньги себе на хлеб зарабатывает. Вот и пойми нас, татар... Да и как можно человека крестить насильственно?..

— Конечно, конечно... Нехорошо крестить насильно, — ответил я, прощаясь с ним”.

Записав в свой дневник эти слова, профессор Казанской духовной академии миссионер Евфимий Малов задумался. Заново перечитав написанное, он вслух повторил последнюю фразу: “Нехорошо крестить насильно...”

Вспомнилась недавняя неловкая беседа с ректором духовной академии Николаем Ивановичем Ильминским. Внешне респектабельный, вежливый, интеллигентный, Николай Иванович на самом деле обладал натурой грубой и резкой, и это качество временами взламывало тонкие стенки искусственной интеллигентности. Кроме своих несомненно глубоких знаний, ректор отличался еще и хитростью, коварством. Впрочем, это и понятно: ведь Ильминский послан был самим Петербургом проводить русификаторскую политику в киргизкайсацких и татаро-башкирских краях.

МИННУЛИН Туфан Абдуллович родился в 1935 году в д. Большое Мереткозино Камско-Устьинского района Республики Татарстан. Окончил Театральное училище им. М. С. Щепкина (1961), Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького (1977). Автор более сорока пьес, которые ставились в театрах Татарстана и России и выходили отдельными книгами. Лауреат республиканской премии им. М. Джалиля, Государственной премии им. Г. Тукая и российской Государственной премии им. К. Станиславского. Народный писатель Республики Татарстан.

Несколько дней назад Николай Иванович отчитал Малова как мальчика:

— Плохо работаем, Евфимий Александрович. Даже новокрещенные стали возвращаться в ислам, а мы что делаем? Сидим сложа руки, а?

Ректор вспомнил неопфита из татар, пожелавшего креститься — Сахипгарай Ахмерова.

— Мы упускаем даже то, что само идет к нам в руки, — назидательно продолжал он. — Нужно было быстрее завершить работу с Ахмеровым, чтобы он в ближайшее время официально принял христианство. Чтобы и другие брали с него пример...

Малов попробовал возразить, что как положительный пример Ахмеров вряд ли подходит, но Ильминский лишь еще более повысил свой менторский голос:

— Нам нужна не личность Ахмерова, а его имя, нужен факт, что сын муллы и бывший шакирд медресе добровольно принимает христианство. Поймите, что мы с вами не просто миссионеры, но и политики. И знайте, наконец, что наша цель — привести к русскому знаменателю все нерусские народы России. В единой и неделимой державе, именуемой Россия, должна быть лишь одна великая нация — русская. Для осуществления этой цели в первую очередь нужно приобщить все российские народы к единой религии — православию. Вникните, уважаемый Евфимий Александрович: сегодня нам необходимо иметь как можно больше таких Ахмеровых. Не время выбирать и привередничать...

Малов сунул дневник в ящик стола, встал с кресла, размял затекшие от долгого сидения члены и вдруг увидел в окне идущего к его дому Ахмерова.

Гм-м... Что бы ни говорил Ильминский, но не лежала у Евфимия душа к этому шакирду. После каждого разговора с этим сыном муллы в душе Малова оставался какой-то неприятный осадок, чувство недовольства, несогласия.

Да, Николай Иванович прав — им необходимо, чтобы Ахмеров крестился. Нужно его новое, православное имя. Однако дело все же не в имени, а в сути. Ведь, кроме имени, человек имеет и душу. О, как хотелось бы завладеть не только именем, но и душой человека! Тогда неизмеримо ценнее оказался бы и сам факт крещения, и Ахмерова действительно можно было бы преподнести мусульманам в качестве яркого, “положительного” примера.

В дверь постучали.

— Войдите, — пригласил Малов. Вошел Сахипгарай и, преклонив колени перед Евфимием, поцеловал ему руку.

— Хорошо ли живете, отец? — поздоровался будущий новокрещенец.

— Благодарение Господу, живем его милостями, Петр, — ответил профессор.

— Не спешите менять мое имя на христианское, — поправил миссионера Сахипгарай, — ведь я официально еще не принял вашей веры. Пока еще я — Сахипгарай Ахмеров.

С этими словами молодой человек повернулся к иконе и принялся креститься. Громко, чтобы слышал отец Евфимий, читал он “Отче наш”, бил поклоны, стучаясь лбом о пол, истово крестился...

Профессор не выдержал:

— Не слишком ли ты усердствуешь, Ахмеров?

— А я такой, отец Евфимий, — отвечал Сахипгарай, не отрывая глаз от иконы. — Если меняю веру, то делаю это не корысти ради, а по искреннему убеждению. Прежде чем посвятить душу великому учению Христа, я поклялся беспрестанно молиться во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Малов, уже довольно хорошо успевший изучить всю подноготную своего подопечного, с некоторым удивлением слушал его разглагольствования. Всё же он подошел к Сахипгараю и, стараясь не выдавать своих мыслей, с улыбкой возложил длань на плечо крестившегося. Кто знает, может, осенила юношу мысль благочестивая и понял он, насколько важен в жизни человека акт крещения, забвения одной религии ради принятия другой, истинной...

— Хочется верить в искренность слов твоих, помыслов твоих, сын мой, — сказал Евфимий, положив ладонь на лоб ученика.

Некоторое время они стояли рядом, созерцая икону Николая Угодника.

Вдруг профессорские ноздри уловили тяжелый, характерный неприятный запах.

— Опять вышил, — поморщился Малов и поспешил отойти от Сахишгарая. Ахмеров встал с колен, отряхнул брюки и буркнул, косясь на сидящего в кресле профессора:

— Не сегодня. От вчерашнего это...

— Много пьешь. В последнее время тебя редко можно видеть трезвым. Смотри, пьянство к добру не приведет, — заметил Малов, стараясь не глядеть в лицо Ахмерову.

— От мук душевных пью, отец...

— Отчего же душа твоя мучается? Ты наконец-то вышел на путь истинный, значит, не болеть, а радоваться душа твоя должна.

— Конечно, спасибочки вам, отец, за то, что наставили меня на путь истинный, хотя кто в этом мире знает, что истинно, а что — нет. А душа моя до сих пор беспокойна. Несколько поколений моих предков веровали в Аллаха, единого и милосердного, в пророка его Мухаммеда, мир ему и благоденствие, а я вот под влиянием ваших проповедей сбился с пути предков и встал на ваш путь.

— Не на мой путь, а путь истинный.

— Почему? Разве ваш путь — не истинный путь?

— Я так не говорил. Над нами есть высшие силы...

— Ну да, конечно: Бог, в которого мы веруем, его Сын и Святой Дух...

— Поэтому пусть душа твоя будет спокойной, сын мой.

Сахишгарай поморщился:

— Так-то оно так... Но живем-то мы в грешном мире, отец Евфимий. От меня, например, уже отвернулись все родственники и друзья. Знакомые перестали со мной здороваться.

— А ты не придавай сему особого значения. У тебя будут новые друзья, ведь мы с тобой, считай, почти сроднились. Единство духовное, общая вера сроднила нас... Ну, а в Казани какие новости?

Обрадованный, что разговор перешел в другое русло, Сахишгарай растянул рот в улыбке и с удовольствием начал перечислять "свежие новости":

— Хорошие вести: Галимджан мулла выгнал из своего медресе восемь шакирдов, Аглям мулла, что из Апанаевской мечети, исключил троих, а Бурханутдин хазрет — пятерых шакирдов. Кто знает, возможно, изгнанные шакирды вскоре предстанут перед вашими очами, чтобы вы наставили их на путь истинный. Глядишь, и число крещеных татар увеличится на 16 голов, а вы удостоитесь похвалы его преподобия Ильминского. Да что Ильминский — может, сам царь вам медаль пожалует!

— Много говоришь, сын мой... По какой причине изгнали шакирдов?

— Хм-м... Причина известная: гулянки, пьянки, прелюбодеяния, лень, нерадивость. Все это считается у мусульман страшным грехом, а вам, наоборот, как раз таких и подавай. Испортившиеся, опустившиеся татары — это лучшая дичь для ваших стервятников, не так ли, отец мой Евфимий?

И Сахишгарай рассмеялся мелким, неприятным смешком. Профессор с отвращением смотрел на него. До чего же, право, противный этот татарин: какой-то недоделанный. Не мужик, не баба, все черты какие-то расплывчатые, скользкие, неопределенные. А уж липучий какой... К руке прикладывается — будто собака ее облизывает, так и хочется по рту ударить. И смех какой-то ненормальный — с надрывом да пристыном, не поймешь, то ли мужчина, то ли женщина смеется. А может, он этот... гермафродит? Тьфу ты!.. Боже, помилуй мя...

Ахмеров внезапно замолчал и посмотрел Малову прямо в глаза, словно пытаясь по глазам прочесть профессорские мысли.

— А не любите вы меня, отец, — вкрадчиво сказал он. — Вы даже презираете меня, верно?

Профессор не ответил.

— Почему же молчите? Или расхотелось уже со мной калякать? Может, уже раскаиваетесь, что допустили меня до ваших очей? А ведь в Библии написано: "Возлюби ближнего своего".

— Много говоришь, сын мой. Пустословишь.

— А зачем же вы такого пустобреха, такого отвратительного человека, как я, изо всех сил стараетесь приобщить к своей религии? Греха не боитесь? Может, вы меня еще воспитывать собираетесь? Эдакого агнца из меня сотворить?

Но учтите — я не агнец, а волк. И вы — тоже волк. Впрочем, возможно, я не волк, а лисица...

— Не юродствуй, Сахишгарай.

— Нет, я уже не Сахишгарай, а Петр. А у этого Петра голова болит с утра. Поэтому я сердит и зол. У вас, надеюсь, есть лекарство для Петра, у которого голова болит с утра. Молитва — это, конечно, хорошо. Но если можно было бы опохмелиться лишь посредством крестных знамений, то все церкви мира уже с утра были бы переполненными.

Терпение Малова, казалось, вот-вот лопнет.

— Нет у меня водки, нет. Здесь не кабак.

Ахмеров обмяк.

— Вот как? Что ж, извиняюсь, отец Евфимий. Тогда я пошел, — он направился к двери, но выйти из кабинета медлил, словно ожидая, что его остановят.

Малов молчал.

— Ну, так я пошел, — повторил “Петр”.

— Пошел к черту! — не вытерпев, закричал Малов.

— Ладно, ладно... К нему и пойду. Тем более что он, чертяка эдакий, меня давно уже ждет. Раз и вам я не нужен, куда мне деться, как не к черту? А я, глупец, снисхождения, милости от вас ждал, думал, что поможет мне отец Евфимий выйти на истинный путь.

— Я прекрасно знаю, о чем ты в действительности думал.

— Лишь вы занимаете мои мысли, отец Евфимий.

— Хватит паясничать, Ахмеров.

— Значит, вы не верите в мою искренность? Как же мне быть? Выходит, я ошибся. Ошибся, отказавшись от веры моих предков. И у вас нет места для человека неприкаянного, заблудшего. Отчего мир так жесток?

Сахишгарай снова подошел к иконе, встал перед ней на колени и истово запричитал:

— О, Господи! Не в ярости Твоей обличай меня и не в гневе Твоем наказывай меня. Помилуй меня, Господи, ибо я немощен; исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены; и душа моя сильно потрясена; Ты же, Господи, доколе? Обратись, Господи, избавь мою душу, избавь душу мою, спаси меня ради милости Твоей...

И Ахмеров без остановки, без единой запинки прочитал несколько псалмов из “Псалтыря” Давида.

Малов смотрел на Ахмерова в изумлении и думал о том, как щедро одарил Бог талантами этого татарского дьяволенка. Почти машинально поднялся он с кресла, открыл шкаф, вынул и поставил на стол графин с водкой и рюмку.

Сахишгарай быстро поднялся и подошел к столу. Выпив подряд три рюмки, он замер в ожидании скорого опьянения. Потом облегченно вздохнул, просветленно улыбнулся и опустился на второе кресло, напротив Евфимия Александровича. Сахишгарай стало так хорошо, что он блаженно закрыл глаза.

— Ты, кажется, спать собрался, сын мой? — заметил Малов.

— Нет, отец, — мотнул головой Ахмеров. — Спать я буду в другом месте. Русских девиц для татарского выкреста предостаточно.

— Если будешь продолжать в таком же духе, выгоню, — предупредил Евфимий.

— Конечно, конечно, выгонишь... меня всюду гонят, — спокойно ответил Ахмеров, откидываясь на спинку кресла и взглядом упершись в потолок. — Из рая меня тоже выгонят. Как из мусульманского, так и из вашего, христианского. Да, отец Евфимий, бывают же и такие, кто создан, предназначен для того, чтобы их отовсюду гнали...

Ахмеров немного помолчал в задумчивости и вдруг тихим голосом начал читать мусульманскую молитву:

— Бисмиллахи иррахмани иррахим, мине шайтан ирразим. Альхамделлилияхи раббел галямин. Иррахмани иррахим. Малики йауметдин...

Так прочитал он суры “Фатиха” и “Ихлас”, потом снова в упор посмотрел на профессора, встал, выпил еще одну рюмку водки, налил вторую...

Малов поспешил убрать графин в шкаф.

— Опьянешь, сын мой, — хмуро предостерег он.

— А я и хочу опьянеть, отец Евфимий. Зачем, по-твоему, пьют водку? Знаю, знаю, что хочешь сказать: мол, пьянство к добру не ведет, пьянство — это грехопадение. И хазрат в мечети говорит, что пить нельзя. А я говорю: можно! Значит, я выше вас обоих, выше и христианина, и мусульманина. Мне все позволено. Вы передо мной — соринки! Вы боретесь за мое имя. Одним я нужен как “Петр”, другим — как “Сахипгарай”. Каждая из сторон претендует на господство мною. А я не хочу подчиняться ни одной стороне. Мне хочется быть самим собою. У меня свой бог есть. Никто из вас не знает, что за бог живет в душе моей. Может, я сам себе и есть бог. Вот ты, стервятник веры, хочешь купить меня водкой. Что ж, я с удовольствием продамся тебе. На, бери меня! Но я продаюсь тебе, смеясь над тобой, плюя тебе в лицо. Ты, конечно, в душе своей места не находишь от гнева и возмущения. Но куда ты денешься? Если ты потеряешь меня и мне подобных, тебе деньги перестанут платить, голодным оставят, верно? Выходит, это не ты поишь меня, а я кормлю тебя, господин Малов. Плевать я хотел на твоего Николая Угодника! Плевал я на всех ваших пророков — от Моисея до Мухаммеда. Понятно ли вам, господин Малов? Вам нужна душа моя? Ну, так — на! — возьми ее, если сможешь, возьми, выкуси!

Долго еще витийствовал Ахмеров, долго бранился, долго поносил все и вся на свете, что есть живого и святого, и только дьявола ни полсловом не обругал.

— Единственно, кто справедлив — это дьявол! — восклицал он. — Он, по крайней мере, не обманывает, не прикидывается святошей. А вы — все вы! — боитесь дьявола, трепещете при его имени... А мне он — друг сердечный, мы с ним и спим в обнимку... Вы меня поняли, господин профессор? Во мне сидит дьявол. А он честнее и сильнее вас всех. Да, да, сильнее. Потому что правда, истина на его стороне. Чего вы молчите? Боитесь поспорить? Да, я продал душу дьяволу. И не прогадал. Не прогадал...

Евфимий старался держать себя в руках. Хотелось выругаться, выгнать эту словоохотливую мразь из кабинета и закричать ему вслед: “Вон из моего дома, поганая рожа!” Но он молчал, терпел. Нельзя ему, профессору, выходить из себя при столкновении с каждой мразью. Нельзя. Да и Ильминский не разрешит, не одобрит.

...И все же Малов не выдержал, вскочил вне себя от ярости и принялся отвешивать Ахмерову полновесные звонкие пощечины. “Вон из моего дома!” — заорал профессор.

Только что хорохорившийся “Петр” внезапно поник, замолчал, потом что-то хотел сказать, но поперхнулся. Он безвольно опустил на колени, шмыгая носом.

Профессор закричал еще раз:

— Во-он, татарская морда!

Подбежав к двери, он настежь распахнул ее.

— Вон!

К Сахипгараю наконец вернулся дар речи.

— Отец, отец, простите, я виноват, — запричитал он, подползая на коленях к профессору.

Малов немного поостыл:

— Иди, иди, придешь, когда протрезвешь.

Ахмеров тяжело встал и медленно, спиной, попятился к выходу.

Когда он ушел, Малов в изнеможении прислонился к дверному косяку. Щемило сердце. Настроение было вконец испорчено. В голове теснились мысли одна мрачнее другой. Видимо, Ильминский был прав: с такими, как Ахмеров, нужно держаться построже. Только суровостью, наверное, можно подчинить себе их души. И правда — для чего сюсюкаться с такой мразью?

Профессор подошел к окну. На противоположной стороне улицы виднелась удаляющаяся, чуть пошатывающаяся фигура Ахмерова. Несколько прохожих — судя по одежде, татар — обернулись и плюнули вслед вероотступнику, а одна старушка в татарском калфаке даже погрозила ему клюкой. Но Сахипгарай-Петр ни на кого и ни на что не обращал внимания. Он медленно, но верно удалялся и вскоре пропал из виду, свернув в один из городских переулков.

Перевод с татарского Фаяза Фаизова

РЕНАТ ХАРИС

*Народный поэт Татарстана,
лауреат Государственной премии Российской Федерации*

О ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ ТУКАЯ

У каждого народа есть мудрецы, великие певцы, художники, композиторы, артисты, поэты. На крутых поворотах судьбы своих народов они вспыхивали путеводными звездами, становились духовными поводырями своих современников. На заре XX века для татарского народа таким человеком был поэт Габдулла Тукай, чьё поэтическое слово зазвучало как голос всего татарского народа. Когда, после политических событий 1905 года, татарские панисламисты подзуживали татар переселиться в Турцию, тогда двадцатилетний Тукай во всеуслышание заявил: *“К единой цели мы идём, свободной мы хотим России, / Ответ наш ясный и простой запомнить просим навсегда: / Вам лучше в Турции? Туда пожалте сами, господа!”* И народ, и политические силы тогдашнего татарского общества услышали поэта. Эти и другие строки стихотворения *“Не уйдём!”* мы громко повторили и в конце XX века, когда горячие политики заподозрили Татарстан в стремлении отделиться от России. И, к счастью, мы вновь были услышаны.

Однако поэт ценен прежде всего не политичностью поэзии, а поэтичностью своего слова, глубиной духовного мира, искренностью переживаний, философичностью мыслей. Поэт интересен ещё и тем, насколько он почерпнул ковшом своей души из океана человеческой гениальности, как она воспринимается и понимается им самим, ибо творческие личности всех времён обращали внимание на феномен гениальности как на концентрацию огромной созидательной или разрушительной силы человека.

В понимании 26-летнего Тукая *“гений”*, как это видно из стихотворения *“Гению”*, – это человек, глазам которого мир открылся как вечный мрак и который ищет огонь идеала, чтобы сделать его светлым. А что из себя представляет идеал Тукая, как он хотел осветить мир мрака, и что он там хотел увидеть? Эти вопросы требуют специального изучения, а они не входят в задачу этой статьи.

Видимо, поэт сам рассматривал феномен *“гения”* только в одной – социально-нравственной – плоскости, хотя, возможно, понимал его шире и глубже.

А как обстоит дело с *“гениальным”* соотносительно с творчеством Тукая и им самим? Прежде чем высказаться по этому вопросу, я позволю себе оживить одно маленькое воспоминание.

К столетию Габдуллы Тукая, то есть 25 лет тому назад, общественность республики начала готовиться заблаговременно. В том числе и редакция литературного журнала *“Казан утлары”* (*“Огни Казани”*). В течение трех лет в каждом номере журнала мы печатали материалы о поэте, стараясь преподнести читателю что-нибудь свежее. Для этого я, как главный редактор журнала, обратился в Союзы писателей союзных республик или в редакции их литературных журналов с просьбой прислать материалы, высказывания их учё-

ных и писателей о великом поэте татарского народа. Статьи поступали, и мы печатали их с благодарностью к братским народам и литературам.

Однажды произошел случай, который не дает мне покоя и по сей день. Дело в том, что мы получили письмо из одной прибалтийской республики, в котором говорилось о том, что по переводам произведений Тукая на русский язык нельзя сказать, что он действительно велик... Тукай кажется обычным поэтом. Этот ответ, наверное, был частным, искренним, честным, но мог бы быть более доказательным. Он заставил меня еще глубже погрузиться в творческий мир Тукая.

Давайте задумаемся – кого из себя объективно представляет Тукай? Он – деревенский юноша, паренёк 26 лет от роду; в никаких царскосельских лицах, как Пушкин, или в университетах, как Лермонтов, Байрон, или в благородных училищах, как Бараташвили, не учился; в парижах-лондонах не бывал; министерствах, иностранных миссиях, как Державин, Грибоедов, Тютчев, не служил; на полях сражений, как Петёфи, героизма не проявлял; не был арестован властями, не приближён к трону. Он не успел познать ни материнской, ни отцовской ласки, не успел стать ни мужем, ни отцом. У него никогда не было даже собственного дома. Короче, в его жизни не было ничего сверхзначительного, что придавало бы яркость его личности. Но этот, по современным меркам, “малообразованный” юноша в 20 лет дерзнул сформулировать и задать самому Всевышнему несколько таких вопросов, которые могут ставить в тупик и высокообразованных философов современности:

*Почему ты, боже, столь разными создал людей?
Почему я ничтожней ничтожнейшей твари твоей?..
Иль во мне и начало, и устье потока скорбей?..
Иль таит в себе ад эта жалкая связка костей?..
Слышишь, господи? Я вопрошаю, ответь мне скорей!..*

*Ибо разум мой тёмн, не может он справиться с ней...
Не в моей ли доле злосчастного мира исток?
Не родиться бы вовсе — так было б, пожалуй, умней...*

По глубине проникновения в суть явлений, по мастерству оформления мыслей, особенно в оригинале стихотворения, Тукай предстает перед нами как высокообразованнейший, зрелый человек. А в стихотворении “Не стану мелочиться” он не только задает вопросы, даже предлагает себя Всевышнему в качестве помощника: “*Это солнце пусть погаснет, я взойду ему взамен. Люди пусть по мне сверяют далее свои часы...*” Это – подстрочник, а в переводе М. Талова, к сожалению, ничего этого нет.

Стихотворения “Вопросы” и “Не стану мелочиться” по своей философской глубине, простоте и четкости изложения, поэтическому накалу и страстности созвучны с произведениями не только средневековых гениев восточной поэзии, скажем – Насими, сказавшего: “В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь”, но и с гениальным стихотворением Гавриила Державина “Бог”, где он осмеливается сказать Всевышнему: “Я есмь – конечно, есть и ты!” и продолжает:

*Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной...*

У знатного, богатого, довольного жизнью Державина к Всевышнему не было особых претензий и вопросов. Он только пытался понять Его для себя и объяснить другим, что, конечно же, в те времена являлось неслыханной смелостью. А бедный, обездоленный Тукай, который в пятимесячном возрасте остался без отца, а в три с половиной года – круглым сиротой, осмеливается... На такие вопросы его толкают собственная судьба, почти что ничем не отличающаяся от судьбы всего татарского народа, и личная отвага, одержимость.

Все мы хорошо знаем гениальное стихотворение гениального Лермонтова:

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.*

Этот непревзойденный образ космической тишины, созданный 26-летним Лермонтовым, завораживает и окрыляет фантазию. К тому же в этом стихотворении Лермонтов на 121 год раньше Гагарина увидел, что “спит земля в сиянье голубом”.

Вот как выглядит подобный образ 20-летнего Тукая в переводе Анны Ахматовой:

*Свет вечерний тих и ласков, под луною все блестит,
Ветерок прохладный веет и ветвями шевелит.
Тишина кругом, и только мысли что-то шепчут мне,
Дрёма мне глаза смыкает, сны витают в тишине...*

В этой тишине Лермонтов внимает богу и слышит разговоры звезд, а Тукай слышит, как сказано в оригинале, пение собственных мыслей и чтение ими чего-то. У Тукая, как и у Державина, космос в нём самом, космос души, не уступающий вселенскому космосу.

*О, взойди, светило мысли! Туча, прочь уйди скорей!
Совесть мертвую, о солнце, оживи, лучом согрей!..
Мой светильник несравненный, драгоценная свеча!
Что мне светочи вселенной, если ты не дашь луча?*

Но самым ярким подтверждением вселенскости души Тукая, как мне кажется, являются строки стихотворения “Разбитая надежда”:

*Посчитав тесной клетку мира, птица души вылетела из неё,
Хоть и создал Аллах её в радости, но для вселенной чужой.*

Я цитировал Тукая в подстрочном переводе, так как в целом замечательный перевод Анны Ахматовой не тождествен с самыми значительными стихами оригинала: “В клетке мира было тесно птице сердца моего; Создал бог её веселой, но мирской тщете чужой”. Согласитесь, разница ощутимая. Тукай четко определяет понятие “мир” как вселенную людей, мироздание людей, со всеми человеческими перипетиями, законами, пороками и достижениями. Именно этот мир воспринимается птицей души поэта как тесная клетка. И она вылетает из неё в безграничную в своей чистоте, беспорочности божественную вселенную, но и там оказывается чужой, ненужной. И Тукай, всецело уверовавшего в то, что он “...не вмещается во Время брэнного мира и его условий...”, в очередной раз посещает душераздирающая мысль:

*...О, страдальца моя,
Миру чуждому зачем ты человека родила?*

В оригинале этот выстрадавший одним человеком, но хранящий в себе общечеловеческую трагедию вопрос звучит вообще космически: “Зачем ты произвела в семью Вселенной чуждого человека?” Но почему он чуждый в этой, казалось бы, беспристрастной, свободной от мирской тщеты семье? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно провести специальное исследование всего творчества Тукая. Когда 23-летний Габдулла писал вышеприведенные стихи, наверняка ощущал себя частью великого космоса с его созвездиями, метеоритами, кометами, ибо его образный мир изобилует космическими объектами, звездными лучами, лунным сиянием и т. д. Давайте на минутку подумаем, какими же научными знаниями, какой силой фантазии, каким механизмом мыслетворчества, какой дисциплиной ума должен обладать юноша, чтобы так пространно, свободно размышлять и написать подобные стихи. Согласитесь, случай этот — из ряда вон выходящий. Но выходящий куда, в ка-

кую сторону – в сторону наивности и случайности, или в сторону осмысленности и детерминированности?! Неужели все это лишь результат случайных причудливых соединений фантазий, видений поэта? Нет и еще раз нет! У нас есть все основания квалифицировать данный случай как встречу с огромным талантом, обладающим неограниченными интеллектуальными возможностями.

Может быть, Тукая посещали великие озарения, какие посещали Архимеда в ванной, Ньютона под яблоней? Но поэтические явления, подобные Державину, Пушкину, Байрону, Лермонтову, Тютчеву, Бараташвили, Кандальи, Дэрдменду, Джалилю, Сеспелю и, конечно же, Тукаю, невозможно объяснить только озарениями... В мгновения озаренности в уме поэта могут возникнуть неожиданные ассоциации, связи, спайки полузабытых понятий с новыми знаниями, в силу чего рождаются яркие, ёмкие поэтические образы и метафоры, подобно следующим: *руки мыслей, испачканные неволей; стихи, вспыхнувшие от сияния зубов красавицы; или затеявшие между собой драку рука и разум; или душа, покинувшая тело и взявшая направление к своему повелителю; или стреноженный грязными путами ум; или ресницы, сомкнувшиеся перед любовью, чтоб никогда не открыться перед ней...* Таких богатых на ассоциации образов в оригиналах произведений Тукая множество, но, к сожалению, в переводах они куда-то делись, унося с собой и ощутимую часть не только поэтичности, но и самого смысла стихов.

Может быть, гениальность передалась ему по наследству? Но наука до сих пор таких случаев не знает. Бесспорно, родители одарили Тукая значительными задатками к творческому мышлению. В богатый впечатлениями кырлайский* период жизни Габдуллы они развились и превратились в склонность сочинять литературные произведения. Ещё более благополучная как в образовательном, так и в общественном планах жизнь в Уральске превратила эту склонность в способность общаться с миром при помощи стихов. А в Казани возмужавший критический ум и обнаженные чувства Тукая сомкнулись, и он созрел как творческая личность.

Это – внешние этапы становления Тукая как поэта. А в недрах этого пути с огромной скоростью шло интеллектуальное, психологическое, творческое, социально-политическое, личностное становление. Тревожное, тяжелое детство, сопровождавшееся многократными отвержениями, унижениями в различных семьях, с резкими сменами радости и горя, сделало Тукая с малолетства сверхчувствительным к любым явлениям жизни и возбудило жажду самосовершенствования. В результате Тукай, не обучаясь ни в каких институтах и университетах, стал высокообразованным, передовым человеком своего времени, хорошо знающим не только родную культуру и литературу, но и русскую, персидскую, арабскую, турецкую литературы, четко разбирающимся в политике, экономике, педагогике, шариате. Его сердце, словно сейсмограф, реагировало, отзывалось на любое колебание души народа, его интеллект мог разобрататься в сложных перипетиях общественно-политической жизни и вынести свое суждение, его любовь и ненависть стали умными. Огромный творческий талант и мощное гражданское чувство слились воедино в человеке по имени Габдулла Тукаев, и появился великий поэт татарского народа Тукай.

Гёте пишет, что национальный классический писатель появляется тогда, *“когда в образе мыслей своих соотечественников он не видит недостатка в величии, равно как в их чувствах недостатка в глубине... когда он сам, проникнутый национальным духом, чувствует в себе благодаря врожденному гению способность сочувствовать прошедшему и настоящему; когда он знает свой народ на высоком уровне культуры и его собственное просвещение ему дается легко; когда он имеет перед собой много собранного материала, совершенных и несовершенных попыток своих предшественников, и когда внешние и внутренние обстоятельства сочетаются так, что ему не приходится дорого платить за свое учение...”* Эти слова, как мне кажется, наиболее точно объясняют талант и предназначение Тукая. Одним словом, Тукай родился вовремя, когда татарский народ в своем развитии испытывал острую необходимость в гении, способном концентрировать в себе, в своем творчестве духовную энергию нескольких поколений, дать этой энергии новое, опережающее время, перспективное направление.

---

* Кырлай – деревня, где сирота Тукай несколько счастливых лет воспитывался у дальних родственников.

Однако гениален ли Тукай? Похож ли он на персонаж его же стихотворения “Гению”, который принял блеск золота за сияние идеала и остановился на полпути? Конечно же – не похож! А то, что этот юноша-аксакал, юноша-мудрец обладал *гениальным поэтическим даром* – бесспорно! Но только этого недостаточно. Умные книги пишут о том, что “о наличии *гениальности* можно говорить лишь в случае достижения личностью таких результатов творческой деятельности, которые составляют *эпоху в жизни общества*, в развитии культуры”. Творчество Тукая разве не соответствует такому определению? Стихи Тукая уже много десятилетий являются формулами наших мыслей. Язык его произведений лёг в основу литературного языка татарского народа. Его произведения являются основой нравственного, эстетического воспитания нескольких поколений не только татар, но многих тюркских народов мира и России.

До Тукая в татарской мифологии незаметно жило множество разных духов. Только двух из них – Шурале и Водяной – коснулся гений Тукая, и они тотчас стали сказочными символами и неотъемлемой частью татарского менталитета. И в дотукаевской поэзии, и в последующей есть много стихов, которые и красивее, и певучее, чем “Туган тел” (“Родной язык”). Однако именно песня на стихи Тукая стала неофициальным гимном татарского народа, при исполнении которой он встаёт.

Возвращаясь к письму, подвергнутому сомнению поэтическую высоту Тукая, хочу сказать, что гениальность личности трудно определяема поверхностным взглядом, ибо в необычайной простоте её нелегко узреть глубокий смысл истории и культуры конкретного народа. Величие поэта одного народа не может определяться сравнением его произведений с достижениями литературы других народов. В то же время отрицание роли перевода на другой язык жемчужин национальной поэзии недопустимо ни при каких обстоятельствах, ибо это, в конечном итоге, скажется на имидже культуры целого народа, на прочности и полнокровности контакта этой культуры с мировой культурой.

Почти всё в культуре связано с поэзией, а в татарской поэзии – с Габдуллой Тукаем.

РАФАЭЛЬ МУСТАФИН

ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Я увидел его на углу улиц Кирова и Парижской Коммуны. Прошу прощения – Московской и Сенной. Навстречу мне шел щуплый юноша в старомодном долгополом сюртуке, из-под которого выглядывала белоснежная сорочка... Черный шелковый бант на шее сбился немного в сторону. На бритой голове – бархатная татарская тюбетейка – такыя. Брови сурово сдвинуты. Взгляд пронзительный, воспаленный. Он шел торопливо и нервно, прижав острым локтем сверток с бумагами. На впалых щеках играл чахоточный румянец. Синевато-бледные губы беззвучно шевелились.

Веселой стайкой шли девушки в тугих обтягивающих джинсиках, розовощекие юнцы в спортивных вязаных шапочках и пестрых импортных куртках. Деловито семенили располневшие домохозяйки с тяжелыми, набитыми всякой снедью сумками и авоськами. Щеголеватый курсант в новенькой форме вел под руку курносую смеющуюся девчущку с распущенными волосами. А он просачивался сквозь толпу, как вода сквозь песок, не поднимая глаз, никого не задевая и не обращая на себя ничего внимания. Невысокий, зябко ссутулившийся, совсем мальчишка по сравнению с современными акселератами.

Город жил обычной напряженной жизнью. Заводы и фабрики выплюнули толпы отработавших дневную смену. На ходу выпрыгивая из трамваев и троллейбусов, спешили озабоченные мужчины и женщины. Помигал и вспыхнул красным глазом светофор. Косяк застоявшихся машин, как стадо разномастных бизонов, круто сорвался с места.

Он шагнул с тротуара в самую гущу мчащегося металла, в синий чад. Я с ужасом зажмурил глаза. Но не заскрежетали тормоза, не завывали санитарные сирены. Все так же, ничего не замечая вокруг, он пересек грохочущую, как горный поток, улицу и остановился на бетонной набережной Кабана возле нового здания Татарского академического театра. Запрокинув голову, долго смотрел на вечеряющее блекло-синее небо в белой пряже реверсивных следов. Вытащил из кармана смятую тетрадку и что-то записал в ней размашистой арабской вязью.

Набравшись духу, я подошел к нему. Он не ответил на мое неуверенное приветствие, даже головы не повернул. Все мои попытки заговорить разбивались о стеклянную стену отрешенности. И тогда я решил прибегнуть к паролю поэзии:

*Саз мой нежный и печальный,
слишком мало ты звучал.
Гасну я, и ты стареешь...
Как расстаться мне с тобой?*

*В клетке мира было тесно
птице сердца моего.
Создал бог ее веселой,
но мирской тщете чужой.*

(Пер. А. Ахматовой)

Черты его лица дрогнули. Медленно-медленно поднялись веки, губы тронула слабая улыбка. Я понял, что стихи доходят до его сознания.

*Надламывайся и гори,
тебе не внове, сердце.
Дороже целого творцу
надломленное сердце.*

(Пер. В. Тушиновой)

Словно тяжелобольной, приходящий в себя после длительного обморока, он поднял голову, повернулся. Но смотрел не на меня, а на шумную, пеструю, клокочущую, как кипящий котел, Казань. Я проследил за его взглядом и с удивлением обнаружил на месте серой громады Казэнерго покосившиеся развалюхи. Исчезла высотная гостиница “Татарстан”, а на площади Куйбышева (ныне — Тукая), по рельсовому кольцу, со скрежетом разворачивался допотопный трамвайный вагон бельгийского акционерного общества. По полноводному Булаку в сторону ярмарки Ташаяк плыли многочисленные лодки с гуляющими. Вдоль набережной катили лакированные пролетки, запряженные рысаками. Со скрипом проворачивались деревянные колеса тяжело груженных крестьянских подвод. У дощатого деревянного причала сидела вереница нищих, старух и увечных.

Взгляд его остановился на молодом крестьянине с умным и дерзким взглядом, лежавшем на одной из подвод. Сдвинув набекрень белую войлочную шляпу, парень что-то тихо напевал. Я прислушался. Уж не “Тафтиляу” ли на слова Тукая? Поэт слушал его серьезно, без улыбки, а в глазах темнела грусть.

— Прости меня, народ мой, — проговорил он еле слышно. — Прости за то, что не уберег себя, сжег дотла в своих стихах. Не о том жалею, что рано ушел из жизни. Не узнал по-настоящему счастья взаимной любви, не успел стать мужем и отцом. А о том, что самые лучшие творения унес с собой в могилу. Я один знаю, какие могучие силы клокотали в этой чахоточной груди. Какие великие мысли приходили в мою голову в бессонные ночи. Какой испепеляющий огонь полыхал в сердце... Прости меня, народ мой, что я не смог до конца воспользоваться тем даром, которым одарил меня творец. За то, что занес на бумагу лишь малую часть того, что мог и что было предназначено свыше...

— Но и то, что сделано, навеки обессмертило ваше имя, — неуклюже попытался я утешить его. — Пока жива татарская нация, жив язык, вас будут чтить и помнить...

Поэт криво усмехнулся, и я понял, что он знает себе настоящую цену и не нуждается в утешениях. Вдруг он закашлялся, торопливо вытащил платок и прижал к губам. На нем медленно расплылось темно-багровое пятно. Я растерянно оглянулся вокруг, лихорадочно соображая: что делать? Вызвать машину “Скорой помощи”? Поймать проходящее такси? Но когда я повернулся к нему, его уже не было...

В эту ночь я долго не мог заснуть. Ворочался с боку на бок, протяжно вздыхал, подходил к черному квадрату окна, где также ворочалась и вздыхала сырая весенняя ночь. Смотрел на пелену брюхатых туч, подсвеченных снизу мертвенным синеватым светом ртутных ламп. И все думал, думал... О том, как бездарно, впустую я транжирю лучшие годы своей жизни на ненужные разговоры, многочасовые заседания, бесполезную суету. Как похвалил однажды в печати средненькое произведение литературного босса и ни слова не вымолвил в защиту истинного таланта. Как трусливо промолчал на обсуждении явно конъюнктурной книги, хотя и понимал отлично, что издавать ее не следует. И как сам не раз подстраивался под очередное постановление...

Что же это было? Мираж, следствие переутомления? А может, это совесть моя, совесть всей нашей литературы появилась на миг, чтобы напомнить о высоком предназначении писателя, о долге литературы перед народом, перед прошлым, настоящим и будущим?

Обращение представителей русской общественности

Март стал страшным месяцем для человечества. Март 1999-го – НАТО начинают бомбардировку Югославии под предлогом “предотвращения гуманитарной катастрофы”. Выяснилось, что обвинения в адрес югославских властей были сфабрикованы, но это не остановило “демократов Запада” от реальных ударов, принёсших гибель многим сотням мирных жителей, в том числе и тем же косовским албанцам. Кровью женщин и детей была оплачена военная база США в Косово, которая позволяет им контролировать значительную часть Средиземноморья.

Март 2003 года – начало вторжения США в Ирак – якобы для захвата “оружия массового поражения”, наличие которого опровергалось всеми независимыми экспертами, а после вторжения выяснилось, что было наглой выдумкой. Агрессия американской армии привела к массовому кровопролитию, к ликвидации независимой страны. И к установлению контроля США над богатейшими нефтяными запасами, что, как утверждают, позволило им окупить всю операцию. Кровью мирных жителей куплена прибыль транснациональных олигархов. Март 2011 года принёс новую катастрофу. Прикрываясь решением Совета Безопасности ООН (где у России не нашлось решимости наложить вето), силы НАТО начали бомбардировки и обстрел независимой Ливийской Джамахирии. На этот раз предлог – ещё более абсурдный: попытки властей ликвидировать беспорядки объявляются расправой над своим народом, которую надо прекратить. Здесь прямое нарушение Устава ООН, не допускающего вмешательства в дела суверенного государства, которое – тоже вопреки Уставу – не получило возможности объяснить перед Совбезом свою позицию. Да и создание сил ООН должно осуществляться по другим процедурам. Однако основы международного права отброшены – на этот раз ещё более нагло. Как и в предыдущих мартовских актах насилия, кровь “защищаемых” мирных жителей проливается в гораздо большем количестве. Но тут уже никто и не задаёт вопроса: “Зачем?” Все говорят о ливийской нефти, доходы с которой позволяли Каддафи обеспечить очень высокий уровень жизни большинству граждан. Теперь от “защищаемых Западом” ливийцев эти деньги перейдут к тем же транснациональным олигархам и в очередной раз поспособствуют сохранению долларовой пирамиды, которой давно грозит крах. А ливийцам остаётся кровь, гибель, нищета.

Что же это за система, в которой избранные под любым предлогом убивают тех, кого пожелают, ради достижения своих меркантильных целей? Это мировой бандитизм. И то, что он прикрывается словами о “правах человека”, уже никого не обманывает. Уважение к человеческой личности, посеянное христианством и подхваченное западноевропейскими доктринами Просвещения, демократии, равенства и братства, отбрасывается, как ветхий плащ, не способный не то что сдержать новое варварство, но даже и прикрыть его оскал. Мир людей начинают расслаивать на сверхчеловеков и остальных – нет, уже не людей, а недочеловеков, которых можно обманывать, обирать и убивать, не заботясь о приличиях. Не допустим гибели идеалов уважения к человеку! Мы решительно осуждаем кровавую расправу “цивилизованного” Запада над ливийским государством и народом!

С. Бабурин, председатель партии “Народный союз”, ректор РГТЭУ; Е. Борисова, профессор; А. Вдовин, профессор; В. Ганичев, председатель Союза писателей России; М. Делягин, председатель партии “Родина: здравый смысл”; Л. Ивашов, генерал-полковник, президент Академии геополитических проблем; А. Казинцев, публицист; С. Катькало, главный редактор журнала “Новая книга России”; А. Крутов, главный редактор журнала “Русский дом”; Ст. Куняев, главный редактор журнала “Наш современник”; Л. Лаврова, журналист; К. Мяло, публицист; Ю. Назаров, народный артист России; Е. Новиков, народный артист СССР; М. Ножкин, народный артист России; А. Печерский, главный редактор газеты “Русь державная”; Л. Рябченко, руководитель межрегионального общественного движения “Семья, любовь, Отечество”; С. Семанов, историк; В. Тетёкин, публицист; В. Хомяков, сопредседатель движения “Народный собор”; Т. Шишова, публицист и др. Всего 68 подписей.